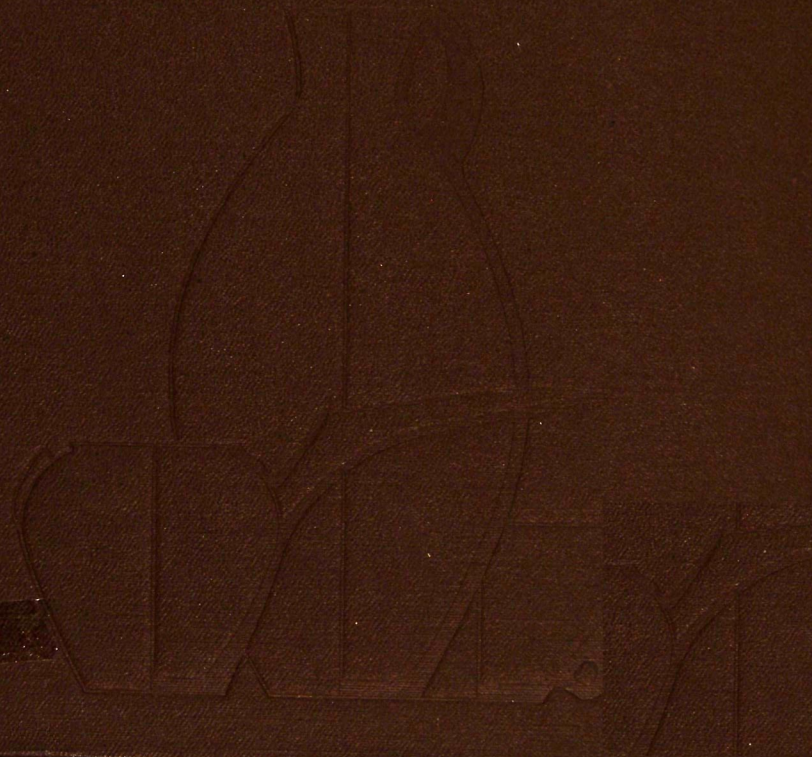

И. Н. ХЛОПИН
ЮГО-ЗАПАДНАЯ
ТУРКМЕНИЯ
В ЭПОХУ
ПОЗДНЕЙ
БРОНЗЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

И. Н. ХЛОПИН

ЮГО-ЗАПАДНАЯ
ТУРКМЕНИЯ
В ЭПОХУ
ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

ПО МАТЕРИАЛАМ
СУМБАРСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

ЛЕНИНГРАД

«НАУКА»

Ленинградское отделение

1983

Настоящее издание — публикация материалов, полученных в результате раскопок могильников Сумбар I, II и Пархай I, расположенных в окрестностях пос. Кара-Кала, в долине Сумбара. Анализируются категории найденных вещей, устанавливаются хронология и культурная принадлежность памятников. Комплекс находок настолько велик, а его историческое содержание настолько емко, что он позволил восстановить ряд направлений хозяйственной деятельности населения, его семейные и родовые взаимоотношения, проникнуть в сферу идеологии.

Книга рассчитана на историков, этнографов и археологов, а также преподавателей и студентов исторических факультетов.

Ответственный редактор

В. М. МАССОН

Рецензенты:

Е. Е. КУЗЬМИНА, В. А. АЛЕКШИН

ВВЕДЕНИЕ

Территория Юго-Западной Туркмении ограничена с запада побережьем Каспийского моря, с севера — Большими и Малыми Балханами и западными отрогами Копетдага, с востока — западными отрогами Туркмено-Хорасанских гор; к ней же относятся долины рек Сумбара и Чандыра, открытые в сторону Каспийского моря. Южные границы соответствуют современной государственной границе между СССР и Ираном, которая проходит по р. Атреку. В средние века здесь располагались крупные области Северного Хорасана — Джурджан (Гурган) и Дахистан (Дехистан), которые в политическом отношении представляли собой одно целое, но естественная граница между ними проходила по р. Атреку. Территория к югу от Атрека тогда называлась Джурджаном, к северу — Дахистаном. В настоящее время Мешед-Мисрианская равнина (средневековый Дахистан) — пустыня с крайне редкими населенными пунктами и многочисленными развалинами древних городов и поселений, которые свидетельствуют, что некогда это был процветающий край.

История Юго-Восточного Закаспия не может быть оторвана от истории народов Средней Азии в целом. В позднем средневековье, в XIV—XV вв., там существовали шумные города, возродившиеся после монгольского погрома в XIII в. Однако всем предшествующим ходом исторического развития, и особенно сильными разрушительными действиями кочевников в XV в., была окончательно уничтожена древняя система водоснабжения, которая выводила на Мешед-Мисрианскую равнину атрекскую воду. Вода кончилась, кончилась и городская жизнь.

Время, предшествующее монгольскому погрому, было временем расцвета как Джурджана, так и Дахистана. В XI—XII вв. эти территории входили в состав государства Великих Сельджуков, и тогда в г. Дахистане возводилось много монументальных зданий. Дахистан наравне с Нисой и Абивердом являлся в то время одной из житниц государства — там процветали скотоводство и ремесло. После развала государства Сельджуков Дахистан захватил эмир Нисы и Абиверда Инак. В середине XII в. им овладели языры, но через несколько лет вынуждены были уступить его хорезмшаху Иль-Арслану. Он включил Дахистан и Джурджан в состав Хорезмского государства, в котором они и находились вплоть до разгрома Хорезма монголами.

При завоевании Хорасана арабами в VIII в. Юго-Восточный Закаспий дольше других областей сопротивлялся войскам под знаменами пророка. Первая попытка завоевать Табаристан, Гурган и Дахистан в конце VII в. оказалась для арабов неудачной. Зато поход в эти места в 716 г. окончился кровавым погромом и взятием городов — они были полностью разграблены, а их жители перебиты. Примерно через один век наместник Хорасана Абдаллах ибн Тахир, ведя сепаратистскую политику и обороняя свои земли с севера от огузов, выстроил там ряд пограничных крепостей (рабатов).

До того как попасть под власть арабов, Гурган (тогда в эту область входила и территория позднейшего Дахистана к северу от Атрека) принадлежал Сасанидскому Ирану. Нельзя сказать, что Дахистан являлся постоянной частью Ирана, ведь это был пограничный район, который часто переходил из рук в руки. Так, в VI в. в Дахистане правил тюрк из племени Чол и столкновения между Ираном и кочевой степью были постоянными. При Хосрове I даже выстроили стену длиной 180 фарсангов (около 1000 км) для защиты северных пределов Ирана и много других оборонительных сооружений.

Указанная территория до Сасанидов входила в состав Парфянской державы. Причем Гиркания граничила с Парфией (Парфиеной) на западе и практически никогда не была самостоятельной, если не считать каких-то кратких отрезков времени, приходившихся на междоусобицы. Вскоре после образования самостоятельного Парфянского царства в середине III в. до н. э. первая экспансия молодого и агрессивного государства была осуществлена по отношению к Гиркании. Мало того, что она была присоединена, но и столица была перенесена в Гекатомпил, в уезл всех дорог этой части Азии. И в течение всего существования Парфянского государства, даже тогда, когда его столица находилась в Ктесифоне на Тигре, Гиркания была в составе древнего ядра Парфии.

Вхождение в состав Парфии являлось для Гиркании традицией, которую через походы Александра Македонского можно возвести к державе Ахеменидов. Александр, во многом продолжавший политику Ахеменидов по отношению к составляющим конгломеративное государство странам и народам, в Парфию (тогда она располагалась только на северной подгорной равнине Копетдага) и Гирканию назначал одного сатрапа. Однако так было не всегда, поскольку при ранних Ахеменидах, как об этом повествует Геродот [Нер., III, 93], Гиркания и Парфия входили в разные податные округа: Гиркания — в XIV сатрапию (гирканцы в тексте Геродота по ошибке были заменены сагартями; см.: [Хлопин, 1969в, с. 278—291]) вместе с сарангами (дрангами), таманеями и жителями островов Гирканского (Каспийского) моря, а также утиями и миками; Парфия — в XVI сатрапию вместе с хорасмскими, согдами и ариями. Как можно видеть, при ранних Ахеменидах был силен этнический признак, который позволил объединить в один податный округ племена иранского корня, населявшие земли, примыкавшие к южной части Каспийского моря. Кроме того, ряд иранских народов, в частности гирканцы, парфиане, хорасмские, дранги и таманеи, был связан совместной эксплуатацией вод р. Ак, или Ох (современный Атрек; см.: [Хлопин, 1971, с. 137—152]), а потом они же подпали под власть Ахеменидского Ирана.

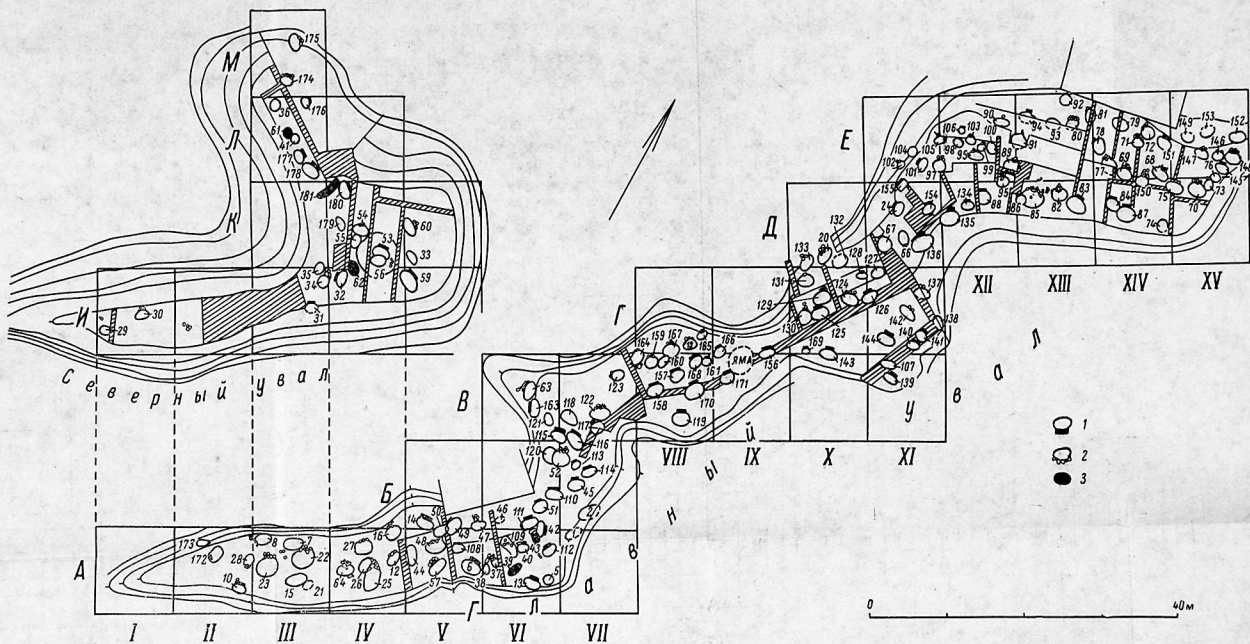

Рис. 1. Могильник Сумбар I. Сводный план.

1 — катаномба с кирпичным закладом входа; 2 — катаномба с каменным закладом входа; 3 — поодинока могила.

Для более раннего времени нет письменных источников, и на помощь приходит археология. Во всяком случае на протяжении почти 2,5 тыс. лет на территории Юго-Западной Туркмении не наблюдалось полной смены населения, влекущей за собой перерыв в традициях. Здесь менялись власть и религия, язык, отчасти антропологический тип и культура населения, но древний местный этнос оставался и его история развивалась поступательно. Это дает право постулировать, что и в более раннее время смены населения не было, и именно археологические источники могут послужить базой для изучения древнейшей истории одного из народов иранского корня — древних гирканцев.

* * *

В конце 20-х гг. XX в. стало известно, что на среднем течении Сумбара, правого притока Атрека, есть памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа [Массон М., 1934]. Вскоре такую же керамику нашли на оплывших холмах североатрекской степи, на Мешед-Мисрианской равнине [Марущенко, 1935]. А. А. Марущенко назвал ее «культурой Мадау» по наиболее крупному поселению и предложил датировать концом II — началом I тыс. до н. э. [1939].

В 1946 г. была организована Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ), и уже в 1947, 1948 и 1950 гг. отдельные ее отряды (М. Е. Массон, Б. А. Литвинский, А. А. Росляков) обнаружили и обследовали наиболее крупные поселения этой культуры: Тангсыкылджа, Чялык-Тепе, Мадау-Тепе и Изат-Кули [Массон М., 1955]. В 1951—1953 гг. X отряд ЮТАКЭ впервые планомерно обследовал и первично изучил шурфами и небольшими раскопами семь известных поселений; эти памятники были отнесены к культуре архаического Дахистана [Массон, 1956а]. Тогда же А. Ф. Ганялин осуществил разведки в горных районах Северо-Западного Копетдага и в долине Сумбара [1953]. В районе пос. Кара-Кала и в Сайвано-Дештской долине им была обнаружена керамика типа архаического Дахистана; у пос. Дайна на верхнем Сумбаре было осмотрено место случайно найденного погребения с бронзовым втульчатым топором-теслом и тремя сосудами. Все эти работы составляли первый этап исследования культуры бронзового века Юго-Западной Туркмении.

Второй этап изучения этой культуры начался через 15 лет, в 1968 г., с большой археологической разведки в Копетдаге и долине Сумбара [Хлопин, 1969б]. Тогда было найдено, а в 1969 и 1972 гг. подвергнуто раскопкам поселение Пархай-Тепе с материалом типа архаического Дахистана [Хлопин, 1970, 1975б]. На Мешед-Мисрианской равнине и на Чатском земельном массиве в 1969—1971 гг. отряд по изучению истории земледелия Института археологии АН СССР (Г. Н. Лисицына) и палеогеографический отряд Института географии АН СССР (А. С. Кесь) провели комплексные исследования [Атагарриев, Лисицына, 1970; Костюченко, Лисицына, Прищепенко, 1972; Лисицына, 1972; Атагарриев, Лисицына, Прищепенко, 1977].

Исследование памятников эпохи поздней бронзы приобрело особенно широкий размах в 1972 г., с началом работ на могильниках среднего

течения Сумбара. Некоторые могильники были известны местному населению и ранее: из разрушившихся погребений некрополя Сумбар I, расположенного на высоком холме с крутыми склонами, время от времени вываливались сосуды; на могильнике Сумбар III находится современное кладбище и при рытье могил иногда выбрасывают древнюю керамику. Раскопки могильников Сумбар I и II, расположенных по соседству, производились в 1972—1976 гг.; могильник Сумбар III не раскапывался. В 1977 г. рядом с поселением Пархай-Тепе был открыт еще один могильник — Пархай I; его раскопки были произведены в этом же году. Совокупность работ на всех древних кладбищах показала, что их культура абсолютно идентична; это позволило считать проблему эпохи поздней бронзы данного района в известной степени закрытой. Обладая всем материалом, стало возможным уже в процессе исследования охарактеризовать различные стороны жизни древнего населения этой части Юго-Западной Туркмении [Хлопин, 1973а—1973в; Хлопин, Хлопина, 1975, 1976б—1976г, 1977, 1978].

Одновременно с могильниками эпохи поздней бронзы были раскопаны кладбища более раннего (Пархай II) и более позднего времени (античные погребения в могильниках Сумбар I и Пархай I и средневековые погребения в районе могильника Сумбар I). Поскольку они выходят за хронологические рамки исследования, то здесь не публикуются, однако их материалы используются в работе при интерпретации некоторых явлений в могильниках эпохи поздней бронзы.

Памятники эпохи поздней бронзы в долине Сумбара раскапывала Сумбарская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР и ЮТАКЭ с 1969 по 1977 г.; в 1970 и 1971 гг. полевые работы не проводились. В 1969 и 1972 гг. экспедиция раскапывала поселение на холме Пархай-Тепе, а 1972—1976 гг. — могильники Сумбар I и II, в 1977 г. — Пархай I и II. Работы проходили под руководством автора. В них принимали участие археологи Л. И. Хлопина (1972—1977 гг.), Б. Н. Пяткин (1972—1974 гг.), А. М. Бианки (1977 г.); художники Г. В. Иванов (1972 г.), Н. А. Денисова (1973 г.), Н. Н. Вийра и И. А. Тарасов (1974 г.), И. И. Мартынова (1975 г.), О. Н. Борисова (1976 г.) и Е. Б. Буркальцева (1977 г.); антропологи Т. П. Кияткина (1973, 1974, 1976, 1977 гг.) и Ю. К. Чистов (1975 г.); геоморфолог П. М. Долуханов (1974, 1975 гг.); шоферы А. Бабаев, А. М. Дацевич, А. Нуриев, М. И. Сянюков и К. Мухаммедов. Землекопными работами занимались рабочие и лаборанты, в том числе учащиеся старших классов средних школ пос. Кара-Кала. Дружеское отношение общественности этого поселка, особенно коллектива Туркменской опытной станции Всесоюзного института растениеводства им. Н. И. Вавилова, обеспечивало нормальное и интенсивное функционирование экспедиции.

Глава I

МОГИЛЬНИКИ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ СУМБАРА

Сумбарские могильники расположены на левом, коренном берегу Сумбара, на южной кромке долины. Могильник Сумбар I (для обозначения могил принята аббревиатура С-I-№ погребения) занимает несколько лесовых увалов, соединенных перешейками и вытянутых в широтном направлении (рис. 1). Высота могильника от уреза воды в реке достигает 80 м. Геоморфологические наблюдения показали, что во время функционирования могильника рельеф был более сглаженным, без столь глубоких и крутых оврагов, которые образовались вследствие полного уничтожения растительности. Судя по ряду наблюдений, за прошедшие 3000 лет общий рельеф понизился на 1,2—1,5 м. Всего в могильнике раскопано 181 захоронение, причем пять из них античного времени.

Могильник Сумбар II (для обозначения могил принята аббревиатура С-II-№ погребения) отделен от предыдущего глубоким оврагом, и его абсолютная высота значительно меньше. Увал с могильником Сумбар II вытянут в меридианальном направлении, т. е. почти под прямым углом к предыдущему. В могильнике раскопано восемь погребений, шесть из них эпохи поздней бронзы.

Могильник Сумбар III не подвергался раскопкам из-за действующего на его территории кладбища. Однако сборы выброшенных при рытье могил сосудов показали его полное соответствие первым двум в культурном отношении.

Могильник Пархай I (для обозначения могил принята аббревиатура П-I-№ погребения) расположен на противоположной, северной кромке долины на расстоянии около 4 км по прямой от Сумбарских могильников (рис. 2). Можно не сомневаться, что он принадлежал жителям уже другого поселка. Там раскопано 18 погребений. Поскольку они во всем идентичны погребениям Сумбарских могильников, то на интерпретационном уровне материал всех могильников долины Сумбара этого времени будет рассматриваться единым массивом.

Во всех могильниках конструкция погребального сооружения одна и та же — катакомба. Вход в нее всегда вел с севера на юг; отмечены две разновидности входов — колодцем и штольной. Последняя бывала

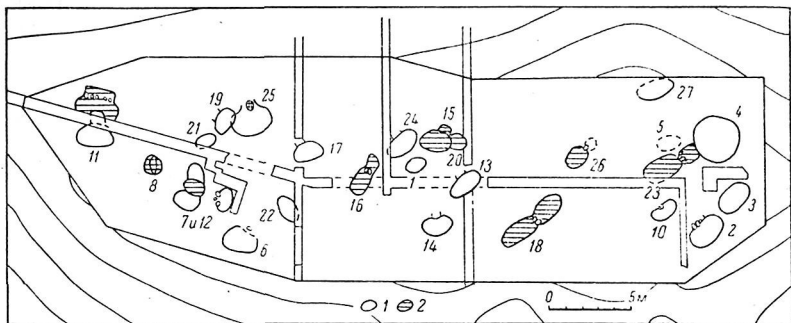

Рис. 2. Могильник Пархай I. Сводный план.

1 — катакомба эпохи бронзы; 2 — катакомба античного времени.

тогда, когда погребальная камера сооружалась на северной стороне увала с кладбищем. Камера после совершения погребения оставалась пустой, но вход был заполнен землей; чтобы земля не попадала в камеру, она отделялась от колодца или штольни кирпичной либо каменной кладкой. Однако при раскопках оказалось, что все камеры заполнены землей. Это произошло скорее всего после ограбления могил, когда целостность перекрытия была нарушена и вода стала попадать в камеру. Правда, в некоторых случаях вода просачивалась туда до ее ограбления, и тогда слоистые натеки из глины и песка как бы консервировали содержимое могилы и препятствовали ее ограблению. Из всего количества погребений лишь 15% дошло до нас в неповрежденном виде.

Положение умершего в могиле и размещение в ней погребального инвентаря устанавливаются довольно четко, несмотря на ограбленность. Все костяки лежали на правом или левом боку в слабо скорченной позе: ноги согнуты в тазобедренном и коленном суставах так, что образовывали практически прямые углы; обе руки согнуты в локтях, кисти находились перед лицом или грудью. Сравнительно свободная поза погребенного не позволяет говорить о том, что покойника перед захоронением связывали. Антропологические определения, прежде всего половозрастные, не всегда было возможно осуществить, однако стандартные наборы погребального инвентаря у мужчин и женщин служили надежным показателем пола погребенного.

При раскопках 200 могил было найдено свыше 1500 предметов. Все находки разного характера, что сразу позволило разделить их на соответствующие группы: керамика, оружие, инструменты, предметы престижности, украшения и органические остатки. Хотя обычно принято рассматривать погребальный инвентарь, взяв за основу материал, из которого он сделан, мы предпочли исходить из его функции, так как в противном случае об одних и тех же вещах пришлось бы говорить дважды: с точки зрения материала (бронза, камень и т. д.) и с точки зрения назначения предмета. Предметы из разных материалов были распределены

по группам, в основу которых было положено их одинаковое назначение. Поскольку керамика — не только самая большая группа предметов из одного материала, но и (в силу того, что она не была объектом ограбления) самая полная, рассмотрение погребального инвентаря начинается с нее.

КЕРАМИКА И ЕЕ КЛАССИФИКАЦИЯ

Любая керамическая коллекция требует для своего исследования выбора определенной методики, посредством которой можно попытаться извлечь максимум информации из артефактов. Первобытные памятники Южной Туркмении интенсивно изучаются уже более 30 лет, а если говорить о всей Средней Азии — и того больше, но методика исследования керамики — массового и основного материала — еще не может считаться окончательно разработанной. Наиболее совершенный способ классификации керамики — разделение ее на типы и варианты по формам сосудов, за которыми скрывается назначение последних. Однако это не всегда достижимо, особенно при обработке керамической коллекции с поселения, представленной почти полностью фрагментами сосудов, формы которых подчас даже не восстанавливаются графически. Но и подобная коллекция нуждается в исследовании и классификации, а поэтому требует иного, отличного от идеального, подхода. В такой коллекции на первый план выступают не формы сосудов, а их иные признаки: технология изготовления, цвет поверхности, состав глиняного теста, толщина черепка и др., — которые позволяют также объединить фрагменты керамики в группы и выделить соответствующие типы. Именно потому, что многие исследователи Средней Азии имеют дело с такими, можно сказать, неполноценными коллекциями, существует мнение, что не форма сосуда, а названные вторичные признаки являются основными при анализе керамического комплекса [см., напр.: Горбунова, 1971, с. 77—86]. Но при данном подходе в одну группу могли попасть разные как по форме, так и по назначению сосуды [Прищепенко, Шапошникова, 1970; Хлопин, Хлопина, 1976в, с. 76; 1976г, с. 17—19]. Поскольку раскопки могильников долины Сумбара дали керамическую коллекцию почти исключительно из целых сосудов, в основу предлагаемой классификации керамики положено ее разделение на типы и разновидности по форме, а все остальные признаки учитываются уже внутри каждого типа (рис. 3).

Из могильников среднего течения Сумбара происходит 650 сосудов; правда, есть еще 10—15 экз., найденных вне могил, однако они не входят в общий расчет. Таким образом, 650 сосудов мы принимаем за 100%. Выделено 12 основных керамических типов, но во многих из них есть от двух до шести разновидностей. Тринадцатый тип посуды содержит три уникальных сосуда.

1 — хумча (рис. 3, 1). Это самые крупные и наиболее часто встречаемые сосуды в коллекции; они горшковидной формы, с низким, почти вертикальным венчиком; диаметр венчика (горла) относится к диаметру тулова примерно как 1 : 2; именно данное отношение встречено чаще всего, а разброс других цифр группируется вокруг него. Таких сосудов най-

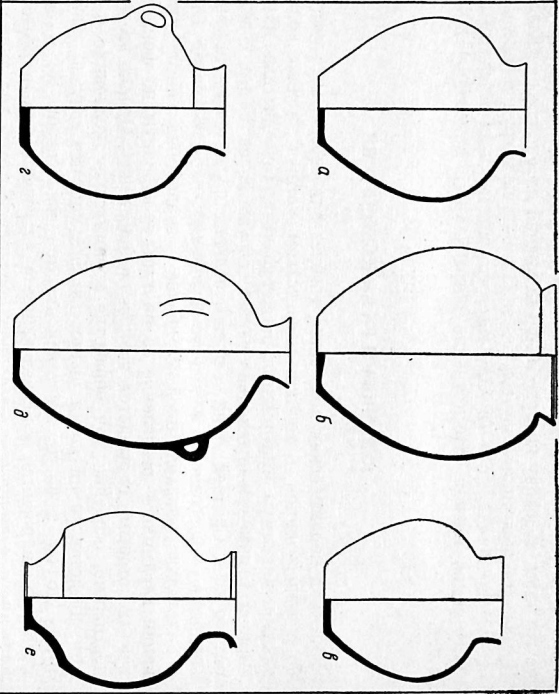
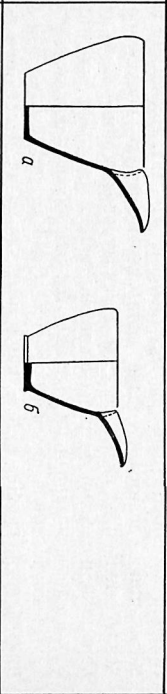
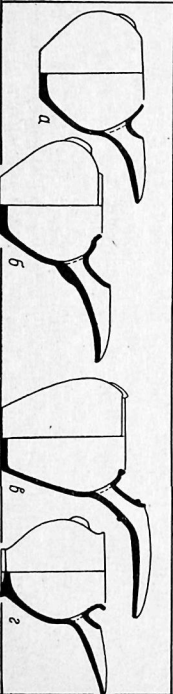
I ХУМЧА	
II горшочек с открытым носиком	
III ЧАША	
IV конический сосуд со сливом	
V чайник со слож- ным носиком	

Рис. 3. Классификация керамических сосудов из Сунбарских могильников.

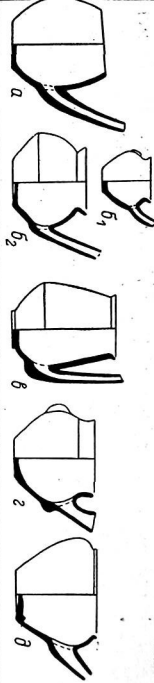
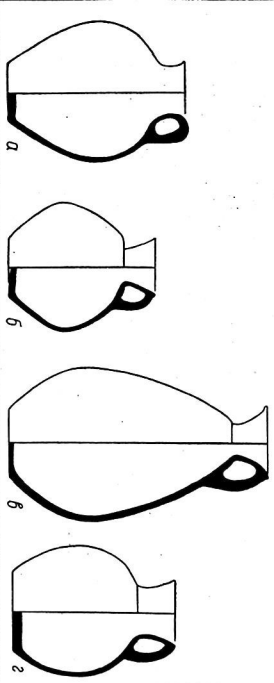
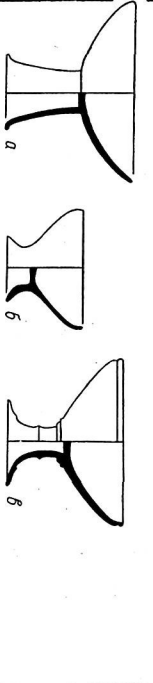
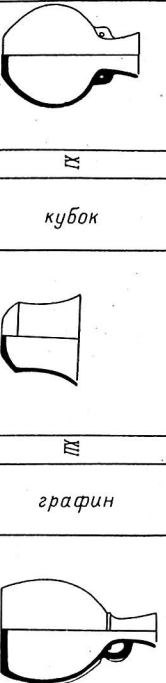
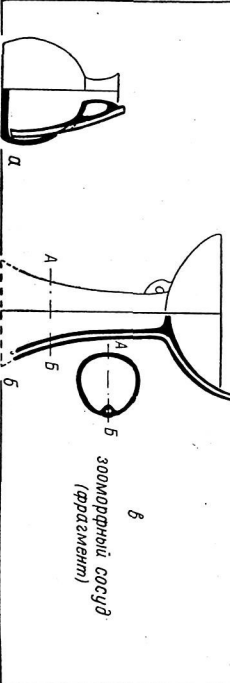
VI сосуд с трубчатым носиком	
VII кувшин	
VIII горшочек	
IX ваза	
X сферический сосуд с двумя ручками	
XIII редкие формы	 зооформный сосуд (фрагмент)

Рис. 3 (продолжение).

дено 103 экз., что составляет почти 15.8% от всего количества. Внутри этой группы посуды 85 экз. (82.5%) изготовлены без применения гончарного круга из кухонного теста и сравнительно плохо обожжены (Ia; рис. 4, 9). Две хумчи выделяются тем, что имеют на тулове три петельчатые ручки (Iг); такие же ручки есть на единственном экземпляре из столового теста с узким горлом (Id). Оставшиеся 15 сосудов были изготовлены при помощи гончарного круга из столового теста; среди них три импортных (Ie; рис. 4, 7, 8), три горшка (Iв), две хумчи с изящно и сложнопрофилированным венчиком (Iб). Емкость этих сосудов 10—16 л.

II — горшочек с открытым носиком (рис. 3, II). Этих сосудов найдено 99 экз. (15.2% от всего количества). Они выделены благодаря открытому носику, который начинается в месте перехода тулова к венчику от специально проделанного отверстия, что позволило не нарушать целостность венчика (рис. 5, 5). Длина носика (последний называем так потому, что он начинается сразу от венчика и не нарушает его линию) всегда больше радиуса венчика сосуда и меньше его диаметра.

Этот тип посуды удивительно однообразен по своим размерам: большинство сосудов укладывается в следующие диапазоны — диаметр венчика от 9.5 до 11.5 см, высота от 9.5 до 12.5 см. По технологическим признакам они делятся на две группы: 16 экз. из 99 (16.0%) изготовлены из столового теста на гончарном круге, хорошо выделаны и имеют серый, розовый или красный цвет поверхности; остальные 83 (84%) сделаны без применения гончарного круга из кухонного теста, отличаются средним или слабым обжигом и желтоватым, черным или розоватым цветом поверхности. Ни один из них не был найден в детском захоронении — показатель того, что этот тип посуды употреблялся только взрослыми.

III — чаша (рис. 3, III). Сосудов, объединенных этим названием, найдено 95 экз. (14.6% от всего количества). Чаши имеют конический или (реже) сферический профиль; диаметр венчика почти всегда вдвое больше высоты. По ряду второстепенных признаков чаши можно разделить на пять групп.

Чаша коническая с ручкой у дна имеет две разновидности: с загнутым внутрь венчиком (IIIa; рис. 5, 8) и с прямым (IIIб). Эта группа количественно преобладает среди чаш и представлена 83 экз. (87%). Лепных чаш из кухонного теста насчитывается 60%, а изготовленных из столового теста на круге — 40%. Загнутый внутрь венчик встречается вдвое чаще у сосудов, сделанных на круге, а прямой — более чем втрое чаще у чаш, выполненных ручной лепкой. Еще один признак есть у этой группы сосудов — наличие или отсутствие поддона; этот признак попадает у чаш с венчиками той и другой формы, но чаще отмечается у чаш с прямым венчиком; видимо, изготовление поддона было проще у лепных сосудов, нежели у гончарных.

Чаш с профилированным венчиком, который способствует образованию сферического профиля, и с ручкой у венчика (IIIг) найдено всего две. Их нельзя считать характерными для этой культуры, так как в общем числе сосудов они составляют ничтожный процент.

Наконец, есть еще 10 чаш без ручек; семь из них имеют конический профиль за счет прямого венчика (IIIв), а три — сферический благо-

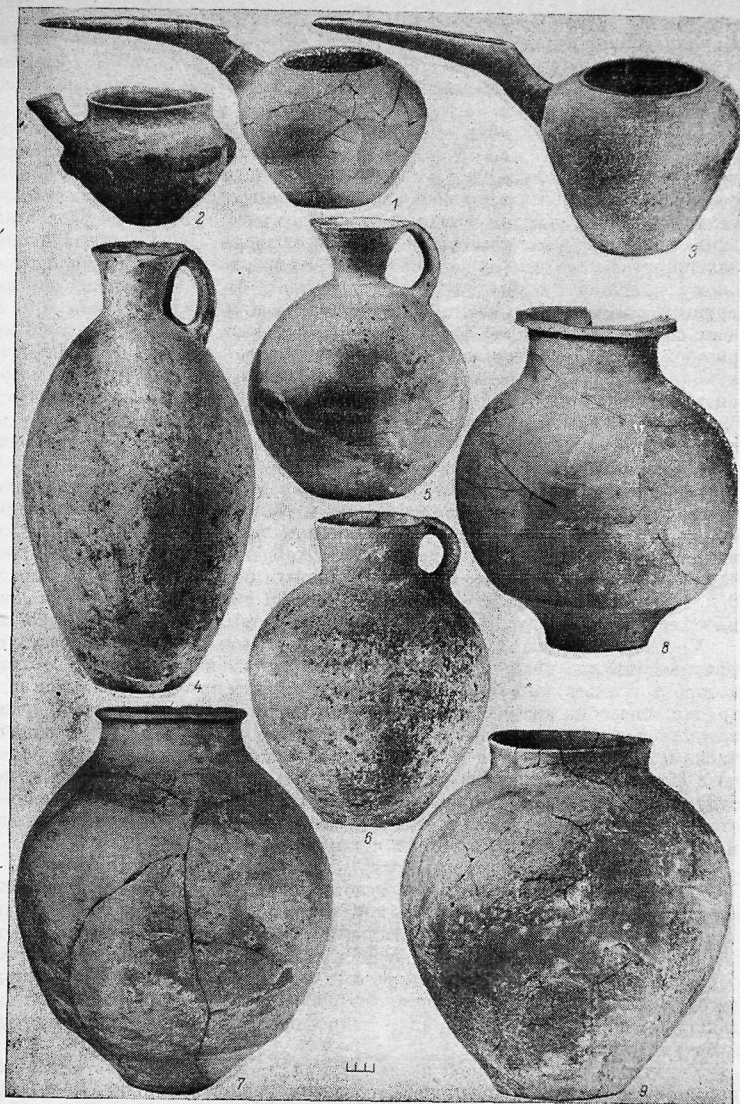

Рис. 4. Керамика из могил (1—9).

даря профилированному венчику (IIIд). Первые близки по пропорциям к коническим чашам с ручкой у дна. Вторых же слишком мало (к тому же две из трех дошли до нас в обломках), чтобы иметь о них более определенное суждение.

IV — конический сосуд со сливом (рис. 3, IV). Данный тип посуды представлен 95 экз. (14.6% от всего количества). Тулово сосуда имеет вид усеченного конуса, но наблюдается колебание профиля стенок от совершенно прямых до значительно округленных. От венчика, слегка загнутого внутрь, отходит совковидный слив (рис. 5, 3). У сосудов этого типа отмечены две разновидности: без поддона (IVa) — подавляющее большинство изделий; на поддоне (IVб) — всего 4 экз. По технологическому признаку посуда такого типа может быть разделена на две группы: сосуды, изготовленные на гончарном круге (38 экз., или 40% от всех сосудов этого типа) из столового теста, с серым, красным либо коричневым цветом поверхности и лепные сосуды (57 экз., или 60%) из кухонного теста, серые или желтоватые. Несмотря на то что вся серия сильно колеблется в размерах, выделить из нее специально детские сосуды нет возможности, поскольку в детских могилах посуда этого типа не зафиксирована; очевидно, коническими сосудами со сливом пользовались только взрослые.

Однако если распределить эти сосуды с указанием их технологических признаков (техники изготовления и состава теста) на корреляционном поле, отложив на его осях высоты и диаметры венчиков, то окажется, что лепные сосуды обнаруживают тенденцию к уменьшению, а гончарные — к увеличению. Так, высота лепных сосудов колеблется между 8 и 14.5 см, а гончарных — между 11.5 и 20 см; диаметр венчика лепных сосудов — между 10.5 и 20.5 см, а гончарных — между 15 и 23 см.

V — чайник (рис. 3, V). Чайником мы называем закрытый сосуд со сферическим или овальным туловом, от середины или верхней половины которого отходит длинный сложный носик; такой носик начинается в виде трубки, после изгиба переходящей в длинный желоб, постепенно суживающийся к концу. Чайников найдено всего 36 экз. (5.5% от общего числа посуды). Несмотря на это, чайник является одной из определяющих форм керамики эпохи поздней бронзы. Из-за сложности формы посуду данного типа было возможно разделить на несколько разновидностей по ряду признаков, в том числе по форме тулова, венчика, налеса и поддона; таких групп оказалось четыре.

20 чайников из 28 определимых имели сферическое тулово (Va и Vб); наибольший диаметр такого тулова приходится на середину высоты сосуда. У сферических чайников практически нет выделенного венчика, они напоминают сферу со срезанными сверху и снизу сегментами. В ряде случаев у венчика напротив носика есть налес довольно разнообразной формы, имитирующий ручку. Однако у тех сосудов, которые изготовлены на гончарном круге, вокруг венчика сделан желобок, придающий им более изящный вид; в профиль такой венчик напоминает запяточку (рис. 4, 1).

У пяти чайников тулово овальное (Vв) — самое широкое место такого сосуда совпадает с линией, проведенной на расстоянии $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ высоты от венчика. Эти чайники всегда изготовлены на гончарном круге,

Рис. 5. Керамика из могил (1—13).

всегда имеют профилированный венчик и в подавляющем большинстве украшены налечами не только на месте ручек, но и вокруг носика. Они несомненно производят более изысканное впечатление, чем чайники со сферическим туловом (рис. 4, 3).

У трех чайников тулово горшковидное (Vг); они имеют поддон и отогнутый наружу венчик, свойственный больше горшкам. Все изготовлены без гончарного круга из кухонного теста. Носик более короткий, чем у остальных чайников.

VI — сосуд с трубчатым носиком (рис. 3, VI). В данную группу входят сосуды с туловом разной формы; их объединяет только наличие носика. Поэтому в сравнительно малочисленной группе (21 экз., или 3,2% от всего количества) есть пять разновидностей. Сосудов со сферическим туловом и без венчика (VIa) насчитывается 2 экз. (рис. 5, 1): один из столового теста, другой из кухонного; оба сделаны не на круге. Сосудов с горшковидным туловом и с венчиком (VIб) встречено 10 экз. (рис. 5, 9), причем некоторые из них имеют, как чайники, имитацию ручки в виде небольшого налепа; семь сосудов этой разновидности изготовлены без гончарного круга из кухонного теста, три — на гончарном круге из столового теста. Сосудов с биконическим туловом и почти вертикальным носиком, сделанных из столового теста на гончарном круге (VIв), обнаружено 4 экз. (рис. 5, 6). У одного из них есть перемычка между туловом и носиком. Два сосуда включены в данную группу условно, поскольку они имеют трубчатый носик, правда широкий и короткий (рис. 4, 2), к тому же несколько сплюснутый с боков и поэтому идущий растрескиванием (VIг). И еще два сосуда могли бы образовать особый вид, но из-за малого количества мы не рискнули их выделять столь радикально. По форме тулова они — закрытые чаши, от нижней половины которых отходит длинный трубчатый носик (VIд). Возможно, к этому же типу следует причислить уникальную бутыл, выделенную в отдельную группу (XIIIa; см. ниже).

VII — кувшин (рис. 3, VII). Кувшин — сосуд со сферическим или овальным туловом, с горлом, которое вдвое и более уже тулова, с венчиком всегда больше диаметра горла. Кувшины обязательно имеют ручку в виде петли от края венчика до верхней части тулова. Кувшинов найдено 64 экз. (9,8% от всего количества). По пропорциям они разделяются на две группы: широкогорлые (VIIa) и узкогорлые (VIIб и VIIв). В основу разделения положено отношение диаметра тулова к диаметру горла. Если это отношение меньше чем 1:3, то такой кувшин причислен к разряду широкогорлых, если отношение равно или больше чем 1:3, такой кувшин считается узкогорлым.

Широкогорлых кувшинов (рис. 4, 6), отношение диаметра тулова к диаметру горла колеблется от 1:1,7 до 1:2,85, насчитывают 32 экз.: 24 изготовлены без гончарного круга из кухонного теста, а восемь — при помощи круга из столового теста. Половина последних принадлежит к импортной посуде и не может считаться местными изделиями.

Узкогорлых кувшинов (рис. 4, 5), отношение диаметра тулова к диаметру горла колеблется от 1:3 до 1:4,5, насчитывают 30 экз. От двух кувшинов сохранились только ручки, что не дает возможности

отности их к какой-либо разновидности. По основным пропорциям выделяются три высоких кувшина (40 см и более), изготовленных из столового теста на гончарном круге (рис. 4, 4); 21 сделан также из столового теста на гончарном круге, и лишь шесть вылеплены от руки из кухонного теста. Имеется также три кувшина с широким дном; они покрыты светлым ангобом и являются импортными (VIIг).

Получается, что 75% широкогорлых кувшинов изготовлено без применения гончарного круга из кухонного теста, а 92% узкогорлых сделано из столового теста на гончарном круге.

VIII — горшочек с маленьким дном, расширенными боками и вертикальным венчиком (рис. 3, VIII). Тулово имеет некоторые дополнительные признаки, которые способствовали разделению всех этих сосудов на две большие группы: с открытыми носиками (тип II) и с ручками у венчика; в последнюю группу включены также горшочки без ручек.

Горшочков с ручками и без ручек найдено 68 экз. (10.4% от всего количества); распределяются они следующим образом: с одной ручкой у венчика — 49, с двумя ручками у венчика — 11, без ручек — восемь.

Все горшочки с одной ручкой (VIIIa) изготовлены без применения гончарного круга из кухонного теста (рис. 5, 12), но единичные экземпляры сделаны из столового теста. На многих горшочках имеются более или менее заметные следы копоти, свидетельствующие о термической обработке их содержимого. По размерам можно выделить две группы: в одной высота колеблется между 5.5 и 8.0 см, а диаметр венчика — между 5.5 и 7.0 см. Подавляющее большинство таких маленьких сосудов происходит из детских и подростковых погребений. В другой группе высота колеблется между 8.5 и 12 см, а диаметр венчика — между 8 и 11 см. Почти все эти сосуды сопровождали захоронения взрослых. Видимо, сосуды данной группы ставились как взрослым, так и детям, но для последних они изготовлялись в уменьшенных размерах.

Горшочки с двумя ручками (VIIIб) по размерам не выделяются из сосудов данного типа, их высота колеблется от 10 до 12.5 см, диаметр — от 8 до 12 см. Все они изготовлены из кухонного теста без применения гончарного круга, имеют желтоватый цвет поверхности, а многие из них — следы сильной закопченности (рис. 5, 2). Горшочки с двумя ручками встречены только в погребениях взрослых.

Горшочки без ручек (VIIIв) маленькие: высота 6—8.5 см, диаметр венчика 6—8.5 см. Большинство их изготовлено вручную из кухонного теста, лишь 2 экз. оказались сделанными из столового теста на гончарном круге; они имеют грязно-желтый цвет поверхности, иногда со следами копоти. Все сосуды данной группы — принадлежность детских захоронений. Это наталкивает на поиски эквивалентного «взрослого» сосуда, и единственно возможной могла быть сферическая чаша с профилированным венчиком без ручек. Но для такого утверждения еще недостаточно данных.

IX — ваза (рис. 3, IX). Ваза представляет собой чашу преимущественно с прямым венчиком на высокой конической подставке. Этот сосуд сравнительно редок: всего найдено 12 ваз (1.8% от всего количества). Помимо двух, все представлены одной разновидностью — резервуар помещен на высокий гладкий и полый конический поддон (рис. 5, 13), ко-

торый только в одном случае имеет пояс с насечками (IXa). Все сосуды, кроме двух, сделаны из кухонного теста без гончарного круга; их тесто отличается большой рыхлостью. Ваза, изготовленная из столового теста на гончарном круге (C-I-70), выделяется высотой поддона, который в полтора раза больше глубины резервуара; у остальных ваз высота поддона, как правило, равна глубине резервуара.

Два сосуда выделяются. Ваза из погр. C-I-11 имеет ножку с поперечными перехватами, она вдвое тоньше, чем поддоны; венчик этой вазы немного изогнут, что является только ей присущей особенностью (рис. 5, 11). Сделана ваза из столового теста на гончарном круге; у нее блестящая поверхность и хороший обжиг (IXв). Другая ваза (C-I-122), наоборот, на низком поддоне и изготовлена из кухонного теста (IXб).

X — сферический сосуд с двумя ручками (рис. 3, X). Это не крупные сосуды с почти сферическим туловом, маленьким дном и узким высоким горлом с отогнутым венчиком; под самым горлом к тулову прилеплены две небольшие вертикальные ручки (рис. 5, 4). Все сосуды такого типа изготовлены из кухонного теста без гончарного круга, кроме 1 экз. Их найдено 17 штук (2.6% от общего числа). Поверхность сосудов грязно-желтая или серо-черная (гончарный — серого цвета), в одном случае заметны следы закопченности. Сосуды эти найдены в погребениях как детей, так и взрослых и различаются только размерами.

XI — кубок (рис. 3, XI). Кубки редки в керамической коллекции эпохи поздней бронзы: их известно всего 3 экз. Маленькие сосуды изготовлены на гончарном круге из столового теста, с серой и тщательно заглаженной поверхностью; они имеют вогнутые цилиндрические стенки и подкос к небольшому дну (рис. 5, 10).

XII — графин (рис. 3, XII). Графинов найдено всего 2 экз. У них устойчивое широкое дно, стенки от дна поднимаются почти вертикально и затем плавно сужаются к узкому и высокому горлу, которое оканчивается раструбом. Толстая ручка соединяет верх тулова с серединой горла; на целом экземпляре сохранились налепные валики вокруг горла и на тулове. Один из графинов изготовлен из столового теста, другой — из кухонного; все они лепные.

XIII — уникальные сосуды.

1. Бутыл со скрытым каналом (C-I-57; рис. 3, XIIIa) сделана из столового теста на гончарном круге; снаружи она желтовато-розового цвета. Тулово — полусфера, срезанная чуть ниже горизонтального диаметра. Горло имеет в высоту 5 см и слегка расширяется к венчику. Глиняная трубка проходит сквозь середину тулова вертикально, своим нижним концом почти упирается в дно, верхним — возвышается над венчиком на 1 см, примыкая к нему. Трубка является одновременно и ручкой, и носиком. Конструкция сосуда такова, что жидкость из него не может быть вылита через носик, ибо при наклоне сосуда она выливается через горло. Жидкость через носик может быть извлечена только одним способом — если ее высосать через трубку из горизонтально стоящего сосуда. Пока затруднительно определить назначение сосуда, но его конструкция оригинальна и сложна.

2. Ваза с замкнутым резервуаром (C-I-53; рис. 3, XIIIб) сделана из столового теста на гончарном круге, хорошо обожжена и имеет серый

цвет поверхности (рис. 5, 7). При изготовлении ее подправляли ножом. Ваза состоит из двух частей, соединенных между собой каналами. Верхняя часть — сферический резервуар диаметром 26 см, глубиной почти 8 см; нижняя — замкнутый, слегка конический стакан, в который содержимое из верхнего резервуара могло попасть только через небольшое отверстие (0.5 см в диаметре) в дне. В стенке стакана (от самого дна) и в стенке верхнего резервуара имеется канал, который оканчивается на венчике вазы небольшим мундштуком. Этот канал был изготовлен при помощи своеобразного приема: в стенку стакана впрессовали веревку, замазав ее сверху глиной, затем веревку пропустили внутри стенки резервуара; во время обжига она выгорела, образовав желаемую пустоту. Предполагаемый способ употребления сосуда: в верхнем резервуаре выдавливали сок каких-то плодов, который без косточек и комков стекал в стакан; возможно, он там слегка бродил, причем образующиеся от брожения газы могли выходить через отверстие. Сок из сосуда надо было просто высасывать через мундштук от самого дна поддона. Мы еще не можем определить назначение этого сосуда, но его выдающиеся для того времени конструктивные особенности поражают и значительно расширяют наши знания о технических возможностях древних.

3. Зооморфный сосуд (С-I-4; табл. XXXI, 13) найден, к сожалению, в обломках. Это хвост скульптурного изображения какой-то птицы: валиками показаны очертания концов сложенных крыльев, а косые насечки между валиками передают направление перьев. Сосуд изготовлен из столового теста и имеет зеленоватую ангобированную поверхность.

Таким образом, керамический комплекс из могильников среднего Сумбара оказался возможным разделить на 13 типов, состоящих из 41 разновидности. Эти типы можно сгруппировать по некоторым признакам. Так, выделяются сосуды массового производства и сравнительно редко встречающиеся. К первым относятся хумчи, горшочки с открытым носиком, чаши с ручкой у дна, конические сосуды со сливом, кувшины и горшочки с одной ручкой; ко вторым — чайники всех разновидностей, сосуды с трубчатыми носиками, горшочки с двумя ручками и без них, вазы на гладком коническом поддоне и сферические сосуды с двумя ручками. Кроме того, сосуды, обнаруженные в 1—2 экз., должны быть признаны очень редкими (чаши с профилированным венчиком, кубки, графины, чайники с носиком раструбом) и даже уникальными (ваза на профилированной ножке, ваза с резервуаром в поддоне, бутылъ со скрытым каналом, зооморфный сосуд).

Сосуды одной формы могли быть изготовлены как из столового теста при помощи гончарного круга, так и из кухонного теста вручную. Однако процентное соотношение тех и других представляется примечательным. Три типа сосудов — чаши с ручкой у дна, конические сосуды со сливом и кувшины — дают одинаковое соотношение: 40% гончарной продукции и 60% лепной. Горшочки с открытым носиком и горшочки с одной ручкой показывают уменьшение гончарной продукции из столового теста вдвое — ее всего 20% (лепная соответственно увеличивается до 80%). Хумчи демонстрируют еще больший разрыв между гончарной и лепной керамикой: первой — 15%, второй — 85%. Соотношения гончарной и лепной посуды в разных группах поразительно совпадают,

несмотря на разное количество изделий, поэтому складывается впечатление, что эти процентные соотношения подчинены какой-то внутренней закономерности, которая еще недостаточно ясна. В сумме же на гончарном круге произведено лишь около 30% сосудов.

Малочисленные разновидности сосудов показывают, что некоторые из них изготавливались лишь при помощи гончарного круга (чаши с профилированным венчиком, кубки, биконические сосуды с трубчатыми носиками) или только ручной лепкой (сферические сосуды с трубчатым носиком, горшочки с ручками и без ручек, вазы на коническом поддоне, сферические сосуды с двумя ручками).

В целом 60% всей найденной посуды сделано без гончарного круга из кухонного теста (и еще 10% — из столового), которое не столь прочно, как столовое. В ряде случаев оно настолько рыхлое, что рассыпается при трении пальцами; встречаются слабо или совсем не обожженные сосуды. Следовательно, в 40% случаев в могилы ставили бытовую керамику, рассчитанную на долговременное использование. Однако многие экземпляры посуды из кухонного теста имеют отчетливые следы длительного употребления. Но в погребение не всегда ставили лучшую посуду, туда помещали и сосуды с какими-либо дефектами — чаще всего с отбитыми сливами или носиками; найдена хумча с реставрированным горлом. Иногда вместо чаши ставили нижнюю часть какого-то сосуда (вероятнее всего, кувшина), причем слом подтачивали каким-то абразивом.

ОРУЖИЕ, ИНСТРУМЕНТЫ И ПРЕДМЕТЫ ПРЕСТИЖНОСТИ

Безусловно, среди предметов вооружения и инструментов преобладающими являются бронзовые. В разряд инструментов нами зачислены также некоторые каменные изделия и очень немногие фаянсовые.

Оружие (вернее — металлические части предметов вооружения), несмотря на ограбленность могил, встречено во многих мужских погребениях (и только мужских). Набор предметов вооружения довольно разный, в то же время наблюдается поразительное единообразие внутри типа.

Стрелы клали в могилы чаще других предметов вооружения. Найдено всего девять бронзовых наконечников стрел, причем часто сохраняются остатки дерева. Семь наконечников — черешковые, с упором (рис. 6, 2, 6), листовидной формы, с усиливающим ребром. Отношение высоты пера стрелы к ширине колеблется от 1:1.5 до 1:2. Кроме листовидных стрел один раз найден черешковый наконечник пулевидной формы (не исключено, что обычный сломанный наконечник был отремонтирован и заострен); встречен также втульчатый пулевидный наконечник (рис. 6, 3) с кованой и свернутой втулкой (это один из наиболее ранних втульчатых наконечников).

Дротики — тяжелые стрелы или легкие метательные копь. Их найдено 7 экз. Все наконечники дротиков черешковые, с упором и более массивны, чем наконечники стрел; ширина пера осталась практически такой же, но значительно возросли его длина и вес (рис. 6, 4, 5). Отношение длины наконечника к ширине от 1:3 до 1:6.

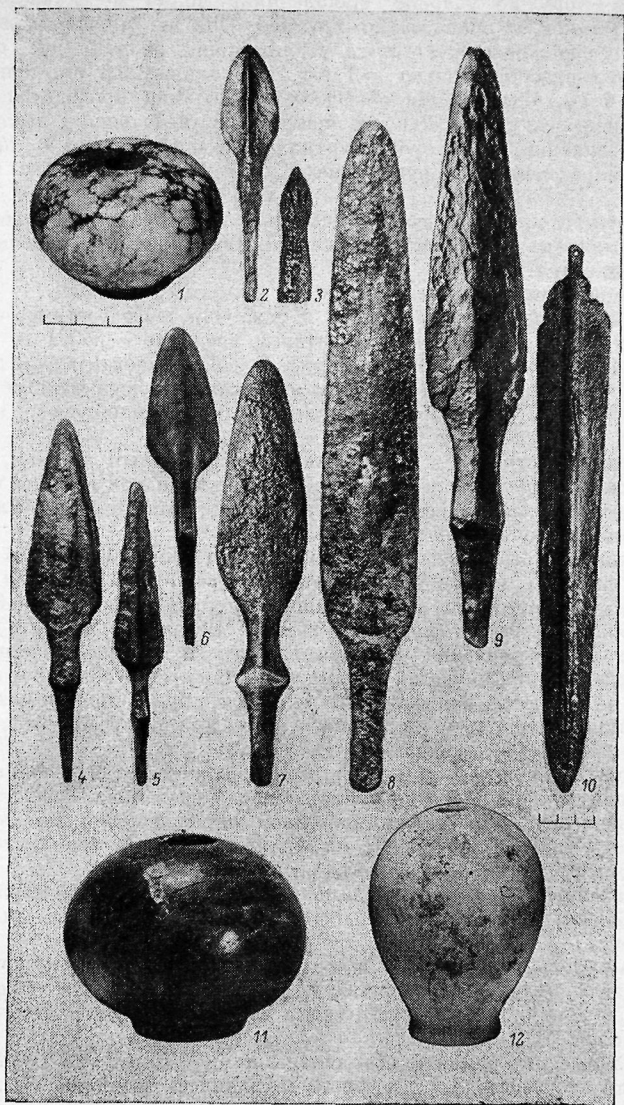

Рис. 6. Предметы вооружения (1—10) и престижности (11, 12).

Копья — оружие ударное. Наконечники копий массивнее наконечников дротиков и значительно крупнее. Они не имеют выраженного упора, но снабжены отчетливым усиливающим ребром (рис. 6, 7—9).

Кинжал известен только в 1 экз.; его длина 29.5 см, наибольшая ширина 4 см. Вдоль всего обоюдоострого клинка проходит полукруглое усиливающее ребро. Рукоять крепилась к небольшому выступу при помощи заклепки, от которой сохранилось отверстие (рис. 6, 10).

К неопределенному оружию нами отнесены два обломка наконечников.

Инструменты разделены на несколько категорий: режущие, колющие и остальные, в которые включены разные предметы производственного назначения.

Режущие инструменты с длинным и прямым лезвием, т. е. ножи разного назначения, представлены 5 экз. Они обоюдоострые, от наконечников копий отличаются отсутствием срединного ребра и, следовательно, более плоским клинком (рис. 7, 10). Рукоять крепилась при помощи черешка, который не имел отверстия. Работа такими инструментами могла производиться резанием (ими стругали дерево, обдирали шкуры и т. д.).

Режущие инструменты с коротким и полукруглым лезвием, перпендикулярным рукоятю. Они крепились к ней также при помощи черешка. Ими работали как современным сапожным ножом — они были предназначены исключительно для разрезания.

Режущие инструменты с тонким кривым клинком; лезвие находилось на внешнем изгибе инструмента (рис. 7, 7). С рукоятью эти инструменты скреплялись при помощи шпильки, проходившей сквозь ручку и отверстие на одном из концов. Вероятнее всего, рукоять и шпилька для скрепления делались из дерева; иногда поверх дерева могла быть одета фаянсовая обойма (см. ниже). Совершенно очевидно, что это не что иное, как ковровые ножи для обрезания ворсовых нитей; точно такие же инструменты, только из железа, употребляются в наши дни при изготовлении ковров.

Колющие инструменты представлены квадратным в сечении пилом с костяной ручкой, в которую вставлялась деревянная пробка (рис. 7, 2), а также круглыми стержнями разной длины, найденными по одному в могилах. Часть их уплощена на одном из концов, чтобы инструмент не вращался в деревянной ручке во время работы.

Встреченные парами (иногда по две пары) бронзовые стержни длиной до 20 см, более тонкие с одного конца, являются вязальными спицами (рис. 7, 11).

Парами попадались также иглы с ушками (рис. 7, 9), которые предназначались не только для шитья, но могли употребляться также в ковроделии — с их помощью растягивали ткущееся изделие, чтобы оно не покособилось.

Остальные инструменты объединены нами в отдельную группу. Прежде всего это веретено, от которого сохранилось каменное (мраморное) биконическое пряслице (рис. 7, 5); надо думать, что стержень веретена был деревянным. В одном случае (С-I-110) на бронзовый стержень длиной 28 см насажено обычное биконическое пряслице (рис. 7, 1); это

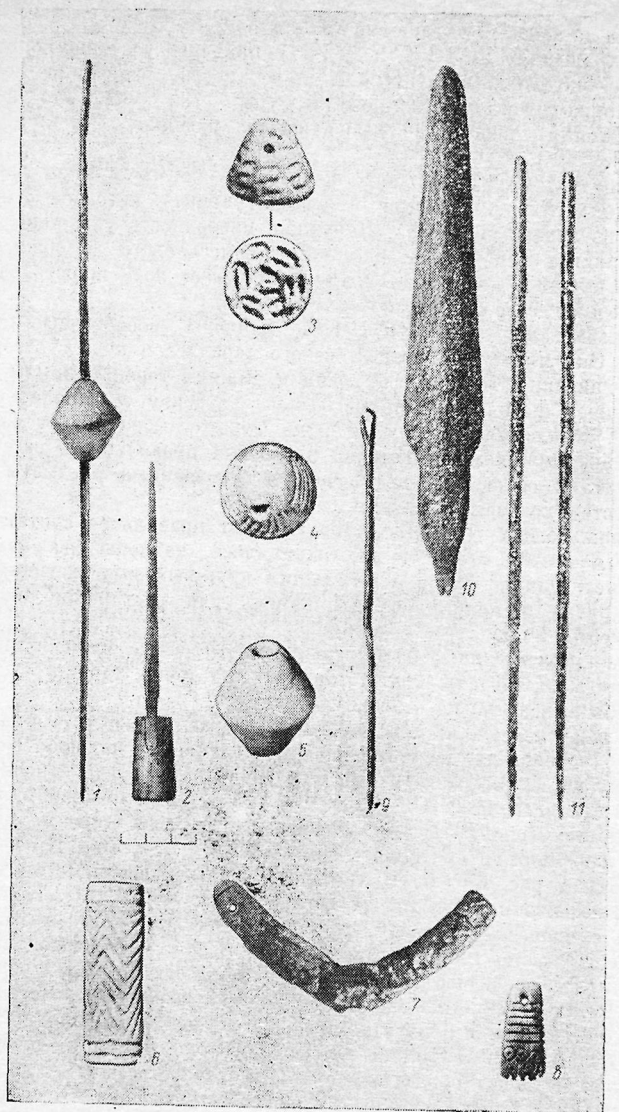

Рис. 7. Инструменты (1—11).

окончательно доказало правильность мнения, что в могилу помещали веретено, а не какое-то украшение-амулет.

В двух могилах (С-I-131 и П-I-11) найдены усеченно-конические фаянсовые поделки, на плоской поверхности основания которых имеется орнаментальная композиция (рис. 7, 3, 4). Это штампы для нанесения орнамента на какое-то изделие [Хлопин, 1978, с. 33—38].

В пяти могилах обнаружены фаянсовые обоймы в виде коротких и широких трубочек; иногда они имеют тонкое сквозное отверстие у одного из краев (рис. 7, 6). Наружная поверхность украшена волнистыми линиями или косыми насечками, нанесенными до обжига. Нахождение вместе с ковровыми ножами допускает возможность рассматривать их в качестве обоймы ручек этих ножей.

В двух могилах (С-I-16 и П-I-14) найдены своеобразные поделки из кости. Они имеют вид продолговатого параллелепипеда с отверстием для подвешивания. Их боковые грани и нижний торец покрыты насечками, причем насечки на торце весьма глубокие и заполированные (рис. 7, 8). Складывается впечатление, что это своеобразная масштабная линейка, при помощи которой проверяли правильность расстояний между нитями основы ковра. Более того, названные предметы встречены вместе с ковровыми ножами.

В одной могиле (П-I-24), которую будет правильнее считать мужской, хотя костей в ней и не сохранилось, найдены два каменных орудия: пест длиной 22 см с небольшим круговым выступающим пояском на ручке и цилиндрический камень для растирания диаметром 12 см, высотой 5 см.

Предметы престижности встречены почти все в мужских погребениях; они представлены тремя типами, достаточно характерными для того, чтобы выделить их в отдельную группу.

Каменные наверхия, просверленные слегка на конус. Обнаружено 12 экз.: 11 происходят из могил и один — случайная находка. По внешнему виду их можно разделить на три группы. К первой относятся три сферических наверхия (С-I-84, 108 и П-I-6), изготовленных из серобелых камней (рис. 6, 1). Ко второй — белые известняковые или мраморные наверхия грушевидной формы (С-I-115, 119, 154, 176 и случайная находка; рис. 6, 12). К третьей — черные наверхия из твердого камня с выраженной шейкой (С-I-59, 87, 119; рис. 6, 11). Кроме того, найдена сферическая булава серо-черного цвета (С-I-100), которая по цвету подходит к третьей группе, а по форме — к первой; как мы увидим ниже, последнее наверхие надо будет объединить с изделиями первой группы. В данном месте мы не предлагаем их интерпретации, но укажем, что не все изделия подобного рода могли служить наверхиями булав. Многие из них значительно превышают вес средневековых булав и имеют относительно тонкое отверстие для насада. Деревянное древко такой толщины (в некоторых наверхиях сохранились бронзовые гвозди со следами древесных волокон) легко ломалось бы при ударе, а поскольку отверстие просверлено на конус, наверхие могло бы слететь при замахе и ударе, несмотря на наличие бронзовых клиньев, вбитых в торец древка. Следовательно, мы вправе допустить

многофункциональность этого предмета, что привлечет наше внимание в соответствующем месте.

В двух мужских могилах (С-I-89, 115) и в одной женской (С-I-49) обнаружены три целые бронзовые диадемы (еще найдены три фрагментарные) — плоские ленты длиной 26—30 см с несомкнутыми концами и с отверстиями на концах; обруч украшен геометрическим пунсонным орнаментом, в котором можно уловить солирные мотивы. Эти предметы были найдены у черепа, что позволяет их считать именно головным украшением с определенной социальной и семантической нагрузкой, которая выделяла их обладателей из жителей поселка.

В трех мужских могилах (С-I-87, 115, 168) найдены широкие плоские браслеты, отличающиеся от обыкновенных женских браслетоукрашений. Если эти браслеты развернуть, то они примут вид шестиугольника со сглаженными углами. На краях, смыкающихся на руке, сделано по несколько отверстий для продергивания тесьмы или ремешка, что обеспечивало плотное охватывание запястья. Пластины богато украшены пунсонным орнаментом, геометрическим по краю и сюжетным в центре; в одном случае можно различить какое-то животное, в другом — четкое профильное изображение стоящего козла с закинутыми назад рогами.

УКРАШЕНИЯ

Украшения изготовлены из различных материалов: бронзы, серебра и золота, из разных пород камня, из стекла и фаянса. Украшения были разнообразными и могут быть разделены на группы.

Наиболее широко представлены головные украшения, а точнее — украшения волос и ушей. К первым относятся преимущественно бронзовые (есть несколько серебряных) спиральные кольца в два оборота из двойной проволоки; таких предметов найдено 49. В непотревоженном состоянии они лежали около височных костей черепа — до 4 экз. с каждой стороны; вероятнее всего, их надевали на пряди волос или на косы близко к голове (рис. 8, 10).

Уши украшали серьгами в виде колец разного диаметра; большей частью эти кольца бронзовые (рис. 8, 1), но найдено пять серебряных (рис. 8, 2) и три золотых. Серьги продевали скорее всего в мочки ушей — в непотревоженном состоянии они встречены около ушных отверстий. Чаще всего в уши было продернуто по одному колечку с сомкнутыми краями, но есть случаи, когда при погребенном было обнаружено колечко только с одной стороны; тут возможны два объяснения: или носили одну серьгу, или та серьга, которая находилась на верхней стороне лежащего черепа, полностью разрушилась. Отмечены, однако, случаи, когда с каждой стороны черепа было найдено по два кольца разного диаметра; их центры не совпадали, но своими верхними краями они смыкались.

Кроме простых серег в виде колец известны более сложные изделия. Они состоят из трех круглых бусин, расположенных в ряд и спаянных между собой; от средней бусины перпендикулярно линии бус подни-

мается стержень, загнутый крючком (рис. 8, 7). Такие серьги найдены в непотревоженном состоянии у ушных отверстий. Если кольчатых серег обнаружено всего 58 экз., то серьги из бусин попадались значительно реже — их встречено всего 6 экз.

Следующий вид украшений — браслеты. Это сравнительно редкая находка, по-видимому, потому, что браслеты были в числе объектов краж. Обнаружено всего 6 экз., но и среди них имеются разновидности. Так, были пластинчатые браслеты — в развертке прямоугольная пластина с отверстиями на узких краях (отверстия служили для связывания); браслет украшен пунсоном орнаментом в виде кругов в треугольных полях. Разновидностью плоского браслета следует считать образец, который не охватывал руку полностью, а дополнялся, очевидно, шнуровкой; небольшая пластина имела фестончатые края, и ее поле разделено на три части, где можно рассмотреть круговые фигуры, сделанные при помощи пунсона (рис. 8, 11). Другая разновидность браслета — более массивная по сравнению с предыдущей пластина, державшаяся на руке пружинисто, — в середине браслета сделано ребро, сообщающее изделию пружинящие свойства; на таких браслетах нет отверстий и орнаментации. Они в целом значительно шире первых, и их поверхность, по всей видимости, была просто отполирована (рис. 8, 9, 13).

Украшением одежды служили нашивные бляхи (17 бронзовых и три фаянсовые; рис. 8, 3) разного диаметра (от 2 до 7.6 см). Большинство этих блях имеет по краю круг, выбитый пунсоном с внутренней стороны; некоторые украшены изображением креста, выполненным в такой же технике (рис. 8, 4). Практически у всех блях есть по два отверстия на противоположных сторонах — свидетельство того, что бляхи на что-то нашивали. Более того, часть блях встречена в непотревоженных погребениях — во всех случаях они находились на черепе или около него. Следовательно, бляхи были скорее всего нашиты на какой-то головной убор.

Прямоугольные фаянсовые и стеклянные пронизки найдены около черепа — их также могли нашивать на головной убор. Такие предметы обнаружены всего в двух могилах: в женской (С-II-6) и мужской (С-I-115). Они прямоугольные в плане, на внешней поверхности имеют валики, сквозь которые проходят два сквозных отверстия (рис. 8, 5).

Украшением и принадлежностью одежды можно считать также булавки. Их найдено всего три пары. Это бронзовые острые стержни с фигурным навершием; именно последнее, а также расположение в непотревоженных могилах (С-I-16, С-II-6 и П-I-14) на груди или перед лицом погребенного позволили не считать их спицами. По-видимому, ими скалывали на груди какие-то одежды, скорее всего напоминающие плащи (рис. 8, 14, 15).

К особому виду украшений относятся бусы. Их найдено достаточно большое количество, и изготовлены они из разных материалов: металла, бронзы (81 экз.), золота (1 экз.). Есть бусы различной формы и из разных пород камня (88 экз.); больше же всего встречено бус из стекла и фаянса (275 экз.), которые иногда кажутся вследствие приращивания обтянутыми тончайшим золотым листочком (рис. 8, 6).

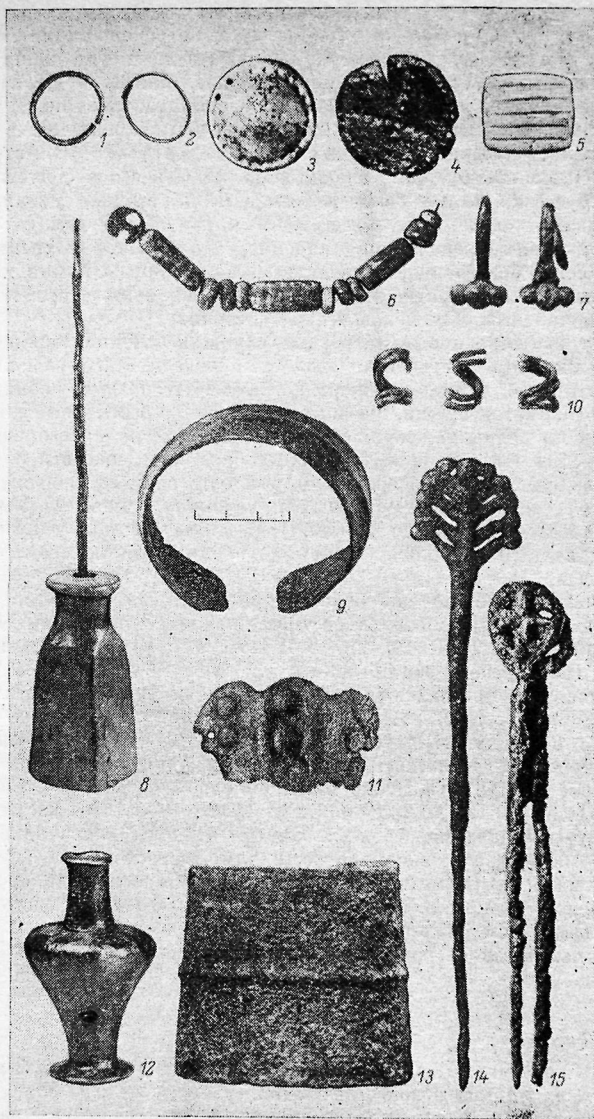

Рис. 8. Украшения (1—15).

Бронзовые бусы, редко находимые в непотревоженном состоянии, могли носить в качестве ожерелья, однако их же могли нашивать на одежду, хотя это утверждать трудно, так как они не лежали в соответствующих местах скелета. Бусы из сердолика, лазурита, бирюзы, халцедона и других полудрагоценных пород камня найдены в 35 могилах: в каждой обычно 1—4 экз., но не более 7—10. В нетронутом погребении каменная бусина располагалась чаще всего в области груди. Очевидно, бусы из камня были в то время не столько украшениями одежды, сколько амулетами, пришитыми к ней. Надо думать, разный цвет камня имел определенное значение, что отчасти сохранилось и до сего времени; безусловно, символика цвета и породы камня менялась и, может быть, неоднократно, но важен принцип веры в свойства камней, зародившийся на заре человеческой истории.

Бусы из искусственного материала служили именно украшениями. В непотревоженном погребении удалось проследить их расположение в виде достаточно длинного ожерелья. Более того, даже обнаружены обрывки волокнистой нитки, на которую бусины были нанизаны. Они различаются по величине: мелкие круглые бусины не превышают в диаметре 3 мм, более крупные имеют форму баранки и диаметр 8—10 мм. Найдено 10 крупных бусин, среди которых есть одна сферическая (диаметр 20 мм), несколько квадратных в сечении длиной 25 мм и несколько овальных длиной до 20 мм. Под слоем патины у них сохранился естественный первоначальный цвет — они были из стекла яркого голубого цвета.

К украшениям можно еще отнести три костяные пластинки ромбической формы со сквозным отверстием в центре. Все они найдены в мужских могилах (С-I-111, 176 и П-I-3), и пока их назначение не очень ясно. Скорее всего, это пуговицы.

К украшениям примыкают немногочисленные предметы туалета из женских могил. Прежде всего это сурьматашки: палочки из свинца, вставленные в ручку из дерева (?), служившие (такие предметы и сейчас употребляют женщины Средней Азии) для подведения бровей и ресниц (С-I-10, 116). Сюда же мы причислили четыре флакона: один бронзовый (рис. 8, 12) и три глиняных (рис. 8, 8). В два глиняных были воткнуты бронзовые стержни. Внутри этих флаконов обнаружена однородная белая зола; находившееся там вещество могло употребляться как какое-то косметическое средство. Интересно, что бронзовый флакон имелся в могиле взрослой женщины (С-I-140), один глиняный — в совместном захоронении женщины с ребенком (С-I-167), а два глиняных флакона сопровождали погребения детей (С-I-113, 169).

ОРГАНИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ

Органические остатки в могильниках представлены панцирями степных черепах, альчиками и костями барана.

Панцири степных черепах были положены в могилу как часть погребального инвентаря, поскольку во всех случаях их нахождения не встречено костей этого животного. Все панцири примерно одного раз-

мера: длиной 10—12 см. Еще более примечательно, что остатки черепах были обнаружены в 14 женских могилах (исключение С-I-34 — погребение подростка мужского пола), причем в двух из них (С-I-129, 170) находилось по два панциря. Пока затруднительно понять причину помещения панциря черепахи в некоторые женские могилы и его символик, но надо думать, что дальнейшее изучение древних погребений и этнографических параллелей позволит решить и этот вопрос. Важно заметить, что обычай класть черепаховый панцирь в могилу существовал на той же территории в эпоху ранней бронзы (см. ниже).

Больше чем в одной трети могил (в 77) найдены альчики (220 экз.). Они чаще всего не имеют следов какой-либо обработки, однако некоторые все же слегка обточены или просверлены. Встречены альчики исключительно в погребениях взрослых, причем как в непотревоженных, так и в сильно нарушенных. Надо думать, что они не представляли никакой ценности для грабителей могил и поэтому их не трогали. В непотревоженных женских погребениях альчики располагались кучкой в ногах, причем всегда вместе с ними находилось веретено (пряслище). Мужские погребения все ограблены, и альчики в них были в переотложенном состоянии; немногие ненарушенные мужские могилы альчиков не содержали. Поскольку в женских погребениях альчики лежали рядом с веретеном, то не могли ли они служить основой, сердцевинной, клубка ниток? А как же объяснить тогда их наличие в мужских могилах? Приходится склоняться к тому, что символика альчиков, которых в ненарушенных могилах насчитывается нечетное количество — 1, 3 или 5 экз., еще не может быть с уверенностью определена.

Значительно проще обстоит дело с костями барана, которые лежали в анатомическом порядке и относились к определенной части туши. Это — пища, предназначавшаяся покойнику или его душе. Когда возможно было определить, то оказывалось, что в могилы помещали разные куски туши: голову, переднюю ногу с лопаткой и ребрами, заднюю ногу. Интересно, что большинство костей барана найдено в женских погребениях. Обнаружение в могиле остатков разных частей одного вида домашнего животного заставляет нас вспомнить более поздний обычай тюркских племен, когда определенному роду полагалась на пиру определенная часть барана. Может быть, по аналогии, каждая часть туши барана имела определенное значение и символизировала положение погребенного в обществе?

Глава II

ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Раскопанные в долине Сумбара погребения содержат большой и разнообразный материал, достаточный для того, чтобы определить их хронологию и культурную принадлежность. Для проведения этой стадии археологического исследования необходимо выяснить связи данных памятников с культурами соседних территорий. А они могли быть разнообразными: в раскопанных памятниках могли присутствовать чужеродные предметы, принадлежавшие другой культуре; в памятниках окрестных территорий могли быть найдены предметы, привезенные туда из долины Сумбара; на памятниках долины Сумбара и окрестных территорий могли быть встречены одинаковые предметы, происходившие из какой-то третьей культурной области.

Отсутствие среди находок изделий из железа или следов этого металла позволяет отнести исследованные могильники к эпохе бронзы; следовательно, для южных земледельческих областей Средней Азии это будет не позднее начала I тыс. до н. э. Наличие развитой бронзовой индустрии указывает не на начальные или даже срединные этапы эпохи бронзы, а на эпоху поздней бронзы, за которой должен следовать ранний железный век. Это — «грубая наводка», которая при поисках аналогий дает сразу возможность отбросить все более ранние культуры (энеолита, ранней и средней бронзы). Однако мы не будем впредь пренебрегать аналогиями с культурами раннего железного века более западных провинций, поскольку известно, что в Средней Азии появление железа запаздывает по сравнению с культурами Северного Ирана и Закавказья.

Из всех многочисленных признаков сумбарской культуры для дальнейшего исследования мы выделяем прежде всего керамику. Она по справедливости считается определяющим элементом каждой культуры, очень чутко реагирующим на любые внешние воздействия; керамика настолько характерна для сравнительно небольшой и замкнутой территории, что при достаточном количестве находок можно установить палеоэтнографические особенности если не каждого поселения, то уж во всяком случае группы их. В керамическом комплексе сразу видна посто-

ронная примесь, поскольку этот массовый вид изделий предназначался для внутреннего употребления, а рыночного обмена керамической продукцией тогда не существовало. Появление посторонней примеси должно сразу насторожить. И в том случае, если это изменение не было результатом спонтанного развития, надо искать за ним убедительные воздействия со стороны соседних культур.

Воздействия эти могли быть разными, как различны были формы общения оседлых земледельческих коллективов. Когда мы имеем значительный процент инокультурной керамики, можно думать о чужеродном вторжении — в те времена вещи в массовом количестве не распространялись без людей на соседние территории. Небольшой процент говорит о мирном импорте, который мог осуществляться либо за счет обмена, либо за счет переселения одиночных людей из одной этнической (племенной) группы в другую (например, при заключении браков). Во всяком случае инокультурная керамическая продукция того времени отчетливо видна на фоне местного керамического комплекса.

Погребальное сооружение — катакомба — является одним из важных элементов культуры, но оно слишком широко распространено по Евразийскому матерiku от степей Южной России до Шахри-Сохте на границе Ирана и Афганистана, до Сапалли-Тепе в Южном Узбекистане. Более того, конструкция погребального сооружения во многом зависит от природных условий, в которых живет тот или иной коллектив: в песке или каменистом грунте катакомбу не соорудить.

Совершенно особой категорией следует считать бронзовые изделия. Их типы не так широко распространены, как погребальные сооружения, но они и не столь узколокальны, как определенный керамический комплекс. Металлические изделия тоже не так долговечны, как конструкция погребального сооружения, но и срок их жизни не столь краток, как у керамических сосудов. Изделия из металла независимо от типа являются наиболее интернациональными, и в ряде случаев бывает трудно установить место, откуда они распространились по широкой территории.

Как можно видеть, разные признаки культурного комплекса содержат разную информацию. Так, конструкцию погребальных сооружений, а именно катакомбу, для нашей цели привлекать нецелесообразно, поскольку она распространена по широкой территории. Керамика, наоборот, является узколокальным и изменчивым признаком культуры. Она может охарактеризовать культурную принадлежность памятника, установить связи, сходство и различия культур между собой, однако не может сама по себе служить инструментом для определения абсолютной хронологии памятника. Керамика только в том случае получает хронологическую значимость, когда другие признаки культурного комплекса ей это сообщают. Металлические предметы могут в первую очередь быть источником для определения хронологии. Это — оружие, инструменты, украшения. Они не имеют узколокального характера и служат надежным связующим материалом между культурами главным образом в отношении хронологии.

В дальнейшем будут рассмотрены отдельно керамика и металлические изделия, поскольку первая поможет определить культурную при-

надлежность исследуемых памятников, а вторые — их хронологию (т. е. керамика является пространственным, а металлические изделия — временным определителем культуры). Причем рассмотрение керамики имеет в основе территориальный признак, а остальных вещей — тип предмета.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И АНАЛИЗ КЕРАМИКИ

Керамика долины Сумбара и северной подгорной равнины Копетдага

Среди керамического комплекса Сумбарских могильников обнаружены сосуды, которые по всем своим признакам — форме, глиняному тесту, цвету и обработке поверхности — выпадают из него. Это горшок (С-I-52), две хумчи (С-I-116, 144), четыре кувшина (С-I-40, 116, 173 и П-I-24), чаша (С-I-76) и два обломка неопределимых крупных сосудов (С-I-63, 150) — всего 10 находок. Горшок практически не выделяется из аналогичных сосудов типа позднего Намазга V с Алтын-Депе и Намазга-Тепе своей формой и цветом поверхности. Хумчи обладают характерной выкружкой в придонной части, указывающей на применение специальных керамических подставок [Хлопина, 1971, с. 212—213], не найденных в долине Сумбара. Кувшины имеют широкое дно и приземистое тулово, а также светлый, желтый или красный непрочный ангоб, нехарактерный для местных керамических изделий; чаша — острое ребро и беловатый ангоб по красному тесту.

В группу импортной посуды, с северо-востока, мы сочли возможным включить еще три сосуда: два кубка (С-I-5, 12) и вазу на профилированной ножке (С-I-11), несмотря на то что все они изготовлены из серого глиняного теста. Дело в том, что на поселениях времени Намазга VI подгорной равнины Копетдага, особенно на Теккем-Тепе, было обнаружено значительное количество кубков (около 50), по форме идентичных сумбарским; на «Вышке» Намазга-Тепе и на Теккем-Тепе было найдено также около 50 ваз с профилированной ножкой, только они отличались от сумбарской красноангобированной поверхностью, иногда с зеленоватыми пятнами от неравномерного обжига. На основании сходства форм, а главное — их значительного количественного перевеса на памятниках подгорной равнины Копетдага кубки и вазу с профилированной ножкой можно считать изготовленными на этих поселениях и привезенными оттуда.

Перечисленные импортные сосуды составляют 2% от всего количества керамических изделий и довольно определенно укладываются в хорошо разработанную для памятников северной подгорной равнины Копетдага стратиграфическую и хронологическую шкалу: они относятся к позднему Намазга V—раннему Намазга VI. Более четко эти сосуды не могут быть стратифицированы, ибо для эпохи бронзы отмечается значительная унификация керамики и ее невозможно разделить по строительным горизонтам.

Поскольку между равнозначными культурами связи были двусторонними, надо попытаться обнаружить на поселениях подгорной равнины

Копетдага импортную посуду из Юго-Западной Туркмении. И действительно, такая посуда найдена при раскопках поселений времени Намазга VI, но ее нет на памятниках времени Намазга V; здесь следует учитывать разный характер памятников подгорной полосы и долины Сумбара: в первой есть только поселения, во второй — пока только могильники. На Теккем-Тепе встречены два серых конических сосуда со сливом, горшочек с открытым носиком несколько измененных пропорций, на Намазга-Тепе — фрагменты от чайников со сложными носиками (собственно носики).

Установленные случаи взаимопроникновения чужеродных сосудов на памятники соседних культурных областей позволяют отнести могильники долины Сумбара ко времени Намазга VI.

Таким образом, сравнение керамики с памятников эпохи поздней бронзы долины Сумбара и северной подгорной равнины Копетдага и их синхронизация подтвердили, что данные территории входили в разные культурные области. Хребты Копетдага являлись естественной границей между ними, во всяком случае в эпоху бронзы. Если между культурой намазгинского типа и культурами древней дельты Мургаба, северных предгорий Гиндукуша (Северный Афганистан) и южных районов Среднеазиатского междуречья можно видеть генетическое родство, то между всей этой культурной зоной и Юго-Восточным Закаспием, куда в географическом отношении входит долина Сумбара, такое родство не только не устанавливается, но все говорит против него.

Керамика долины Сумбара и Мешед-Мисрианской равнины

На Мешед-Мисрианской равнине и Чатском земельном массиве, расположенных к северу от Атрека, известно несколько десятков поселений культуры архаического Дахистана поздней бронзы и раннего железа. Некоторые из них изучали при помощи шурфов, которые дали значительный керамический материал. Однако количество целых сосудов на всех поселениях не достигает и десятой доли керамической коллекции из Сумбарских могильников, зато фрагментов насчитывается от нескольких сотен до 1500 на каждом поселении. При сравнении этих материалов следует также учитывать разную специфику сложения закрытого могильного комплекса и открытого комплекса культурного слоя поселения.

Основные находки на поселениях — фрагменты хозяйственной и тарной посуды коллективного пользования, хумов и хумчей, — отличаются от таковых из могильников, где преобладают сосуды индивидуального пользования, хотя хумчи обнаружены практически в каждой взрослой могиле. Вместо коллективных кухонных котлов, обычных в культурном слое поселений, в могилах встречены кухонные котелки также индивидуального пользования.

В столовой посуде можно отметить несколько совпадений. К примеру, на памятниках обоих районов есть конические сосуды со сливом, но с незначительными конструктивными различиями: на поселениях архаического Дахистана эти сосуды имеют большие боковые и малень-

кие петельчатые ручки под сливом, а из Сумбарских могильников такие сосуды с ручками неизвестны. И в том и в другом районе встречены горшочки с открытым носиком, но на поселениях они редки. Такой тип посуды, как кувшины, можно считать общим, но эти сосуды имеют несовпадающие признаки: разные общие пропорции и разное место прикрепления верхнего края ручки. У кувшинов из Сумбарских могильников она прикреплена к самому краю венчика, а у кувшинов с поселений культуры архаического Дахистана — ниже края венчика.

На поселениях культуры архаического Дахистана встречены фрагменты чайников со сложными носиками, которые, несмотря на сравнительно малое количество, являются определяющими и для керамического комплекса могильников среднего течения Сумбара. Однако при единой форме у этих сосудов имеются существенные различия, в частности на поселениях Мешед-Мисрианской равнины массивный сложный носик для прочности часто соединен с венчиком сосуда перемычкой.

Основная столовая посуда для приема пищи — чаши. Естественно, что эти сосуды есть везде, однако, выполняя одну функцию, они существенно различаются по конструкции. Так, основной и определяющей формой в Сумбарских могильниках является коническая чаша с вертикальной ручкой у дна; чаши с поселений Мешед-Мисрианской равнины, изготовленные из серого теста, имеют ручку в виде горизонтальной петли у венчика. Но самым серьезным надо считать широкое распространение на всех памятниках и во всех слоях этих памятников Мешед-Мисрианской равнины триподов; такие сосуды полностью отсутствуют в могильниках, но их фрагменты в значительном количестве найдены на поселениях культуры архаического Дахистана долины Сумбара. Кроме того, в описаниях раскопок на указанных поселениях содержится упоминания о других формах керамики, однако нет их воспроизведений. Например, нельзя установить, какой была чаша с вертикальной ручкой с усадьбы 19 Бенгуванского оазиса [Костюченко, Лисицына, Прищепенко, 1972, с. 60].

Наконец, на поселениях Мешед-Мисрианской равнины найдено большое количество различных керамических хозяйственных приспособлений: крышек разных форм, керамических педилок и т. п. В наших могильниках нет ни одного такого предмета, хотя в других могильниках эпохи бронзы (например, Сапалли-Тепе) они известны. Более того, в некоторых погребениях найдены горшочки и кувшины, накрытые обломками толстостенных сосудов или каменными плитками, — указание на то, что местное население было незнакомо со специально сделанными крышками.

Таким образом, сравнение керамических комплексов двух соседних территорий (рис. 9) показывает не столько сходство между ними, сколько значительное расхождение. Совпадает, да и то в общих чертах, всего несколько керамических форм, а этого слишком мало для того, чтобы считать названные комплексы родственными даже с учетом разного характера сравниваемых памятников. А отличаются даже технологические приемы изготовления посуды: до 80% столовой посуды с поселений Мешед-Мисрианской равнины изготовлено из светлого теста с небольшой прибавкой охристой пыли для придания сосуду своеобраз-

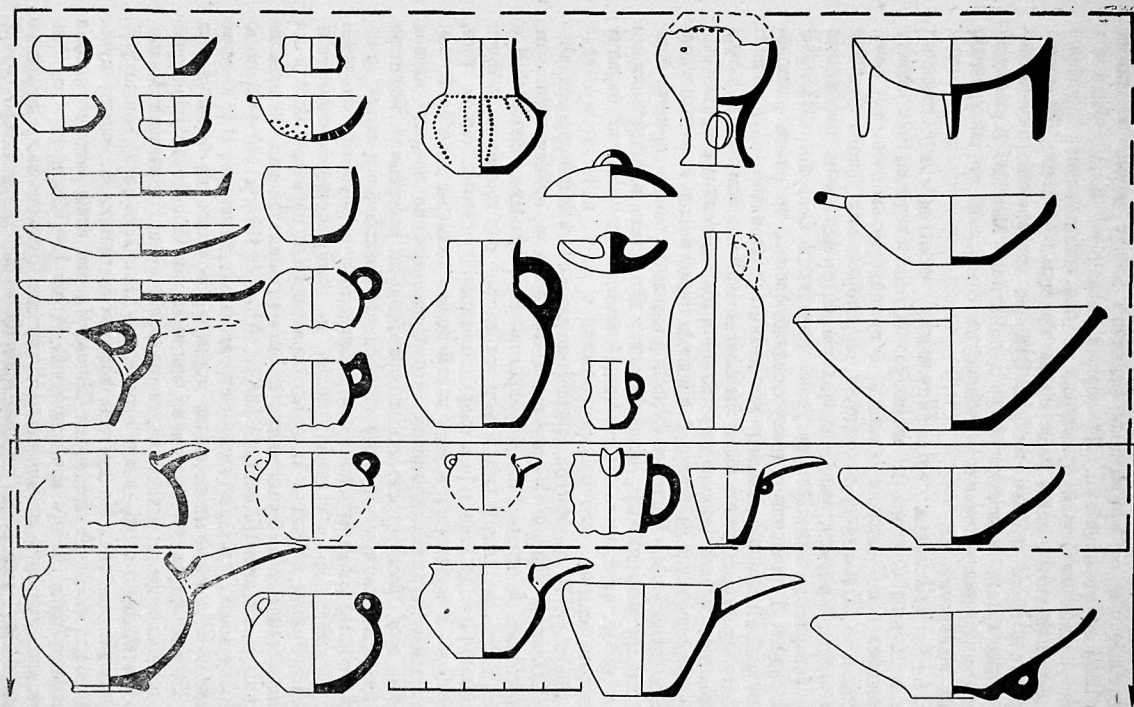

Рис. 9. Керамика с поселений культуры архаического Дахистана (обведена прерывистой линией) и некоторые сосуды из Сумбарских могильников (отделены сплошной линией).

ного светлого оттенка; в керамике Сумбарских могильников такой прием не использован.

Возникает вопрос о причинах различий между двумя соседними керамическими комплексами. На первый взгляд их можно было бы считать вариантами одной культуры, но при внимательной проверке такой вывод сделать нельзя. Реальны две причины: на Мешед-Мисрианской равнине и на среднем течении Сумбара одновременно существовали разные археологические культуры; памятники Мешед-Мисрианской равнины и среднего течения Сумбара не совпадали хронологически, т. е. они разновременны.

Между синхронными археологическими памятниками Северного Ирана и долины Сумбара во много раз больше сходства, чем между памятниками более близких областей, о которых только что шла речь. Если такие отдаленные друг от друга территории, как долина Сумбара и окрестности Тегерана, близки в культурном отношении настолько, что можно говорить о единой культурной провинции Северного Ирана и Юго-Западной Туркмении в эпоху поздней бронзы, то рядом расположенные районы, не разделенные естественными изоляторами, при синхронности культур должны были бы показывать еще большее культурное сходство. Поскольку же сходства не наблюдается, названные различия нельзя объяснить принадлежностью памятников к разным синхронным культурам. Поэтому надо тщательно проанализировать возможность хронологических различий между Сумбарскими могильниками и поселениями архаического Дахистана, несмотря на то что по первому впечатлению они кажутся одновременными.

В 1960-х гг. В. М. Массон предложил датировать культуру архаического Дахистана концом II—началом I тыс. до н. э., отметив при этом, что поселение на холме Мадау прекратило свое существование в VII—VI вв. до н. э. Данный вывод был им сделан на основании находок керамики типа Яз-Тепе II в верхнем слое поселения. Кроме того, о I тыс. до н. э. могут говорить как большие размеры поселений, так и выделение на них цитаделей, что произошло не раньше начала I тыс. до н. э. Число строительных горизонтов на поселениях, несмотря на значительную порой глубину шурфов, не превышает четырех; учитывая крупные размеры некоторых холмов, можно допустить, что поселение перемещалось в границах холма, не занимая его одновременно целиком. В этом случае количество строительных периодов исходя из предложенной в свое время методики определения таковых на энеолитических поселениях [Хлопин, 1964, с. 62—63; 1974, с. 75—76] надо условно удвоить, что даст восемь строительных периодов. Ну, а такое количество строительных периодов могло образоваться не более чем за 300—350 лет жизни коллектива на одном месте. Сопоставив наши расчеты с абсолютными датами верхнего строительного горизонта Мадау-Тепе и отсчитав в глубь веков означенное количество лет, можно увидеть, что нижние слои Мадау-Тепе, которые соответствуют началу культуры архаического Дахистана на Мешед-Мисрианской равнине, нельзя датировать более ранним временем, чем рубеж II—I тыс. до н. э. Следовательно, культура архаического Дахистана существовала несколько первых веков I тыс. до н. э. (примерно 1000—650 гг. до н. э.).

Археологические материалы не опровергают предложенного омоложения культуры архаического Дахистана. Вся керамика этой культуры, помимо кухонных котлов и культовых курильниц, сделана на гончарном круге; в Сумбарских же могильниках таким способом изготовлено всего 30% всей керамики, т. е. налицо явное отставание в технологии. Кроме того, среди сосудов культуры архаического Дахистана встречены чайники, носики которых соединены с венчиками перемычкой, в Сумбарских же могильниках таких сосудов нет; данный технологический прием является хронологическим признаком — он неизвестен на памятниках железного века I (далее — ЖВ-I) Ирана — 1350—1000 гг. до н. э., но характерен для железного века II (далее — ЖВ-II) — X—VIII вв. до н. э. [Медведская, 1977б]. Следовательно, слои поселения с подобными сосудами надо относить к I тыс. до н. э., а Сумбарские могильники по этому же признаку не выходят за пределы II тыс. до н. э. Единичные железные изделия с памятников культуры архаического Дахистана также подтверждают их датировку I тыс. до н. э. Одновременность керамики Сумбарских могильников и керамики поселений северной подгорной равнины Копетдага времени Намазга VI в свою очередь не позволяет поднимать Сумбарские могильники в I тыс. до н. э.

При сравнении двух культурных очагов достойно внимания полное отсутствие в могилах долины Сумбара триподов — ведущей керамической формы на памятниках культуры архаического Дахистана. Одно время, когда эти памятники считались синхронными, данный факт объясняли тем, что при погребении покойнику давалась дорожная посуда — коническая чаша с ручкой у дна, неизвестная именно по такой же причине на поселениях [Хлопин, 1973б, с. 89]. Однако некоторые иранские могильники (Сялк V, Кайтарие, Гиян I) имеют в погребальном инвентаре триподы, которые, согласно предлагаемому объяснению, не могли быть положены в могилу, и этот факт противоречит предложенной точке зрения. Если же рассматривать могильники долины Сумбара и памятники архаического Дахистана не синхронно, а последовательно, то все становится на свои места: триподы не могли оказаться в могилах поздней бронзы, потому что местное население тогда их не употребляло. Данное предположение подтвердит могильники железного века на той же территории, где могут быть (или не будут) обнаружены триподы.

Таким образом, причины столь резкого различия керамики поселений архаического Дахистана и могильников долины Сумбара могут быть объяснены их хронологическим несовпадением. Принимая это во внимание, можно восстановить хронологическую схему археологических культур Юго-Западной Туркмении следующим образом. В последних веках II тыс. до н. э. на среднем течении Сумбара существовала культура, представленная Сумбарскими могильниками; возможно, что она будет еще обнаружена в основании некоторых поселений культуры архаического Дахистана. В хронологическом отношении указанная культура соответствовала периоду Намазга VI подгорной полосы Копетдага. Где-то на рубеже II—I тыс. до н. э. эту культуру сменила культура архаического Дахистана, которая заняла южную часть Мешед-Мисрианской равнины и течение Сумбара до нынешнего пос. Кара-Кала.

Синхронизация культур подгорной зоны и юго-запада Туркмении

Дата (гг. до н. э.)	Юго-Западная Туркмения	Северная подгорная равнина Копетдага
600	?	$\uparrow$ Яз-Тепе-II
700		
800	Культура архаического	Яз-Тепе-I
900	Дахистана	
1000	(ЖВ-II)	
1100		
1200	Сумбарская культура	
1300	(ЖВ-I)	Намазга VI
1400	Предсумбарский комплекс	
1500	могильника Пархай II	Намазга V $\downarrow$

Там ее носители основали ряд поселений, в которых жили длительное время: не менее шести-семи строительных горизонтов на Пархай-Тепе. Хронологически культуру архаического Дахистана надо считать соответствовавшей периоду Яз-Тепе I подгорной равнины Копетдага или ЖВ-II Ирана (табл. 1).

Керамика долины Сумбара и памятников Ирана

Выше мы определили, что могильники долины Сумбара синхронны культуре ЖВ-I Северного Ирана. В Иране к этому времени последователи относят следующие памятники: Сиалк V (некрополь А); Гиан I, Хурвин, Хасанлу V, Марлик, Кайтарие. Все они представляют собой могильники, но для сравнительной характеристики мы пользуемся только восточными — Кайтарие, Хурвин, Сиалк V и отчасти Гиан I.

При сравнении керамических комплексов долины Сумбара и подгорной полосы Копетдага решающую роль сыграл двусторонний импорт, показавший несхожесть керамических комплексов двух соседних культурных провинций. Поэтому, прежде чем сравнивать керамический комплекс исследуемых могильников и памятников Ирана, надо посмотреть, нельзя ли выделить те сосуды, которые могут оказаться импортом в долину Сумбара с юго-запада.

Если определение доставленных с северо-востока в долину Сумбара и вывезенных из нее туда же сосудов не представляло особых трудностей, так как они выделялись из основного керамического комплекса пол-

ным отсутствием сходства с ним по всем показателям, то юго-западное направление культурных связей увидеть значительно труднее. Первый импорт можно назвать межкультурным, а второй — скорее результат внутрикультурного обмена керамической продукцией; такие явления уже известны в археологии Средней Азии (например, продукция гончаров подгорной полосы Копетдага в поселках Геоксюрского оазиса времени Намазга II—III [Хлопц, 1964]). И раньше, чем попытаться выделить импортные сосуды, нам нужно несколько уяснить характер и особенности импорта вообще.

Импортный предмет по своему качеству, внешнему виду и другим показателям должен быть чаще всего выше ординарного местного. Поэтому в керамическом комплексе надо определить те группы посуды, среди которых импортных изделий искать нельзя. Прежде всего это массовые изделия с выраженной внутренней стандартизацией, как например чаши с ручкой у дна, конические сосуды со сливом, чайники, всевозможные горшочки, кувшины и хумчи — они безусловно местного производства. К импортным изделиям не могут быть отнесены и сосуды невысокого качества выделки, так сказать, изделия второго сорта; к ним, по-видимому, принадлежат сосуды слабого обжига из кухонного теста.

Исходя из сказанного, круг изделий, среди которых можно искать импортные сосуды, значительно сузился — это чайники особо тщательной выделки, чаши с профилированным венчиком и ручкой у него (2 экз.), графины (2 экз.), бутыл с носиком-трубкой, ваза с резервуаром в поддоне и зооморфный сосуд. Однако не исключено, что не только среди перечисленных сосудов, но и среди более массовых изделий, например хумчей и кувшинов, может оказаться импортный предмет. Однако его выделение еще более затруднено и чревато ошибками из-за плохой разработанности типологии керамики иранских памятников.

Могильники Ирана, с керамикой которых мы собираемся сравнить керамику Сумбарских могильников, хотя и относятся к одному хронологическому периоду (ЖВ-I), по отнюдь не принадлежат к одной культуре. Их связывает в одну группу определенное сходство керамических изделий: на каждом из названных памятников есть общие для всех формы, но в целом комплексы имеют черты своеобразования, разное процентное соотношение типов керамики; кроме того, на каждом памятнике есть оригинальные сосуды, подчеркивающие специфичность комплекса. Поскольку синхронность иранских могильников доказана [Медведская, 1977а], мы будем сравнивать сосуды из сумбарского керамического комплекса с керамикой названных памятников Ирана (рис. 10).

Наличие хумчи в могиле — особенность сумбарской культуры; такой тип посуды встречен только в Спалке V. Но нигде нет горшочка с открытым носиком. Чаши как тип посуды имеются повсюду, но они везде самобытны. Так, в Хурвине из 15 чаш только у одной есть вертикальная ручка в середине тулова, у всех остальных ручка горизонтальная и расположена около венчика; этим они напоминают подобные сосуды с поселений культуры архайского Дахистана. Несмотря на малое количество материала, напрашивается вопрос, не является ли единственная чаша с вертикальной ручкой показателем сношений людей, оставивших Хурвинский могильник, с жителями более восточных областей, не

была ли эта чаша предметом импорта, тем более что она редкого в Хурвине красного цвета. Конические сосуды со сливом несколько иных пропорций и иного профиля встречены в Хурвине (1 экз.) и Кайтарие. Чайники со сложным носиком везде служат показателем хронологической и общекультурной принадлежности памятника, но всем им также свойственны черты своеобразия. В Хурвине все они имеют ручку, небольшой размер (11—14 см в высоту), но у них нет зобовидного утолщения носика и, кроме того, венчик либо отсутствует (как IVa), либо чуть обозначен (как IVb), либо сильно отогнут; не отмечено ни одного случая перемены между венчиком и носиком. Горшочки с трубчатыми носиками известны в Иране в небольших количествах, однако всем им свойственны ручка корзиночного типа и горшковидное тулово. Кувшины известны тоже везде: в Хурвине они широкогорлые, их ручка соединяет середину низкого горла с плечиком; в Кайтарие они имеют сфероидное тулово и длинное узкое горло чуть раструбом, а ручка проходит от середины горла к месту соединения его с туловом; в Сиялке V их немного — у всех сферическое тулово, невысокое горло, а ручка идет от места соединения горла с туловом к верхней части последнего. Горшочки с одной ручкой находят функциональное соответствие в Хурвине в широких кружках с ручкой; в Кайтарие встречена почти такая же форма наряду с типично иранскими вытянутыми бокалами на высоком поддоне; в Сиялке V для употребления жидкостей использовали также бокалы и кружки, непохожие на сумбарские. Вазы как тип сосуда зафиксированы только в Кайтарие.

Таким образом, в керамическом комплексе Сумбарских могильников в связи с поисками аналогов на памятниках Северного Ирана можно отметить три группы сосудов. Первая включает сосуды, характерные только для долины Сумбара (горшочек с открытым носиком, чаша с вертикальной ручкой у дна, горшочки с двумя ручками, сферические сосуды с двумя ручками); вторая — те сосуды, которые можно считать общими для горизонта серой керамики ЖВ-I Северного Ирана (конические сосуды со сливом, чайники со сложными носиками, сосуды с трубчатыми носиками, кувшины, горшочки с одной ручкой и без них, вазы); хумча в могилах найдена только в Сиялке V. В третью группу входят сосуды, которые, вероятнее всего, можно рассматривать в качестве предметов импорта из Ирана (графины с валиком вокруг горла и ручкой от середины горла к тулову широко представлены в Кайтарие, бутыл с внутренней трубкой-носиком известна в Кайтарие и позже в Сиялке VI).

Следовательно, сравнение керамических комплексов долины Сумбара и синхронных памятников Ирана позволяет сделать некоторые выводы относительно места Сумбарских могильников на Переднем Востоке. Поскольку имеется ряд общих форм для всей территории Северного Ирана и Юго-Западной Туркмении, последнюю можно включить в зону серой керамики Ирана конца II тыс. до н. э. Однако так как была доказана пестрота одновременных культур в самом Иране [Медведская, 1977б], нет никакой необходимости культуру среднего течения Сумбара связывать с каким-нибудь иранским памятником. Правильнее будет говорить, что могильники среднего течения Сумбара представляют собой отдельную культуру, в определенной степени родственную однотипным культурам

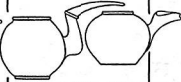
Сиалк V	Хурбин	Кайтарие	Сумбар	Шах-Тене IIa	Гиссар III
					
					
					
					
					
					
					
					
					
					
					
		+			
					
					
					
					

Рис. 10. Основные формы керамики из Сумбарских могильников и их соответствия в памятниках Северного Ирана.

Иран	Юго-Западная Туркмения	Северная равнина Копетдага	Мургабский оазис	Северная равнина Гиндукуша	Южный Узбекистан

Северного Ирана и входящую с ними в одну культурно-историческую провинцию, которая спустя несколько веков стала местом формирования мидийско-гирканского ираноязычного этнического объединения. Исходя из этого, Юго-Западную Туркмению можно считать обособленной культурной зоной на территории СССР, а существовавшую в ее пределах культуру поздней бронзы ничто не препятствует впредь называть сумбарской культурой.

Заканчивая сравнение керамики сумбарской культуры с керамикой одностипных памятников Северного Ирана, хочется сделать несколько замечаний о внутренней хронологии памятников этого периода, который длился в целом 350—400 лет. Поскольку ни один из названных могильников не мог функционировать в течение трех с половиной веков, надо посмотреть, нет ли данных для отнесения их хотя бы к началу, середине или концу этого периода. Мне кажется, что такие данные, хотя и не очень четкие, есть. Сумбарские могильники, представляющие собой единый культурный комплекс, скорее всего следует относить к середине указанного периода (см. ниже). Кайтарие, в составе керамического комплекса которого находятся триподы, характерные уже для железного века Юго-Западной Туркмении, нужно считать более молодым; вероятно, он функционировал во второй половине рассматриваемого периода, а могилы с триподами могли быть в числе поздних. Могильник Хурвин, по-видимому, синхронен Кайтарие или чуть моложе его: там в большом количестве представлены чаши с горизонтальной ручкой у венчика, не менее, чем триподы, характерные для культуры архаического Дахистана. Спалк V, как наиболее южный памятник, имеет не так много данных для уточнения времени существования в пределах последних веков II тыс. до н. э.

На основании изложенного целесообразно расширить синхронистическую таблицу и ввести в нее колонку с памятниками Северного Ирана (табл. 2).

Пучок аналогий принес хорошо известный памятник Шах-Тепе, расположенный в долине р. Горган, в 7 км к югу от нее и в 13 км к ССЗ от г. Горгана (Астрабада). Это древнее поселение раскапывал Т. Арне в 1932—1933 гг. Поскольку тогда оно являлось одним из первых земледельческих поселений Переднего Востока и аналогичные памятники не были известны, автор использовал подчас случайные сопоставления (Кипр, Анатолия, культура ферми, унетичская культура и т. п.), чтобы хоть как-то определить его место во времени.

Слой IIa, содержащий много керамических сосудов, аналогичных найденным в Сумбарских могильниках, занимает самое верхнее положение (слой I — мусульманского времени и перекрывает древнее селище) и датирован 2400—1800 гг. до н. э. Совпадает с Сумбаром прежде всего керамика из ряда погребений: вазы на полной ножке, конические сосуды со сливом, чайники со сложным носиком, горшочки с ручкой у венчика, кувшины; кроме того, на Шах-Тепе, но в более раннем слое (IIb) найдено значительное количество сосудов разных форм с двумя петельчатыми ручками, совершенно такими же, как у сферических сосудов с двумя ручками из Сумбарских могильников. В период IIa на Шах-Тепе эти ручки иногда сохраняются у горшочков, которые в добавление

Синхронизация культур Северного Ирана и Туркмении
(подгорной зоны и юго-запада)

Дата (гг. до н. э.)	Северный Иран		Юго-Западная Туркмения	Северная подгорная равнина Копетдага
600	Ахемениды		?	↑ Яз-Тепе II
700	Мидия			Культура архаического Дахистана
800	ЖВ-II	Сналк VI		
900				
1000	ЖВ-I	Хурвин	Сумбарская культура (Шах-Тепе II)	Намазга VI
1100				
1200				
1300				
1400	Сналк V		Предсумбарский комплекс могильника Пархай II	Намазга V
1500				↓

к ним получают трубчатый носик. Кстати, трубчатые носики широко представлены в слое IIa, но у сосудов других форм, чем в Сумбарских могильниках. Таким образом, налицо совпадение шести из 12 типов посуды на Сумбаре, к тому же можно проследить еще частичное совпадение деталей. Это значит, что процент сходства двух керамических комплексов равен по крайней мере 50 или даже больше. На основании сравнения только керамических комплексов можно предложить считать Сумбарские могильники и поселения северных предгорий Эльбурса (Шах-Тепе там не исключительное явление) принадлежащими одной культуре, правда двум ее вариантам, ареалы которых отстоят друг от друга по прямой линии на 250 км, но находятся в одной географической зоне.

По площади поселение на холме Шах-Тепе не было в ряду выдающихся. Эту роль скорее играло Тюренг-Тепе, расположенное в 18 км на ССВ от Астрабада, в 16 км южнее р. Горган, значительно ближе к горам, чем Шах-Тепе. В начале 1930-х гг. там проводила раскопки американская экспедиция д-ра Вульсина [Wulsin, 1932], а в 1960—1975 гг. работала французская экспедиция под руководством Ж. Дэйе [Deshayes, 1963, 1965, 1966, 1973, 1974a, 1974b). Еще в середине XIX в. в указанном районе был найден клад, который представлял собой остатки богатого погребения [Rostovtzeff, 1919]. Некоторые вещи оттуда имеют соответствия в слое IIa¹ Шах-Тепе, а также в материалах Сумбарских могильников, например золотой чайник со сложным носиком и сферическим туловом без венчика. Следовательно, есть основания считать комплекс клада синхронным как слою IIa¹ Шах-Тепе, так и Сумбарским могильникам.

Гиссар расположен в соседней географической зоне, отделенной от Юго-Восточного Закаспия хребтом Эльбурс. Методика его раскопок, проведенных Э. Шмидтом в 1930-х гг. [Schmidt, 1937], а также публикация материалов не соответствуют сегодняшним требованиям науки, но до появления сведений о новых проверочных раскопках этого крайне важного памятника приходится ими пользоваться. Как бы ни датировать Гиссар, материалы Сумбарских могильников содержат ряд совпадений в керамике из слоев IIIB и IIIC. Так, совпадают конические сосуды с двумя петельчатыми ручками, кувшины с ручкой и горшочки с одной ручкой (IIIC).

В связи с этим хочется отметить более отдаленные аналогии для сферических сосудов с двумя ручками: совершенно такие же сосуды (правда, светло-коричневые, а не серые) найдены в могильнике Барди-Бал (Луристан). Л. Ванденберг считает, что захоронения с ними следует датировать концом ЖВ-I. Кроме того, в том же могильнике в двух погребениях встречены сосуды со сливами, в одном — горшочек с открытым носиком и ручкой [Vanden Berghe, 1973].

Керамика долины Сумбара и юго-восточных областей Средней Азии

К востоку от северной подгорной равнины Копетдага, в древней дельте Мургаба, на северной подгорной равнине Гиндукуша и в южной части Среднеазиатского междуречья расположены очаги вторичных земледельческих культур эпохи бронзы. Раскопками последних 10 лет там открыты и изучены принципиально новые могильники, которые, с одной стороны, по материалам синхронны Сумбарским, с другой — отчетливо позволяют определить, за счет чего, откуда и когда возникли названные очаги. В настоящее время общепризнанно, что культура этих мест относится к эпохе поздней бронзы (XIV—X вв. до н. э.), а произошла она в результате передвижения на восток населения северной подгорной равнины Копетдага в конце периода Намазга V—начале периода Намазга VI [Сарианиди, 1977а; Хлопина, 1978, и др.].

Комплекс погребального инвентаря из 10 погребений могильника Дашлы 1 и из 54 погребений могильника Дашлы 3 состоит в основном из керамики. Вся она местного изготовления, но генетические корни имеет в комплексах позднего Намазга V—раннего Намазга VI. Однако можно выделить небольшую группу серой керамики, которая выпадает из основного комплекса и, по мнению В. И. Сарианиди, находит прямые аналогии в керамике Северо-Восточного Ирана. К сожалению, эта керамика только названа, что не дает возможности провести более точное сопоставление. Данная керамика может быть только прямым импортом из указанных областей, точно так же, как посуда из северных предгорий Копетдага в комплексе Сумбарских могильников.

Несколько детальнее можно судить о соответствиях керамике Гиссара III в погребениях Сапалли-Тепе — это кубки на ножках, кувшины с низким горлом и вытянуто-овальным туловом, шаровидные кувшины с катушкообразным горлом; перечисленные формы местного изготовле-

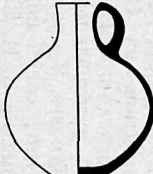
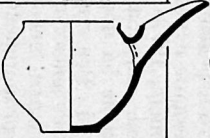
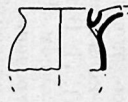
<i>Северо-Восточный Иран</i>	<i>Юго-Западная Туркмения</i>	<i>Северная подгорная равнина Копетдага</i>	<i>Мургабский оазис</i>	<i>Северная подгорная равнина Гиндукуша</i>	<i>Южный Узбекистан</i>
					
					
					
					

Рис. 11. Формы керамики из Сумбарских могильников и их соответствия в памятниках юго-восточных земледельческих областей Средней Азии.

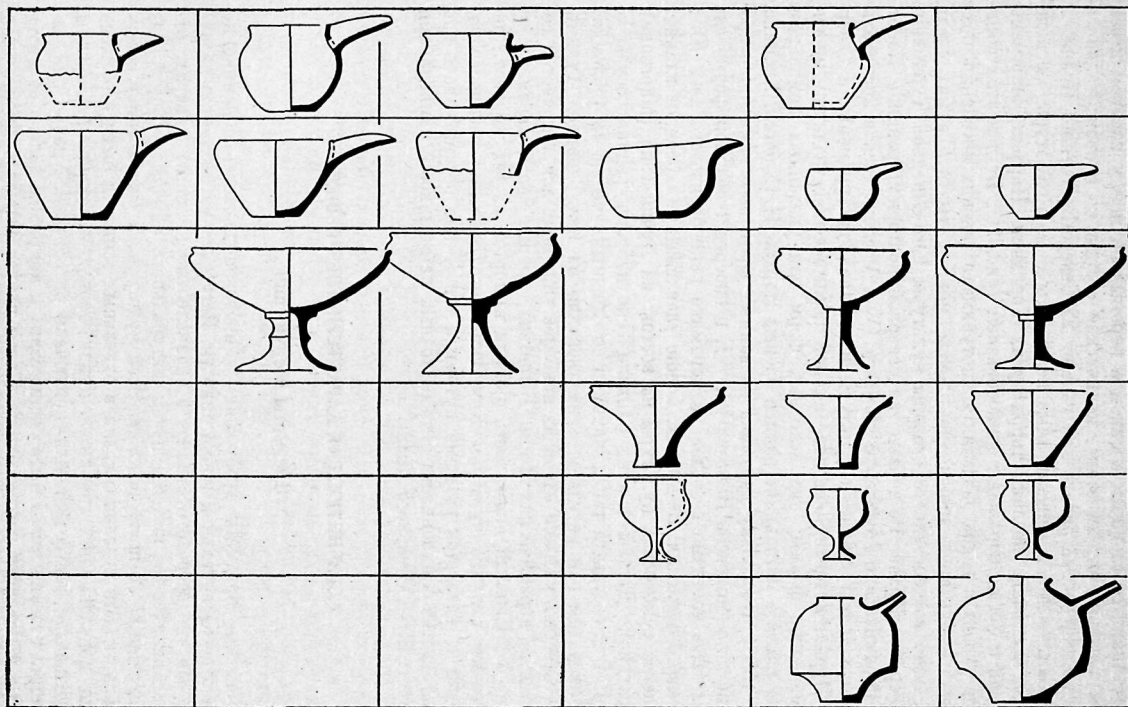

Рис. 11 (продолжение).

ния, и можно рассматривать их как результат влияния. Кроме того, найдены сероглиняные сосуды следующих форм: чайники с трубчатым носиком, чайники со сложным носиком и перемышкой между носиком и венчиком (джаркутанский этап), конические сосуды со сливом; такие сосуды можно рассматривать как импорт из Северо-Восточного Ирана.

Керамические и вещественные комплексы очагов культуры, расположенных на более поздних территориях Гиркании, Парфии, Маргианы, Бактрии и Согда, поражают единообразием (рис. 11). Истоки этих комплексов уходят в недра развалин южнотуркменистанских поселений эпохи бронзы. Анализируя данные комплексы, можно отметить в них следы различного воздействия со стороны культуры Юго-Западной Туркмении и Северного Ирана. Во-первых, на северной подгорной равнине Копетдага керамические комплексы Намазга IV и V сложились в значительной степени под влиянием культуры Юго-Западной Туркмении и Северного Ирана, которая передала местной керамической традиции многие керамические формы; ряд исходных форм для указанных комплексов можно найти в могильнике ранней бронзы Пархай II [Хлопин, Хлопина, 1979, 1980]. Поскольку керамика названных восточных памятников происходит от комплексов Намазга V и VI, в опосредствованной форме она может быть частично возведена к керамике раннебронзового века Юго-Восточного Закаспия. Во-вторых, можно улавливать ослабленное влияние комплекса сумбарской культуры на восток: на Аучин-Тепе (Маргиана), в могильнике Дашлы 1 и на Сапалли-Тепе найдены редкие сосуды со сливом. Эти сосуды, а также чайники со сложными носиками (обломки) появились там как результат заимствования из Юго-Западной Туркмении и Северного Ирана одной из наиболее типичных для тех мест и совершенных керамических форм. В-третьих, группа серой керамики из Дашлы 3 и Сапалли может быть прямым импортом из тех же мест. Следовательно, влияние культуры Юго-Восточного Закаспия распространялось далеко на восток разными путями и его можно рассматривать как доказательство синхронности этих восточных памятников с памятниками культуры ЖВ-I Северного Ирана.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕЩЕЙ

Предметы вооружения

Бронзовые предметы вооружения в противоположность керамике не имеют строгой локальной привязанности. Изготовление предметов вооружения обычно сосредоточивалось в сравнительно немногих центрах; отсюда металлические изделия путем натурального обмена распространялись прежде всего по территории своей культуры, а уже потом в соседние области. Эти изделия оседали в отдельных семьях и были в обиходе не одно поколение; их ломали и чинили, теряли и помещали в могилы с владельцами, чем сознательно исключали из обихода. Удачно найденная форма изделия могла быть скопирована и повторена далеко от места его первоначального изготовления; в этом случае вероятен иной состав металла.

Одинаковые предметы вооружения, найденные на разных памятниках, с одной стороны, указывают на их синхронность, с другой — эти же предметы могли в действительности сильно разойтись во времени. Однако последним принято пренебрегать и больше склоняться к теории синхронности; по-видимому, так будет правильнее, особенно если исходить из того, что каждый тип вещи имел свой срок жизни, а эти сроки в среднем совпадали везде. В то же время до нас дошло ничтожное количество бронзовых предметов вооружения, причем чем крупнее и массивнее предмет, тем слабее у него была возможность пройти сквозь фильтр тысячелетий. Поэтому насчитывается относительно много наконечников стрел, меньше — наконечников копий и ножей, а мечи, кинжалы или топоры представлены единицами. Значит, при анализе металлических предметов вооружения надо иметь в виду, что отсутствие какого-нибудь из них на том или ином памятнике отражает вовсе не его действительное отсутствие в то время, а только уровень наших сегодняшних знаний о данном предмете.

Листовидные с упором и усиливающим ребром наконечники стрел были выделены Е. Е. Кузьминой в особый тип, местом возникновения которого была определена Южная Туркмения [1966, с. 33]. Это было сделано до раскопок в долине Сумбара, которые не только подтвердили принципиальную правильность данного мнения, но и несколько переместили возможный центр их изготовления на поселения Юго-Западной Туркмении. В течение последнего десятилетия к двум ранее известным наконечникам стрел с поселений Мешед-Мисрианской равнины прибавились еще один оттуда же [Комаровская, Панарин, 1970, рис. 60, 1], 8 экз. из Сумбарских могильников и, что, пожалуй, наиболее существенно, литые каменные формы с поселений подгорной равнины Копетдага [Щетенко, 1972, с. 53]. Хотя мы и не имеем прямых доказательств изготовления таких наконечников стрел в Юго-Западной Туркмении, нельзя также считать все изделия подобного рода привозными с поселений подгорной равнины Копетдага только на том основании, что там найдены неоспоримые свидетельства их местного изготовления. Скорее всего, по всей южной сельскохозяйственной зоне наконечники стрел изготавливали принципиально одной формы. Эти наконечники следует датировать широко — второй половиной II — началом I тыс. до н. э.

Наконечники дротиков или легких метательных копий найдены в меньшем количестве; они обнаружены в Сумбарских могильниках, а один — в Намазга-Тепе [Кузьмина, 1966, с. 31]. Поскольку дротики повторяют во многих деталях наконечники стрел (срединное ребро, упор на черешке, ширина пера), можно считать, что производство наконечников дротиков было распространено на тех же территориях. Называть этот предмет привозным нельзя, это — местное изделие, но значительно более широкого ареала, чем та или иная культура, выделенная по керамике.

Наконечники тяжелых ударных копий по своему применению соответствовали поздней рогатине и известны в еще меньшем количестве. С перечисленными предметами вооружения их сближает черешковый насад, что позволяет эти изделия считать также происходящими из южных сельскохозяйственных областей. Однако они не имеют столь явного

упора, как например копыа из верхнего слоя Гиссара; кроме того, последние отличаются длинным черешком с крючком для прочной заделки в древке.

Кинжал из могильника Сумбар I не имеет аналогий, если не считать меча с Мадау-Тепе (культура архаического Дахистана) длиной 54 см [Массон, 1956а, с. 405]. У того и другого мощное срединное ребро и маленький отросток для прикрепления рукояти. У сумбарского экземпляра в этом отростке есть отверстие для заклепки, а в мадауском такое отверстие неизвестно, хотя не исключено, что оно и было.

К предметам вооружения относятся четыре каменных наверший булав, которые по ряду признаков отличаются от наверший посохов, несущих какую-то социально-идеологическую нагрузку. Поскольку до сих пор не производилось отделение булав от наверший, трудно сказать, имелись ли эти предметы вооружения у других народов. Видимо, там, где найдены наверший, были в обиходе и булавы.

Таким образом, комплекс характерных предметов вооружения практически не обнаруживает большого сходства с аналогичными изделиями из соседних областей. Хотя предметов вооружения эпохи развитой и поздней бронзы на подгорной равнине Копетдага известно мало, но они достаточно выразительны, что позволяет говорить о том, что в Юго-Западной Туркмении и на северной подгорной равнине Копетдага были разные металлургические традиции. Комплекс вооружения, как и комплекс керамики из Юго-Западной Туркмении, имеет более четкую юго-западную ориентацию. Тем более что, например, кинжал из Сумбарского могильника как будто находит соответствия в талышских погребениях эпохи поздней бронзы [Кузьмина, 1966, с. 54; Morgan, 1896, p. 63].

Инструменты

Ножи с длинным и прямым лезвием известны практически везде, поскольку их форма полностью отвечала назначению, которое было довольно разносторонним в отличие от узкоспециализированных инструментов. Они имеют обоюдоострый плоский клинок без срединного ребра, но с незначительным утолщением, небольшой черешок для насада рукояти, но без отверстий для заклепок. Такие предметы, надо полагать, изготавливались если не в каждом поселении, то уж в каждой их группе; они, вероятно, не были объектом обмена. Истоки обоюдоострой формы ножа уходят к ранним этапам металлургии; подобные изделия найдены в энеолитических слоях поселений северной подгорной равнины Копетдага и Геоксюрского оазиса. Попутно следует сказать, что на памятниках южной земледельческой зоны в целом эти ножи преобладают, хотя известно несколько однолезвийных ножей (Намазга-Тепе, Яз-Тепе и др.). Что касается последних, то они исключительно широко распространены на востоке и северо-востоке Средней Азии, в Фергане, Северной Киргизии, Ташкентском оазисе [Кузьмина, 1966, с. 37—50]. Находки таких ножей в Южной Туркмении можно объяснить лишь тем, что перед нами пример взаимопроникновения двух обособленных культурных традиций: передневносточной, связанной с изобретением и изготовлением двулезвий-

ных ножей на деревянной рукояти, и центральноазиатской, связанной с изобретением и изготовлением однолезвийных ножей с металлической же рукоятью.

Ножи с коротким полукруглым лезвием и с черешком для насада рукояти являлись очень специфическим инструментом, предназначенным исключительно для разрезания. Аналогии этим инструментам нам неизвестны.

Шилья настолько многочисленны и однотипны начиная с самых ранних этапов развития металлургии, что не могут служить каким-либо ориентиром хронологии памятника.

Вязальные спицы можно считать таковыми только потому, что они лежали в погребениях всегда парами. Эти предметы могут быть обнаружены только в могильниках. Действительно, они найдены в захоронениях Сапалли-Тепе [Аскаров, 1977, с. 73, табл. XXXIII]. Отдельные стержни широко известны и в других местах к востоку и западу от ареала сумбарской культуры, но их нельзя считать спицами.

Иглы встречены в Сумбарских могильниках также парами. Они известны во всех оседлоземледельческих культурах с самых ранних времен и поэтому не могут быть использованы для установления относительной хронологии памятников.

Ковровые ножи — тонкая полукруглая пластина с выгнутым режущим краем и отверстием на одном из концов для прикрепления рукояти — также специфичны. На сегодняшний день известны две аналогии: в слое IIa¹ Шах-Тепе [Arne, 1945, fig. 606] — нож с закрученной в кольцо рукоятью, происходящий, как и сумбарские, из разрушенного женского погребения с прислицем, и в слое IIIB Гиссара [Schmidt, 1937, Н. 3863].

Обойма из фаянса в виде широкой и короткой трубки с тонкими стенками является редкой находкой, но связывается нами с инструментами, а не с украшениями по ряду признаков и наблюдений. Скорее всего, такие предметы были предназначены для охвата деревянных рукоятей ковровых ножей. Аналогии им указать пока затруднительно, помимо предмета, найденного в слое IIa¹ Шах-Тепе [Arne, 1945, p. 289, fig. 606], который во всем соответствует изделиям из Сумбарских могильников, кроме орнаментального оформления.

Веретена, от которых сохраняется лишь их неорганическая часть — прислица, это тоже инструмент. Прислица строгой биконической формы и изготовлены только из камня, но, видимо, разных пород. Такие предметы широко известны во всех оседлоземледельческих культурах южной зоны. Однако предметы столь строгой формы происходят только из слоев поздней бронзы: они найдены в Маргиане, причем там отличаются кружковым орнаментом [Массон, 1959, табл. XII, 1—3], в Бактрии, где есть и с кружковым орнаментом, и без него [Сарианиди, 1976а, с. 42], в Согде, где также имеются орнаментированные, хотя преобладают гладкие [Аскаров, 1977, табл. XXXIV—XXXV]. Прислица с кружковым орнаментом встречены в Гиссаре [Schmidt, 1937, pl. XX], в слоях Джхукара памятников долины Инда [Majumdar, 1934, pl. XXXIII] и в Мундигаке IV₃ [Casal, 1961, fig. 138]. В дополнение следует отметить наличие неорнаментированных прислиц совершенной биконической формы в слое Шах-Тепе IIa¹ [Arne, 1945, pl. XXVI].

Такие пряслица являются довольно определенным показателем принадлежности памятника к эпохе поздней бронзы, поскольку подобные предметы более раннего и более позднего времени отличаются своими пропорциями. Но особенно следует обратить внимание на стегитовые орнаментированные пряслица, большинство которых происходит с мургабских поселений эпохи поздней бронзы. По-видимому, это изделия одного мастера или группы мастеров, которые не только обеспечили ими женщин своих поселений, но и распространили их по широкой территории. В данном случае пряслица надо рассматривать не только как показатель эпохи, но и как показатель строгой синхронности. Это значит, что слои поселений с такими изделиями, а также с другими, украшенными кружковым орнаментом, как например в Гиссаре IIIB, следует считать практически одновременными.

Фаянсовые штампы усеченно-конической формы причислены к инструментам. По своему назначению они входят в обширную группу так называемых печатей, широко распространенных на земледельческих поселениях южной зоны в эпоху развитой и отчасти поздней бронзы и употреблявшихся для нанесения орнаментальных фриз с одинаковыми элементами [Хлопин, 1978, с. 33—38]. Эти «печати», которых только на памятниках северной подгорной равнины Копетдага, на землях Древней Бактрии (поселения Дашлы 1 и 3) и Древнего Согда (поселение и могильник Сапалли-Тепе) насчитывается много десятков, были сделаны из бронзы, камня и терракоты. Фаянс как материал для их изготовления восточнее долины Сумбара неизвестен, что заставляет рассматривать подделки из фаянса в качестве влияния какой-то западной индустрии. Следовательно, само их наличие в Сумбарских могильниках не противоречит отнесению последних к эпохе поздней бронзы. Тожественные изделия найдены в слое IIa¹ Шах-Тепе, в могиле с разрушенным женским погребением. Кроме усеченно-конической поделки там же были два пирамидальных штампа с изображением крючкового орнамента, напоминающего свастику [Arne, 1945, p. 288, fig. 605].

Обзор инструментов показывает, что среди них есть как широко распространенные типы предметов (ножи с прямым лезвием, спицы, пряслица, штампы), так и специфические для Юго-Западной Туркмении (ножи с коротким лезвием, ковровые ножи). Эти предметы играют роль надежного синхронизатора культурных слоев не только разных памятников одной культуры, но и разных культурных провинций.

Предметы престижности

Из предметов престижности, к которым относятся каменные наверхия жезлов или посохов, бронзовые пластинчатые диадемы и широкие бронзовые наручи с орнаментом, только первым двум можно подобрать аналогии в культурах Переднего Востока и Средней Азии; наручи же являются пока уникальными предметами.

Каменные наверхия посохов известны в культурах южного земледельческого пояса достаточно хорошо, но они имеют определенные временные рамки. Так, несмотря на большие масштабы работ, эти предметы

не были найдены в слоях развитой бронзы (Намазга V), зато они есть в слоях поздней бронзы (Намазга VI) и раннего железного века (Яз-Тепе I) — обнаружены на Теккем-Тепе [Ганялин, 1956а, с. 73; Щетенко, 1973, с. 485]. Восточнее подгорной равнины такие изделия не встречены, кроме единственного экземпляра в могильнике Тигровая Балка в Таджикистане, где его можно расценивать как далекий импорт [Пьянкова, 1974, с. 178—179]. Но на иранских памятниках они известны: каменные — в слое Шах-Тепе II [Arne, 1945, fig. 572, b], бронзовые — в Гиссаре [Schmidt, 1937, pl. LII], медные — в Астрабадском кладе с Тюренг-Тепе [Rostovtzeff, 1919]; аналогичный предмет был найден также в слое VI (некрополь В) Сялка и относится уже к раннему железному веку [Ghirshman, 1939, p. 48].

Есть и более удаленные аналогии каменным навершиям посохов или жезлов. В сумбарской культуре известно всего 12 наверший (одно — случайная находка, остальные — из погребений), причем только восемь из них можно считать навершиями посохов, а остальные четыре — наверший булав (см. выше). Подобных предметов в Чога-Замбиле при раскопках храма Киририши (Элам) найдено много десятков [Ghirshman, 1966, pl. LVII—LXI]. Совпадения между этими изделиями просто поразительные (рис. 12). Во-первых, на обоих памятниках встречены навершия двух цветов — белые и черные (темно-синие). Во-вторых, форма белых наверший бывает двоякая: с валиком и без него на конце шейки; черные навершия в долине Сумбара всегда сферические, но с более или менее четко выраженной шейкой, а в Эламе они известны и грушевидной формы. В-третьих, совпадают линейные размеры наверший. В-четвертых, отверстие для насадки навершия на посох высверлено так, что в разрезе представляет собой усеченный конус, сужающийся вверх.

На некоторых навершиях из Чога-Замбила имеются надписи с именем эламского царя Аттаркиттаха, сына Игехалки, который царствовал в 1310—1300 гг. до н. э. Постройка указанного храмового комплекса относится к XIII в. до н. э. [Хинц, 1977, с. 50], а запустение — к XI (?) в., поскольку тогда прекращается период Среднеэламского царства, разгромленного Вавилоном. Названные предметы могли попасть в храм при его постройке Унташ-Напиришей, как принадлежавшие предкам последнего, но они могли попасть туда и в качестве более поздних приношений. Однако для нас тут важна прежде всего надпись с именем царя Аттаркиттаха. Эти навершия являются предметами, подтверждающими предложенную датировку сумбарской культуры XIV—X вв. до н. э., особенно ее нижнюю границу.

Наиболее существенно решить, однако, вопрос о том, имеем ли мы право привлекать эти предметы для подтверждения дат сумбарской культуры, столь далекой от Элама. Экспансия Элама на северо-восток, фиксируемая по табличкам с протоэламскими надписями в слое IV Сялка (у современного г. Кашана), началась в первые века III тыс. до н. э., во времена Древнеэламского царства. Затем Элам с 1500 по 1350 г. до н. э. находился под властью касситской династии Вавилона. С конца XIV в. до н. э. проникновение эламского влияния возобновилось в связи с началом политического подъема этого государства в среднеэламский период и происходило по традиционным маршрутам и направлениям. Именно

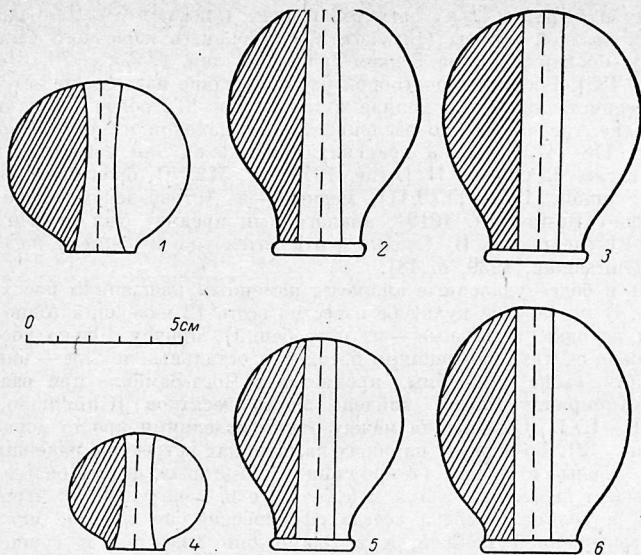

Рис. 12. Навершия посохов (булав) из Сумбарских могильников (1—3) и Элама (4—6).

в данный период своей истории Элам оказал общепризнанное влияние на своих северных соседей — племена будущей Мидии — и заложил те основы государства, которые через столетия были переняты Ахеменидским Ираном [Фрай, 1972, с. 91]. А по времени это соответствовало позднебронзовому веку Юго-Восточного Закаспия, и не исключено, что влияние Элама на далекие северо-восточные области способствовало началу там каких-то внутренних социальных процессов, приведших впоследствии к распаду первобытнородовых отношений, и это помогло более органичному вхождению закаспийских племен в государство Ахеменидов.

На основании высказанных соображений представляется, что привлечение навушней из Элама, сходных во всем с сумбарскими, для подтверждения хронологических рамок сумбарской культуры является правильным. Именно эти предметы, которые не имеют признаков, характерных для керамики, изготовлявшейся в основном для внутреннего употребления, свидетельствуют о том, что предложенная датировка сумбарской культуры XIV—X вв. до н. э. может быть принята с еще большим основанием.

Бронзовые пластинчатые диадемы известны на поселениях подгорной равнины Копетдага в двух погребениях Намазга-Тепе времени Намазга VI [Массон, 1959, с. 111] и в погр. 7 так называемого Янги-Калин-

ского могильника [Ганялин, 19566, с. 382], а также на некоторых памятниках Северного Ирана, в частности в Гиссаре III [Schmidt, 1937, pl. LV], и в Эламе — в Чога-Замбиле [Ghirshman, 1966].

Украшения

Украшения подразделяются на металлические, каменные и изготовленные из искусственных материалов.

Спиральные бронзовые кольца с четким назначением — украшения для волос — известны только в слое IIa¹ Шах-Тепе [Arne, 1945, p. 300]. Лепестковые бусы в золотом исполнении найдены на Алтын-Депе [Массон, 1981, табл. XXII, 2), бронзовые — в слое III Гиссара [Schmidt, 1937, pl. LXVI]. Короткие булавки с рифленной головкой были обнаружены в Сапалли-Тепе [Аскарлов, 1977, табл. X], булавки с крестовидным навершием — в Янги-Калинском могильнике [Ганялин, 19566, с. 379]. Каменные литейные формы для изготовления булавок с крестовидным навершием, совпадающих с сумбарскими, встречены в IV строительном горизонте поселения «Вышка» Намазга-Тепе [Щетенко, 1971, с. 431]. Есть соответствия в фаянсе и бронзе таким своеобразным предметам, как трехдырчатые пронизки: первые были найдены в слое IIa¹ Шах-Тепе [Arne, 1945, fig. 601], вторые — в слое III Гиссара [Schmidt, 1937, pl. LXVI].

Наконец, есть очень интересные и важные соответствия некоторым предметам туалета, в частности бронзовым и глиняным флаконам. Большое количество этих изделий происходит из разграбленных могил северной подгорной полосы Гиндукуша [Сарианиди, 1977a], 11 штук — из могильника Сапалли-Тепе [Аскарлов, 1977, табл. XXVI]. По одному флакону было найдено на Алтын-Депе [Кузьмина, 1966, табл. XVI, 45] и в слое III Гиссара [Schmidt, 1937, pl. LVII]. Глиняные флакончики со вставленным внутрь бронзовым стержнем (кстати, бронзовый стержень вставлен и во флакончик с Алтына) известны из погр. 12 и 26 Дашлы 3 в Северном Афганистане [Сарианиди, 1976a, рис. 34, 8; 37, 18] и из слоя IIa¹ Шах-Тепе [Arne, 1945, fig. 403].

Следовательно, украшения, так же как и некоторые инструменты, могут быть показателем относительной синхронности разнотерриториальных памятников.

* * *

Из сопоставлений (рис. 13; см. вкл., с. 40—41) видно, что разные по назначению вещи «ведут» себя по-разному. Так, предметы вооружения не являются показателем принадлежности памятников к одной культуре, а свидетельствуют об относительной синхронности памятников с одинаковыми вещами: наконечники стрел и дротиков с ребром и упором из Сумбарских могильников и поселений подгорной полосы Копетдага говорят о принадлежности памятников соседних территорий к одному историческому периоду. Но эти стрелы могли существовать долгие годы с момента их изготовления, что подтверждают подобные предметы с Мадау-Тепе и из хорезмского поселения Якке-Парсан 2. Столь же долго

могли существовать одинаковые по форме мечи в поселениях архаического Дахистана; конструкция кинжала из Сумбарского могильника времени поздней бронзы соответствует конструкции меча с Мадау-Тепе периода раннего железа.

Орудия производства можно объединить в две группы. В первую включены предметы, распространенные широко и не столько имеющие вследствие этого хронологическое значение, сколько служащие показателем одинакового уровня экономики. Таковы ножи с длинным лезвием, известные практически на всех поселениях и могильниках от Каспия (Сумбар) до Среднеазиатского междуречья (Сапалли, ранний Тулхарский могильник); биконические пряслица, столь же широко распространенные по южной земледельческой зоне. Во вторую группу объединены те предметы, которые, наоборот, показывают не только одновременность памятников, но и принадлежность их к одной культуре, возможно к разным ее вариантам. К таким инструментам относятся коворые ножи с ручками, обтянутыми фаянсовыми обоями, фаянсовые штампы для воспроизведения орнаментальных композиций — вещи, определяющие сумбарскую культуру. Весь набор перечисленных предметов происходит также из слоя IIa¹ Шах-Тепе; наряду с некоторыми керамическими формами эти предметы не столько ставят вопрос о синхронности названных памятников, сколько позволяют говорить о том, что данные памятники принадлежали к одной культуре позднего бронзового века, распространенной на северных предгорьях Эльбурса и в Западном Копетдаге.

Особым видом изделий надо считать предметы престижности, а именно наперстки из камня и бронзовые диадемы. Они особые потому, что являются индикатором не столько синхронности памятников или наличия дальнего либо ближнего обмена, сколько принципиальной одинаковости общественной структуры в смежных или дальних культурах, т. е. у соседних или отдаленных друг от друга народов. Это позволяет говорить, что у населения Северного Ирана, Юго-Западной Туркмении и северной подгорной равнины Копетдага в эпоху поздней бронзы фиксируется не только единообразие в экономике, но и один уровень общественного развития, при котором оказалось необходимым выделить каких-то людей, обладающих публичной властью; ее субстанция была заключена в специальные предметы, в частности в посох или жезл определенной формы и материала.

Украшения и предметы туалета обладают разными свойствами. Часть их совпадает по уровню информативности с уникальными орудиями производства и подчеркивает принадлежность к одной культуре тех памятников, где они были найдены. К ним относятся бронзовые провололочные спиральные кольца для волос, стеклянные и фаянсовые трехдырчатые проноски, найденные в слое IIa¹ Шах-Тепе. Кстати, данные предметы полностью отсутствуют в памятниках северной подгорной равнины Копетдага. Другая часть, реже встречаемая в сумбарских могилах, является указателем синхронности — это булавки с наперстками. Булавки с крестовидным наперстком, найденные в Янги-Кале и на «Вышке» Намазга-Тепе (формы для отливки), доказывают синхронность названных памятников, несмотря на их принадлежность к разным культурам; короткие булавки с ребристой головкой, известные в Сумбарских могильниках и

в могильнике Сапалли, также указывают на синхронность. Такую же роль играют бронзовые флаконы идентичной формы из нижнего слоя Сапалли, из Сумбарского могильника и из могильников Бактрии — независимо от места своего изготовления они подчеркивают синхронность этих памятников. То же относится и к глиняным флакончикам из Сумбарского и Дашлинского могильников, а также из слоя IIa¹ Шах-Тепе, причем тут важна не столько их форма (в отличие от бронзовых флакончиков они могли изготавливаться во многих местах как подражание им), сколько сочетание с бронзовым стержнем, вставленным в узкое горло; синхронность Сумбарского и Дашлинского могильников, а также слоя IIa¹ Шах-Тепе, принадлежащих к разным культурам, не вызывает поэтому сомнений.

В сложном вопросе датировки и синхронизации памятников юга Средней Азии между собой и с памятниками Северного Ирана еще много неясного. Кое-что, однако, уже можно считать стабилизированным. Так, можно с уверенностью говорить о синхронности Сумбарских могильников и памятников оседлоземледельческой культуры эпохи поздней бронзы Намазга VI на северной подгорной равнине Копетдага. Далее, уже давно установлена синхронность памятников земледельческой зоны Южной Туркмении эпохи бронзы и поселений Гиссар IIIB, IIIC и Шах-Тепе IIa. Может быть, именно потому, что памятники Южной Туркмении были в свое время датированы на основании сходства с памятниками Ирана, в настоящее время существуют большие неувязки, так как, с одной стороны, период Намазга VI относится к ЖВ-I Ирана, а период Намазга V, с другой стороны, продолжает быть привязанным к традиционным абсолютным датировкам синхронных слоев Гиссара и Шах-Тепе. Поскольку материал могильников Сумбарской долины является новым и объективным археологическим источником, то целесообразно посмотреть его соотношение с принятыми датами.

На основании давно известных соответствий археологических комплексов с памятников Южной Туркмении и Северного Ирана, на основании отнесения комплекса сумбарской культуры к XIV—X вв. до н. э., на основании твердой стратиграфии поселений Южной Туркмении, согласно которой между периодами Намазга V и VI нет временного перерыва, можно предложить датировать памятники подгорной равнины Копетдага эпохи бронзы следующим образом: период Намазга VI — XIV—X вв. до н. э., а подстилающие его слои периода Намазга V — соответственно XVII—XIV вв. Культурные слои предшествующего периода (Намазга IV) настолько мощны, что с легкостью поднимутся вверх по хронологической шкале и заполнят мнимый разрыв между Намазга V и IV, войдя тем самым во II тыс. до н. э. [Хлопин, 1977а, с. 152].

Такие даты памятников эпохи бронзы Южной Туркмении не могут не затронуть дат культур эпохи поздней бронзы Северного Афганистана и Южного Узбекистана, открытых и введенных в научный оборот в течение последних 10 лет.

В. И. Сарияниди правильно определил даты освоения северной подгорной равнины Гиндукуша земледельческим населением и общие рамки существования культуры эпохи поздней бронзы. Он считает, что заселение этих мест произошло в середине II тыс. до н. э. и памятники не вы-

ходят за рамки второй половины II тыс. [Сарианиди, 1976а, с. 83], хотя слой Тилля 1, отнесенный им к эпохе поздней бронзы, был определен сперва более точно — 1300—1000 гг. до н. э. [Сарианиди, 1972а, с. 24]. В полном издании памятников Дашлинского оазиса исследователь придерживается этой же даты [Сарианиди, 1977а, с. 74]; попутно отметим, что в связи с совпадением многих черт культуры дашлинских поселений с Гиссаром IIIВ и IIIС он вполне твердо уверен в необходимости пересмотра традиционной даты Гиссара с тем, чтобы поднять ее до середины и второй половины II тыс. до н. э.

А. Аскаров разделил земледельческую культуру Южного Узбекистана на три этапа: сапаллинский (1700—1500 гг. до н. э.), джаркутанский (1500—1350) и молалинский (1350—1000 гг. до н. э.). Комплекс сапаллинского этапа содержит некоторые металлические предметы, определенно синхронизирующие его как с памятниками позднего Намазга V—раннего Намазга VI (печати, булавки, биконические каменные пряслица и др.), так и с могильниками долины Сумбара (бронзовых флакон, несомкнутые колечки, булавки, спицы и пр.). Следовательно, эти предметы дают основание поместить сапаллинский этап в те же временные границы, т. е. в XIV—X вв. до н. э. Комплекс джаркутанского этапа во многом похож на предшествующий, но в нем найдены чайники со сложным носиком и с перемычкой от носика к венчику; это верный признак ЖВ-II Ирана, т. е. уже начала I тыс. до н. э. Значит, в джаркутанском комплексе есть вещи, которые позволяют его относить, хотя бы частично, к началу I тыс. до н. э. Что касается молалинского комплекса, расположенного намного севернее двух предыдущих, то у нас нет пока данных для определения его хронологии, но мы также не можем безоговорочно согласиться с Аскаровым в отношении его последовательного расположения во времени; не исключено, что Молали — территориальный вариант джаркутанского этапа.

Динамика проникновения земледельческой культуры в пределы Трансоксианы говорит о том, что нижние слои Сапалли не могли возникнуть раньше североафганских поселений, т. е. их следует относить не ранее чем к XIII в. до н. э. Это сокращает время существования культуры Сапалли не менее чем на 300 лет и сдвигает ее верхнюю границу к рубежу II—I тыс. до н. э. Джаркутанский этап культуры Сапалли относится уже, таким образом, к первым векам I тыс., или, если соотнести это с привычной стратиграфической колонкой памятников северных предгорий Копетдага, ко времени Яз-Тепе I, не в культурном отношении, а по абсолютной хронологии (табл. 3).

Комплекс находок из Сумбарских могильников является настолько оригинальным и целостным, что можно поставить вопрос о выделении памятников Юго-Западной Туркмении эпохи поздней бронзы в самостоятельную археологическую культуру и по месту ее обнаружения назвать сумбарской.

Каждая археологическая культура отличается от другой не столько признаками, сколько сочетанием последних и их групп. Поэтому следует определить данные признаки и их устойчивые сочетания. Новая культура представлена пока только погребальными памятниками, что не

Таблица 3

Хронология южных земледельческих областей Средней Азии

Дата (гг. до н. э.)	Северный Иран		Юго-Западная Туркмения (Гиркания)	Северная подгорная равнина Копетдага (Парфия)	Древняя дельта Мургаба (Маргиана)	Северная подгорная равнина Гиндукуша (Бактрия)	Правобережье Амударьи (Согдиана)
600	Ахемениды		?	Яз-Тепе II	Яз-Тепе II	Тилля-Тепе 3	Молали Джаркутан Сапалли
700	Мидия		Культура архайче- ского Дахистана	Яз-Тепе I	Яз-Тепе I	Тилля-Тепе 2	
800	ЖВ-II	Спалк VI		(Елькен-Тепе 2)			
900							
1000	ЖВ-I	Хурвин Кайтарие Спалк V Гиссар III-B-C	Сумбарская куль- тура (Шах-Тепе IIa)	Намазга VI	Намазга VI	Тилля-Тепе 1 (Дашлы)	
1100							
1200							
1300							
1400							

должно смущать, поскольку практически все археологические культуры Южной Сибири и степного пояса выделены по погребениям.

1. Могильники сумбарской культуры состоят из одиночных погребений в катакомбах с горизонтальным или вертикальным входом; длинные оси камеры и входа взаимно перпендикулярны. Катакомбы как тип погребального сооружения известны с середины (первой половины) II тыс. до н. э. на широкой территории — не только в Средней Азии, но и в Иране, Афганистане, в обширном поясе евразийских степей. Это говорит о том, что названный признак сам по себе не может служить основанием для выделения отдельной культуры, но именно в Юго-Западной Туркмении, и только здесь, можно проследить истоки катакомбы и этапы развития ее конструкции. С точки зрения генезиса катакомбы, Юго-Восточный Закаспий можно выделить в особую зону.

2. Погребенный уложен на бок в скорченной позе (ноги согнуты, руки перед лицом или грудью), почти всегда лицом ко входу, головой вправо или влево от него. Такое положение погребенного можно найти во многих уже известных культурах, а это значит, что оно, взятое в отрыве от других признаков, не может служить основанием для выделения особой культуры. Сочетание же положения погребенного с другими признаками: полом и возрастом, набором предметов погребального инвентаря и их расположением в камере относительно скелета — уже может служить определяющей чертой сумбарской культуры.

3. В каждой могиле обнаружен определенный набор керамики (13 типов и 41 разновидность). Форма и внешнее оформление сосудов достаточно оригинальны для Южной Туркмении, но многие формы характерны также для памятников эпохи поздней бронзы Северного Ирана. Юго-Западную Туркмению и северную подгорную равнину Эльбурса можно объединить в одну культурную провинцию. Это значит, что на общем культурном фоне сумбарская керамика все же представляет собой самостоятельный комплекс. Более того, керамический комплекс сумбарской культуры имеет глубокие местные корни, чего на материале Северного Ирана до сих пор уловить нельзя.

4. Комплексы предметов вооружения, престижности, инструментов и украшений встречают отдельные аналогии в соседних культурах, но нигде нет такого сочетания, как в сумбарской культуре. Это говорит о том, что перечисленные группы предметов могут быть показателями принадлежности памятника к самостоятельной культуре.

5. Специфическим признаком погребального обряда Сумбарских могильников является наличие панциря степной черепахи в женских погребениях. Именно этот признак имеет четкие генетические следы в более ранних погребениях долины Сумбара, что подчеркивает его самобытность и определяющее значение для сумбарской культуры.

Перечисленные признаки и группы признаков, особенно их сочетания, являются характерными для памятников Юго-Западной Туркмении. Это позволяет считать их определяющими для сумбарской культуры эпохи поздней бронзы. Именно они выделили Сумбарские могильники эпохи поздней бронзы в особую археологическую культуру.

Глава III

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СУМБАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Могильники сумбарской культуры сами по себе не содержат материалов, которые могли бы решить вопрос о происхождении этой культуры. И если бы в последние годы не были раскопаны погребения на холме Пархай II, до того совершенно неизвестные, данный вопрос повис бы в воздухе. Поскольку мы теперь располагаем сведениями о периодах энеолита, ранней и развитой бронзы в долине Сумбара, можно попытаться ответить на вопрос о том, является ли сумбарская культура эпохи поздней бронзы местной или пришлой, не имеющей связи с предшествующими памятниками. Наличие или отсутствие преемственности в культуре покажет сравнение сумбарской культуры по ее составным частям с более ранними памятниками. Ниже будут сопоставлены погребальное сооружение, погребальный обряд и сопровождающий инвентарь — керамика, металлические предметы, предметы из камня и органические остатки.

Перед тем как начать рассмотрение возникновения и развития такого специфического погребального сооружения, каким является катакомба, надо сделать существенную оговорку. Впервые на территории СССР погребальные сооружения подобной конструкции были найдены в конце XIX—начале XX в. в зоне степей Северного Причерноморья и Предкавказья. Многие исследователи посвятили свои работы проблемам происхождения катакомбной культуры вообще, и катакомбы в частности [библиографию см.: Братченко, 1976]. Однако эти проблемы и сейчас окончательно не решены. Рассмотрение происхождения катакомб Сумбарских могильников мы еще не связываем с проблемами катакомбной культуры, пока следует разобраться в вопросах происхождения катакомбы в пределах южного земледельческого пояса Средней Азии.

Катакомба Сумбарских могильников представляет собой сооружение, состоящее из двух частей — погребальной камеры и входа в нее (рис. 14, 2). Высота камеры достаточна для того, чтобы в ней смог поместиться человек либо на корточках, либо сидя, — иначе ее нельзя было бы сделать. В связи с тем, что камера вырубалась в петрунутом лёссовом холме, свод ее держался после совершения в ней погребения какое-то время без

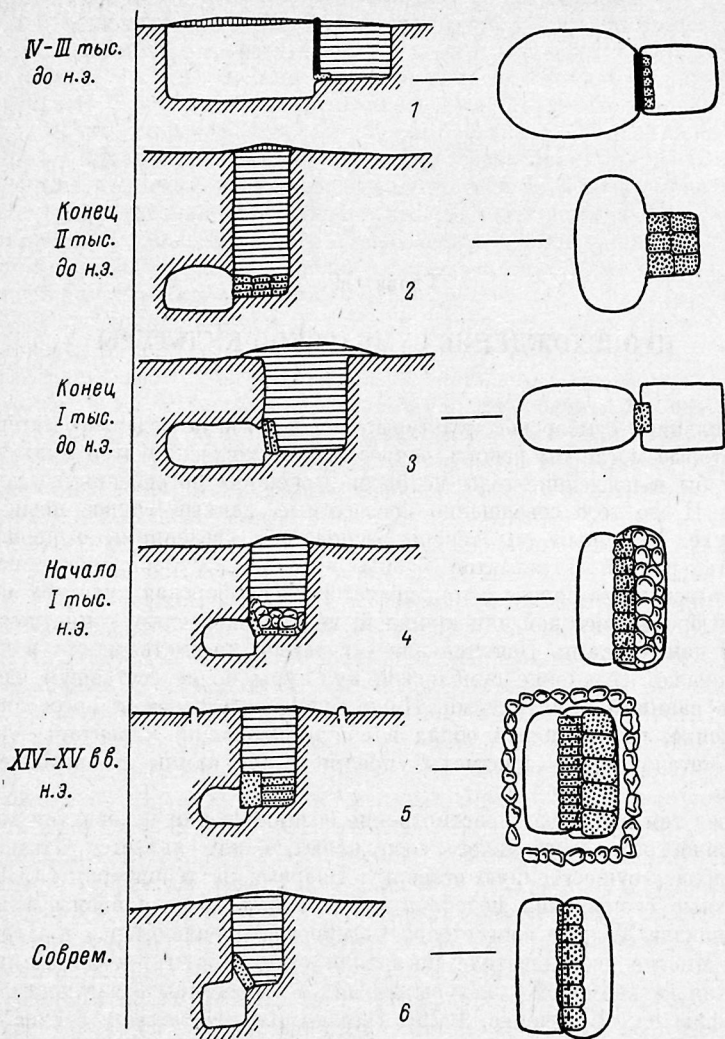

Рис. 14. Эволюция погребальных сооружений (1—6) в долине Сумбара от IV тыс. до н. э. до современности.

подпорных конструкций и обваливался или сам по себе, или после его нарушения грабителями. Камера была погружена под уровень современной поверхности на глубину от 1,8 до 3 м. Вход в нее всегда был ориентирован в северную сторону горизонта и в связи с этим устроен двояким образом. В камеру у северного склона холма вела горизонтальная штольня; в камеры, удаленные от северного склона, — вертикальный колодец. Камера после совершения в ней захоронения оставалась незаполненной, так как была отделена от входного колодца либо штольни каменной или кирпичной кладкой; вход был полностью завален землей. Поскольку в могильниках нет случаев нарушения одних камер другими, можно предположить наличие в то время каких-то надмогильных сооружений, которые указывали места входных колодцев. Эти же сооружения, может быть просто холмики земли, служили ориентирами и для кладбищенских воров.

При раскопках разновременного могильника Пархай II были обнаружены могильные сооружения предсумбарского времени. Одно из них (камера 39) — типичная катакомба с овальной в плане камерой; в нее вел круглый колодец, а вход был заложен пятью рядами сырцовых кирпичей. По-видимому, и две другие камеры (44 и 61) представляют собой остатки катакомб. Значит, погребальные сооружения предшествующего времени могут свидетельствовать о том, что катакомба конструктивно оформилась уже в период, предшествовавший сумбарской культуре, не позднее, чем в середине II тыс. до н. э.

Более древние погребальные сооружения мало отличаются друг от друга в конструктивном отношении. Те, которые предшествовали предсумбарским катакомбам, находились неглубоко от поверхности земли (до 1 м) и могли иметь только искусственную деревоземляную кровлю (рис. 14, 1). Камеры более раннего времени были, естественно, глубже (уровень их дна около 1,5 м от поверхности земли), но имели значительный диаметр, что не позволяет реконструировать их иначе, как полуподземные склепы с боковым входом и деревоземляным перекрытием. Большое количество погребенных (до 60 человек) свидетельствует о длительности их функционирования, в течение которого они оставались свободными от земли. В одной из камер (15, верх) были обнаружены четкие следы от вертикальных круглых столбов диаметром 12—15 см, утопленных в стенки камеры на концах оси, перпендикулярной оси входа. На столбы, видимо, и опирались горизонтальные лаги деревоземляной крыши. Подобную конструкцию подтверждают еще некоторые наблюдения: так, значительное количество разновременных черепков, обнаруженных в засыпи камеры над основным костяком, могло там оказаться только после провала кровли склепа, на которой они находились; аналогичное явление было прослежено М. П. Грязновым в землянках эпохи бронзы [1953]. Поскольку погребальные камеры были вырыты не в монолитной материковой толще холма, а в уже нарушенных слоях, свод их не мог держаться без специальной конструкции.

Таким образом, погребальная камера в Юго-Западной Туркмении в период от энеолита до развитой бронзы представляла собой округлый в плане полуподземный склеп с боковым входом, со слегка возвышавшейся над уровнем земли искусственной кровлей из толстого слоя земли

на какой-то деревянной основе. Для проникновения в него надо было сначала освободить от земли предвходную яму и только после этого открыть входное отверстие, заложившее каменной плитой или сырцовыми кирпичами (реже). После совершения очередного погребения в склепе входное отверстие закрывали плитой, а предвходную яму снова засыпали землей.

Погребальные камеры могильника Пархай II периода позднего энеолита и ранней бронзы стадильно и хронологически близки погребальным камерам Геоксюра в Юго-Восточной Туркмении, в древней дельте Теджена [Сарианиди, 1959, 1972б]. После открытия геоксюрских коллективных погребальных камер было предложено видеть в них места для погребения членов большесемейной общины. Однако эти замечательные памятники были интерпретированы значительно позднее [Хлопин, 1977б]. Они предстали как неоспоримое свидетельство становления в обществе древних земледельцев времени позднего энеолита и ранней бронзы патриархальных отношений: в них погребали кровных родственников одного поколения, т. е. детей одного отца; именно этот момент требовал прочного закрепления в общественном сознании. Сходство между погребальными сооружениями двух районов одной земледельческой зоны и хронологическое совпадение дают все основания усматривать в склепах долины Сумбара отражение того же социального явления, что и в толосах дельты Теджена.

Появившись в IV тыс. до н. э., традиция коллективных захоронений сохраняется как на северной подгорной равнине Копетдага, так и в Юго-Западной Туркмении в течение не менее 1500 лет: наряду с индивидуальными могилами коллективные погребальные камеры, и специально сооруженные, и в заброшенных жилых помещениях, известны в периодах Намазга III—V. Коллективных захоронений Намазга VI, синхронных сумбарской культуре, не найдено. Вероятно, тогда их уже перестали совершать. А на материалах долины Сумбара можно видеть достаточно отчетливую линию постепенного отмирания коллективных захоронений примерно в первой половине II тыс. до н. э. По-видимому, надобность в них как средстве укрепления патриархальных отношений полностью отпала во всех земледельческих районах Южной Туркмении. Причина этого заключается в том, что к эпохе поздней бронзы патриархальные отношения настолько прочно вошли в жизнь и сознание древнего земледельческого населения, что дополнительное воздействие на общественную психологию постепенно перестало быть необходимым. Теперь замкнутое кладбище стало выполнять объединительные функции на более высокой ступени социальной организации. Оно принадлежало определенному поселку, и на нем хоронили людей из разных патриархальных семей одного рода, которые были в какой-то степени кровными родственниками. Возможно, всех погребенных на кладбище считали детьми одного предка.

Традиция родовых кладбищ характерна для населения Средней Азии вообще, и Южной Туркмении в частности. До сих пор на окраинах пос. Кара-Кала расположено много родовых кладбищ, что отмечалось специальными исследованиями [Овезов, 1976, с. 175—178] и личными многолетними наблюдениями автора. Несмотря на то что воспоминание о прежнем родо-племенном делении туркмен сохранилось лишь у стари-

ков, местное население продолжает строго придерживаться старых погребальных обрядов. Есть не только русские, армянские и туркменские кладбища, но и туркменские, принадлежащие отдельным родам или племенным подразделениям. Так, на кладбище, расположенном на месте могильника Сумбар III, хоронят только геркезов независимо от места их прежнего проживания; чуть ниже по Сумбару находится кладбище рода Вага, который до Отечественной войны жил неподалеку; теперь он переселен, но члены этого рода используют до сих пор свое старое кладбище. Подобных примеров множество не только в Туркмении [см.: Поляков, 1973], но и по всей Средней Азии; у таджиков, например, односельчанина называли «товарищ по кладбищу», потому что после смерти его всегда хоронили на родной земле [Кузьмина, 1977, с. 97]. Следовательно, имеются все основания, чтобы могильники из одиночных погребений эпохи поздней бронзы в долине Сумбара рассматривать как родовые кладбища, традиция которых дожила до нашего времени.

Погребальные камеры с коллективными захоронениями эпохи ранней и развитой бронзы сменились одиночными погребальными камерами эпохи поздней бронзы. Произошли весьма существенные изменения. Во-первых, употребление погребального сооружения стало одноразовым, т. е. при его создании знали, что оно не будет вскрываться после того, как в нем произведут захоронение. Во-вторых, поскольку камера предназначалась для одного покойника, площадь ее уменьшилась главным образом за счет сокращения короткой оси. Это с неизбежностью привело к более принципиальным изменениям в конструкции. При одноразовом использовании погребальной камеры стало удобно из чисто практических соображений (предохранение погребенного от попадания в камеру осадков, мелких животных и возможного ограбления) делать ее более глубокой. А в связи с тем, что камера стала меньше и глубже, отпала необходимость в дополнительных подпорках перекрытия — лёсс выдерживал давление земли, сохраняя на какое-то время искусственную полость. Так можно представить себе линию трансформации коллективных полуподземных склепов в глубокие катакомбы.

Здесь уместно обратить внимание на то, что пока только в Юго-Западной Туркмении можно проследить линию происхождения катакомбы. Это особенно важно потому, что погребальные сооружения такой конструкции известны достаточно широко от донецких степей до Систана, но нигде нельзя проследить такого генетического ряда, как в долине Сумбара. Поэтому напрашивается альтернатива: надо или употребить все усилия для поисков такого же ряда в местах существования катакомб, или согласиться с предположением о том, что именно из Юго-Восточного Закаспия в эпоху развитой бронзы (первая половина II тыс. до н. э.) по широкой территории распространилось какое-то мобильное население и разнесло по ней своеобразный тип погребального сооружения — катакомбу. Это нарушает привычный, десятилетиями существующий ход мысли относительно происхождения катакомбной культуры, но не считается с объективными новыми фактами нельзя.

Конструктивные особенности катакомбы таковы, что она могла быть полноценно сооружена только в материковом грунте нетронутых лёссовых холмов, ибо рыхлые слои поселений не удержали бы свод камеры.

Исключение реально лишь в том случае, если камеру помещали под стену из сырцовых кирпичей, которая удерживала свод вплоть до нашего времени, как на Сапалли-Тепе [Аскаров, 1973, 1977]. В связи с этим на еще нерешенный вопрос о том, были ли на северной подгорной равнине Копетдага в эпоху ранней и развитой бронзы кладбища вне поселений, можно ответить однозначно и отрицательно. Если бы население подгорной равнины устраивало свои кладбища вне поселений, т. е. на равнине, оно подвергло бы их реальной возможности разрушения селами. А на искусственных холмах могилы не доступны такому разрушению; в этом и следует видеть основную причину того, что население подгорной равнины вынуждено было хоронить своих умерших в пределах поселения как в специально построенных погребальных камерах, так и в разрушенных или заброшенных домах. В межгорной же долине было много естественных холмов, и поэтому там кладбища существовали отдельно от поселений.

Зависимость способа захоронения от природных условий способствует признанию линий развития погребальных сооружений на подгорной равнине Копетдага и в межгорной долине Сумбара по своей сути одинаковыми, несмотря на их внешнее несовпадение. В первом районе сравнительно небольшие специально построенные погребальные камеры из сырцовых кирпичей, рассчитанные максимум на 10—12 человек, сменяются более крупными, причем для этой цели часто используются помещения в заброшенных домах, в которых количество захороненных доходит до нескольких десятков. Последние сменяются в эпоху поздней бронзы (Намазга VI) одиночными погребениями. Во втором — с самого раннего времени существуют склепы, объединенные в гнезда, в которых бывает до 20 погребенных (синхронные геоксюрским толосам); в эпоху ранней и развитой бронзы (Намазга IV) «население» склепов возрастает до 60 человек; через несколько переходных периодов (Намазга V) количество погребенных в камере резко сокращается и коллективный полуподземный склеп долины Сумбара превращается в одиночную катакомбу; из последних в эпоху поздней бронзы (Намазга VI) и состоит родовое (поселковое) кладбище.

Таким образом, анализ погребальных сооружений Юго-Западной Туркмении показывает, что катакомба сумбарской культуры является закономерным завершением эволюции этих сооружений на протяжении двух тысячелетий. Более того, сравнение линий эволюции погребальных сооружений долины Сумбара и северной подгорной равнины Копетдага показывает строгий параллелизм в развитии принципов захоронения покойников, несмотря на формальное различие конструкции погребальных сооружений двух смежных районов. Если внимательно присмотреться к геоксюрским толосам и сумбарским полуподземным склепам, то окажется, что никакой разницы между ними нет. Причина внешних различий кроется в природной среде равнинной дельты Теджена, с одной стороны, и межгорной лесистой долины среднего течения Сумбара — с другой.

На северной подгорной равнине Копетдага и в древней дельте Теджена, поскольку эти области были бедны древесной растительностью и камнями, единственным строительным материалом был сырцовый формо-

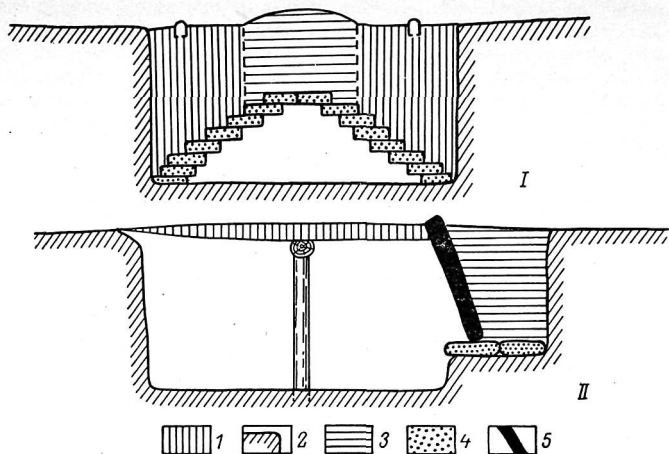

Рис. 15. Погребальные камеры древней дельты Теджена (I) и долины Сумбара (II).

I — земля на кровле камеры; 2 — границы котлована; 3 — земля, которую вынимали при каждом захоронении; 4 — сырцовые кирпичи; 5 — каменная плита, закрывающая вход.

ванный кирпич. Из него и сооружали жилища от неолита до современности. Естественно, что из такого же материала были сделаны геоксюрские погребальные камеры (рис. 15, I). В противоположность этому в горах и межгорных долинах, которые всегда были покрыты лесами, основной строительный материал — дерево, а потом уже камень. Именно дерево употребляли на строительство жилищ и погребальных камер — полуподземных коллективных склепов (рис. 15, 2).

До сих пор было принято считать геоксюрские погребальные камеры наземными сооружениями [Сарианиди, 1972б, с. 23]; на этом основании кладбище предлагали реконструировать как городок мертвых на краю поселка, состоявший из куполовидных домиков. Однако, поскольку аналогичные по существу постройки в долине Сумбара утоплены в землю, возникает вопрос о правильности такой реконструкции. Имеющиеся данные о том, что геоксюрские толосы не являлись наземными сооружениями, стали понятными лишь через 20 лет после открытия этих коллективных гробниц.

Геоксюрские погребальные камеры построены из сырцовых кирпичей так, что они напуском внутрь создают ложный свод. В центре этого свода оставляли широкое отверстие, сквозь которое производили погребение; его обычно закладывали сырцовыми кирпичами, положенными плашмя. При зачистке наружной поверхности кладки камер отмечено, что широкие клиновидные щели между кирпичами заполнены не связующим глиняным раствором, а обыкновенной землей, т. е. стены камер

были сложены насухо. Кроме того, кирпичи оказались совершенно целыми, с полностью сохранившимися углами, ребрами и гранями. Если бы такие сооружения стояли открытыми на поверхности земли, они были бы подвержены воздействию сил природы и в течение нескольких лет наступила бы их естественная деформация. Прежде всего пострадали бы выступающие части — были бы размыты наружные углы и ребра кирпичей. Такой деформации не наблюдается, что объясняется только каким-то предохранением внешней поверхности толосов от воздействия дождей, солнца и ветров. Можно предположить, что постройка была оштукатурена снаружи, но это не прослежено при раскопках. Остается только допустить, что все сооружение было погружено в землю.

В таком случае можно реконструировать последовательность возведения погребальных камер, а также уточнить способ их эксплуатации. Коллективную погребальную камеру из сырцовых кирпичей, которую принято называть толосом, возводили в специально вырытом котловане. Затем все сооружение засыпали землей, а для проникновения внутрь оставляли лаз в центре свода, который закладывали кирпичами после погребения там очередного покойника. Более того, можно допустить, что вход в толос находился ниже уровня земли и для проникновения туда надо было сперва откопать и освободить от земли входные кирпичи. При такой конструкции достигалась полная и надежная изоляция трупa от окружающей среды, а продукты его разложения не проникали наружу — последнее особенно важно в жарком климате. Подобные погребальные сооружения не заметны на поверхности кладбища. Возможно, в то время этот участок холма был обнесен стеной, а внутри огороженной территории не исключены какие-то надгробные сооружения, полностью уничтоженные временем.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что катакомба эпохи поздней бронзы, зафиксированная в качестве единственного погребального сооружения в Сумбарских могильниках, не принесена извне, а является элементом исконно местной культуры. Она — единственный и закономерный результат эволюции социальных отношений, которые отразились в форме погребального сооружения. Корни ее уходят на всю хронологическую глубину, поскольку мы можем вести местную культуру без прерыва по крайней мере с середины IV тыс. до н. э. Более того, катакомба эпохи поздней бронзы дала толчок для сооружения катакомб вплоть до нашего времени. К сожалению, пока неизвестны погребальные памятники первой половины I тыс. до н. э. (культура архаического Дахистана), но население последних веков до новой эры хоронило своих покойников в катакомбах (рис. 14, 3), у которых камера являлась продолжением входной прямоугольной ямы [Хлопин, 1979в]. Чуть позже, вероятно в парфянское время, ее конструкция несколько меняется (рис. 14, 4): длинные оси камеры и входной ямы становятся параллельными (этот тип могильной камеры принято называть подбоем). Наконец, одна из разновидностей средневековой (рис. 14, 5) и современной (рис. 14, 6) мусульманской могилы представляет собой катакомбу аналогичной конструкции [Поляков, 1973, с. 23—32; Овезов, 1976, с. 177], но сооруженную так, чтобы уложенный в нее покойник оказался обращенным лицом в сторону Мекки, — один из многих примеров слияния

местных культурно-исторических традиций с исламом. Следовательно, у населения среднего течения Сумбара некоторые традиции можно проследить на протяжении нескольких тысячелетий.

Погребальный обряд эпохи поздней бронзы зафиксирован достаточно хорошо, для того чтобы разложить его на отдельные признаки и попытаться обнаружить их в предшествующих эпохах. Однако в коллективных склепах об обряде можно с уверенностью судить только по последнему погребенному, да и то не всегда. Им мог быть мужчина или женщина любого возраста, любого социального уровня. Поэтому представляется, что последний скелет в склепе позволяет судить об обряде погребения определенного периода в самых общих чертах.

Погребенные всех периодов находились в скорченной позе на боку (исключение — трое погребенных из камер 10, 15, верх, и 19, верх, которые лежали на спине с подогнутыми под таз пятками). В могилах еще нет такой четкой системы, как в эпоху поздней бронзы: мужчины и женщины были захоронены как на правом, так и на левом боку, как лицом ко входу, так и спиной к нему. Однако кое-какая тенденция все же прослеживается: женщины лежали преимущественно на левом боку лицом ко входу, мужчины — на правом боку лицом ко входу. Надо полагать, что комплекс воззрений, определявший положение на том или ином боку при погребении, в эпоху ранней и развитой бронзы еще не сформировался окончательно.

Так же обстоит дело с сопровождающим инвентарем, рассмотреть который можно в двух аспектах: что клали с покойным при погребении и каковы были предметы, положенные в могилу. В предсумбарское время обряд погребения эпохи поздней бронзы практически сформировался. Складывается основной керамический комплекс взрослого погребенного: в могилах этого периода найдены хумча для воды, горшочек (но еще без открытого носика), чаша (без вертикальной ручки у дна) и конический сосуд со сливом (иногда с открытым носиком). Тогда же в женские погребения начинают помещать керамические пряслица, а в мужские — предметы вооружения (наконечники копий). Что же касается более ранних склепов, то о погребальном инвентаре в них можно судить лишь по последним погребенным. У одних из них не было ничего, у других — только керамические сосуды в небольшом количестве. И совсем у немногих погребенных кроме одного-двух сосудов имелся какой-то металлический предмет: булава — у женщин и булава и навершие посоха — у мужчин. Бусы были найдены лишь около скелетов детей или подростков.

Следовательно, можно проследить постепенное складывание погребального комплекса вещей. Во всяком случае очевидно, что погребальный комплекс Сумбарских могильников появляется не неожиданно, а зарождается в более раннее время.

Анализируя вещи как таковые и их развитие, прежде всего следует остановиться на керамике. Керамика Юго-Западной Туркмении поразительно выдерживает один из главных признаков — в течение не менее 2000 лет на этой территории существует один и тот же метод ее изготовления: керамическая коллекция состоит из сероглиняных сосудов, изготовленных без гончарного круга и орнаментированных лощением, нарезным и налепным орнаментом. Каждая из шести последовательных хро-

нологических групп керамики содержит сосуды трех категорий (независимо от формы): преобладавшие в могилах предыдущего периода; характерные только для данного периода; такие, которые будут преобладающими в следующем периоде. Надо оговориться, что это справедливо для всех периодов, кроме I и VI; нельзя пока говорить о керамическом комплексе VII периода, поскольку он еще не выделен, и неизвестно, каким был состав погребальной керамики в могилах железного века, поскольку они еще не найдены. Но так как это правило выдерживается во всех других периодах, можно видеть непрерывную линию эволюции керамики в долине Сумбара от энеолита до поздней бронзы.

Происхождение некоторых деталей сосудов эпохи поздней бронзы прослеживается довольно четко. Например, для данного времени чрезвычайно характерны носики и сливы, а также петельчатые ручки. Все эти детали отмечены у сосудов в более ранних слоях памятников данной территории: трубчатые носики известны с VI периода; сливы — тоже с VI, причем они, вероятно, удреваются еще больше, поскольку есть на красноангобированной расписной посуде из самых древних могил; петельчатые ручки встречены на архаической расписной керамике, на сферических чернолощенных сосудах. Наконец, в предсумбарское время можно проследить появление и развитие сложного носика, причем первоначально эта деталь имела не на чайнике, а на широкогорлом высоком сосуде.

Более того, непрерывная керамическая традиция опустилась еще глубже. Сероглиняной керамике в Юго-Западной Туркмении не только предшествовала красноангобированная расписная, но именно последняя послужила той основой, на которой возникла и развилась традиция сероглиняной посуды. Это объективно доказывается анализом форм сероглиняной и красноангобированной посуды, встреченной не только в склепах одного хронологического периода, но и в одной и той же погребальной камере. Возможность такого решения вопроса о происхождении серой керамики была в свое время высказана Ж. Дэйе на основании анализа материалов из раскопок Тюренг-Тепе [Deshayes, 1969b, p. 13], что теперь получило убедительное подтверждение.

Сказанного вполне достаточно для вывода о том, что керамический комплекс сумбарской культуры представляет собой финальный этап закономерного развития местной линии керамики. Керамика более, чем что-либо другое, подвержена изменениям во времени. Если все сосуды распределить по хронологическим этапам и проследить переход от одного из них к другому, то можно говорить о непрерывной линии развития местной культуры, в том числе и керамики, без ощутимых воздействий извне с IV по I тыс. до н. э.

Иная картина складывается при анализе форм и типов металлических предметов, особенно при их распределении по хронологической шкале. Мы здесь не останавливаемся на характеристике металлических вещей из Сумбарских могильников, поскольку это уже сделано. Для предсумбарского времени (могильник Пархай II) известно только одно металлическое орудие: стержень с полулунным поперечным лезвием. В могилах III периода было найдено семь бронзовых наконечников копий или кинжалов (в эпоху поздней бронзы копьё являлись принадлежностью муж-

ских могил). В IV периоде картина поразительно меняется: из 16 склепов происходят восемь булавок с биспиральными навершиями, игла, два спиральных браслета, топор-тесло, навершия булавы и посоха; кроме крупных вещей там было много всякой мелочи — серьги, гвоздики и т. д. Но в данной большой коллекции нет ничего, что могло бы ее связать с погребениями III периода. Создается впечатление, что между III и IV периодами произошел разрыв в эволюции, хотя ни керамика, ни другие категории вещей этого не подтверждают. Более древние периоды — V и VI — связаны с IV — в ранних могилах найдены шесть биспиральных булавок, несколько других булавок, спиральный браслет в два оборота.

Таким образом, эволюция металлических изделий из могильника Пархай II прошла как бы два этапа в своем развитии. Первый этап, ранний, показывает постепенное возрастание количества и ассортимента вещей с самых древних слоев (середина IV тыс. до н. э.) примерно до конца III тыс. до н. э. Затем происходит обрыв старых традиций и начинает создаваться сумбарский металлический комплекс, который окончательно оформляется во второй половине II тыс. до н. э. Указать причину сейчас невозможно, но не исключено, что это было связано с переменой источников сырья и технологического процесса. Однако решение данного вопроса еще впереди, поскольку складывается впечатление, что в будущем Юго-Восточный Закаспий выделится в самостоятельную металлургическую провинцию Среднеазиатского субконтинента.

Изделий из камня, эволюцию которых можно было бы хорошо проследить, весьма немного, но они представляют существенный интерес. Это прежде всего навершие булавы яйцевидной формы из прекрасно отшлифованного зеленоватого камня. Оно было обнаружено вместе с белой известняковой шайбой и бронзовым гвоздем для закрепления навершия на древке в камере 9, которая относится к началу III тыс. до н. э., что показывает очень ранние истоки традиции помещения с покойным таких предметов. Впоследствии, в эпоху поздней бронзы, навершия булавы приобрели символ престижности, но в столь древнее время об этом говорить преждевременно. Неизвестно, какую смысловую нагрузку имело бронзовое навершие булавы, найденное перед лицом погребенного в склепе IV периода.

Столь же интересными и важными являются лазуритовые пронизки ромбической формы из склепов IV периода. Они служат вехами для установления абсолютной хронологии, так как совершенно идентичные изделия происходят из слоя IIIA Тюренг-Тепе [Deshayes, 1965, p. 86; 1969b, p. 14] и из Царского некрополя Ура [Wooley, 1934, vol. 1, p. 88; vol. 2, pl. 143], которые принято датировать серединой III тыс. до н. э.

Алебастровый конический сосуд из камеры 19, низ, относящейся к V периоду, сам по себе чрезвычайно интересен, но выглядит одиноко на памятниках первой половины III тыс. до н. э. Переднего Востока и Средней Азии. Аналогии ему можно найти на памятниках IV тыс. до н. э. в Сузах I(A) [Чайлд, 1956, с. 214—216].

Бусы встречены в склепах всех периодов; они довольно аморфны, но среди них есть несколько своеобразных. Так, трапецевидная бусина из камеры 8, низ (IV период), находит прямые соответствия в погребениях

верхнего слоя Кара-Тепе у Артыка [Массон, 1961, табл. XVI, 1]. Интересны белые сложнокрестовидные бусы из камеры 45 (II период, середина II тыс. до н. э.), полная аналогия которым имеется в могильнике Заман-Баба [Гулямов и др., 1966] и в разграбленных погребениях эпохи поздней бронзы Северного Афганистана [Сарианиди, 1979]. На основании последних В. И. Сарианиди предлагает значительно омолодить культуру могильника Заман-Баба — поднять ее до рубежа II—I тыс. до н. э. Действительно, данная культура не столь древна, как это считали раньше, но и не столь молода, как предполагает Сарианиди. Скорее всего, ее следует отнести к середине II тыс. до н. э.

Наконец, традиция включения в состав погребального инвентаря панциря степной черепахи может быть прослежена с самых древних склепов могильника Пархай II. В катакомбах Сумбара панцири были встречены исключительно в женских погребениях. Такие же предметы найдены в камерах VI и V периодов рядом с сосудами или в сосудах, поставленных последнему погребенному. Определить смысл данного предмета в могиле мы сейчас не можем; ясно, что он был неслучайным и служит свидетельством преемственности традиций в долине Сумбара в течение тысячелетий.

Итак, сравнение основных категорий находок показало, что сумбарская культура эпохи поздней бронзы является закономерным результатом развития культуры местного населения на протяжении многих столетий. Более того, пока не найдено свидетельств воздействия на культуру энеолита и бронзового века в Юго-Западной Туркмении каких-либо влияний со стороны. Теоретически можно и нужно допустить, что население Юго-Восточного Закаспия развивалось во взаимосвязи с населением соседних территорий, но следов такого воздействия пока установить нельзя. Зато влияние населения Юго-Западной Туркмении на соседей прослеживается весьма четко. Прежде всего воздействию, связанному с переселением значительного числа людей, подверглись жители северной подгорной равнины Копетдага — много серой посуды V периода найдено на Кара-Тепе у Артыка и на Ак-Тепе у Ашхабада. Возможно установить даже путь проникновения этого населения на северо-запад: его веками могут быть холмы в Сайвано-Дештской долине и у пос. Караул [Ганялин, 1953, с. 14—19; Хлопин, 1969б, с. 432]. Очевидно, в дальнейшем многое уточнится. А сейчас достаточно того, что установлено местное происхождение сумбарской культуры, хотя сама она и входит составной частью в зону культур ЖВ-I Северного Ирана. Субстратом культуры поздней бронзы и раннего железного века можно считать этапы культуры Юго-Западной Туркмении, зафиксированные в могильнике Пархай II и распространенные также по северной подгорной равнине Эльбурса (поселения Шах-Тепе и Тюренг-Тепе). С территории собственно Ирана подобные памятники неизвестны — они либо до сих пор не открыты, либо их там и не было. Последнее представляется более реальным, особенно учитывая сравнительно хорошую обследованность данных территорий в археологическом отношении. Если это подтвердится и в дальнейшем, Юго-Западную Туркмению можно будет считать той областью, где сложился и откуда распространился археологический комплекс эпохи поздней бронзы.

Глава IV

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Погребальный обряд — очень емкое понятие. Он состоял из комплекса определенных действий, которые совершались над телом умершего человека для его материального уничтожения, с одной стороны, и духовного сохранения — с другой. Эти действия представляли собой довольно длительный процесс, протекавший во времени и в пространстве. В погребальном обряде нужно различать подготовительную фазу, основной акт и завершающую фазу.

Действия от момента смерти или умирания человека до предания тела земле (здесь не рассматриваются остальные разнообразные методы избавления от мертвого тела, известные народам мира [см.: Токарев, 1964, с. 167—183]) являлись подготовительной стадией акта погребения. В это время совершали определенные манипуляции сначала с умирающим, а затем и с трупом, который еще присутствовал среди живых людей. К таким манипуляциям относятся прощание перед смертью и помощь в смерти, омовение, одевание, прощание с телом, приготовление могилы и т. п. По-видимому, данный этап можно рассматривать как «сборы в путь».

Процедура предания тела земле была сложной, а ритуал детально разработан. При погребении умершего должны были учитываться многие его характеристики (половозрастные, социальные), причины смерти и т. д. Проводилось захоронение в строгой последовательности: положение тела в могилу, размещение там набора погребального инвентаря, закрытие могилы и совершение каких-то ритуальных действий на кладбище. Этот основной этап обряда погребения заключал в себе действия, обеспечивавшие отправление покойного на «тот свет», в страну предков. Именно от данной стадии погребального обряда и сохраняется большинство сведений — погребальное сооружение, останки погребенного и погребальный инвентарь, т. е. то, что представляет собой погребальный комплекс.

У многих народов, в том числе европейских и азиатских, до сегодняшнего дня дожил комплекс ритуальных действий, совершавшихся после погребения мертвого тела, — различные поминальные обряды, иногда довольно растянутые во времени. По всей вероятности, такие обряды име-

лись и в древности, но у нас нет археологических свидетельств о том, какими они были; в Сумбарских могильниках эти обряды не оставили после себя вещественных следов.

Преднамеренное погребение покойника по сложному ритуалу, в который входило снабжение его набором вещей, является свидетельством существования в общественном сознании понятия «тот свет» и веры в него. Согласно этой вере, человек или его нематериальная жизненная субстанция, т. е. душа, после смерти отправлялись именно туда. Смерть в таком случае считалась не прекращением жизни, а переходом человека в другое состояние, в другое качество; после смерти человек переходил в категорию предков: либо он становился бессмертным, либо его душа ждала определенного момента, чтобы вновь воплотиться в каком-нибудь человеке, принадлежавшем обычно к тому же роду, что и покойный. «Тот свет» представлялся определенному обществу в виде идеального слепка действительного материального бытия, поскольку первобытные люди вряд ли могли вообразить мир, принципиально отличный от того, в котором жили.

Раскопанные захоронения отражают процедуру отправления покойника на «тот свет» и весь его багаж, соответствовавший месту этого человека в обществе, согласно его полу, возрасту, происхождению и многим другим признакам. Следовательно, погребение — не только овеществленное свидетельство процедуры предания покойника земле, но и своеобразная «визитная карточка», по которой его должны были узнать умершие раньше сородичи и в которой отражено его семейное, правовое и общественное состояние. Все дело заключается в том, чтобы теперь найти ключ для правильного прочтения этой древней «визитной карточки». Исходя из двойственной сущности человека, биологической и социальной, из погребальных комплексов надо попытаться извлечь содержащуюся там информацию именно по двум данным линиям. Для этого надо рассмотреть признаки погребального комплекса и из всей их суммы попытаться выделить те, которые могут относиться к биологической сфере человеческой сущности и отражать «гражданское» состояние погребенного, и те, которые могут относиться к общественной сфере погребенного и отражать его «социальное» состояние.

Совокупность признаков погребального комплекса состоит из трех основных классов, которые соответствуют трем основным компонентам этого комплекса, — погребальное сооружение, погребенный и погребальный инвентарь. Эти компоненты могут быть исследованы как в совокупности, так и сами по себе.

1. Погребальное сооружение — могила со всеми ее признаками. Она могла быть разной конструкции, элементы и особенности которой зависели от природных условий территории ее нахождения: яма в земле; яма, укрепленная камнями или деревом, т. е. каменный ящик или сруб; камера внутри земли — катакомба. Погребальное сооружение может быть исследовано как самостоятельный объект, причем изучению подвергаются архитекторика погребального сооружения в целом, происхождение его самого и элементов его конструкции, ареал конструкции и т. п. При исследовании погребального сооружения в составе погребального комплекса надо рассматривать его пространственное соотношение с остальными компонентами погребального комплекса.

2. Останки погребенного имеют серию объективных признаков, которые выявляются при расчистке могилы (количество информации прямо пропорционально тщательности расчистки): положение костей туловища, головы и конечностей, положение скелета относительно погребального сооружения и относительно стран света, его сохранность и причины ее нарушения. Кроме того, погребенный получает дополнительные характеристики после исследования костных остатков: пол и возраст, следы насильственной смерти, прижизненных травм и перенесенных болезней. Известно, однако, что у каждого человека и при жизни есть определенные биологические характеристики: пол, возраст, который непрерывно меняется до смерти, находится ли он в браке, имеет ли детей (возможность или невозможность этого), родителей либо родственников (и каких), свой он по происхождению или нет в том конкретном коллективе, которому принадлежало исследуемое кладбище. Но биологические характеристики, помимо пола и возраста, не извлекаются непосредственно из останков погребенного; они могут быть обнаружены только в результате скрупулезного анализа многих признаков, к останкам погребенного обычно не относящихся. В зависимости от положения человека в обществе сочетания этих характеристик и признаков были различными. Именно характеристики (их количество, вероятно, может быть увеличено) погребенного как биологического индивида отражали его «гражданское» состояние.

3. Погребальный инвентарь, предназначавшийся в качестве багажа на «тот свет», был очень разнообразным. Он включал пищу и одежду, а также предметы, отражавшие экономику, социальные отношения и духовную культуру древнего общества. Погребальный инвентарь может быть подвергнут изучению вне связи с остальными компонентами погребального комплекса, что на определенной стадии исследования памятника представляется вполне оправданным и необходимым: тогда с его помощью можно решать общие археологические вопросы — датировку памятника, происхождение культуры, межкультурные связи и т. д. — без учета специфики погребений как особого вида археологических источников, что практикуется археологами [например: Аскаров, 1973, 1977]; нами это было сделано выше (гл. II, III). Однако если погребальный инвентарь дифференцировать определенным образом и рассматривать во взаимосвязи с характеристиками умершего и с учетом топографии находок внутри погребального сооружения, то можно попытаться восстановить социальное положение покойного. Следовательно, в сопровождающем инвентаре захоронений отдельного могильника или могильников одной культуры и в связях его с другими компонентами погребального комплекса нужно попробовать найти те признаки и характеристики, которые позволят не только реконструировать «социальное» состояние какого-то одного погребенного, но и вскрыть систему социальных и семейных отношений в обществе, оставившем эти могильники.

Установление «гражданского» и «социального» состояний погребенных, образующих систему общественных и экономических отношений, помогает нам проникнуть в область общественного сознания древних людей. Безусловно, элементы этого сознания были также овеществлены в погребальных памятниках, но для их извлечения как системы надо

тщательно отпрепарировать сумму признаков, разложить их по соответствующим группам и определить те из них, которые могут ответить на поставленный вопрос. И наконец, не надо забывать, что погребения не могут осветить те вопросы, ответы на которые не заложены туда их сущностью.

Под анализом погребального комплекса мы подразумеваем расчленение его на мелкие группы предметов, свойств и явлений, связанных внутри определенными признаками, расторжение которых приведет к хаотическому собранию отдельных предметов. С другой стороны, такие группы должны установить друг с другом определенные прочные и устойчивые связи, дающие возможность расчленения погребальных комплексов не только внутри одного могильника, но и в рамках всей культуры. Вот эти группы и должны стать тем историческим источником, на базе которого можно ожидать получения ответа на ряд вопросов из области экономики, социальных отношений и духовной культуры.

Погребальное сооружение в могильниках сумбарской культуры представлено одним типом — катакомбой. В катакомбах похоронены все взрослые и большинство детей; в ряде случаев, особенно в младенческих могилах, катакомбу проследить невозможно, что позволяет допустить существование для захоронения детей простых могильных ям, в которых покойника закладывали камнями и засыпали землей. Катакомба состоит из двух частей — камеры и входа в нее. Камеры в могильниках овальные (в некоторых случаях практически образуют в плане круг), разного размера, и величина их длинной оси может колебаться от 1.4 до 3 м. Только один раз была вскрыта прямоугольная погребальная камера с четко выраженными углами (С-I-155; 1.5×0.9 м). Вход в погребальную камеру всегда расположен с северной стороны, причем получается, что в Сумбарских могильниках камера открыта в сторону долины, а в могильнике Пархай I — в сторону гор. Следовательно, вход с северной стороны имел существенное значение. Отмечены две разновидности входа: те могилы, которые находились на северном склоне увала, имели вход в виде горизонтальной штольни, а те, которые были размещены в центральной части или ближе к южному склону, — в виде колодца. Камеры различаются также еще по одному признаку — по тому, как закладывался вход после совершения похорон: часть камер заложена кладкой из крупноформатных сырцовых кирпичей (в основном так заделывали могилы, расположенные в центре и с южной стороны увала и имеющие вход колодцем); другая часть, преимущественно со входом штольней, — большими камнями. Но отмеченные сочетания признаков не являются правилом, поскольку нет твердой закономерности.

Останки погребенных в Сумбарских могильниках имеют признаки, которые вступают в сочетания и между собой, и с признаками погребального сооружения. Из-за ограбленности могил в расчет взято 106 погребений (53% от общего числа). В сводную же таблицу (см. рис. 21) мы сочли возможным включить только 90 погребений, ибо о 16 можно только сказать, что они принадлежали взрослым. В могильниках отсутствуют как коллективные, так и парные захоронения (под ними мы понимаем не два любых костяка в одной могильной яме, а намеренное разно- или одновременное погребение мужчины и женщины,

как правило, одного поколения, которые на этом основании считаются состоявшими в брачных отношениях). Есть единичные погребения женщин с младенцами или детьми раннего возраста, которые принимаются нами за одноразовое (когда это возможно проследить) захоронение матери и ребенка.

Признаки погребенного: скелет лежит на боку с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками, кисти рук находятся перед грудью или перед лицом — такое положение принято в специальной литературе называть позой спокойного спящего человека; пол погребенного чаще всего устанавливается при помощи антропологического изучения костных остатков, но в единичных случаях антропологическое определение расходится с тем, которое можно сделать на основании погребального инвентаря, — тогда предпочтение отдается погребальному инвентарю, который, как можно будет убедиться ниже, очень точно соответствует полу погребенного; возраст погребенного устанавливается сравнительно редко в гробах, чаще всего фигурируют определения «взрослый», «зрелый», «возмужалый», «старческий», которые не всегда дают возможность сделать более точное, без элемента субъективизма, определение.

Указанные признаки погребенного сочетаются между собой и с признаками погребального сооружения определенным образом. На этом основании можно вывести некоторые закономерности.

Все погребенные были помещены в погребальной камере так, что скелеты оказались лежащими лицом ко входу в камеру. Исключения: в мог. С-I-75 женщина погребена спиной ко входу на правом боку, в мог. С-I-69 — спиной ко входу на левом боку.

Все мужчины (36 установимых случаев) погребены на левом боку (рис. 16, 1—3). Исключение: мужчина в прямоугольной камере С-I-155 лежал на правом боку. Большинство женщин (37 из 45) были уложены на правый бок (рис. 16, 4, 5). Восемь женских захоронений совершено на левом боку, по-мужски (рис. 16, 6).

Многие мужские захоронения находились в центре холма в камерах, в которые вел колодец, заложенный сырцовыми кирпичами; однако есть мужские погребения, совершенные через штольню и заложенные камнями. Возможно, здесь была связь с возрастом погребенного, но он определен слишком общими понятиями. Большая часть женских захоронений совершена в камерах со штольнями и заложена камнями; однако есть камеры с колодцами в центре холма, заложенные сырцовыми кирпичами.

По странам света покойники ориентированы в зависимости от пола. Все мужчины ориентированы головой на запад и обращены лицом на север (Сумбар I) или головой на юго-запад и юг, а лицом — соответственно на запад и северо-запад (Пархай I). Представляется, что смещение ориентировки к югу объясняется направлением длинной оси холма с могильником Пархай I; за основное направление мы все-таки принимаем западное с отклонением к югу. Все женщины, погребенные на правом боку, ориентированы головой на восток и обращены лицом на север (Сумбар I и II) или головой на северо-восток и север (Пархай I), а лицом — на запад или юго-запад; за основное направление мы принимаем восточное с отклонениями к северу. Те женщины, которые были похоро-

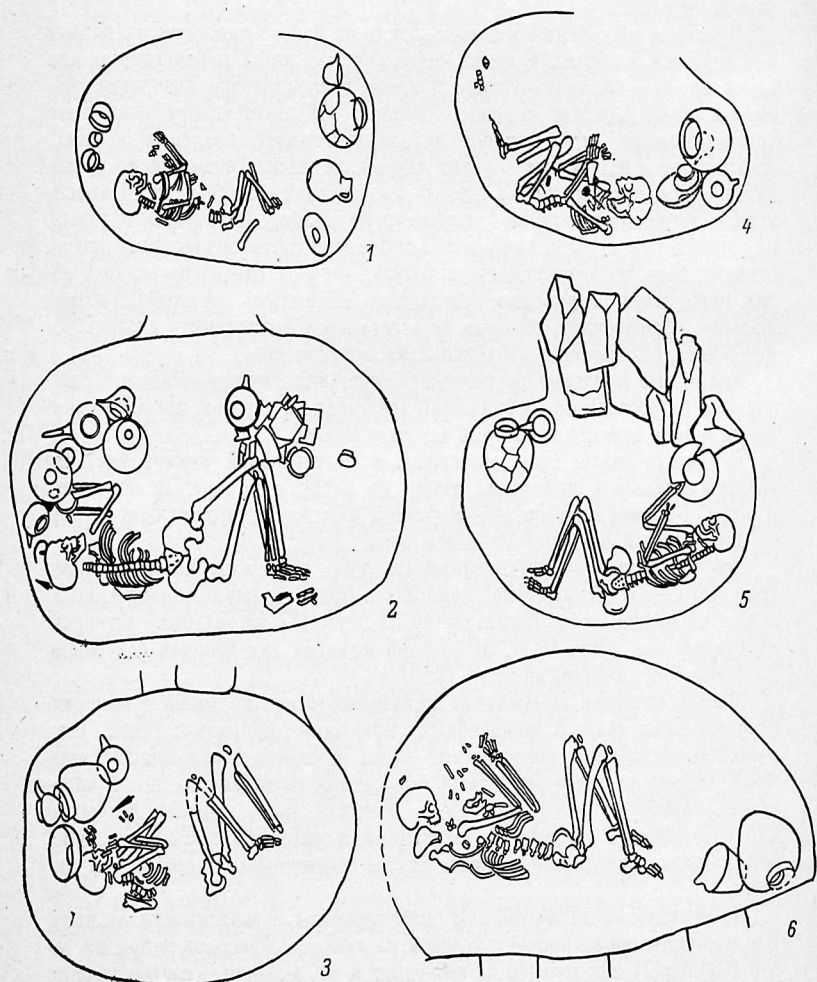

Рис. 16. Положение в погребении скелетов мужчин (1—3), женщин (4—6) и сосудов для воды.

нены на левом боку по мужскому обряду, соответственно и ориентированы головой на запад (в могильнике Пархай I таких погребений не обнаружено).¹

Погребальный инвентарь очень разнообразен и требует четкости при дифференциации. Прежде всего он должен быть разделен на керамические сосуды и прочие изделия хотя бы потому, что все изделия первой группы сделаны из одного материала, а второй — из различных, взаимодействующих друг с другом. Практически все равно, на какой группе изделий раньше остановить внимание, однако мы предпочли сначала рассмотреть вторую группу предметов, поскольку первая кажется более аморфной. Забегая вперед, можно сказать, что только после дифференциации с последующим анализом предметов второй группы керамика стала отдавать информацию более интенсивно.

Несмотря на возможность разделить весь погребальный инвентарь по материалу или по функции, что уже было сделано выше при его изучении в качестве самостоятельного объекта, мы сразу примем несколько иной принцип — разделим его на группы и по материалу, и по функции, но введем весьма жесткий основной показатель — пол погребенного. Тогда все многочисленные вещи приобретут очень стройную систему (рис. 17).

Мужской погребальный инвентарь состоит из нескольких групп (инструменты, предметы вооружения, предметы престижности, украшения), причем при его расчленении на группы после пола погребенного учитывается функция предмета, а на последнем месте стоит материал, из которого он изготовлен.

Инструменты (рис. 17, II) не были принадлежностью только мужских погребений, но те типы их, которые там встречены, — исключительно мужской инвентарь. Почти все инструменты были обнаружены в перемещенном состоянии. К ним относятся ножи с длинным лезвием, ножи с коротким и полукруглым лезвием, предназначавшиеся только для резания. В двух случаях они были найдены в потревоженных могилах и лежали за спиной погребенного лезвием вниз. Особым инструментом является шило, круглое или квадратное в сечении. Единственный экземпляр последнего имел костяную ручку, очевидно, с деревянной пробкой, в которой и был закреплен соответствующий граненый конец орудия.

Предметы вооружения (рис. 17, I) — принадлежность исключительно мужского погребального инвентаря. К ним относятся стрелы с двухлопастными черешковыми наконечниками, которые были положены в могилу как вверх острием, так и вниз; дротики с бронзовыми наконечниками. Последние отличались выраженным упором и мощным усиливающим ребром, обеспечивавшим дротику прочность при сильном ударе-броске; их клали в могилу острием вниз. Третий вид ударного оружия — копья с черешком, но без ярко выраженного упора. Кинжал известен в 1 экз. и найден в совершенно разрушенном погребении, что исключает возможность восстановления его первоначального положения.

¹ Некоторые погребения в Сумбарском могильнике имели существенные отклонения от указанных направлений, однако это мы объясняем изгибами увала, на котором располагалось кладбище.

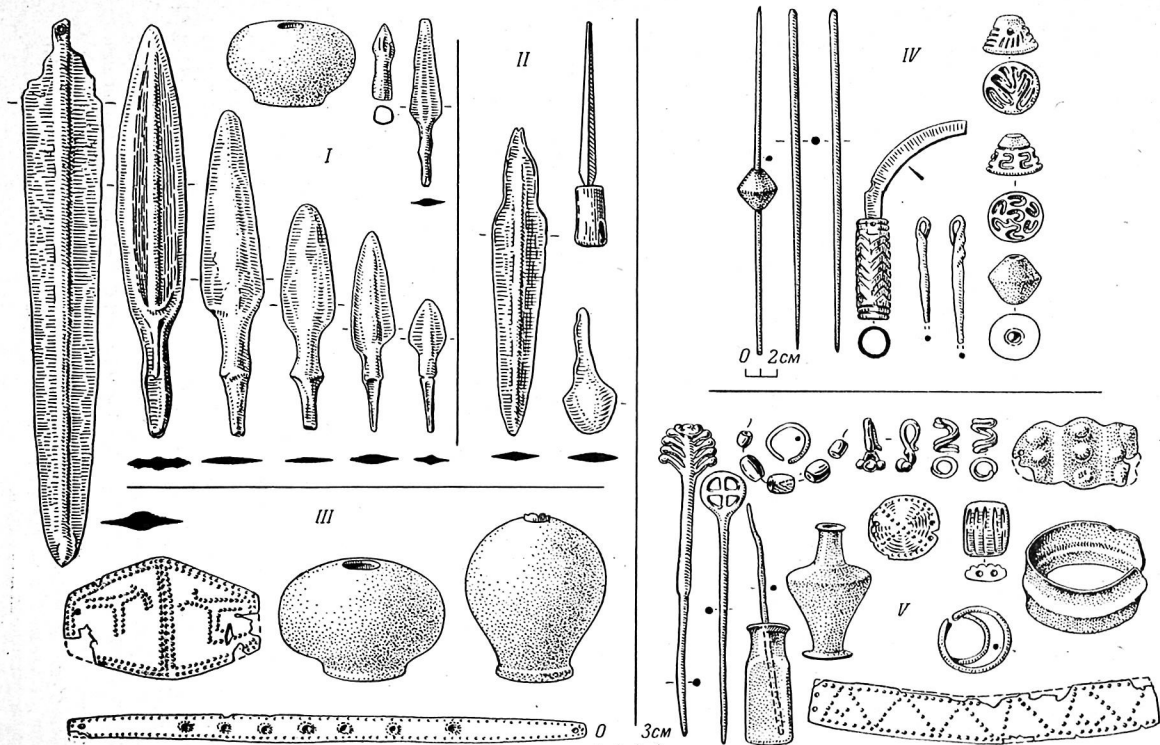

Рис. 17. Группы мужского (I—III) и женского (IV, V) погребального инвентаря.

Предметы престижности (рис. 17, III) — это прежде всего наверхия жезлов или посохов. Просверленные каменные наверхия уже охарактеризованы при описании категорий погребального инвентаря. Тогда по внешним признакам (по форме и цвету) они были разделены на три группы: сферические с чуть выступающей шейкой и без нее, сделанные из светлого, серо-черного и с темными прожилками камня; грушевидные белые из известняка или мрамора, иногда с валиком вокруг шейки; сферические или приплюснутые черного цвета с выступающей шейкой. Теперь, при анализе этих предметов в совокупности со всеми признаками, они неожиданно показали себя не столь обычной группой. Все наверхия были найдены в мужских погребениях, некоторые из которых так сильно разрушены, что сохранили мало керамики и другого погребального инвентаря. Тем не менее в неразграбленных до конца и в сохранившихся могилах оказалось возможным проследить интересные закономерности.

В четырех погребениях (С-I-84, 100, 108 и П-I-6) сферические наверхия первой группы были найдены в неповрежденном состоянии. В трех из них наверхия лежали между согнутыми под углом бедренной и берцовыми костями; в погр. С-I-84 наверхие было найдено между сгибом локтя и тазовой костью, т. е. перед поясницей. Их топографию можно объяснить только одним: наверхие было насажено на палку, прикрепленную к поясу погребенного. При укладывании покойника в могилу в одном случае палка оказалась развернутой поперек тела наверхием вперед, поэтому после ее разложения наверхие упало около локтевого сгиба; в остальных случаях палка с наверхием была вытянута вдоль тела покойного и после сгибания его ног повисла наверхием между бедром и голенью, куда наверхие и провалилось после того, как палка сгнила. В дополнение к топографии наверхий скажем, что они представляют собой наиболее мелкие и легкие образцы (только наверхие из мог. С-I-100 весит 445 г, а остальные — 115, 185 и 290 г), которые по цвету не могут быть отнесены ни к белым, ни к черным. Если суммировать все признаки, то окажется, что именно эти каменные наверхия являлись частями ударного оружия — булавы, именно к ним применим термин «наверхие булавы». Более того, можно рассчитать длину древка — она достигала примерно 0.4—0.5 м.

Белые грушевидные наверхия происходят из четырех погребений: С-I-115 (265 г), С-I-154 (320 г), С-I-176 (365 г) и С-I-119 (450 г), — и одно найдено случайно (400 г). В первой из могил наверхие лежало на своем первоначальном месте, поскольку она не была потревожена, — находилось перед лицом покойного. Две следующие могилы были сильно разрушены, а в последней белое наверхие сочеталось с черным, и поэтому мы ее выделяем особо. В нетронутой могиле кроме этого наверхия имелись еще предметы вооружения: наконечники копья и стрелы, нож за спиной, бронзовые днадема, бляха у головы и наруч на левой руке, а также 10 сосудов; все это относит погребение к разряду богатых. Наверхие лежало перед лицом, что противоречит его интерпретации в качестве наверхия булавы. Это — специальный предмет престижности, наверхие посоха, трости или жезла, который при погребении владельца был положен перед ним. Такой престижный предмет чисто белого цвета

безусловно давал какие-то преимущества своему владельцу (пока неясно какие) и в погребении сочетался с предметами вооружения.

Черные сферические навершия с шейкой, которые существенно отличались от наверший булав своим весом, найдены в трех могилах: С-I-59 (фрагменты), С-I-87 (375 г) и С-I-119 (465 г). Первая была почти полностью уничтожена, а навершие в ней найдено в кусках и не полностью. Вторая содержала нетронутое погребение мужчины. В третьей, с сильно разрушенным погребением, встречены два навершия (белое и черное) и бронзовый наконечник копья. Кроме навершия, расположенного перед лицом, но не вблизи костяка, в нетронутой могиле обнаружены бронзовый наруч на правой руке и пара трехбусинных серег, а также 10 сосудов. Заметим, что в могиле не было найдено ни оружия, ни орудий труда.

Особняком стоит погр. С-I-119, содержавшее два противоположных по цвету навершия.

Судя по тому, что в разграбленных могилах были оставлены навершия, можно сделать вывод, что они не очень интересовали грабителей. А значит, весьма вероятно, что количество мужских погребений с навершиями, которых в могильнике Сумбар I шесть, было в действительности незначительно больше. Следовательно, все мужское население поселка можно рассматривать как состоявшее из двух групп: представителями одной имели навершия, другой — не имели. Вторые были значительно многочисленнее, но и первые делятся почти поровну на имевших белые и имевших черные навершия. Только один погребенный обладал обоими навершиями.

Подводя на этом уровне итог анализу каменных наверший, можно сказать, что часть их являлась действительно навершиями булав, а часть служила навершиями посохов и была предметом престижности, знаком отличия или различия, выделявшим их владельцев из среды обитателей поселка.

К предметам престижности, встреченным почти исключительно в мужских погребениях, мы отнесли еще бронзовые диадему и наруч. Эти предметы довольно однозначны и не требуют такого разбора, какой только что был проведен с каменными навершиями. Диадема представляет собой бронзовую пластину, которая в первоначальном положении находилась у головы; один раз диадема встречена в женском погребении. Бронзовые наручи отличаются от обыкновенных браслетов своей шириной (5—8 см), тем, что в развернутом виде они приближаются к шестиугольнику и украшены пунсоным орнаментом с солярными и зооморфными сюжетами. Эти предметы всегда находились на запястье погребенного, один раз на правой руке и два — на левой.

Украшения, которые можно было бы считать специфически мужскими, в могильниках неизвестны. Однако многие украшения свойственны обоим полам и, естественно, преобладают в женских могилах. Поэтому рассматривать эти категории находок из мужских погребений мы будем после женского погребального инвентаря.

Женский погребальный инвентарь состоит тоже из нескольких групп, причем также учитываются в первую очередь его половая принадлежность, затем назначение и, наконец, материал, из которого тот или иной

предмет сделан. Основных групп три: орудия женского труда — инструменты, специфически женские украшения и предметы туалета.

Инструменты (рис. 17, IV) представлены большим и постоянным набором, в котором первое место по количеству занимает веретено или его основная часть — биконическое каменное пряслице. В двух случаях (С-I-110 и случайная находка) последнее оказалось насаженным на бронзовый стержень; во всех остальных — веретено было либо деревянным, либо вместо него помещали одно пряслице, однако более вероятным кажется первое предположение. В могиле, когда это возможно проследить наверняка, пряслице занимает разное положение по отношению к костяку: оно бывает в ногах (10 случаев), за спиной (3), в головах (6 случаев), один раз целое веретено было положено перед лицом. Сейчас затруднительно объяснить такую разницу в положении, но не исключено, что она имела какое-то значение. Прыслица были найдены только в трех из восьми женских погребений, совершенных на левом боку.

Спицы, как и прыслица, находились в ногах, в головах и за спиной в непосредственной близости от костяка; один раз спицы были положены перед лицом вместе с веретеном. Спицы найдены в восьми могилах; в трех из них спиц было по две пары. У женщин, погребенных на левом боку, только один раз обнаружены две пары спиц (С-I-110).

Иглы были найдены в пяти могилах, причем лишь в одной имелась одна игла, а в остальных — по две. В неотрожеженных могилах иглы были встречены либо в ногах (С-I-125), либо у колен (С-II-4), т. е. в местах, куда обычно клали другие орудия женского труда. В погребениях, в которых покойная лежала на левом боку, иглы не обнаружены.

Принципиально новым орудием, на котором нам придется остановиться при характеристике занятий древнего населения, являются коворые ножи. Они встречены по одному, по два или по три в могиле; правда, те могилы, где найдено по одному ножу, сильно разрушены, а это лишает нас уверенности в том, что такое количество ножей было там первоначально. Зато по два и по три ножа обнаружено в сохранившихся погребениях. Везде они находились у пояса погребенной либо со стороны живота, либо со стороны спины, причем всегда лежали вместе. На многих отмечены следы ткани, — возможно, они были завернуты в тряпицу либо положены в мешочек. Большинство ножей встречено в женских погребениях, совершенных на правом боку (7 случаев), и лишь один раз они находились с женщиной, погребенной на левом боку. Приведем доказательство того, что данные инструменты могли быть только коворыми ножами: режущий край орудия расположен на внешнем изгибе ножа; тонкое отверстие указывает на слабое прикрепление ручки (при срезании нитки нажим был настолько легким, что не требовалось такого прочного скрепления с рукоятью, как у других орудий); нахождение этих орудий в женских могилах не противоречит ни женскому занятию коворделием, ни всему комплексу орудий, связанных с работой по шерсти; современные коворые ножи, сделанные, естественно, из железа, в точности повторяют форму своего бронзового прототипа более чем трехтысячелетней давности.

Все остальные предметы, причисленные к орудиям женского труда, — обойма (обкладка ручки коворого ножа), штамп для нанесения орна-

мента и костяная подвеска, которая могла использоваться для проверки правильности интервалов при натяжении нитей основы ткани, — в непогребенных могилах всегда располагались у пояса погребенной. Интересно, что почти во всех случаях обойма сочеталась с ковровыми ножами, штампы также в одном случае из двух, а костяные подвески с параллельными насечками дважды были встречены около коврового ножа. Очевидно, такие подвески образовывали, когда их помещали в могилу, неразрывное единство с ковровыми ножами, свидетельствуя о высшей степени мастерства. Почти все эти предметы найдены с женщинами, похороненными на правом боку.

Женские украшения (рис. 17, V) — бронзовые спиральные кольца для волос, серьги, браслеты, булавки и бусы, а также бляхи из бронзы, фаянса и другие предметы — располагались в нетронутых могилах в соответствующих местах, о чем говорилось выше при описании типов предметов погребального инвентаря. Однако изредка женские украшения были встречены и в мужских погребениях, что следует объяснить случайностью. Нужно отметить, что группа женских погребений, совершенных по-мужски, на левом боку, имела значительно обедненный набор украшений, а пять вообще их не содержали.

Последней категорией находок, чью топографию следовало бы рассмотреть, являются органические остатки. Кусок мяса или часть туши клали в могилу без определенного места: в ногах или в головах на землю, но никогда не в сосуд. Альчики складывали кучкой и часто рядом с пряслицем, что позволило предположить их использование в качестве основы для клубка шерсти. В том, что это были не игрушки, убеждает нахождение альчиков в женских погребениях, причем у женщин пожилого возраста. Но поскольку они в том же количестве помещались и в мужские могилы, надо думать, что эти кости могли использоваться в хозяйстве представителями обоих полов по-разному; кроме того, они могли обладать и скрытой семантической нагрузкой. Загадочной является находка панциря сухопутной черепахи; он встречен только в женских погребениях (два раза по 2 экз. — С-I-129 и 170), исключение — мог. С-I-84 — погребение мальчика-подростка.

Подобно тому как весь погребальный инвентарь довольно четко и определенно распался на группы в зависимости от пола погребенных (табл. 4), так и керамика может быть разделена по этому же признаку. Тем более что погребальный инвентарь в некоторых случаях даже уточняет антропологические определения. Следовательно, разделение погребений по их полу является твердо доказанным на основании и антропологических, и чисто археологических признаков.

Как уже было сказано, каждому взрослому полагались сосуды для воды — хумча и горшочек с открытым носиком, чаша для каши и конический сосуд со сливом для молока. Сосуды следующей группы — для алкогольных напитков (чайник со сложным носиком и различные сосуды с трубчатыми носиками) — являлись принадлежностью мужских погребений, однако семь чайников со сложными носиками были найдены в женских могилах, пять — с погребенными на правом боку, а два — с теми, которые захоронены на левом боку. Но нет ни одного случая находки сосуда с трубчатым носиком для потребления алкогольного на-

питка в женской могиле. Сосуды еще одной категории — кувшины и горшочки — предназначались также для какого-то напитка, в одинаковом количестве потреблявшегося взрослыми обоого пола. Ваза, которую мы считаем престижным сосудом, преобладает в мужских погребениях, хотя дважды встречена в женских, причем только в тех, где скелет лежал на правом боку.

Но значимым признаком и на этот раз является топография некоторых сосудов в могиле. В подавляющем большинстве мужских погребений (22), в том числе и в кенотафах, хумча и горшочек с открытым носиком находились в ногах. Есть только нетронутое захоронение старика (С-I-32), погребение молодого мужчины (П-I-25), а также два нарушенных кенотафа (П-I-17 и 24), в которых сосуды для воды стояли в головах (рис. 18). Иначе обстоит дело с расположением сосудов для воды в женских погребениях. На основании данного устойчивого признака прежде единую группу женских погребений на правом боку можно разделить на две: 15 погребений имели два таких сосуда в головах, а 11 — в ногах, как у мужчин. Что касается женщин, погребенных на левом боку, по-мужски, то и сосуды для воды в их могилах расположены по-мужски, т. е. в ногах (рис. 19). Сравнение керамических комплексов в погребениях обоого пола (рис. 20) четко обнаруживает их сходство и различие.

Подводя итог сделанному анализу, можно констатировать, что в обществе того времени имелись четкие группы, члены которых объединялись определенным положением умершего в могиле, погребальным инвентарем и его расположением (рис. 21; см. вкл., с. 4—5).

Женские погребения (40) могут быть разделены на четыре группы, каждая из которых характеризуется следующими признаками.

В 19 погребениях умершие были уложены на правый бок лицом ко входу в камеру. Вся керамика, если можно установить ее место в камере, расположена в головах; особенно это относится к сосудам для воды — к хумче и горшочку с открытым носиком. Каждая женщина была снабжена одним из орудий женского труда, связанных с шерстью: веретеном, спицами, иглами или козовыми ножами. Бывают сочетания двух или трех типов перечисленных орудий, но никогда всех четырех. Состав украшений свидетельствует, что их владелицы были более богатыми, чем остальные погребенные. Почти во всех могилах найдены альчики, в шести — панцири черепах, в пяти — кости барана.

В 11 погребениях умершие были уложены также на правый бок лицом ко входу в камеру. Но сосуды для воды помещались здесь в ногах, хотя другие сосуды оставлены в головах. Из орудий женского труда в шести погребениях найдены пряслица, в трех — спицы, в двух — иглы, в одном — козовые ножи. Набор украшений производит более бедное впечатление, чем в погребениях первой группы. В четырех могилах тоже есть альчики, в одной — панцири черепах, в трех — кости барана. Следовательно, вторая группа погребений отличается от первой обеднением инвентаря и местом сосудов для воды.

В восьми погребениях умершие уложены на левый бок лицом ко входу в камеру. Сосуды для воды расположены в ногах. В трех могилах найдены пряслица, в одной — спицы и в одной — козовые ножи. Укра-

Погребальный инвентарь II

Признаки	№ п. п.	№ могилы	Находки из мужских погребений										Находки						
			оружие и орудия							предметы престижности			орудия						
			стрела	дротик	копье	кинжал	булава	нож короткий	нож длинный	шило	навершие белое	навершие черное	диадема	наруч	веретено (при- слице)	спицы	иглы		
Женщины	на правом боку	сосуды для воды в головах	1	C-I-57											1				
			2	C-I-131												1			
			3	C-I-33												1			
			4	C-I-45												1			
			5	C-II-6												1			
			6	C-I-10												1	2		
			7	П-I-13												1			
			8	C-II-4												1		2	
			9	C-I-26												1			
			10	C-I-50															
			11	C-I-16												1			
			12	П-I-11												1			
			13	C-I-75												1	2		
			14	C-I-6												2		2	
			15	C-I-146													2		
			16	C-I-159													2	2	
			17	C-I-167												1			
			18	C-I-170												2			
Мужчины	на левом боку	сосуды для воды в ногах	19	C-I-140												4			
			20	C-I-112											1				
			21	C-I-144											2				
			22	C-I-105											1				
			23	C-I-49									1				1		
			24	C-I-125											1	2	2		
			25	П-I-14															
			26	C-I-20											1	2			
			27	C-I-147															
			28	C-I-178						1									
			29	C-I-42															
			30	C-I-114												1			
			31	C-I-110												1	4		
			32	C-I-116												1			
			33	C-I-25															
			34	C-I-52															
			35	C-I-24															
			36	C-I-154							1								
			37	C-I-176							1								
			38	C-I-115	1	1			1				1	1					
			39	C-I-119		1						1							

Признаки		№ п. п.	№ могилы	Находки из мужских погребений										Находки				
				оружие и орудия							предметы пре- стижности			орудия				
				стрела	дротик	копье	кинжал	булава	нож короткий	нож длинный	шило	навершие белое	навершие чер- ное	диадема	наруч	веретено (пря- слице)	спицы	иглы
Мужчины	на левом боку	сосуды для воды в ногах	40	C-I-87														
			41	C-I-59														
			42	C-I-84														
			43	C-I-108	1	3			1									
			44	П-I-6		1			1									
			45	C-I-100					1									
			46	C-I-11	1													
			47	C-I-85	1													
			48	C-I-145	1					1								
			49	C-I-158	1													
			50	C-I-180	1	1				1								
			51	C-I-22			2											
			52	C-I-133				1										
			53	C-I-89					1			1						
			54	C-I-101														
			55	C-I-53														
			сосуды для во- ды в го- ловах	56	П-I-25													
				57	П-I-49	1	1											
58	П-I-17						1	1										

шений мало — встречены всего в трех могилах. Есть альчики, два черепаховых панциря, изредка попадались кости барана. Весь инвентарь значительно беднее, чем в могилах двух предыдущих групп. От них данная группа прежде всего отличается ориентировкой костяка, от первой — размещением сосудов для воды. Но со второй группой третья сближается именно расположением этих сосудов относительно погребенной.

Имеются еще две могилы, которые по керамике для воды, поставленной в головах, могли быть отнесены к погребениям первой группы. Однако расположение костяка в камере не позволяет этого сделать. Как исключение умершие были уложены спиной ко входу в камеру, одна — на левом боку (C-I-69), другая — на правом (C-I-75). С ними находилось минимальное количество сосудов (2 и 3 экз.), украшения отсутствовали; в одной могиле обнаружены женские инструменты, в обеих — альчики. Ясно, что указанные способы погребения не были приняты у древнего населения, но так выделяли каких-то членов их коллектива.

Мужские погребения (36) могут быть разделены на четыре группы, каждая из которых характеризуется определенным набором признаков.

Таблица 4 (продолжение)

из женских погребений												Украшения					Органические остатки			
орудия					украшения				предметы туалета											
ковровые ножи	обойма	стержень	штамп	морка основы ковра	кольца височные	кольца-серьги	браслеты	булавки	бусы пастовые	сурьмаш	флакон	бляхи	серьги трех-бусинные	бусы каменные	бусы бронзовые	пронизки	пуговицы	панцирь черепахи	альчики	кости барана
													2	3						
												1		2				1		+
															1				1	
												2		2	3				2	
														1					2	
												1		1					3	
												1		1	21				3	
						3			10										3	
					1				2										3	
																			3	

Антропологически выделяется семь погребений подростков. Как все мужчины, они лежали на левом боку и в тех случаях, когда это можно установить, имели посуду для воды в ногах. Набор посуды в погребениях подростков ограничен: отсутствуют сосуды для алкогольных напитков и престижные вазы. Подростки практически лишены оружия и предметов престижности, хотя есть исключения: навершие булавы (С-I-84) и бронзовый пластинчатый наруч (С-I-168); естественно, они лишены женских орудий труда и женских украшений, а что касается нейтральных украшений, то последние представлены в трех могилах отдельными бусинами из камня.

Большинство мужских погребений (29) принадлежит взрослым и зрелым людям, которые были уложены в камеру на левый бок лицом ко входу. Из данного количества можно выделить по крайней мере две подгруппы. Первая отличается по обряду. Это четыре кенотафа. Инвентарь в них расположен так, как будто присутствовал сам объект погребения. Разумеется, то была кукла из органического материала, одетая надлежащим образом и положенная на дно погребальной камеры; ни разу не

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
																
		хумча	горшочек с открытым носиком	чаша	конический сосуд со сливом	чайник со сложным носиком	чайник с трубчатым носиком	горшочек с трубчатым носиком	чаша с трубчатым носиком	кувшин	горшочек с 1 ручкой	горшочек с 2 ручками	горшочек без ручек	ваза	сферический сосуд с 2 ручками	редкие формы
На левом боку	1	I-115	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	2	I-111	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	3	I-11	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	4	I-119	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	5	I-87	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	6	I-83	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	7	I-22	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	8	П-6	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	9	I-180	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	10	I-176	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	11	I-31	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	12	I-158	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	13	I-108	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	14	I-30	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	15	I-100	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	16	I-89	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	17	П-19	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	18	I-84	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	19	I-14	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	20	П-2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	21	I-103	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	22	I-19	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	23	П-24	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	24	П-25	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	25	I-32	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	26	П-17	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	27	I-155	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
На правом боку																

■ 1 ■ 2 ■ 3 ■ 4 ■ 5 ■ 6 ■ 7

Рис. 18. Расположение и ассортимент керамических сосудов в мужских погребениях.

1 — сосуд в головах; 2 — два одинаковых сосуда в головах; 3 — сосуд в ногах; 4 — два одинаковых сосуда в ногах; 5 — наличие и местоположение сосуда (реконструкция); 6 — два одинаковых сосуда, но один в головах, другой в ногах; 7 — наличие сосуда (реконструкция)..

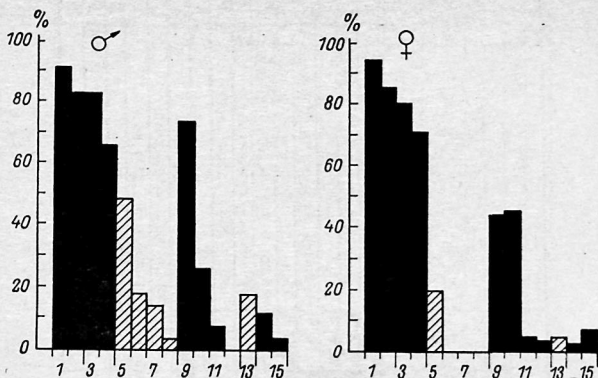

Рис. 20. Сравнение керамических комплексов в мужских и женских погребениях.

Залика — совпадения; *итриховка* — несовпадения.

встречено погребения, в котором труп человека замещался бы животным, в частности бараном, как в могильниках Дашлы 3 (Северный Афганистан) и Сапалли-Тепе (Южный Узбекистан). Вокруг куклы были расставлены сосуды и разложены вещи, но от нее самой ничего не сохранилось. Так что по инвентарю эту подгруппу можно включить в остальные взрослые мужские погребения. Вторая выделяется по предметам престижности, и в первую очередь белым и черным каменным наваршиям жезлов или посохов. Таких могил шесть; в них оказались почти все другие предметы престижности: диадемы и наручи. Остальные мужские погребения не имеют знаков престижности, хотя даже в разграбленных мы находим остатки типично мужского погребального инвентаря, предметы вооружения и инструменты. Еще четыре могилы из них (в том числе два кенотафа) по положению скелета на левом боку и по антропологическому определению относятся к обычным мужским погребениям. Там найдены предметы вооружения и бусы, но сосуды для воды поставлены в головах.

Наконец, одно погребение выделяется из всех остальных своей нестандартностью. Оно совершено в прямоугольной погребальной камере. Мужчина средних лет, череп которого имеет черты своеобразия, отличающие его от черепов остальных погребенных, был захоронен на правом боку лицом ко входу, следовательно, головой ориентирован на восток. Могила была разрушена в древности и не сохранила погребального инвентаря, кроме семи сосудов, причем хумча, по некоторым косвенным данным, первоначально стояла в ногах.

Погребения детей в могильниках долины Сумбара сравнительно немногочисленны, что может быть объяснено значительным понижением уровня холма за прошедшие столетия, благодаря чему детские погребения, совершаемые, как правило, не так глубоко, как взрослые, были ес-

тественным образом разрушены. Нам известно 14 индивидуальных захоронений детей, что отвергает возможность существования в Юго-Западной Туркмении в эпоху поздней бронзы отдельных детских могильников. Кроме того, зафиксировано пять случаев погребения ребенка и женщины, очевидно его матери; видимо, смерть обоих произошла одновременно. Поскольку большинство совместных погребений сильно нарушено, трудно восстановить детский погребальный инвентарь; все индивидуальные детские могилы снабжены бедным набором вещей, что может косвенно свидетельствовать о том, что у ребенка, похороненного с матерью, почти ничего не было.

Детские захоронения можно распределить по полу, поскольку известно, на какой бок укладывали мужчин и женщин при погребении. По этому признаку выделяются пять погребений мальчиков и девять — девочек младенческого и первого детского возрастов. Мальчики лежат на левом боку, девочки — на правом. Интересно, что у детей нет сосудов для воды, обязательных для взрослых. Естественно, в детских могилах отсутствуют также сосуды для алкогольных напитков и престижные вазы. Иногда встречаются чаши и конические сосуды со сливом, возможно, поставленные тем детям, которые достигли определенного возраста. Детям не положили практически никакого инвентаря, кроме нескольких бронзовых колечек, встреченных у девочек, бус — у некоторых девочек и мальчиков, а также глиняных флакончиков с бронзовым стержнем внутри, обнаруженных в двух индивидуальных погребениях (С-I-143 и 169) и в одном совместном с матерью (С-I-167).

Таким образом, системный анализ погребальных комплексов сравнительно небольшого и замкнутого района показал, что среди погребенных можно выделить группы, которые отражали реальное разделение людей в обществе того времени. Для этих групп не было особого обряда погребения, а в общем обряде изменялись некоторые черты так, что становилась очевидной обособленность людей одной группы от другой. Теперь наша задача — попытаться расшифровать и прочесть найденные «визитные карточки» погребенных.

Глава V

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Специфичность могильных памятников такова, что по экономике оставшего их народа они содержат гораздо меньше информации, чем поселения. Идеальным был бы случай сочетания одновременных материалов с поселения и из могильника, но, к сожалению, таковых у нас нет. Поэтому ниже мы попытаемся реконструировать те занятия населения, о которых можно судить на основании материалов могильников среднего течения Сумбара.

В хозяйстве обитателей среднего течения Сумбара четко различаются два направления: то, чем занимались вне дома, и то, что обычно называют домашними промыслами. Однако раньше надо установить основу материальной жизни населения данного района в эпоху поздней бронзы. А ее составляла оседлость, о чем можно говорить с уверенностью, несмотря на то что поселки указанного времени еще не раскапывались. Об этом совершенно однозначно свидетельствуют отлично изготовленные сырцовые кирпичи большого формата, которыми заделаны входы во многие погребальные камеры. У неоседлого населения такой строительный материал не может существовать из-за его ненадобности. А если известен строительный материал, необходимо попытаться определить жилищные условия эпохи бронзы долины Сумбара, ибо, прежде чем заниматься какой бы то ни было деятельностью, человек должен был обеспечить себе оптимальные условия жизни в данной природной среде.

Давно доказано, что погребальное сооружение на определенной территории отражает и повторяет в какой-то степени жилище населения той же территории. Поэтому ключ к реконструкции жилища в долине Сумбара эпохи бронзы надо искать в катакомбе. Поскольку, однако, сама катакомба появилась не в готовом виде, а развилась из полуподземного склепа более раннего времени, мы должны для нашей реконструкции привлечь и эти сооружения. Склеп нужно считать уменьшенной моделью полужемлянки с обособленным входом.

Такой вывод относительно типа жилища изменяет привычный мысленный облик дома, который сложился в результате многолетних поле-

вых исследований в Южной Туркмении: всегда считалось, что население южного земледельческого пояса обитало в поселках, состоявших из наземных домов, выстроенных из сырцового кирпича. На поселениях северной подгорной равнины Копетдага, в дельтах Теджена и Мургаба остатки подобных домов были действительно раскопаны — иного строительного материала в тех местах не существовало. В горных районах для эпохи бронзы жилые постройки пока неизвестны, но там основными строительными материалами были камень и дерево, а не привычный сырец. Их употребляли на сооружение склепов, их же использовали для постройки жилищ. Следовательно, конструкция и планировка склепа позволяют представить жилище местного населения того времени.

У современных жителей горных районов Средней Азии, в частности у горных таджиков, полуземляночный тип жилища известен давно. Однако и у населения долины Сумбара основным типом жилища тоже была полуземлянка. «По рассказам старожилов, — пишет Д. М. Овезов, — в прежние времена жилищем гёкленов была полуземлянка (*куме*). Она устраивалась, как правило, на склонах холмов (т. е. ее врезали в холм так, что задняя стена и части боковых были из естественного материала холма. — И. Х.), ширина ее не более 2 м, длина до 4 м, а высота 3 м. По длине с двух сторон ставили крепкие деревянные стойки, на них клали деревянные перекладины и камыш, обмазывали сверху глиной. Сверху куме имело два ската для стока воды. Дверь всегда делали на юг, с правой стороны от двери оставляли небольшое отверстие для освещения, очаг для отопления был посередине, вверху в крыше оставляли небольшое отверстие для выхода дыма (*думлык*). В куме, как и в юрте, правая сторона была женской, а левая — мужской, в центре — почетное место для гостей. Только беспокойная жизнь, постоянные набеги, заставили гёкленов иметь переносное жилище — юрту (*гара-ой*) или шалап (*телер*)» [1976, с. 117—119].

Наличие полуземляночного жилища у гёкленов и у населения эпохи бронзы на той же территории позволяет более широко интерпретировать данный факт. Не исключено, что горные туркменские племена — реликт древнего ираноязычного населения, которое в ходе исторического процесса подверглось тюркизации и исламизации. Имея это в виду, в их этнографии можно обнаружить многие субстратные черты.

Сочетая свидетельства археологии долины Сумбара с этнографическими чертами ее обитателей, можно попытаться объяснить непонятный прежде факт, что там до сих пор не встречено остатков поселений более раннего времени, чем культура архаического Дахистана. Переосмысление типа жилищ открывает новое направление методики их поиска: не исключено, что поселения эпохи бронзы следует искать по окраинам холмов недалеко от исследованных могильников, поскольку они могли состоять из полуземлянок типа современного гёкленского куме.

Исходя из оседелого образа жизни древнего населения долины Сумбара (это вытекает из приведенных выше соображений и общего облика культуры эпохи поздней бронзы), можно с уверенностью говорить о том, что оно занималось возделыванием земли и разведением домашнего скота.

Непосредственных свидетельств земледелия в виде специфических орудий или остатков его продукции в материалах могильников не найдено. Однако эту основную отрасль хозяйства все же можно восстановить по ряду косвенных признаков. Так, в одном из центров сортового разнообразия пшениц, в окружении оседлоземледельческих культур с тысячелетними традициями, в зоне поливного и богарного земледелия, в эпоху поздней бронзы не могло существовать собирательское или только скотоводческое хозяйство, тем более что вне зоны степей и полупустынь, к каковой долина Сумбара не относится, чисто скотоводческого хозяйства никогда не было. Но у нас нет данных для установления системы земледелия, наличия искусственного орошения. Можно полагать, что на каких-то полях, отвоеванных у тугаев или расположенных в лесистых предгорьях, произрастали пшеница и ячмень: на поселениях северной подгорной равнины Копетдага находили остатки их зерен [Лисицына, 1978]. Из них приготавливали хлеб и кашу; из ячменя, кроме того, — пиво. Сравнительно большой ассортимент посуды говорит о достаточно большом разнообразии пищи древнего населения.

Определение назначения найденной в могилах посуды представляется нам заслуживающим внимания. Когда на исследуемом памятнике ассортимент посуды невелик, то каждый из сосудов может быть полифункционален. В Сумбарских могильниках набор керамики весьма разнообразен, что, по-видимому, свидетельствует о дифференциации ее функций (рис. 22).

Первичный анализ керамики, проведенный выше, показывает, что глиняное тесто, из которого был изготовлен тот или иной сосуд, так же как и технология его изготовления, не имеет значения для нашей цели. При определении функции сосуда надо исходить из его формы и типа. Так, коллекция состоит из столовой и хозяйственной (хумчи и большие кувшины) посуды. Кроме того, сосуды резко различаются по величине, что позволяет выделить сосуды коллективного пользования (хумчи, кувшины, чайники со сложным носиком) и индивидуального (различные горшки, сосуды с трубчатыми носиками, чаши). Поэтому естественно попытаться разделить всю керамическую коллекцию на группы, в каждой из которых сосуд коллективного использования сочетался бы с одним или несколькими сосудами индивидуального применения.

Наиболее часто встречается хумча (рис. 22, 1), которую всегда сопровождает горшочек с открытым носиком (рис. 22, 2); в непотревоженных могилах он находится либо рядом, либо внутри хумчи. Определение назначения этой пары предельно просто: хумча была вместилищем для воды, а горшочек с открытым носиком служил для употребления этой воды, играл роль современного ковшика.

Следующим по частоте встречаемости сосудом была чаша (рис. 22, 3). Этот сосуд не предназначался для мясной пищи, так как в нем ни разу не было найдено костей животных; вряд ли также он служил емкостью для какой-то жидкости. Скорее всего, в чашу могли класть кушанье из злаков; в ряде случаев остатки каши находили именно в чаше (Сапалли-Тепе). На Сумбаре таких остатков не обнаружено, но нельзя забывать о разных условиях и возможностях сохранения органических

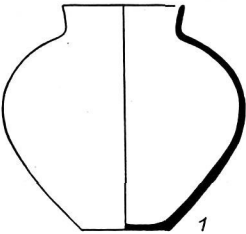
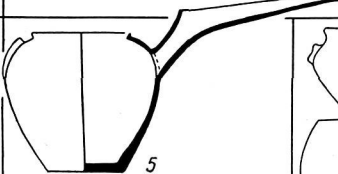
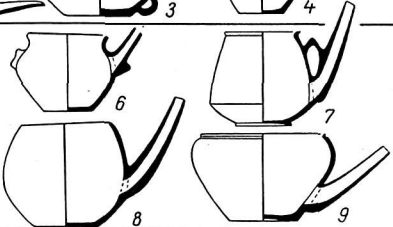
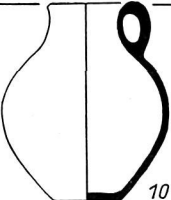
Группа	Коллективного использования	Индивидуального использования
I		
II		
III		
IV		

Рис. 22. Группировка посуды по ее назначению (1—13).

продуктов. Каша же была основным продуктом главной отрасли древней экономики — земледелия.

Употребление конических сосудов со сливом (рис. 22, 4), которых найдено столько же, сколько чаш, для жидкости не вызывает сомнения благодаря сливу, но вряд ли в могилу ставили два сосуда сводой. Можно предположить, что в сосуд со сливом наливали молоко или какой-то жидкий молочный продукт, полученный от второй ведущей отрасли древней экономики — скотоводства.

Все сосуды с носиками объединены в одну группу по функциональному признаку (рис. 22, 5—9). Ключом, который позволяет приблизиться

к определению содержимого этих сосудов и пониманию их назначения, является сложный носик с длинным и узким желобчатым сливом. Известный немецкий этнолог К. Йеттмар (Геттинген) встречал у аборигенов Северного Пакистана сосуды для хранения растительного масла с подобными же носиками. Длинный желоб носика предназначался для вкладывания туда свернутой тряпки, играющей роль фильтра. Следовательно, столь длинный носик является не элементом украшения сосуда, а его технической особенностью; в сосуд с таким носиком наливали жидкость, которая перед употреблением должна была быть профильтрована. Вряд ли это было растительное масло, скорее всего — напиток типа пива или вина. Мы склоняемся в пользу первого, поскольку местные жители, как и население всего Древнего Востока, испокон веку выращивали ячмень — исходный продукт для пива — древнейшего алкогольного напитка [Пиотровский, Флиттнер, 1940, с. 28]. В то время пиво представляло собой мутную и густую жидкость с большим количеством растительных примесей, которую без предварительной фильтрации употреблять было нельзя.

Следовательно, можно предложить набор посуды, состоящий из чайника со сложным носиком и сосудов с трубчатыми носиками, считать предназначенным для употребления пива. Первый заменял собой современный графин, откуда пиво через тряпичный фильтр наливали в сосуды с трубчатыми носиками. Последние являлись индивидуальными сосудами и применялись для питья пива через трубчатый носик [ср.: Чайлд, 1956, с. 252], в который мог быть вложен еще дополнительный фильтр в виде комочка шерсти или растительных волокон. Отсюда нужно исключить два сосуда с носиком-раструбом (VIr) из кухонного теста.

Следует, однако, сделать оговорку, что для питья пива служили сосуды с трубчатыми носиками, найденные только в погребениях взрослых мужчин. Такие же сосуды преимущественно горшковидной формы с небольшим венчиком (рис. 22, б), обнаруженные в детских могилах, надо считать, естественно, поильниками.

Следующая группа посуды, состоящая из сосуда коллективного использования и сосудов индивидуального применения, объединяет кувшины и горшочки (с одной ручкой, с двумя ручками и без них; рис. 22, 10—13). Определить конкретное содержимое кувшина и горшочков пока затруднительно, но все же можно дать его некоторые характеристики. Это был безусловно жидкий продукт. Поскольку сомнительно, чтобы он употреблялся непосредственно из кувшина, то горшочки могли быть единственными сосудами, при помощи которых поглощалось содержимое кувшина. Многие горшочки, особенно с одной или двумя ручками, имеют отчетливые следы закопченности, которые могли образоваться только в результате прямого воздействия коптящего пламени костра или очага. Это позволяет предположить, что в маленьких сосудах подогревалось питье, хранящееся в кувшинах: какой-нибудь напиток на молочной основе или настой либо отвар трав. Во всяком случае можно быть уверенным, что в могилу ставили питье, которое перед непосредственным употреблением должно было подвергаться термической обработке.

Вазы, сферические сосуды с двумя ручками, кубки, графины и сосуды уникальных форм составляют незначительный процент от общего количества, и невозможность установить даже предположительно их функцию не является существенным недостатком. Мы считаем, что важно было сделать попытку определить функцию некоторых основных сосудов, а потом проверить ее при помощи других характерных особенностей погребального комплекса. Если эта проверка принесет положительные результаты и поможет выяснить некоторые черты погребального обряда, то предложенное определение назначения того или иного сосуда следует рассматривать более приближенным к истинному решению проблемы.

В состав пищи входили также продукты скотоводства, остатки которых в виде костей мелкого рогатого скота встречены во многих могилах. Мы не можем утверждать, что стадо состояло только из мелкого рогатого скота, хотя остатков других домашних животных не было найдено. Направления в скотоводстве, даже при наличии только мелкого рогатого скота, были различными: оно давало людям мясо и молоко (правда, мы не можем точно определить, как последнее перерабатывали), ценнейшим его продуктом была шерсть.

Обильное количество разнообразных предметов вооружения в погребениях долины Сумбара свидетельствует не о наличии в первобытной среде частых военных столкновений (к тому же нет укрепленных поселений, нет оборонительных доспехов), а о большой роли охоты, которой занимались мужчины. Охота являлась постоянным мужским промыслом, который давал возможность питаться мясом и одновременно не трогать домашний скот. Это был достаточно опасный промысел, поскольку охотник мог сам стать жертвой хищника; видимо, такими трагическими случаями на охоте, в частности, можно объяснить наличие в могильниках кенотафов.

Как все земледельцы, население долины Сумбара разводило домашний скот, который практически круглый год мог питаться подножным кормом. Пока нет прямых свидетельств разведения крупного рогатого скота, а что касается мелкого, коз и овец, то он выпасался вдалеке от поселений. Дело это было небезопасным, поскольку домашние животные представляли собой лакомую добычу для хищников Туркмено-Хорасанских гор. Вот и второе объяснение наличия в мужских погребениях большого количества различного оружия — стада надо было активно охранять от хищников при помощи лука и стрел, дротиков и копий. Следовательно, стада пасли вооруженные пастухи, скорее всего юноши и молодые мужчины. Таким образом, на долю мужчин приходились занятия вне дома, связанные с напряжением сил и повышенной опасностью.

Были у мужской части населения и занятия около поселка или в нем самом. Например, строительство жилищ вряд ли осуществлялось женскими руками; надо полагать, что именно мужчины заготавливали дрова и доставляли их в поселок (возможно, совместно). По-видимому, многие трудоемкие работы: изготовление кирпичей, строительство жилищ, расчистка земельных участков от растительности или камней,

крупные охотничьи операции и некоторые другие — требовали объединенных усилий и проводились коллективно.

Конечно, дома каждый мужчина занимался каким-либо промыслом, но в могильнике сохранилось очень немного данных об этом. Определенно можно говорить об обработке шкур и кож. Сам процесс обработки нам неизвестен, но наличие в некоторых могилах ножей с короткими и полукруглыми лезвиями говорит о том, что их владельцы могли изготавливать из обработанных кож различные вещи — ремни, сумки, обувь и т. п. Для того чтобы соединить два куска кожи, они шильями прокалывали отверстия, в которые продегивали либо толстую нить, либо тонкий ремешок.

Женская часть населения была привязана к дому и поселку главным образом из-за рождения и воспитания детей; мальчики только с 7—8 лет поступали к мужчинам для продолжения воспитания и приобщения к мужским занятиям, а девочки до выхода замуж оставались в женской группе. Следовательно, практически все женские занятия были связаны с домом и детьми, с изготовлением одежды и утвари, с приготовлением пищи, сохранением и переработкой продуктов питания.

Основными производствами, степенью развития которых определялся уровень культуры в целом, были гончарство и металлургия. К сожалению, мы можем говорить только о типах готовой продукции (см. выше), но не о технологии ее изготовления и совершенно ничего не знаем об организации производства. Следовательно, кроме общих фраз, в равной степени могущих быть приложенными к любой археологической культуре, нам сказать нечего.

Зато материалы могильника позволяют глубже и полнее осветить такую древнюю отрасль, как обработка шерсти и изготовление из пряжи различных изделий. Практически все женские погребения содержали веретено (пряслице), а это означает, что все женщины пряли. Пряжа использовалась по-разному. Есть сведения о том, что древнее население было знакомо с ткацким станком (отпечатки ткани на бронзовых предметах), но его конструкция остается нам неизвестной. Однако традиционность оборудования для домашних промыслов, в частности для ткачества, у народов Востока, а также примитивные ткацкие станки, сохранившиеся у туркмен в настоящее время, позволяют предположить, что современные ткацкие станки ненамного отличаются от древних. Приводить описание последних нет надобности, поскольку это сделано в ряде этнографических работ [Овезов, 1959, 1976].

Население пользовалось крашеными тканями; различные минеральные и органические красители жители Южной Туркмении применяли издревле и почти до начала XX в. Однако есть данные, что ткани не только окрашивали, но и орнаментировали разными геометрическими или растительными узорами. Об этом говорят два штампа, найденных в женских могилах (С-I-131 и П-I-11). С их помощью, как удалось доказать на огромной коллекции металлических, каменных и керамических штампов с поселений северной подгорной равнины Копетдага [Хлопин, 1978, с. 33—38], узор наносили на ткань краской и как-то закрепляли. Правда, материал, из которого были сделаны эти штампы, —

фаянс — для передачи набивного рисунка был значительно хуже, чем металл, но, видимо, в те времена он удовлетворял запросы общества.

Бронзовые спицы, найденные в некоторых женских могилах либо парами, либо по четыре штуки, указывают, как вязали пражу: двумя спицами вязали полотно, а четырьмя — чулок. Бронзовые иглы также могли быть использованы не только для шитья, но и при изготовлении ковров, особенно те, которые лежали парами.

Вопрос об истоках и истории ковроделия на территории Туркменской ССР более сложен и запутан, чем многие другие вопросы истории материальной культуры. Поскольку туркменские ковры и по сей день славятся во всем мире, неудивительно, что вопросы их происхождения и их древность затрагивались во многих специальных и общих работах [Дудин, 1928; Пугаченкова, 1967; Мошкова, 1970, и др.]. Мы не хотим здесь проводить специальное исследование, но должны обрисовать современное положение в вопросе о ковроделии, ибо могильники дали принципиально новые материалы, которые освещают его иначе [Хлопин, 1979б, с. 7—9; 1980а, с. 31—36].

Первой действительно научной работой, посвященной коврам Средней Азии, является статья С. М. Дудина, вышедшая в свет более 50 лет назад [1928, с. 71—155]. Он рассматривал ковры разных областей и народов Средней Азии с различных аспектов на уровне научных концепций того времени. О происхождении ковровых изделий в статье говорится немного, но то, что все-таки сказано, целиком базируется на господствовавшей тогда теории, что первоначально образ жизни народов Средней Азии был кочевым, а оседлые народы появились вследствие того, что часть кочевников осела на землю, но сохранила многие черты кочевого быта, которые тогда с интересом искали и находили этнографы. Вот что писал Дудин: «Уже одно то обстоятельство, что ковровые изделия — явление, общее для всех стран так называемого мусульманского Востока, границы которых совершенно совпадают с местами расселения кочевников-пастухов в настоящем и в не очень отдаленном прошлом, говорит в пользу предположения, что ковры — продукт именно кочевого пастушеского быта (здесь и ниже выделено мной. — И. Х.)» [там же, с. 76]. Затем он перечислил преимущества ковровой ткани, по справедливости воздавая ей должное, и закончил так: «В быту оседлого населения Средней Азии и соседних с ней стран с мусульманским населением ковры... пользуются тем же почетом и любовью, как и у кочевников... так как здесь (т. е. у оседлого населения. — И. Х.) сохраняются и по сей день все домашние навыки изжитого кочевого быта» [там же, с. 77].

Действительно, если ко всему подходить с указанных выше позиций, то иначе трудно объяснить наличие ковров у оседлого населения. Однако фактический материал, добросовестно приведенный С. М. Дудиным, вступает в противоречие с его теоретическими рассуждениями: «По степени распространения первое место в обиходе кочевников Средней Азии бесспорно принадлежит войлочным коврам (кошмам. — И. Х.), второе — безворсовым тканям (паласам. — И. Х.) и только третье место — ковровым изделиям с ворсом» [там же, с. 78]. Ареалы ковров не совпадали с ареалами кочевого населения; наоборот, ковры большей частью суще-

ствовали у оседлых обитателей Южной Туркмении, которым в то время были незнакомы узорчатые кошмы. Последние, в настоящее время широко распространенные и в Туркмении, имеют свои истоки на Востоке, в частности в Киргизии и Восточном Туркестане, где их производят и поныне с поразительным разнообразием не только орнаментального покрытия, но и техники изготовления (в Туркмении кошмы делают одним, причем самым простым, методом). Следовательно, данные Дудина показывают, что он просто постарался исторически подойти к предмету исследования и объяснить его с принятой тогда точки зрения на историческое развитие народов Средней Азии. А сейчас это более чем очевидно, поскольку теория оседания кочевников на землю и превращения их в оседлых земледельцев постепенно уходит в область истории науки.

50 лет назад раскопки двух холмов у сел. Анау под Ашхабадом выглядели весьма одиноко на всем Переднем Востоке. Мнение же о изначальности кочевого быта прочно вошло в сознание исследователей после фундаментальных трудов В. В. Бартольда и других русских и европейских востоковедов. И через 40 лет после С. М. Дудина известный знаток искусства народов Средней Азии Г. А. Пугаченкова утверждала эти же мысли следующими словами: «Создание туркменского ковра связано не с земледельческой, а с кочевой или полуседлой скотоводческой средой; отсюда исходное сырье — отборная, отлично обработанная шерсть, которой располагала любая семья, отсюда высокие технические качества ковра, который в условиях перекочевки должен был отличаться чрезвычайной прочностью, отсюда и многие художественные особенности, определяющие его яркое своеобразие и радикальное отличие его от изделий городских ковроткацких мастерских феодального Востока» [1967, с. 177—178]. Аргументация приведенного положения не очень веская: отборная, отлично обработанная шерсть имела и у каждой оседлой семьи; высокие технические качества ковра определялись его сущностью; художественные особенности как раз являются доказательством его глубокой самобытности, которая, если присмотреться внимательно, уходит далеко в глубь тысячелетий все на той же территории — в оседлые поселения эпохи энеолита и бронзового века северной подгорной равнины Копетдага. Показательно, что Пугаченкова сама отмечает этот факт на страницах своей книги [там же, с. 21—22], но не интерпретирует его должным образом.

Теперь накоплены разнообразные материалы, которые позволяют заново поставить вопрос об истоках и древности туркменского ковроделия. И не только поставить, но и ответить на него, имея для этого в руках необходимый комплекс фактов. К таким фактам относятся, во-первых, орнаментальный комплекс на керамике эпох энеолита и бронзы, который стал достоянием науки только два последних десятилетия и еще не весь нашел отражение в печати, во-вторых, орудия труда, которые связаны непосредственно с изготовлением ковров, ставшие известными только в течение последних 8 лет. Орнаментальные соответствия отмечали и прежде, но керамические узоры никогда не объясняли в качестве прямых предшественников ковровой орнаментации, и поэтому столь яркие соответствия, доходящие иной раз до многократного тождества,

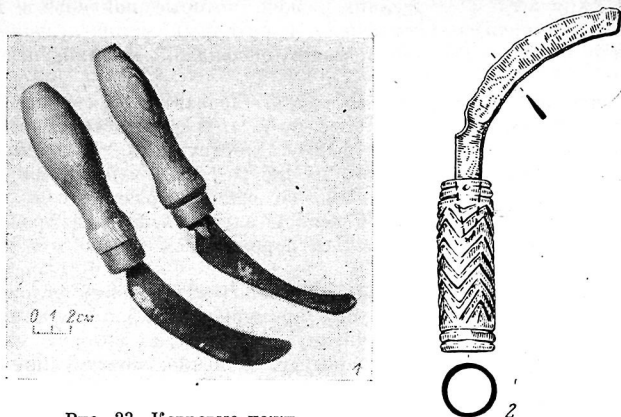

Рис. 23. Ковровые ножи.

1 — современные ковровые ножи (кесеры); 2 — нож-кесер эпохи поздней бронзы (реконструкция).

вызывали только удивление. Теперь же, когда мы имеем во множестве орудия ковроделия, восходящие к эпохе поздней бронзы, орнаментальные соответствия приобретают особое значение, ибо позволяют не только опустить в глубь тысячелетий возникновение коврового орнамента, но и проследить столь же глубоко корни туркменского народа на его исконной территории.

В восьми женских погребениях могильников Сумбар I и Пархай I были найдены предметы, которые дают возможность заново определить древность изготовления ворсовых ковров на территории Южной Туркмении, — серповидные тонкие пластинки с лезвием по выпуклому краю и отверстием на одном из закругленных концов. Ясно, что это узкоспециализированный режущий инструмент, применявшийся для какой-то женской отрасли производства, но в то же время достаточно редкий. У современных ковровщиц широко используется такой же точно, но, естественно, железный нож-кесер (рис. 23, 1) для единственной операции — обрезания ворсовой нити ковра. Эта операция происходит в тот момент, когда узел уже завязан на нитях основы и его опускают на готовую часть изделия. Мастерница держит кесер в правой руке и, с силой опуская узел обеими руками, как бы касается нити остро отточенным лезвием; такого прикосновения достаточно для того, чтобы узел с ворсом оставить на месте, а при следующем движении рук вверх уже выделить те нити основы, вокруг которых завязывается следующий узел. Серповидная форма ножа является наиболее удобной, целесообразной и отработанной, ибо позволяет лезвию одновременно и перерезать нить любым местом, и скользить по ней. Поскольку нажим на лезвие ничтожен, то клинок ножа очень слабо крепится в рукояти, иногда — на глубину 1—1.5 см. Зная все особенности современного коврового ножа, их

можно обнаружить и у древних ножей, которые найдены в могилах эпохи поздней бронзы. Они имеют идентичный изгиб лезвия, слабое скрепление с рукоятью при помощи небольшой, видимо, деревянной шпильки.

Следовательно, специфические орудия производства свидетельствуют о том, что в последних веках II тыс. до н. э. ковровщицы имели в своем распоряжении отработанную форму инструмента — ковровый нож (рис. 23, 2). На основании этого можно говорить, что истоки ковроделия уходят еще глубже, возможно ко времени развитого и позднего энеолита (Намазга II—III). Во всяком случае ясно, что производство ворсовых ковров не может считаться порождением кочевого быта, это — исконное занятие земледельцев.

И действительно, современная туркменка в домашних условиях для выделки ковра средних размеров (примерно $2 \times 1,5$ м) тратит почти полгода. Все это время основа натянута на раму, за которую мастерица садится в каждую свободную минуту. Конечно, конструкцию можно снять и свернуть на какое-то время, но колья рамы остаются на месте, и поэтому ее можно сравнительно быстро растянуть снова. В условиях кочевого быта производство ковров сопряжено с гораздо большими трудностями, хотя вполне осуществимо.

Однако мы не собираемся полностью изъять у кочевников изготовление термоизоляционных материалов, столь нужных в их быту. И у кочевников возникло, развивалось и частично проникло в оседлоземледельческий быт прекрасное ремесло — изготовление кошм из валяной шерсти. Красивой и яркой расцветки, эти изделия могли служить надежным изолирующим от земли материалом, что как раз и было нужно в условиях кочевого быта. И в самом деле, в заведомо кочевых областях, в Северной Киргизии, Восточном Туркестане и др., есть много разновидностей валяных ковров, отличающихся по степени трудности их изготовления, что указывает на хорошее владение материалом [Махова, Черкасова, 1968, с. 13—30]. Показательно, что в Южной Туркмении, в исконных областях изготовления ворсовых ковров, имеется по сути дела один технический прием для производства кошм. Это доказывает, что надо разделять ныне сосуществующие подстилочные изделия из шерсти по их происхождению в рамках определенной формы хозяйства: земледельческий оседлый быт породил ковер, скотоводческий кочевой — кошму.

Всем предыдущим изложением мы вовсе не хотели сказать, что именно древнее население долины Сумбара было той этнической средой, где возникло и развивалось производство ворсовых ковров. Оно в равной степени складывалось и в земледельческих оазисах северной подгорной равнины Копетдага, но там не найдено инструментов, относящихся к ковроделию. Видимо, это связано отчасти с тем, что в том районе нет таких могильников, как в долине Сумбара, а найти на поселении тонкий ковровый нож весьма трудно. Тем не менее подобные инструменты известны на некоторых синхронных памятниках Юго-Восточного Закаспия, в частности в слое IIa¹ Шах-Тепе [Arne, 1945, fig. 606]. Значит, изготовление ворсовых ковров в эпоху поздней бронзы практиковалось не только в южных земледельческих областях Средней Азии, но и в Северном Иране.

Таким образом, мы попытались осветить некоторые занятия населения долины Сумбара в последних веках II тыс. до н. э. Все отрасли, о которых шла речь, были выделены на основании археологических находок из могильников этого времени. Однако следует учесть, что могильники не могут дать адекватное представление о хозяйстве населения в целом; материалы из них отразили только те отрасли, которые, по мнению данного населения, были существенными или традиционными для предков. Ставя в могилы те или иные предметы, люди сообщали своим предкам нужные сведения об умершем сородиче, совершенно не предполагая, что эти сведения достигнут не умерших родственников, а археологов более чем через 3000 лет. Однако и таких сведений достаточно для того, чтобы, хотя бы частично, составить представление о хозяйстве эпохи поздней бронзы в южных областях Средней Азии.

Глава VI

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Все могильники содержат большой объем информации по стратификации древнего общества и по взаимоотношениям различных его слоев, поскольку в каждом погребении можно увидеть, как относились к покойному люди, предавшие его тело земле. Исходя из этого, после изложения реконструкции занятий населения мы попытаемся проникнуть в область взаимоотношений внутри коллектива, которые, как в любом человеческом обществе, протекали по двум линиям — родственной и производственной, существовавшим в неразрывном единстве.

Традиционным направлением советской археологической науки является изучение могильников как исторических объектов. Практически все исследователи археологических памятников этого типа никогда не ограничивались констатацией материалов раскопок, а пытались проникнуть в суть вещей, вскрытых ими на памятниках любого времени и любой территории. Исследователи прекрасно сознавали, что могильники могут ответить только на те вопросы, которые они отражают как специфический тип археологического и исторического источника: в основном об общественных отношениях древнего населения и каких-то сторонах древней идеологии. Предлагаемая работа не является историографическим очерком, где была бы представлена эволюция взглядов на отражение в погребальных памятниках общественных, родственных и семейных отношений тех обществ, которые их оставили. Тем не менее выводы автора не могли бы появиться без работ его предшественников и коллег: М. И. Артамонова, С. В. Киселева, М. П. Грязнова, А. П. Окладникова, В. С. Сорокина, В. М. Массона, Е. Е. Кузьминой, М. А. Итиной, А. Д. Грача и др.

Погребальный комплекс не только является набором вещей одного времени, но и отражает отношение людей к погребенному, а в сумме представляет собой моментальный снимок с комплекса взаимоотношений, которые существовали и развивались среди живых и как бы остановились среди мертвых. Именно о родственных и производственных взаимоотношениях, об отношении между полями, о внутрисемейных отношениях, о структуре семьи того времени и о многом другом могут

рассказать те группы погребений, которые были выделены выше в результате анализа погребальных комплексов.

Взаимоотношения людей в любом обществе могут быть представлены как взаимоотношения их состояний. Состояние, например, группы мужчин в одной возрастной категории объясняет комплекс взаимоотношений внутри этой группы, с одной стороны, и отношение ее членов, всех вместе и каждого в отдельности, к членам любой другой группы. Принадлежность к определенной половой группе выработала комплекс взаимосвязей внутри этой группы и отношение ее членов к представителям противоположного пола. Поэтому ниже мы попытаемся раскрыть и понять систему взаимоотношений в древнем обществе исходя из некоторых теоретических посылок общенсторического характера, таких как априорное дружеское и равноправное взаимоотношение людей внутри выделенных групп, неравноправные отношения людей разных групп, вероятность перехода людей из группы в группу в зависимости от их возраста и ряда других признаков.

Группы погребений, выделенные по комплексу погребального инвентаря, по положению покойника в погребальном сооружении относительно этого инвентаря, отражают реальное разделение общества по определенным признакам на какие-то группы, в которые входили живые люди и в которых оставались умершие. Древнее общество делится по признаку пола на две части — мужчин и женщин. Анализ структуры общества начинается с его женской половины, ибо она представляется нам более информативной для исследования. Как было сказано выше, женские погребения могут быть разделены на три основные группы.

20 женщин (40% от всех взрослых погребенных) лежали в могилах на правом боку лицом ко входу, головой на восток. Сосуды для воды были расположены в головах. В пяти могилах найдены чайники со сложными носиками, в одной — ваза, но ни разу не встречено сосудов с трубчатыми носиками. Погребенных сопровождали орудия женского труда и украшения, а также кости барана, альчики и панцири черепах.

11 женщин (22%) были уложены при погребении тоже на правый бок лицом ко входу и так же ориентированы, но сосуды для воды располагались в ногах. В этой группе найдены чайник со сложным носиком, ваза, но нет сосудов с трубчатыми носиками. Есть орудия женского труда, украшения, однако все наборы заметно беднее, чем в погребениях женщин первой группы. В одной могиле встречена диадема — предмет престижности, обычный для мужских погребений.

Восемь женщин (16%) были уложены при захоронении на левый бок лицом ко входу, головой на восток. Сосуды для воды расположены у них в ногах; так были погребены мужчины в могильниках долины Сумбара. Два раза был найден чайник со сложным носиком, а сосуды с трубчатыми носиками неизвестны, как и вазы. Орудий труда мало (пряслица обнаружены в трех могилах, спицы — в двух, ковровые ножи — в одной), ассортимент украшений минимален в половине могил.

В мужских погребениях не отмечается столь четкой дифференциации, как в женских. Зато в них наблюдается твердое постоянство в положении покойника в могильной камере — все мужчины без исключения лежали на левом боку лицом ко входу, головой на запад. Те единичные

случаи, когда сосуды для воды располагались в головах погребенного, следует рассматривать пока как исключение; во всех мужских могилах сосуды для воды находились в ногах. Именно мужские погребения с их постоянством положения скелета могут служить ключом для объяснения установленной в женских погребениях дифференциации, для проникновения во внутреннюю структуру женской части общества.

Поскольку мужчины всегда были погребены на левом боку, то данное положение можно понимать как признак принадлежности умершего к мужскому полу. Такое же положение восьмерых женщин является очень примечательным, потому что древние люди этим как бы приобщили их к мужскому полу, хотя антропологические характеристики и погребальный инвентарь не оставляют сомнений в том, что здесь были погребены именно женщины. Очевидно, последние обладали какими-то особенностями, которые считались в то время достаточными для того, чтобы изменить при захоронении символику их пола на противоположную. Интерпретация указанного факта сопряжена с большими трудностями, и мы предлагаем один из наиболее вероятных, как нам кажется, аспектов. Он, очевидно, связан с биологической сферой женщин, основной функцией и обязанностью которых было рождение детей. Скорее всего, так хоронили женщин, не родивших ни одного ребенка и этим как бы приобщившихся к мужскому полу. Кстати, их могилы отличались и заметно обедненным набором погребального инвентаря. Исключение составляло лишь погр. С-I-116 — там найдены ковровые ножи и довольно много украшений, хотя умершая и похоронена на левом боку. Видимо, она была бездетной, но занимала в то же время высокое положение в семье, умея, в частности, ткать ковры.

Для объяснения факта погребения некоторых женщин на левом боку, по-мужски, можно еще высказать предположение, что так хоронили тех женщин, которые какими-то своими качествами приближались к общественному положению мужчин. Однако тогда следовало бы ожидать подтверждения этого в погребальном инвентаре. Но поскольку наблюдается только мужское положение скелета при обедненном инвентаре, то нужно заключить, что здесь речь может идти только о биологических, половых характеристиках погребенных.

Попытка выделить в могильнике погребения бездетных женщин была осуществлена М. А. Итиной на материалах могильника Кокча 3 [1977, с. 226]. Именно так она интерпретировала группу одиночных женских захоронений и подкрепила это авторитетными ссылками на труды по этнографии некоторых племен Африки.

Отношение к бездетным женщинам, составлявшим значительный процент, у народов Средней Азии вообще и у народов Хорезма, в частности, было не только определенным, но и отрицательным. Так как в нашу задачу не входит проследить все обычаи, связанные с такими женщинами, приведем несколько примеров из этнографии Хорезма, собранных и объясненных Г. А. Снесаревым [1969]. Бездетность, по его словам, расценивали не как физический недостаток, недуг и даже не как «божье наказание», а как результат порчи или враждебного вмешательства духов — чилия. Рок бездетности в существующих представлениях как бы материализуется: от бездетности можно избавиться, пере-

дав ее другой женщине. И женщины, несущие чилля, старались от него освободиться разными магическими способами, в то время как другие пытались от него такими же методами оборониться [там же, с. 81].

Считается, что во время свадебного переезда невесты в дом жениха бездетная женщина может передать ей свой чилля, перебежав дорогу свадебной процессии; чтобы этого не случилось, выставлялась охрана. Во время церемонии бракосочетания тоже охраняли помещение, причем особое внимание обращали на крышу: если ее в этот момент пересечет бездетная женщина, то она избавится от своего недуга, передав его молодой жене. Бесплодная женщина не должна была также входить в дом к роженице во избежание нанесения ей вреда [там же, с. 82, 83].

Магических действий, помогавших от бесплодия, было много, но все они носили иррациональный характер. Так, чтобы освободиться от своего рока, близкая родственница, не имевшая детей, должна была съесть кусок крайней плоти, отрезанной во время *суннат-тоя*, а другие бездетные женщины, чтобы освободиться от своего рока, должны были пролезать в расселины скал, под обнажившимися корнями деревьев, через отверстия в земле. С этой же целью обнажали живот и держали его перед огнем, уповая на сакральную силу огня; умывались водой, которой было омыто тело умершего многодетного человека, и старались уловить душу этого человека во время его похорон [там же, с. 98, 99, 126, 191]. Количество примеров магических действий можно и умножить, но и без того ясно, что бездетных женщин в первобытном обществе было немало и они рассматривались в качестве носителей определенной порчи; их не столько жалели, сколько боялись, ибо они могли распространить свой недуг на других женщин. Следовательно, естественно предположить, что и в обществе древних земледельцев Юго-Западной Туркмении к бездетным женщинам было аналогичное отношение. Поэтому их и хоронили определенным образом, отлично от других женщин; похоже на то, что умершие раньше сородичи при встрече с ними на «том свете» должны были их остерегаться, так как они и после смерти, а может быть, и их души продолжали сохранять свою способность приносить вред; возможно, однако, что в погребении бездетных женщин по-мужски кроются более глубокие верования (см. гл. VII).

Точка зрения о выделении в древнем обществе бездетных женщин подтверждается как археологическими, так и этнографическими материалами. И если бездетных женщин хоронили по-мужски, то можно сделать вывод о том, что полноценных и полноправных женщин погребали по-мужски. И действительно, значительная часть женских захоронений была совершена на правом боку, причем посуда для воды у них стояла в головах. Как известно из предыдущего изложения, данная группа могил не только самая многочисленная, но и самая богатая по количеству и разнообразию погребального инвентаря. Тут находятся и большинство ковровых ножей, и престижные вазы, и чайники со сложными носиками. Это дает основание считать таких погребенных хозяйками в своем доме. При развитых патриархальных отношениях в обществе только жена хозяина дома, главы семьи, могла пользоваться правом хозяйки и в силу этого руководить всеми домашними работами, рожать детей, присутствовать при трапезе мужчин, ухаживая за ними

и прислуживая им, а также принимать участие в изготовлении того напитка, для которого предназначались чайники со сложными носиками.

11 женщин, похороненных на правом боку, но с сосудами для воды, поставленными по-мужски, в ногах, были способны к деторождению — некоторые из них умерли от родов и были погребены с младенцами. Однако они имели заметно обедненный набор погребального инвентаря (в основном кольца для волос и серьги) и керамических сосудов (нет почти никаких, кроме обязательных четырех сосудов и иногда кувшинов с горшочками, что практически соответствует керамическому набору в могилах бездетных женщин). Таких погребений почти вдвое меньше, чем захоронений полноценных и полноправных женщин, и чуть больше, чем — бездетных. Сочетание всех этих признаков позволило сделать попытку не только интерпретировать данную группу погребений, но и восстановить с ее помощью форму семьи у древнего населения долины Сумбара.

Относительная бедность погребального инвентаря в названных могилах и измененная топография сосудов по сравнению с большинством женских погребений показывают, вероятнее всего, ущемленный семейно-правовой статус похороненных там женщин. Если женщин основной группы можно считать хозяйками в доме и семье, то женщины этой группы таковыми не являлись. Подобная группа женщин могла существовать в обществе только при определенной форме семьи, в которой наряду с хозяйкой имелись какие-то другие женщины, игравшие вторые роли и выполнявшие вместе с тем свою основную функцию — деторождение — и многие работы по дому. Такой семьей могла быть только трехпоколенная многоамная патриархальная семья, состоявшая из родителей (первое поколение), взрослых незамужних дочерей, холостых или женатых сыновей второго поколения и их детей, т. е. третьего поколения. Лишь в такой семье могли быть неполноправные, но полноценные женщины: жены взрослых сыновей при живых родителях — невестки — или почему-то оставшиеся без мужей дочери (мы исключаем институт приемчества, как маловероятный и нетипичный).

До обособления своей семьи или до смерти хозяйки дома невестка не могла занять место старшей женщины в семье. Но она не была обречена пребывать всю жизнь на вторых ролях; со временем невестки становились полноправными хозяйками своих трехпоколенных семей. Если же невестки умирали, не достигнув высшей ступеньки в семейной иерархии, то их, естественно, и хоронили в соответствии с приниженным семейно-правовым статусом. Сравнительно малое количество захоронений невесток говорит о том, что невестки умирали относительно редко, некоторые, очевидно, при первых родах; в основном они доживали до положения хозяйки в своей семье.

Незамужние дочери, жившие в семьях родителей, с течением времени становились незамужними сестрами в семьях своих братьев, но надо думать, что женщин этой категории в коллективе поселка было совсем мало. Если они оставались бездетными, их ждало после смерти мужское положение в могиле. Но могло быть и так, что по каким-то причинам дочери, выданные замуж в другие семьи, возвращались обратно к родителям или братьям. Тогда, если у них были дети, их хоро-

нили, как невесток, на правом боку с сосудами для воды в ногах, а если нет — как бездетных женщин, по-мужски.

Можно попытаться объяснить наличие так называемой группы невесток иначе и предположить видеть в них младших жен хозяина малой полигинической семьи. Однако если бы в обществе практиковалось многоженство, то младшие жены значительно реже становились бы хозяйками. Они чаще оставались бы до смерти на неполноправном положении, и их погребений было бы значительно больше, чем погребений полноправных женщин. Малое количество подобных погребений противоречит такому объяснению. Это значит, что наши предположения о наличии у древнего населения долины Сумбара трехпоколенной моногамной семьи имеют больше всего оснований.

Таковой представляется нам структура женской части общества в долине Сумбара. Все характеристики, которые можно обнаружить в погребальных женских комплексах, относятся, как мы видели, к семейному положению погребенных и к их «гражданскому» состоянию. Все домашние и семейные заботы лежали на плечах женской части коллектива. Женщины рожали и воспитывали детей до определенного возраста, обрабатывали продукты земледелия и скотоводства, готовили пищу, занимались изготовлением многих предметов одежды и утвари. По «гражданскому» состоянию и вытекающему из него семейно-правовому положению можно выделить три группы женщин: полноправные хозяйки в доме и семье, охранительницы домашнего очага; неполноправные жены сыновей (невестки—снохи) и незамужние дочери (сестры); бездетные. В основе такой дифференциации лежали биологические особенности женщин, затем их «гражданское» состояние и, наконец, семейно-правовое положение (табл. 5).

Таблица 5

Структура женской части общества в долине Сумбара

Группа	Сфера	
	биологическая	« социальная
I	Полноценные	Полноправные
II	»	Неполноправные
III	Неполноценные	»

Вернемся к рассмотрению мужской части населения. Как мы выяснили, обряд захоронения мужчин был одинаков, хотя есть незначительная группа мужских погребений — два труположения и два кенотафа — с отклонением от нормы: в них сосуды для воды размещались в головах. Один из погребенных определен как мужчина 25—30 лет, другой — как старик более 60 лет. Если предположить, что большинство мужчин были женаты и многие из них являлись хозяевами в своей семье, то на долю этих четырех погребенных досталось какое-то неполноправное положение, которое пока не может быть аргументированно объяснено. Ясно только одно, что по своему «гражданскому» состоянию все взрослые мужчины были равны, но по инвентарю прослеживается

известная дифференциация; если учесть сильную разграбленность мужских могил, то можно говорить о заметном разделении мужской части общества на какие-то группы. Имеется несколько могил с престижными предметами, которые можно рассматривать как символы или знаки власти. Человек, носивший эти символы, обладал, видимо, и субстанцией власти, что выделяло его из рядов сородичей. Какая была эта власть, на кого она распространялась и как осуществлялась — остается пока только догадываться.

Таким образом, у женской части сумбарского общества эпохи поздней бронзы можно видеть выраженную внутреннюю дифференциацию по их «гражданскому» состоянию, а у мужчин того же общества ее практически не заметно. Зато им свойственны только социальные характеристики, говорящие о начале социальной стратификации, при постоянстве их «гражданского» статуса.

Сочетание выделенных групп погребений (и на основании их — групп населения) позволяет поставить некоторые вопросы о внутренней жизни общества, в частности вопрос о собственности. Это очень важно, поскольку чувство собственности имеет биологическую основу и право собственности во многом определяет социальную структуру. Вскрытые погребения могут пролить кое-какой свет на право собственности первобытных земледельцев и скотоводов.

Исходя из того что в исследуемом обществе существовали развитые патриархальные отношения, можно утверждать, что женская часть общества имела лишь личную собственность. В последнюю входили одежды и украшения, которые женщина носила при жизни и которые следовали за ней в могилу; полное соответствие этому можно видеть в индийском обществе недавнего прошлого. Очевидно, и инструменты женского рукоделия, найденные практически в каждой могиле, являлись личной собственностью погребенных; последние не расставались с ними всю жизнь, и после смерти они могли свидетельствовать о той степени мастерства, которой достигла та или иная женщина. Так же точно обстояло дело и у мужчин — при погребении им давали только вещи, находившиеся в их личной собственности, включая предметы престижности (по нашему мнению — признаки власти). Отсюда можно заключить, что власть расценивалась не как наследственная привилегия, а как избраннычество; а значит, признаки власти были сугубо индивидуальными и следовали в могилу за ее держателями.

Посуда, помещенная в могилу, не находилась в личной собственности погребенного; это была семейная собственность. Наличие ее в могиле не только указывает, какой посудой покойный мог пользоваться при жизни, но и свидетельствует о заботе семьи об умершем и его душе, ибо данная посуда выводилась из обращения в доме. Орудия земледелия и множество других инструментов не фигурировали в погребальной церемонии; следовательно, эти орудия и инструменты находились в собственности семьи и не подлежали отправке на «тот свет». Можно подозревать, что они считались постоянными и бессмертными и должны были служить людям, переходя из поколения в поколение.

Родовую собственность составлял скот, вернее — основное стадо, непрерывно обновлявшееся и не подлежавшее уничтожению со смертью

членов рода. Однако продукты скотоводства, в том числе и молодняк, становились уже семейной собственностью и, таким образом, превращались из коллективной в частную. Продукты земледелия произрастали на участках около поселений; можно предполагать, что если обработка земли велась коллективно, то и урожай был коллективной собственностью и распределялся по семьям, — именно урожай, а не земля, на которой он созрел; земля же вообще являлась племенной территорией и никому не принадлежала.

Основой общественной структуры древнего населения Юго-Западной Туркмении был род, и население жило в небольших родовых поселках. К эпохе поздней бронзы при господстве в обществе патриархальных отношений от первоначального материнского рода с его твердо установленным кровным родством по матери внутри поколений и между поколениями не осталось и следа. Роды были патриархальными, и их в некоторых случаях правильнее, видимо, называть общинами или хозяйственными коллективами, не забывая, однако, о том, что узы, удерживавшие население поселка в едином сообществе, были именно родственными, родовыми. Каждая такая община, которая во внешних отношениях с себе подобными социальными организациями являлась монолитной в социальном и экономическом отношении, внутренне подразделялась на качественно одинаковые трехпоколенные семьи разной численности.

Поселковая локальная община могла сохранять частично древний обычай экзогамии, но находки из могил позволяют говорить о том, что жен брали из соседних поселков и из более отдаленных местностей. Так, о том, что часть жен происходила из поселений северной подгорной равнины Копетдага, свидетельствуют импортные сосуды и ряд украшений, которые были помещены в некоторые женские или детские могилы. Эти предметы оказались в долине Сумбара в качестве приданого, ибо если бы они поступили туда в результате обмена, то могли бы встретиться в мужских погребениях, чего пока не наблюдается. Надо полагать, что трехпоколенные семьи уже имели определенную экономическую самостоятельность и их семейная собственность при выделении из них новых семей дробилась и перераспределялась.

Безусловно, в древнем обществе Юго-Западной Туркмении имелась и более высокая социальная организация, в основе которой лежал территориальный признак. При этом нельзя забывать о культурном единстве населения среднего течения Сумбара и северных отрогов Эльбурса — Шах-Тепе (см. выше). Названные местности — та территория-максимум, которую могли заселять родственные по культуре и происхождению племена. Территория-минимум располагалась в современной Кара-Калинской долине, и тут можно постулировать существование племени, рассредоточенного в нескольких одновременных поселках. Но археологически данный вывод почти не подкрепляется, поскольку мы не имеем универсального набора признаков, определяющих племя. Единственно, что может служить показателем племенной организации общества, — одинаковые облик культуры на разных поселениях этой замкнутой территории и погребальный обряд, под которым скрывается единый комплекс воззрений на себя и свое окружение — один из основ-

ных компонентов духовной культуры. Однако эти же признаки могут считаться и этническими.

Определив наличие более высокой социальной структуры, обладающей властью по отношению к большому числу соплеменников, мы тем самым предполагаем наличие выраженной социальной дифференциации. Но это на археологическом материале пока не прослеживается, ибо теоретически захоронения лиц племенной администрации должны были бы быть значительно богаче могил рядовых членов племени. Таких могил еще нет, однако мы не можем отрицать возможность их открытия в будущем; видимо, для племенной верхушки уже существовали отдельные места погребений.

Итак, заканчивая обзор отношений между людьми на низшем уровне социальной стратификации, можно сказать, что из археологического материала мы постарались извлечь максимум информации, давшей возможность увидеть древнее общество почти с такой же полнотой, как это может этнограф, имеющий дело с живыми людьми, а не с их остатками трехтысячелетней давности. Естественно, что многие вопросы не только остались без ответа, но и даже не были поставлены. Дальнейшие исследования покажут правильность предложенных выводов или опровергнут их, но материал всегда будет надежным историческим источником.

Глава VII

ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ И ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИИ

Проникнуть в область идеологических представлений или в область духовной культуры людей, остатки материальной культуры которых находят во время раскопок, всегда заманчиво. Однако не всегда это удавалось, и прежде всего потому, что не каждый предмет, добытый из-под земли и вырванный из плена времени, содержит сведения о духовной культуре. Лишь определенные категории предметов и комплексов, в которых не запечатлелась хозяйственная жизнь древнего населения, при использовании многих специфических приемов могут позволить приоткрыть завесу над его духовной культурой.

Эти категории весьма своеобразны и могут быть обнаружены при раскопках практически любых памятников. К ним принадлежат остатки мест или построек, относящихся не к жилью, а к культу, предметы, связанные с отправлением культовых церемоний (своеобразная керамика, антропоморфная скульптура, предметы из камня, глины и металла явно производственного характера), и погребальные комплексы. В данном случае именно последняя категория археологических памятников имеется в наличии, для того чтобы сделать попытку проникнуть в область духовной культуры. Но ведь погребальный комплекс отражает далеко не все идеологические представления древнего общества, не все стороны духовной культуры, а только очень определенные и ограниченные.

С того далекого момента, когда люди благодаря сочетанию биологического и социального начал в своем существе выделились из животного мира и тем самым противопоставили себя ему, у них всегда возникали вопросы, на которые они пытались найти ответ. Разумеется, с современных позиций комплекс этих вопросов был невелик, однако он не утратил своего интереса и фундаментального значения до сих пор. К таким вопросам, очевидно, можно относить те, которые возникли под воздействием объективного существования системы «человек—природа»; взаимодействие человека с силами природы люди старались объяснить иррациональными методами. А силы и явления природы были самыми различными: смена времен года; свет, солнце и луна; дождь и

холод, засуха и зной; растительный и животный мир; текучесть воды и твердость камня; произрастание злаков на полях и увеличение поголовья стад. Все, что человек наблюдал вокруг себя, требовало не только объяснения, но и выяснения, насколько это может быть ему вредно или полезно.

Другой серией вопросов, безусловно занимавших ум древнего человека, были те, которые возникли из системы «человек—человек»: проблема рождения и смерти (откуда берутся люди и куда они уходят); проблема взаимоотношения людей (отношения внутри и вне коллектива — все то, что в настоящее время входит в круг понятия экзотамии). В связи с непониманием физиологических процессов многие явления повседневной жизни коллектива получали порой самые фантастические толкования.

Объяснения, которые давали люди отдаленных эпох своим поступкам и системам взаимодействия «человек—природа» и «человек—человек», не могли быть научными и воспринимались в обществе того времени без скептицизма. Так рождались мифы, которые постепенно образовывали циклы и изменялись в зависимости от социальной ситуации в обществе; наслаиваясь друг на друга в общественной памяти, они спрессовывались во времени, что-то проникало из нижних пластов в верхние, и в итоге получалась сложная картина мифологической стратиграфии — объект сегодняшнего исследования многих специалистов [напр.: Стеблин-Каменский, 1976; Дьяконов, 1977]. Эти мифы и мифологические системы давали человеку не только знания мифической истории его народа, но и элементы обычного права, так как люди должны были брать пример с предков, живших в незапамятные времена, и знать, что дозволено и поощряется, а что является запретным и порицается.

Погребальный комплекс из раскопок, на основании которого с большей или меньшей достоверностью можно реконструировать погребальный обряд древности, является той основой, на которой будет сделана попытка проникнуть в область древней идеологии. Ясно, что комплекс вопросов, дающий возможность осветить погребальный обряд, имеет отношение к смерти и, вероятно, к противоположному акту — рождению (или возрождению). Кроме того, уже по одному тому, что в исследованных могильниках обнаружен сложный обряд погребения, можно попытаться восстановить комплекс воззрений, связанных с верой в «тот свет» и с жизнью ушедших туда сородичей. Можно надеяться, что при анализе названных вопросов неожиданно возникнут и другие.

Несмотря на то что уже были выявлены и описаны группы мужских, женских и детских захоронений, на сей раз надо восстановить обряд, по которому был погребен тот или иной член общества в зависимости от его «гражданского» и «социального» состояния. В связи с этим в погребальном обряде можно выделить общие и частные признаки, т. е. установить, какие его черты были свойственны всем жителям среднего течения Сумбара, какие — половым и возрастным подразделениям их, какие — группам внутри данных подразделений.

Для всех сумбарских погребений характерны одиночное захоронение в катакомбе, вход которой обращен к северной стороне горизонта, скорченное положение покойника на боку с согнутыми в коленях и тазо-

бедренных суставах ногами и находящимися перед лицом или грудью кистями рук.

Детские погребения отличаются очень обедненным набором керамики мелких форм (детской посуды), отсутствием сосудов для воды, орудий, инструментов и почти всех видов украшений, кроме бус и бронзовых колечек-серег.

Могилы взрослых обоего пола имеют полный набор погребального инвентаря, по каждому полу свойственны свои особенности в каждом отдельном случае. Так, во всех захоронениях есть сосуды для воды, но отмечены различия во взаиморасположении их и останков погребенного.

Мужчины положены только на левый бок, и сосуды для воды размещены во всех случаях, кроме четырех, у них в ногах. Мужские могилы сопровождал богатый погребальный инвентарь, среди которого важно отметить группу посуды для потребления алкогольного напитка, оружие и инструменты, а также предметы престижности — символы власти. В четырех мужских захоронениях, в которых сосуды для воды стояли в головах (два из них кенотафы), в составе погребального инвентаря имелись предметы вооружения и украшения, но пока в таких могилах не найдено символов власти.

Женские погребения делятся на две группы по положению скелета: большинство умерших были погребены на правом боку, а восемь женщин — на левом, как мужчины; посуда для воды у них также поставлена по-мужски, в ногах. Те женские могилы, в которых костяки лежали на правом боку, в свою очередь можно разделить на две подгруппы: у большинства посуда для воды находилась в головах; у меньшинства — в ногах, как у мужчин и у женщин, погребенных по-мужски, на левом боку.

Из изложенного видно, что в материалах Сумбарских могильников прослеживается ряд бинарных оппозиций: положение на разных боках, размещение сосудов для воды в ногах, в головах и т. д. Именно способность к созданию бинарных оппозиций, служивших инструментом разума для познания самих себя и окружающего мира, явилась, по мнению ряда исследователей [см.: Алексеев, 1976, с. 40—46], тем фактом, который способствовал выделению человека из животного царства. По-видимому, эта способность вылилась в современную двоичную систему счисления, созданную для вычислительной техники.

Исследование сумбарского погребального комплекса позволяет не только установить существование бинарных оппозиций, но и найти в них определенную систему, прежде всего иерархическую. Списки всевозможных бинарных оппозиций давно фигурируют в специальной литературе [Иванов, Топоров, 1974, с. 259—267], но еще не делалось попыток установить их соподчиненность; до сих пор они рассматривались как равноправные. Материалы Сумбарских могильников как будто позволяют расположить некоторые бинарные оппозиции в иерархической последовательности (рис. 24). И, вероятно, в дальнейшем будет возможно внести в этот вопрос еще и хронологический признак.

Попытаемся восстановить общую для всех погребенных бинарную оппозицию. Человек после смерти должен быть погребен по обряду, чем и противопоставляется нечеловеку, т. е. любому другому одушевленному

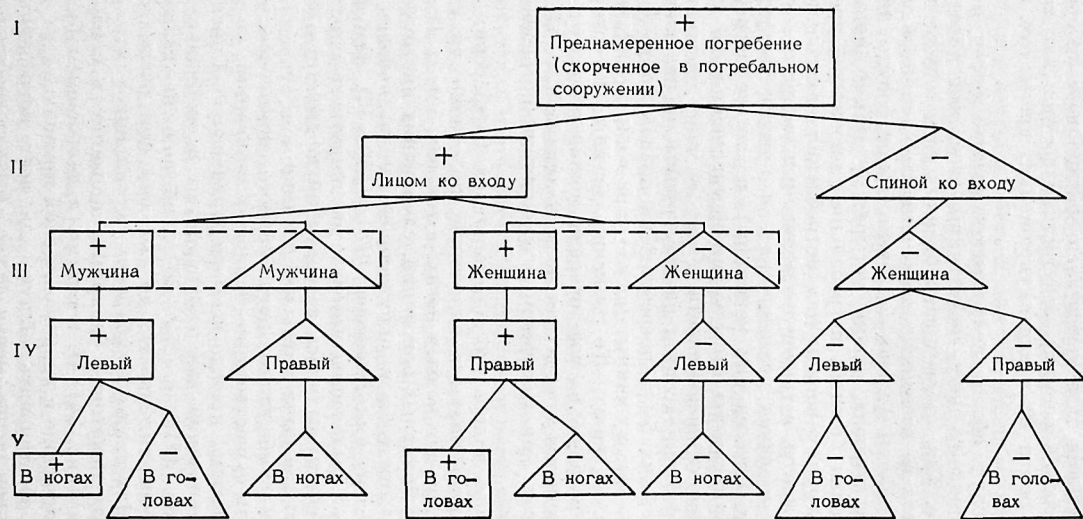

Рис. 24. Иерархия бинарных оппозиций по материалам Сумбарских могильников.

существо. Эту оппозицию можно сформулировать как «человек—нечеловек»; она определяет и выделяет человека вообще.

Почти все погребенные (кроме трех женщин) в Сумбарских катакомбных могильниках уложены в камеру лицом ко входу независимо от бока и ориентировки головой по странам света. Это всеобщий признак, и его значимость подчеркивается только тремя исключениями. Поскольку принято считать, что каждое кладбище принадлежало определенной социальной или территориальной единице, там были похоронены главным образом сородичи. В таком случае оппозицию «лицом ко входу—спиной ко входу» можно рассматривать как отражение более важной оппозиции — «свой (хороший)—чужой (плохой)». Подавляющее большинство погребенных — безусловно первый член оппозиции, подавляющее меньшинство — второй.

Несколько сложнее следующая оппозиция — принадлежность к мужскому или женскому полу. Двойственная (биологическая и социальная) сущность человека эту оппозицию значительно усложнила, придав ей двойственный характер — мужчину и женщину нельзя определять однозначно, тот или иной пол имел разный знак (он мог рассматриваться и как положительное, и как отрицательное явление) в зависимости от позиции как объекта, так и субъекта. Соответственно знаку мужчину и женщину помещали в могилу по-разному: если мужчина имел положительный знак, его укладывали на левый бок, если отрицательный — то на правый (таких случаев не встречено); женщину, имевшую положительный знак, укладывали на правый бок, а с отрицательным — на левый.

Отсюда можно реконструировать четвертую оппозицию. Погребение мужчины на левом боку соответствует полноценной сущности данного индивида, а могил биологически неполноценных мужчин пока не обнаружено, и их положение на правом боку можно реконструировать только в теоретическом плане. Положение женщины на правом боку отражало ее биологическую полноценность, а на левом — биологическую неполноценность. Предложенная выше интерпретация женских погребений на левом боку, по-мужски, как захоронений бездетных женщин не противоречит этому выводу, этой оппозиции.

На последний уровень бинарных оппозиций мы предлагаем выдвинуть размещение в могиле сосудов для воды (хумчи и горшочка с открытым носиком) относительно костяка. Они расположены либо около черепа, либо в ногах. Однако данный показатель не работает сам по себе, а только в сочетании с полом и боком, на который был положен покойник. Это значит, что размещение сосудов для воды в ногах скелета мужчины, лежащего на левом боку, указывает на его полноправность, около черепа — на его неполноправность. Если сосуды для воды были поставлены в могилу полноценной женщины, уложенной на правый бок, они отражали ее полноправность; если же в ногах — ее неполноправность при биологической полноценности. Помещенные в ноги неполноценной женщины, лежащей на левом боку, такие сосуды отражали ее неполноправность.

Итак, выявленная иерархия признаков погребенного, зашифрованная в бинарных оппозициях, служила инструментом не только для более

глубокого проникновения в сферу социальных отношений древнего населения. Она является надежным основанием для суждения об уровне идеологии этих людей. В данных бинарных оппозициях отражается способность древних земледельцев Юго-Западной Туркмении к сложным рассуждениям, направленным на понимание и объяснение окружающих явлений. Кроме того, в них можно видеть способ передачи системы информации предкам, к которым, по мнению живых, отправлялись умершие сородичи. Так, захоронением в катакомбе в скорченном положении на боку лицом ко входу, снабжением покойного определенным набором погребального инвентаря они удостоверяли отношение этого человека к людям вообще. Все сведения о биологических качествах умершего передавались его положением на том или ином боку, внутренней и внешней ориентировкой; социальная характеристика — положением в могиле сосудов для воды относительно его тела.

При исследовании Сумбарских могильников возникли многие вопросы, ответы на которые следует искать в области общественной идеологии; в частности, следующие: почему покойников хоронили в столь сложном могильном сооружении, как катакомба, что значила катакомба, относится ли конструкция погребального сооружения к области духовной культуры; какое значение в погребальном обряде имела вода, какова ее роль в идеологии местного населения; почему мужчины и женщины были уложены при погребении на разные бока, что это могло означать? Перечисленные вопросы не получили пока однозначного, полностью обоснованного и аргументированного ответа, но ниже мы попытаемся отметить те факты, которые будут содействовать пониманию проблем и поискам ответов на поставленные вопросы.

КАТАКОМБА И ДРЕВНИЕ ВЕРОВАНИЯ

Катакомба представляет собой камеру, достаточно высокую для того, чтобы там поместился человек или на корточках, или сидя. Все входы в катакомбу, будь то штольня или колодец, устроены так, что входное отверстие открыто на северную сторону горизонта; следовательно, важно, чтобы вход в могильную камеру (или выход оттуда) был обращен на север. Наконец, все покойники уложены лицом ко входу, чем достигался эффект либо прощания, либо встречи, а постоянство этого приема, независимого от пола, отмечается для всех погребенных (кроме исключительных случаев). В могилах, когда это возможно установить, прослеживается слой тлена от органической подстилки (до 1—1,5 см), на которой лежал скелет и которая отделяла его от земли.

Принцип погребения в катакомбе сохраняется у населения долины Сумбара до сих пор [Поляков, 1973, с. 23—32], несмотря на многократные изменения в социальном строе и духовной культуре, в религии и других формах общественного сознания. У современных туркмен считается, что подбой, в который укладывают на бок покойника, должен быть такой высоты, чтобы он мог сесть там в первую же ночь после похорон, когда его посетят ангелы смерти Мункир и Некир для допроса о проведенной им жизни [Овезов, 1976, с. 175—178]. Вероятно, вера в ангела

смерти — еще один пример слияния доисламских местных верований с исламом; очевидно, и в более древние времена считали, что за покойным должен был кто-то прийти, чтобы препроводить его или его душу на «тот свет». По современным представлениям туркмен и ряда народов Средней Азии, у человека существуют две нематериальные субстанции — душа (*джан*) и дух (*рух*), которые после смерти разлучаются: душа уходит на «тот свет», а дух остается на земле и невидимый глазам смертного помогает живым родственникам, если те его не забывают и устраивают ему время от времени угощения. Возможно, положение покойника лицом ко входу в Сумбарских могильниках связано с поверьем, что кто-то должен был прийти в могилу, а покойник — его увидеть; одним словом, этот приход не должен был быть неожиданным.

В катакомбе, как и в любом другом могильном сооружении, покойник не соприкасался с землей. Точно такую же функцию недопущения соприкосновения покойника с землей выполняли и деревянный сруб, и каменный ящик, а сейчас — гроб, у которого делают две ножки, чтобы не ставить его непосредственно на дно ямы. Как можно видеть, этот обычай древен и широко распространен, корни его теряются в глубине тысячелетий, а смысл достаточно прочно забыт. Однако мы не анализируем погребальных обрядов вообще, рассматриваем и пытаемся объяснить лишь частный случай. Получается так, что покойный, несмотря на то что его хоронили одетым, был изолирован от земли сверху воздушной прослойкой, а снизу — какой-то относительно толстой подстилкой из органического материала. С чем же это было связано?

Земля, согласно Авесте, которая отражает очень древний пласт воззрений среднеазиатских народов, является наряду с водой и огнем сакрально чистой стихией, потому что она родит хлеб; возделывание земли для выращивания на ней хлеба было самым богоугодным делом у маздаиспийца [Соколов, 1963]; таким же оно было без сомнения и задолго до этого. Соприкосновение земли с мертвым телом оскверняло ее, и для возвращения прежней чистоты землю надо было долго поливать водой, а затем вырастить на ней урожай. Кладбище считалось проклятым куском земли, прибежищем злых духов, приносящих вред человеку, причем не только кладбище, но и тот участок земли, куда выбрасывались обломки погребальных носилок после их использования. Существовало множество магических действий для очищения земли, на которой был обнаружен мертвец, дома, из которого покойника унесли на кладбище. Всего этого перечислять мы не будем, отослав читателя к специальной литературе [напр.: Снесарев, 1969, и др.]. Ясно одно, что обычай запрещения соприкосновения покойника с землей имеет глубокие корни и восходит, надо полагать, ко времени становления производящей экономики. Именно тогда земля в силу своего плодородия и произрастания на ней посеянных злаков стала сакральной стихией; благодаря тому что она ежегодно давала новый урожай, на нее было перенесено отношение к матери (они объединились в один семантический ряд); видимо, тогда она и стала для земледельца матерью-землей.

Катакомба в общественном сознании древнего населения долины Сумбара символизировала жилище мертвых, что хорошо доказывается приведенной выше линией развития данного погребального сооружения.

Конструкция погребального сооружения зависела прежде всего от имевшегося в наличии естественного строительного материала: там, где жилые дома строили из сырцового кирпича, погребальные сооружения возводили из него же (северная подгорная равнина Копетдага и древняя дельта Теджена); где для жилья сооружали полуземлянки, там и покойников хоронили в полуподземных склепах. Из этого следует, что могильное сооружение, по представлениям того времени, являлось вечным жилищем навсегда ушедших родственников. Отсюда можно предложить вывод — в конструкции погребального сооружения нет почти ничего, что могло бы вскрыть какие-то древние идеологические представления. Разве только то, что смерть (как и акт рождения) рассматривалась в качестве средства перехода из одного состояния в другое, в результате чего умерший продолжал свою жизнь в иной плоскости, но его бесплотный и невидимый дух оставался среди живых.

Совокупность археологических и этнографических свидетельств с одной и той же территории позволяет сделать попытку разобраться в том, почему все катакомбы долины Сумбара оказались ориентированы входами на северную сторону горизонта. Как мы только что видели, гокленские полуземляночные кумы всегда ориентированы входом на юг, к солнцу, поскольку были углублены в толщу холма и нуждались в перманентном прогреве, особенно в зимнее время. Если предположение относительно полуземляночного характера жилищ в дальнейшем подтвердится, то ориентировка их входов может быть реконструирована на юг в связи с приведенными данными. Все катакомбы ориентированы входом на север, в противоположную жилищам сторону, в сторону мрака и холода. Свидетельством этого является сохранение еще ныне кое-где в Средней Азии обычая не допускать попадания прямого солнечного света на лицо покойника [Снесарев, 1969, с. 229].

Таким образом, анализ погребального сооружения и расположения в нем покойника позволил сделать ряд заключений: погребальное сооружение было скорее всего копией жилища и предназначалось для помещения туда навечно тела умершего и для столь же вечного пребывания его духа; в конструкции погребального сооружения нет никаких общественных остатков идеологических представлений, кроме отношения к факту смерти и веры в потустороннее существование; ориентация входа в катакомбу, возможно противоположная ориентации входа в жилище, позволяет предположить наличие еще одной бинарной оппозиции в воззрениях, связанных с погребальным обрядом; в конструкции древних погребальных сооружений имеется больше данных для реконструкции черт материальной жизни общества, чем его духовной культуры.

ВОДА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

Как уже известно, во всех взрослых погребениях, включая те, где покойник был положен с отступлением от правил, находились сосуд для воды — хумча — и сосуд, из которого пили или лили эту воду — горшок с открытым носиком. Следовательно, вода имела какое-то очень важное значение в погребальном обряде. Однако, чтобы понять это значение

конкретно, надо попытаться проникнуть в поверья древних людей, реконструировать их и выяснить, в чем, по ним, заключалась волшебная сила воды.

Вода, как одна из сакрально чистых стихий, очень широко почиталась в древнем мире, в частности в Вавилонии; что прямо следует из дошедших до нашего времени клинописных текстов с заклинаниями: вода очищает больного своей сакральной силой, она — средство для очищения в руках Мардука [Никольский, 1959, с. 53]. Для нас же более важно почтительное отношение к ней древних иранцев, что нашло соответствующее отражение в Авесте. Воду нельзя было осквернять, бросая в нее нечистоты либо тела погибших животных или мертвых людей. В Вендидате имеется большое количество предписаний, как наказывать того, кто оскверняет воду, и какими средствами можно ее очистить и вернуть ей прежнюю сакральную чистоту. Воде поклонялись, принося на берегах рек или других водоемов жертвы; во время жертвоприношений у чистой и незапятнанной Ардвиги просили помощи в предпринимаемых действиях.

С другой стороны, вода являлась тем продуктом, который возвращал утраченную чистоту. Она применялась при обмывании мертвого тела перед преданием его земле, смывала всю грязь и восстанавливала прежнюю чистоту земли, на которой было найдено мертвое тело. Чистая от природы, она приносила с собой чистоту, и ее нельзя было осквернять; по-видимому, существовали разные воды, хотя бы в зависимости от их происхождения: вода могла быть небесной, речной (проточной), подземной. Скорее всего, к тем временам и относится возникновение поверья о живой и мертвой воде, поскольку древний человек не знал ее химического состава. Нельзя, конечно, определить, какая вода ставилась в могилу, небесная, подземная или речная, но несомненно, что в древности это строго различалось.

Очень наглядно проследил семантические ряды, в которые входит название воды, в древних переднеазиатских языках И. М. Дьяконов. Оказывается, что «„вода“ в своих различных проявлениях может попадать в разные семантические ряды: так, шумер. *a(ia)* значит не только „вода“, но и „семья“, а также „родитель“ и „наследник“, но праафразийское **tauw*,- **tauu*— „вода“ скорее связывается с **tauwt*— „смерть“: это семантический ряд „смерти—болезни—тьмы—ночи—холода—воды“; сюда же принадлежит и шумер. *gig*— „ночь, тьма, болезнь, черный“. С другой стороны, семитский корень *ḥau*-/ḥaw- означает „жизнь“, *Ḥaua* зовут аккадского бога пресных вод, но *ḥauu-at*- по-семитски не только „животное“, но и специально „змея“, которого педаром в мифах мы так часто встречаем стражем водного источника» [Дьяконов, 1977, с. 13].

Семантическая связь находит полное соответствие в разделении воды на живую и мертвую, о чем уже было упомянуто. И, видимо, такое разделение восходит к очень далеким временам, когда считалось, что вода окружает населенный человеком мир со всех сторон: снизу — под землей, сверху — над небом, с боков — как мировой океан. Но было существенно, откуда конкретно поступала эта вода на поверхность: если — изпод земли, то, вероятнее всего, ее считали водой мертвой, поскольку именно под землю отправлялись умершие сородичи; если — в виде дождя, падала сверху из сферы солнца, то она могла считаться только водой

живой, которая оплодотворяла землю и способствовала возрождению жизни. Вода текущих ручьев по своей сути была тоже живой, но, очевидно, именно к ней более всего подходит эпитет «чистая». Следовательно, вода в могиле играла существенную роль, поскольку сочетала в себе причастность и к смерти, и к рождению.

Последнее особенно важно потому, что в жизни человека можно отметить три главных перехода: из инобытия в жизнь, из детства в зрелость, из жизни в инобытие [Дьяконов, 1977, с. 19]. Каждый из переходов отмечался у многих народов мира строгими обрядами, которые при втором переходе носили название инициаций. Причем во время инициаций очень часто разыгрывалась сцена смерти с последующим возрождением, вплоть до того, что испытуемый подвергался весьма серьезным болевым испытаниям и после этого получал новое имя, символизировавшее его новое рождение в ином качестве — мужчины. Обряд возрождения нередко был связан с имитацией детородных органов, сквозь которые протаскивали испытуемого для более полного приближения обряда к действительности. Здесь же следует еще упомянуть получение имени при рождении и смену его при пострижении в монахи. В обоих случаях употреблялась вода для омовения (при крещении), а смена имени при пострижении (при принятии схимы имя менялось дважды) символизировала смерть человека для светской жизни и новое его рождение для жизни духовной. Это — также переход из одного жизненного круга в другой. Кстати, обычай ставить рядом с умирающим сосуд с водой, для того чтобы вышедшая из тела душа могла омыться, который сохранился до наших дней, своими корнями уходит безусловно в очень седую древность.

Сочетание в воде свойств, способствующих смерти и рождению, делало ее незаменимым компонентом для выполнения обрядов при первом и третьем (последнем) превращениях человека. Водой омывали и младенца, и покойника, и в обоих случаях это имело скрытый смысл — младенцу давалась жизненная сила на «этом свете», а покойнику гарантировалось возрождение на «том свете», которое оканчивалось циклической инкарнацией в будущем. Так при помощи воды, ее вечной текучести, магически обеспечивался круговорот жизни на земле, круговорот душ. Возможно, воду не ставили в могилы детей по той причине, что в древнем обществе долины Сумбара действительное рождение считалось только началом длительного процесса рождения, длившегося в течение всего первого детского возраста и заканчивавшегося тогда, когда мальчик приступал к обучению мужским делам, а девочка продолжала воспитываться в женской среде. С другой стороны, детские души, по поверьям, очевидно, не нуждались в возродительной силе воды, поскольку дети еще не достигли того возрастного рубежа, когда они отрывались от акта рождения. Как бы то ни было, а реконструировать всю систему роли воды в жизни и, главное, в верованиях древнего населения долины Сумбара весьма сложно. Вот почему мы рассматриваем предложенное выше только как попытку проникнуть в эту сферу древней идеологии. Дальнейшие исследования позволят проверить жизнеспособность сделанных предположений.

Попытка объяснить причины укладывания покойника на тот или иной бок в зависимости от его пола выходит за рамки нашей работы, поскольку этот признак отмечается исследователями в погребениях не только почти всей Средней Азии и Казахстана, но и Кавказа, степного пояса, в памятниках Восточной и Центральной Европы. Положение покойника на том или другом боку было обусловлено желанием подчеркнуть его пол; полов всего два, и боков у человека тоже два — нужно было только соблюдать первоначальную традицию. Небезынтересно отметить причину скорченности погребенного, но отсюда мы исключаем случаи преднамеренного связывания умершего. Если положить труп на бок, ничем не подпирая, то он непременно перевернется либо на спину, либо на живот. У покойников сгибали ноги, чтобы они остались лежать в том положении, в каком их положили при погребении. Очевидно, когда-то это было очень важно, составляло существенное отличие, которое должно было сохраниться. Отсюда можно сделать вывод, что скорченное положение умершего было вызвано прежде всего техническими требованиями — не дать ему завалиться и лечь иначе, чем его уложили, в пустом пространстве могильной камеры; кроме того, такое положение являлось наиболее естественным для живых людей, а ведь смерть считалась не прекращением жизни, а переходным моментом для человека из бытия в инобытие.

Бинарная оппозиция понятий «правый» и «левый» давно привлекала к себе внимание исследователей, которые пытались ее объяснить в различных аспектах. В последнее время к этому вопросу обратился В. В. Иванов [1972, с. 105—147]. Он пришел к выводу, что «у подавляющего большинства народов мира в ритуально-мифологическом противопоставлении правой и левой руки первая выступает в положительной функции, что отражается в соответствующих языковых фактах. Прослеживаемая в истории многих языков связь значений „левый“ и „кривой“ согласуется с тем, что „правый“ обычно связан с религиозной и юридической правотой» [там же, с. 114]. Чаще всего левая рука соотносится с женским полом, а правая — с мужским.

Однако абсолютно универсальной является только оппозиция правой и левой руки, поскольку в соотношении рук с полом человека наблюдается инверсия у многих народов мира, в том числе и у древних. В частности, в Вавилоне зафиксировано соотношение мужского пола с правой стороной, а женского — с левой [Никольский, 1959, с. 67]. В. В. Иванов указывает всего один случай соотношения левой руки с мужским полом, а правой — с женским, обнаруженный им в древнекитайской классификационной системе [Иванов, Топоров, 1974, с. 259—278]. С очень глубокой древности отмечается сопоставление символов мужского и женского пола, в частности правой и левой руки, с солярными и лунарными знаками, причем постоянства в этих соотношениях не наблюдается: у одних народов месяц олицетворяет мужское начало, а солнце — женское, у других — наоборот. «В случаях, когда указанная связь членов этих двух противопоставлений меняется, а именно солнце связывается с женщиной,

а луна — с женщиной, объяснение этому надо искать в особых обстоятельствах» [там же, с. 273].

При исследовании Сумбарских могильников оказалось, что мужчины были погребены на левом боку, а женщины — на правом. Это, казалось бы, нарушает высказанное выше положение о том, что такое соотношение не является типичным для народов мира. Однако, как мы стараемся показать ниже, данное противопоставление понятий правого, женского и луны с левым, мужским и солнцем было характерно и для древнеиранской мифологической системы, что, к сожалению, не учтено в тех обстоятельных исследованиях, на которые мы только что сослались.

Широкое распространение погребений на боку или на разных боках в различных могильниках всегда фиксировалось исследователями [Ити-на, 1961, 1977; Сорокин, 1962; Мандельштам, 1968; Häusler, 1971; Аскаров, 1973, 1977; Козенкова, 1977, и др.]. Но не так уж много насчитывается работ, в которых были бы сделаны попытки объяснить этот факт, а те, что есть, не всегда удовлетворяют.

Однако еще до того, как предложить свою попытку объяснить положение покойного в зависимости от пола на том или ином боку, нужно сказать, что однозначного решения данного вопроса быть не может из-за крайне широкого распространения этого явления. Надо предусматривать возможность поливариантного ответа, когда в одно и то же внешнее явление вкладывается различное внутреннее содержание и объяснение. Даже на сравнительно ограниченной территории, в южной земледельческой зоне Средней Азии, известны два варианта скорченного положения в могилу мужчин и женщин в эпоху поздней бронзы. В Юго-Западной Туркмении, Северном Афганистане и в некоторых могильниках степного пояса (Тасты-Бутак) мужчины похоронены на левом боку, а женщины — на правом; в Южном Узбекистане, Северном Таджикистане и в ряде могильников степной зоны, наоборот: мужчины лежат на правом боку, женщины — на левом. Но установление причин этого различия — тема особой работы, здесь же необходимо получить всю информацию из материала одного микрорайона — среднего течения Сумбара. И несмотря на ясность того, что положение на том или ином боку зависело от пола погребенного и его способности иметь детей, мы хотим посмотреть, нет ли еще более глубоких причин, вытекающих из идеологических представлений древнего человека.

В 1950-х гг. В. М. Массон предложил считать носителей культуры архаического Дахистана и Юго-Западной Туркмении древними гирканцами [Массон, 1956а, с. 451]. У нас нет никаких данных, которые противоречили бы этой гипотезе. Наоборот, имеющиеся материалы подтверждают ее и одновременно позволяют углубить время существования древних гирканцев в эпоху поздней бронзы, отнеся к ним носителей сумбарской культуры [Хлопин, 1973б].

Поскольку исторические гирканцы, впервые упомянутые в VI в. до н. э. в Большой Бехистунской надписи Дария I и в «Истории» Геродота, были иранским племенем (народом) в языковом и культурном отношении, можно с полным основанием считать, что древние гирканцы, оставившие после себя культуру архаического Дахистана эпохи раннего

железа и сумбарскую культуру эпохи поздней бронзы, являлись также ираноязычными, а их духовная культура включала в себя общий для всех иранских народов субстратный культурный пласт. Поэтому представляется правомочным привлечь для характеристики, понимания и объяснения некоторых сторон духовной культуры местного населения Авесту и ее поздние пехлевийские комментарии — Бундахишн; этот комплекс источников надо рассматривать как итог коллективного творчества народов иранского корня. Стихи и мифы, вошедшие спустя тысячелетия их изустной жизни в письменный канон Авесты и ее комментарии, содержат идеологический субстрат, свойственный всему иранскому миру. Привлечение Авесты и всего круга авестийских источников для попытки интерпретации некоторых археологических фактов с территории оседлоземледельческих культур юга Средней Азии не является нарушением принципа историзма, соблюдение которого так важно в исторических исследованиях.

В Бундахишне имеется миф о претворениях Ахура Мазды. Это были первородный бык, которого правильнее было бы понимать как Первородный Скот или просто Скот (некое двуполое создание), и первородный человек (Гайомарт) мужского пола. Данный миф объяснял, как были сотворены все живые существа на земле, в том числе и человек; последний был сотворен не вместе со Скотом, но одновременно с ним.

Скот был создан Ахура Маздой «в Эранвеже, в центре земного мира, на правом берегу благой реки Дайтии, и был тот Скот белым и сияющим, как луна» [цит. по: Тревер, 1940, с. 81—82]. «Когда Скот умер, упал он на правую руку» [Justi, 1868, сар. IV]. «Затем все, что было светлое и чистое в семени Скота, было передано сфере луны. Это семя было очищено в свете луны» [ibid., сар. X]. По прошествии какого-то времени из этого семени были сотворены все животные, в том числе вторично — домашний скот из-за его важности.

Поскольку маздаизм, впоследствии зороастризм, был законченной дуалистической религией, Ахура Мазда одновременно со Скотом сотворил и Гайомарта. Это случилось тоже в Эранвеже, но на левом берегу р. Дайтии, и сиял он, как солнце [Тревер, 1940, с. 81—82]. Вслед за Скотом умер Гайомарт и упал на левую руку [Justi, 1868, сар. IV]; Гайомарт, умирая, испустил семя. Оно было очищено вращением света солнца. Потом через 40 лет из этого семени произошли первые люди на земле.

Построен приведенный миф по принципу оппозиции, причем ясно, что в нем правая сторона противоположна и противопоставляется левой, а луна — солнцу; но так как Первоскот и Первочеловек были созданы Ахура Маздой, то именно это связывало их в одну систему. Данные оппозиции группируются в две противостоящие группы: в одну включаются луна и понятие «правый», в другую — солнце и понятие «левый» (рис. 25, I). Такое противопоставление правого и левого нельзя не сравнить с тем, что в могильниках среднего течения Сумбара мужчины похоронены на левом боку, а женщины — на правом (рис. 25, II). Следовательно, имеются все возможности для дополнения оппозиционных групп авестийского мифа: солнце и левая сторона дополняются мужским полом, луна и правая — женским (рис. 25, III). Поскольку, однако, бо-

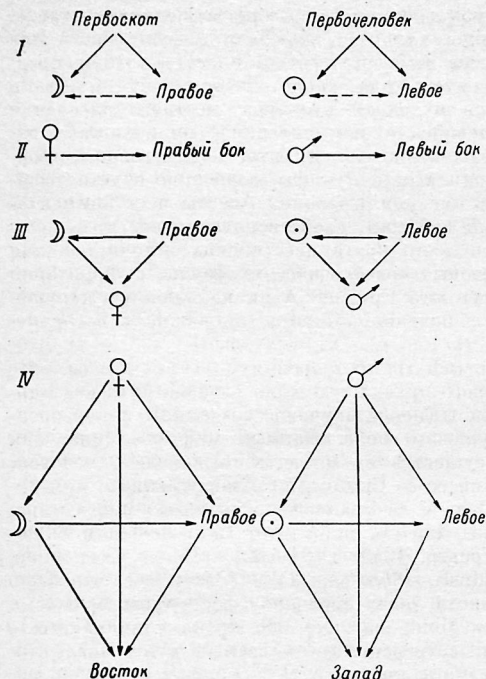

Рис. 25. Схема объяснения причин погребения мужчин на правом, а женщин на левом боку в Сумбарских могильниках.

более существенным является реальный пол человека, то внутри оппозиционных групп следует произвести перестановку, в результате которой главным их признаком сделался бы пол человека. Тогда получится, что в действительности древнее население в своих верованиях связывало с мужским полом солнце и левую сторону, причем и то и другое в разных случаях символизировало именно мужской пол и принадлежность к нему. Соответственно с женским полом связывались луна и правая сторона, которые служили символами женского пола и знаками причастности к нему (рис. 25, IV). Кстати, такое соотношение небесных тел с полом человека находит свое подтверждение в месячном женском цикле, который у многих народов ассоциируется с луной и ставится в зависимость от нее.

Теперь можно попытаться реконструировать часть погребального обряда древнего населения долины Сумбара, связанного с положением покойника на том или ином боку. Так как Первочеловек был мужского рода и, умирая, упал на левую руку, то при погребении мужчин каждый раз вспоминался древний миф и проигрывался заново. Тем самым каждый мужчина как бы становился причастным к Первочеловеку и его переход в категорию предков обставлялся так же, как это в незапамятные времена случилось с Гайомартом. Поскольку, согласно мифу, из семени Гайомарта впоследствии произошли другие люди, причем Бундахишн определяет этот срок в 40 лет (примерно два поколения), можно реконструировать, что, по верованиям древних жителей Юго-Западной Туркмении, души мужчин возрождались через два поколения, т. е. прадед мог возродиться в правнучке.

В связи с тем что общество рассматриваемого времени обладало законченной патриархальной идеологией, женщины были включены в один семантический ряд с Первоскотом, из тела которого произошли все куль-

турные и дикие растения, а из семени — все домашние и дикие животные. Проигрывая при погребении женщин смерть Первоскота и укладывая их на правый бок, люди тем самым возвращали природе жизненную силу, способность к воспроизведению, которая была заложена в рожавших женщинах. Бездетные, нерожавшие женщины были бессильны воздействовать на возрождение природы, ибо не обладали этой силой, отчего их хоронили по-мужски и, по-видимому, считали примыкающими к мужской части общества, по недоразумению не родившимися мужчинами.

Наряду с внутренней ориентировкой покойного в могильной камере наблюдается устойчивая внешняя ориентировка погребенного по странам света. В могильнике Сумбар I мужчины были ориентированы головой на запад, а женщины — на восток. В могильнике Сумбар II, расположенном на увале, вытянутом с севера на юг, камеры оказались сделанными так, что их длинные оси совпали с направлением восток—запад, а погребенные были ориентированы так же. В могильнике Пархай I ориентировка камер и соответственно покойников отклоняется: мужские скелеты развернуты от западного направления головой сильно к югу, а женские — от восточного сильно к северу. Представляется, что это явление нельзя считать принципиальным, поскольку немаловажное значение имело отклонение оси холма от направления восток—запад; возможно, не последнюю роль сыграло то, что погребения были совершены в разное время года — компаса тогда не было, а точка действительного восхода солнца смещалась в зависимости от времени года (в день летнего солнцестояния точка восхода солнца в долине Сумбара находится на северо-востоке, а в день зимнего — на юго-востоке). Во всяком случае все данные говорят о том, что в ориентировке погребенных по странам света (мужчин в западном направлении, а женщин — в восточном) можно видеть определенную закономерность.

Если мужчин при погребении умышленно укладывали головой на запад, т. е. в направлении захода солнца, а женщин — наоборот, то возникает вопрос о возможности противоречия между светилом, с которым мы связали определенный пол, и ориентировкой покойников. Казалось бы, что мужчин надо было класть головой на восток, а женщин — на запад. Но это противоречие мнимое, ибо погребальный обряд связан со смертью, а не рождением. Родившись на востоке, солнце ежедневно умирало на западе — мужчин и укладывали на левый, солнечный бок, на который некогда упал Гайомарт, и направляли головой туда, где ежедневно умирало солнце. Женщин же укладывали на лунный, правый бок, на который некогда упал Первоскот, и направляли головой в ту сторону, где каждый месяц умирала луна в лучах восходящего солнца.

В повседневной же жизни, которая не была посвящена ожиданию предстоящей смерти, более существенным для древнего населения долины Сумбара, надо полагать, был не закат, а восход солнца и других небесных светил. Поэтому исходя из установленных семантических рядов можно представить, что восток, т. е. место восхода солнца, считался слева, а запад — место восхода луны — справа. Такое положение было реальным лишь в том случае, когда для ориентировки на местности по странам света человек становился лицом к солнцу, т. е. на юг. Только тогда восток действительно оказывался слева, а запад — справа. Если этот прин-

цип ориентировки действительно существовал, то он был прямо противоположен тому, который принят у нас в настоящее время.

У соседнего народа, который населял северные предгорья Копетдага и который можно считать близким по культуре, языку и происхождению населению Юго-Западной Туркмении, были найдены предметы, отражающие идеологические воззрения тех, кто оставил могильники среднего течения Сумбара.

Золотая головка быка из раскопок Алтын-Депе 1973 г. имеет во лбу бирюзовую вставку в виде полумесяца рогами вверх [Массон, 1981, табл. XXIII, 1]. Здесь налицо объединение показателей одного семантического ряда: изображения луны и Первоскота [Хлопин, 1981а, с. 29]. Это обстоятельство не дает основания для согласия с интерпретацией находки, предложенной В. М. Массоном, который весь архитектурный комплекс связал с мужским астральным божеством. Такой вывод получился потому, что все находки из поселений Южной Туркмении сопоставляются с далеким и чуждым шумерским миром, игнорируя комплекс духовной культуры местного населения — древних иранцев.

Другой предмет, на котором хочется остановиться, — найденная там же серая каменная пластинка, в которую техникой флорентийской мозаики вставлены изображения лунного серпа и креста из белого мрамора, разделенные двумя полосками из того же материала [Массон, 1981, табл. XXII, 3]. Прямым крестом могло быть изображено только солнце. Поскольку в период развитой бронзы символом солнца являлся прямой крест, можно произвести расшифровку данного изображения на других предметах. В первую очередь так можно осмыслить прямой крест (а может быть, и прямой крест с наложенным на него косым крестом, в результате чего получилось изображение так называемой звезды), имеющийся на многих антропоморфных статуэтках того времени. Получается, что таким символом передавали солнце, которое в древней, энеолитической росписи изображалось более реалистически — в виде круга с точкой посередине.

Чтобы закончить рассмотрение положения погребенного на том или ином боку, надо вновь обратиться к этнографии гёкленов, которых можно считать очень далекими, но наиболее прямыми наследниками древнего населения долины Сумбара. Мы уже упоминали выше, что в их полуземляночном жилище правая половина была всегда женской, а левая — мужской. Оказывается, такое же деление интерьера сохраняется и в юрте: «На правой от входа стороне (*саг дул*), или женской стороне (*аял дул*), располагалась полка или туркменского типа шкаф, где хранились посуда и мелкая утварь (*гапчанак*), а также необходимые пищевые продукты. Левая от очага сторона считается мужской (*эркек дул*); здесь, как правило, хранятся мешки с зерном, некоторый сельскохозяйственный инвентарь, а если в семье имеются охотники, то находится охотничье ружье и другая утварь» [Овезов, 1976, с. 120]. Для нас свидетельство Д. М. Овезова особенно важно, поскольку семантическая связь понятий на той территории, где такая связь была открыта в памятниках эпохи бронзы, дошла до современности. Оно доказывает правоту наших рассуждений относительно правой (женской) и левой (мужской) сторон в эпоху поздней бронзы.

Итак, мы рассмотрели всего три фрагмента из огромного комплекса идеологических представлений древнего населения долины Сумбара. Но выводы, которые можно сделать на основании этого, очень важны в общен историческом плане. Дело в том, что в древней идеологии устанавливаются два пласта, первый из которых стадильно близок у всех народов одинакового хозяйственного и социального уровня, — так доказывается правота одного из основных положений материалистической диалектики, что бытие определяет сознание. Второй пласт, развившийся на стадильном субстрате, может не совпадать на больших просторах, но показывает принадлежность ряда отдельных культур к одной исходной и их родство во многих отношениях: культурном, языковом и др. Первый пласт отражает веру в «тот свет» и в возможность посмертного существования и воскрешения; другой, в нашем случае — мировоззрение иранских народов (ариев, индоариев, индоиранцев), проявляется в том, что многие фундаментальные аспекты древней идеологии могут быть объяснены из арийской мифологии, вероятно общей для всех культур южного земледельческого пояса Средней Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сумбарские могильники эпохи поздней бронзы представляют собой как бы горизонтальный хронологический срез культуры населения Юго-Западной Туркмении этого времени. Благодаря обилию и разнообразию добытого раскопками материала, а также особым приемам в методике его исследования были получены принципиально новые ракурсы в материальной культуре, общественных отношениях и духовной культуре. Так, в области материальной культуры удалось установить, что знаменитое туркменское ковроделие зародилось именно на территории нынешней Туркмении; его корни уходят в седую древность, ибо уже в середине II тыс. до н. э. существовали ножи для обрезания ворсовой нити ковра отработанной и законченной формы — появление таких инструментов можно отнести к первой половине II или даже концу III тыс. н. э. Ну а поскольку умение изготавливать ворсовые ковры считается одной из этнических особенностей туркменского народа, это позволяет поставить вопрос о пересмотре устоявшейся традиционной точки зрения на его происхождение.

Особенно много интересного было извлечено из материала могильников для понимания и реконструкции общественных отношений древнего населения долины Сумбара и шире — всей земледельческой зоны Средней Азии и Северного Ирана. В эпоху поздней бронзы везде господствовал развитой, патриархальный строй, а социальной молекулой его была трехпоколенная семья. Дифференциация мужской части общества прослеживается еще недостаточно четко — среди сохранившихся погребений есть такие (11%), которые можно интерпретировать как могилы людей с ущемленными правами. Значительно яснее этот момент выражен у женской части населения; последнюю удалось разделить на три категории: на полноправных и полноценных хозяек в доме и в семье; полноценных, но неполноправных в семье женщин, которых можно считать эквивалентными невесткам; неполноценных и неполноправных, которых возможно отождествить только с бездетными. Если предложенную методику исследования социальных отношений древнего общества применить к синхронным могильникам Средней Азии, например к раннему Тулхарскому, Тасты-Бутаку и др., она окажется весьма эффективной и позволит выявить новые направления в интерпретации уже исследованных и опубликованных памятников.

Что касается духовной культуры древнего населения Юго-Западной Туркмении, то Сумбарские могильники помогли установить некоторые ее кардинальные черты, особенно характеризующие сложный и многогранный комплекс воззрений на смерть и последующее возрождение. Для проникновения в эти сферы чрезвычайно продуктивным было сопоставление результатов раскопок с Авестой, которая справедливо признается общим субстратом духовной культуры всех иранских народов. Оказалось, что именно могильники сумбарской культуры могут служить вещественным свидетельством существования ряда мифов древних иранцев, объясняющих происхождение всего сущего на земле, происхождение растительного и животного мира, а также человека. Естественно, нельзя говорить о том, что именно у населения Юго-Западной Туркмении сложились авестийские мифы, но оно сыграло в сложении Авесты определенную роль. По-видимому, будет правильнее считать, что авестийская земледельческая идеология была свойственна населению всего южного земледельческого пояса, но в могильниках Сумбарской долины удалось выделить признаки, которые проиллюстрировали некоторые ее сюжеты; вероятно, в будущем это смогут сделать на более широком материале эпохи поздней бронзы.

Для полной характеристики культуры древнего населения Юго-Западной Туркмении анализа синхронных могильников эпохи поздней бронзы оказалось недостаточно — он не показал ее эволюции. Требовалось найти такой памятник, который выявил бы всю хронологическую глубину культуры Юго-Западной Туркмении, а сумбарская культура стала бы его верхним горизонтом, тогда многие вопросы происхождения сумбарской культуры и хронологии культур эпохи бронзы в Средней Азии получили бы свое решение. Такой памятник был найден в 1977 г. и исследуется в настоящее время — это могильник Пархай II (иногда его называют Кара-Калинским). Некоторые результаты раскопок уже отражены в этой книге — без материалов могильника Пархай II вопрос о происхождении сумбарской культуры до сих пор не был бы решен. В ходе изучения памятника стало совершенно ясно, что сумбарская культура — сугубо местное явление, что она может считаться завершением всей свиты культурных периодов, которые удалось вычлениить на данном могильнике.

Исследуемый пять полевых сезонов (1977—1981 гг.) могильник Пархай II уже дал бесценный археологический материал. Так, выяснено, что он представляет собой лёссовый холм, в толще которого сооружены погребальные камеры; были зафиксированы многочисленные случаи перекрывания одних камер другими, использования одной и той же камеры дважды после значительного перерыва. Все это сразу указало на неодновременность захоронений в холме. 106 вскрытых камер содержали останки примерно 1800 погребенных, более 700 целых керамических сосудов и много изделий из металла и камня. Такое количество материала можно считать достаточным для хронологического расчленения могильника. Чтобы осуществить дальнейшее исследование южной части земледельческой зоны Средней Азии и Северного Ирана, надо было прежде всего попробовать выделить объективные керамические комплексы с территории Юго-Западной Туркмении, по существу еще не вошедшие в на-

учный оборот. Ведь именно керамика с ее изменчивостью и разнообразием является той «лакмусовой бумажкой», которая позволяет определить пространственно-временные координаты исследуемого памятника. Такая попытка была сделана и увенчалась успехом — показала перспективность подобного метода исследования.

Для того чтобы вскрытые погребальные камеры расположить если не в хронологической последовательности, то хотя бы большими хронологическими группами, мы проделали определенные операции. Прежде всего четко установили стратиграфические характеристики: последовательность возведения камер; какой керамический комплекс существовал раньше, а какой — позже. После многочисленных корреляций признаков были выявлены объективные керамические комплексы и их хронологическая последовательность, которую также следует считать объективной. Каждому керамическому комплексу синхронны все остальные предметы, найденные в соответствующих погребальных камерах.

Оказалось, что всю культуру Юго-Западной Туркмении возможно разделить на шесть последовательных периодов.

Самый верхний — ЮЗТ-I — представлен Сумбарскими могильниками, которым посвящена данная работа. Он относится к эпохе поздней бронзы, в целом синхронен времени Намазга VI и датируется второй половиной II тыс. до н. э. Правда, в исторической шкале данной территории есть более поздние памятники культуры архаического Дахистана, но они остались за пределами принятой археологической шкалы, потому что принадлежат уже эпохе железа (первая половина I тыс. до н. э.), перерастающей в культуру ахеменидского времени — времени становления классовых отношений и ранних государственных образований на территории Средней Азии и Ирана.

Период ЮЗТ-II — предсумбарский; он содержит уже почти все характерные черты сумбарской культуры, но их окончательное развитие еще не наступило. Этот период в относительной хронологии занимает промежуточное место между периодами Намазга V и VI; его можно отнести к раннему Намазга VI или позднему Намазга V и датировать серединой II тыс. до н. э.

Период ЮЗТ-III относится к эпохе развитой бронзы. Он представлен своеобразным керамическим комплексом из 10 форм, три из которых имеют корни в более раннем периоде, а две переходят в предсумбарское время. Период ЮЗТ-III синхронен времени позднего Намазга IV—Намазга V северной подгорной равнины Копетдага и датируется первой половиной II тыс. до н. э.

Период ЮЗТ-IV относится уже к эпохе ранней бронзы, ближе к ее концу, чем началу. Керамический комплекс ЮЗТ-IV состоит из 15 форм, две из которых выходят из более раннего времени, а три связывают его с ЮЗТ-III. Период ЮЗТ-IV синхронен в целом периоду Намазга IV северной подгорной равнины Копетдага и датируется второй половиной III тыс. до н. э.

Период ЮЗТ-V можно считать поздним энеолитом, поскольку некоторые керамические формы имеют соответствия в верхнем строительном горизонте поселения Кара-Тепе у Артыка, который относится ко времени Намазга III. Его керамический комплекс состоит из 10 форм, две из

которых переходят в ЮЗТ-IV, а две выходят из керамического комплекса ЮЗТ-VI. Ориентировочная дата — первая половина III тыс. до н. э.

Период ЮЗТ-VI является пока самым ранним, но не последним. Его керамический комплекс состоит также из 10 форм, но если комплексы ЮЗТ-III—V состояли исключительно из сероглиняной посуды, то здесь среди погребального инвентаря широко представлены красно- и светло-ангобированные расписные сосуды. Этот керамический комплекс может быть сопоставлен и синхронизирован с комплексом Намазга II северной подгорной равнины Копетдага (вторая половина IV тыс. до н. э.).

Подобно тому, как в свое время Ж. Дэйе определил по черепкам, извлеченным из сырцовых кирпичей, что в самых нижних слоях Тюренг-Тепе имеется джейтунская неолитическая керамика, так по расписным же энеолитическим и неолитическим черепкам, обнаруженным в насыпи более поздних могил, можно установить, что в будущем должны быть найдены погребения по крайней мере еще двух периодов: ЮЗТ-VII — ранний энеолит, когда погребальная керамика будет состоять только из расписных сосудов; ЮЗТ-VIII — неолит. В последнем случае возможны два варианта: или на холме Пархай II кладбище существовало и во времена джейтунской культуры, или тут находилось неолитическое поселение, которое впоследствии было заброшено, после чего холм в течение тысячелетий использовался как место погребения.

Для установления абсолютной хронологии культуры Юго-Западной Туркмении в нашем распоряжении несравненно меньше данных, чем для определения синхронности тех или иных слоев и памятников. Но они уже есть; например, ромбические лазуритовые пронизки, которые позволяют период ЮЗТ-IV считать синхронным Царскому кладбищу в Уре, т. е. относить его к середине III тыс. до н. э. Однако сейчас преждевременно предавать их гласности, поскольку исследования могильника еще не закончены и неизвестно, какие находки появятся в течение ближайших лет. Тем не менее уже можно говорить о том, что долина Сумбары да за последнее десятилетие бесценный исторический материал, который впоследствии разрешит радикально пересмотреть многие вопросы хронологии, генезиса, взаимосвязей и др., касающиеся не только культуры Средней Азии, но и Ирана, а может быть, и Закавказья.

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК КАТАКОМБНЫХ МОГИЛЬНИКОВ
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ДОЛИНЕ СУМБАРА

Излагая совокупность добытых раскопками 1972—1977 гг. материалов из катакомбных могильников среднего течения Сумбара, мы решили несколько отойти от традиционного описания археологических находок, занимающего неоправданно большой объем, ибо первое знакомство с материалом убеждает в такой его стандартизованности, которая позволяет применить формализованное описание.

Каждый могильный комплекс характеризуется по определенной схеме, состоящей из трех основных компонентов: могильное сооружение — конструкция могилы, ее размеры и состояние при вскрытии; погребение — его сохранность, положение умершего, его пол и возраст; погребальный инвентарь — сохранность комплекса, керамика, изделия из металла, камня, стекла, фаянса, кости, органические остатки, расположение вещей в могиле.

Порядковый номер погребения указывает только на последовательность вскрытия могильника. Местоположение его в могильнике Сумбар I (см. рис. 1) фиксирует координатная сетка (квадраты со сторонами по 10 м).

Так как 85% могил было нарушено или ограблено в древности, важно условиться об определении степени сохранности каждого из названных компонентов погребального комплекса, поскольку она может быть различна.

Для степени сохранности могильного сооружения мы устанавливаем два варианта: могильное сооружение сохранилось — можно определить размеры погребальной камеры, место входа в нее и его заклад, иногда можно выяснить первоначальную высоту камеры, наличие ступеньки при входе и другие детали; могильное сооружение разрушено — размеры камеры не устанавливаются или неясно, каким был заклад входа, место входа. Разрушение могильной камеры чаще всего происходило в результате естественного разрушения холма.

Степеней сохранности погребения мы устанавливаем пять: погребение сохранилось — оно не было ограблено в древности, и внутри могилы

все находится так, как было при совершении захоронения, за исключением предметов из органических материалов; погребение потревожено — некоторые кости сдвинуты, но основные остались нетронутыми, можно установить положение умершего, его пол и возраст; погребение нарушено — кости скелета находятся в перемещенном состоянии, но некоторые из основных костей (ноги, руки, таз) не сдвинуты, можно восстановить положение покойника, его пол и возраст; погребение разрушено — все основные кости потревожены, по некоторым из них можно определить пол и возраст; погребение уничтожено — осколки костей настолько невыразительны, что в лучшем случае можно сказать, что был похоронен взрослый или ребенок без детализации, чаще всего даже эта информация отсутствует.

Иногда представляется возможной реконструкция некоторых признаков могильного комплекса — заклада могильной камеры, пола и положения погребенного; такая реконструкция при описании могилы дается в скобках.

Для степени сохранности комплекса погребального инвентаря отмечены четыре варианта: комплекс сохранился — все вещи, положенные покойнику при погребении, уцелели и находятся на своих первоначальных местах; комплекс нарушен — грабители изъяли металлические предметы, но керамика и остальные вещи расположены на прежних местах; комплекс разрушен — все или многие предметы сдвинуты со своих мест, многое из комплекса утрачено (нет металла, керамические сосуды разбиты и частично выброшены), он уже не всегда достоверен, но сохранились кое-какие вещи; комплекс уничтожен — нет целых вещей и невозможно восстановить то, что находилось в могиле.

При характеристике погребального комплекса могилы мы будем указывать общее состояние комплекса и, когда надо, состояние каждого отдельного компонента. Как правило, все нарушения в комплексе идут параллельно и если разрушен скелет, то и комплекс погребального инвентаря обычно потревожен или разрушен.

Керамическая коллекция из могильников эпохи поздней бронзы насчитывает около 700 сосудов, подавляющее большинство которых либо целые, либо восстанавливаются графически. Для того чтобы сократить описание керамики до минимума, мы предлагаем ее формализованную характеристику; каждый сосуд имеет следующие признаки и свойства: форма и ее варианты, технология изготовления, тесто, цвет поверхности и излома, наличие ангоба, лощения и копоты.

Говоря о форме сосуда и ее вариантах, называем основной тип (согласно изображению на рис. 3) и его вариант, который отличается от основного типа каким-либо несущественным признаком. Характеристика типа в целом и все его особенности в системе керамического комплекса даются после описания погребальных комплексов.

Тип I — хумча — включает в себя шесть вариантов: Ia — с вертикальным горлом, без ручек; Ib — с профилированным горлом (венчиком), без ручек; Ic — хумча-горшок с вертикальным горлом, без ручек; Id — с вертикальным горлом и ручками; Id — с узким горлом и ручками; Ie — с подкосом, импортная.

Тип II — горшочек с открытым носиком.

Тип III — чаша — пять вариантов: IIIa — коническая с ручкой у дна, с загнутым венчиком; IIIб — коническая с ручкой у дна, с прямым венчиком; IIIв — коническая без ручки; IIIг — сферическая с ручкой у профилированного венчика; IIIд — сферическая без ручки.

Тип IV — конический сосуд со сливом — два варианта: IVa — без поддона; IVб — с поддоном.

Тип V — чайник со сложным носиком — четыре варианта: Va — со сферическим туловом, прямым венчиком, с напелем или без него; Vб — со сферическим туловом, профилированным венчиком, с напелем или без него; Vв — с овоидным туловом, профилированным венчиком, с напелем или без него; Vг — с горшковидным туловом, с напелем или без него.

Тип VI — сосуд с трубчатым носиком — пять вариантов: VIa — со сферическим туловом, без венчика; VIб — со сферическим туловом и венчиком; VIв — с биконическим туловом; VIг — горшковидный с носиком раструбом; VIд — чаша с трубчатым носиком.

Тип VII — кувшин с одной ручкой — четыре варианта: VIIa — широкогорлый; VIIб — узкогорлый низкий; VIIв — узкогорлый высокий; VIIг — с широким дном, импортный.

Тип VIII — горшочек — три варианта: VIIIa — с одной ручкой; VIIIб — с двумя ручками; VIIIв — без ручек.

Тип IX — ваза — три варианта: IXa — на гладком высоком поддоне; IXб — на гладком низком поддоне; IXв — на ножке, импортная.

Тип X — сферический сосуд с двумя ручками.

Тип XI — кубок.

Тип XII — графин.

Тип XIII — три индивидуальных уникальных сосуда: XIIIa — бутыль с внутренним трубчатым носиком; XIIIб — ваза с каналом в стенке и резервуаром в поддоне; XIIIв — зооморфный сосуд.

Технология изготовления посуды двоякая: на гончарном круте (далее — К) и без него — лепкой (далее — Л). Тесто сосудов представлено двумя разновидностями: столовым, тонкоотмученным, с незначительной примесью органических веществ (далее — с); кухонным, грубым, с сильной примесью песка (далее — к).

Обозначение цвета поверхности сосуда и излома черепка дается через косую черту при помощи следующих цифр: 1 — черный; 2 — серый; 3 — красный с оттенками; 4 — коричневый; 5 — грязно-желтый; 6 — зеленовато-белый, желтый (импортные сосуды). Наличие ангоба на поверхности сосуда отмечается знаком «+»; лощение — «х»; копоть — «◇».

Орнамент на сосуде является настолько редким, что описывается словами. Если имеется детский вариант формы, то после обозначения формы сосуда ставится индекс «д», например III_д, IVa_д. Если какие-то данные неизвестны, то на соответствующем месте дается знак «?». Если на что-то следует обратить особое внимание, то ставится «!».

Весь остальной погребальный инвентарь при описании могил называется после керамики, но характеристика его не дается. Предметы погребального инвентаря имеют больше индивидуальных черт, чем кера-

мика, поэтому формализованное описание керамики не только возможно, но и необходимо, а о формализованном описании остальных вещей говорить еще преждевременно.

МОГИЛЬНИК СУМБАР I

1. А-VII. Могила разрушена. (Колодец заложен кирпичами). Погребение взрослого (мужчины) уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: хумча (Iа.Кс.3+/3), чаша (IIIа.Кс.4+/4), конический сосуд со сливом (IVа.Лк.2х/2) (табл. XXXI, 1—3), черешковый наконечник стрелы (табл. LXI, 8).

2. Б-VII. Могила разрушена. (Колодец заложен кирпичами). Погребение взрослого (мужчины) уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лс.3/3), сосуд с трубчатым носиком (VIа.Лс.2/2), кувшин (VIIв.Кс.2/2) (табл. XXXI, 4—6), четыре каменные бусины.

3. Б-VII. Погребение взрослого уничтожено. Находок нет.

4. В-VIII. Могила разрушена. (Колодец заложен кирпичами). Погребение взрослого (мужчины?) нарушено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: конический сосуд со сливом (IVа.Кс.4х/4), кувшин (VIIб.Кс.4/4), ваза (IXа.Кс.6+/4), фрагмент зооморфного сосуда (XIIIв.Лс.6/3), фрагмент чаши (табл. XXXI, 9—13), обломок бронзовой пластины.

5. А-VI. Могила разрушена. (Колодец заложен кирпичами). Погребение нарушено, на месте — правая нога от таза до щиколотки: взрослая женщина на правом боку, лицом ко входу. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), кубок (XI.Лс.2/2), обломки горшочка (табл. XXXI, 7, 8).

6. А-V. Могила разрушена. (Колодец заложен кирпичами). Погребение нарушено, на месте — правая нога от колена до стопы: взрослая женщина на правом боку, головой на В, лицом ко входу. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Iа.Кс.3+/3), горшочек с открытым носиком (II.Лк.4/2), чаша (IIIа.Кс.3+х/3), конический сосуд со сливом (IVа.Лк.2/2), горшочек с одной ручкой (VIIIа.Лк.5/5), сферический сосуд с двумя ручками (Х.Лк.2◇/2) (табл. XXXII, 1—6), два пряслица, две иглы (табл. LXIV, 18, 19), бронзовый стержень, два спиральных кольца для волос, два альчика.

7. А-III. Могила разрушена. Вход штольней. Погребение уничтожено; возможно, здесь две слившиеся могилы — взрослая и детская. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: из взрослого погребения — хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.2х/2), графин (XII.Кс.2/4) (табл. XXXII, 7, 11, 12); из детского погребения — чаша (IIIб.Кс.2/2), сосуд с трубчатым носиком (VIб.Лс.4х/4), горшочек (VIIа.Лк.3/3) (табл. XXXII, 8—10), глиняная мочеотводная трубка (табл. LXIII, 15).

8. А-III. Могила разрушена. Погребение и комплекс погребального инвентаря разрушены. Находки: хумча (Iв.Кс.2/2), горшочек (VIIIб.Лк.3◇/?) (табл. XXXII, 13, 14).

9. В-IX. Могила разрушена. Погребение и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/3) (табл. XXXII, 15).

10. А-II. Могила разрушена. (Колодец заложен кирпичами). Погребение взрослого (женщины) уничтожено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.3/3), горшочек с открытым носиком (II.Лк.3/3), чаша (IIIa.Кс.2/2), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.4/3), чайник (Va.Лк.4+х/3), кувшин (VIIб.Кс.2/2), горшочек (VIIIa.Лк.3/3) (табл. XXXIII, 1—6), пряслице, спицы, стержень, три спиральных кольца для волос, сурьматаш (табл. LXIII, 13).

11. Вне могильника, в 25 м к В от № 5 (табл. I, 1, 6—11; II, 1—4). Могила разрушена. (Вход заложен кирпичами). Погребение потревожено (все от тазовых костей смыто в обрыв): взрослый мужчина на левом боку, головой на С, левая рука у лица, правая поперек груди. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки в головах: конический сосуд со сливом (IVa.Лк.4/4), чайник (Va.Лк.1х/4), кувшин (VIIa.Лк.5х/3), ваза (IXв.Кс.1х/1), черешковый наконечник стрелы, две каменные и три бронзовые бусины.

12. А-IV (табл. I, 3, 15; II, 5—9). Могила разрушена. Штольня заложена камнями. Погребение сохранилось: подросток (девочка) на правом боку, головой на С, лицом на З, ко входу, руки перед лицом, ноги согнуты в коленях. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: в головах — горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/3), чаша (IIIa.Кс.2х/2), кубок (XI.Кс.2/2); в ногах — кувшин (VIIб.Кс.2х/2), горшочек (VIIIa.Лк.2/2); четыре бронзовых колечка-серьги.

13. А-VI. Могила разрушена. (Колодец заложен кирпичами). Погребение взрослого уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Кс.2/2), кувшин (VIIб.Кс.2х/2), горшочек (VIIIa.Лк.5/5) (табл. XXXIII, 7—9).

14. В-V (табл. I, 2, 12—14; II, 16—22). Овальная камера, 1,7×0,9 м. (Вход штольней). Погребение сохранилось: подросток (мальчик) на левом боку, головой на З, лицом на С, ко входу, руки перед лицом, ноги согнуты в коленях. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: в ногах — хумча (Ia.Лк.5/3), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/?), чаша (IIIa.Кс.1+2), кувшин (VIIa.Кс.2х/2); в головах — сосуд с трубчатым носиком (VIб.Кс.2/2), два горшочка (VIIIa.Лк.5/5 и VIIIa.Лк.4х/4); кольцо-серьга, каменная бусина, бронзовая нагубная пластинка.

15. А-III. Могила разрушена. Погребение взрослого уничтожено. Находок нет.

16. А-IV (табл. III, 1—20). Овальная камера, 1,7×1 м. Штольня заложена камнями. Погребение сохранилось: взрослая женщина на правом боку, головой на С, лицом на З, ко входу. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.5+5), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.2х/2), горшочек (VIIIб.Лк.4/4) — все сосуды в головах; пряслице, два коловых ножа, фаянсовая обойма, костяная подвеска, четыре спиральных кольца для волос, две булавки, 19 пастовых и две каменные бусины, пять альчигов, кости бараана.

17. Вне могильника, к З от № 175. Могила разрушена. (Вход зало-

жен кирпичами). Погребение уничтожено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: две хумчи (Ia.Лк.5/2 и Ia.Лк.2/2), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIa.Лк.2/4), конический сосуд со сливом (IVa.Кр.2/2) (табл. XXXIII, 10—14), два бронзовых колечка, три альчика.

18. Вне могильника, к 3 от № 17. Могила разрушена. Погребение взрослого уничтожено, на месте — правая (?) нога от середины бедра до стопы. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2/2) (табл. XXXIV, 1, 2).

19. Г-VIII (табл. IV, 6, 7, 9—12). Овальная камера, 1,7×1 м. Штольня заполнена камнями. Погребение сохранилось: мальчик 11—12 лет на левом боку, головой на З, лицом на С, ко входу, руки перед грудью, ноги согнуты в коленях. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки в головах: чаша (IIIa.Кс.2х/2), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2/2), кувшин (VIIa.Лк.5/5), графин (XII.Лк.1х/2), бронзовый стержень, три альчика, кости барана.

20. Д-X (табл. IV, 1—5, 8, 13, 14). Овальная камера, 1,8×1 м. Штольня заложена камнями. Погребение сохранилось: женщина 30—40 лет на правом боку, головой на СВ, лицом ко входу, на СЗ. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: в ногах — хумча (Ia.Лк.3/3), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/3); в головах — чаша (IIIa.Лк.5/5); за спиной — пряслице и спицы; на черепе — бронзовая серьга.

21. А-III. Могила разрушена. Детское погребение уничтожено. Находок нет.

22. А-III. Камера диаметром 2,3 м. Штольня заложена камнями. Погребение взрослого (мужчины) разрушено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Iг.Лк.3/3), горшочек с открытым носиком (II.Кс.3/3), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5), чайник (Va.Лк.5/5), кувшин (VIIa.Лк.5/5), горшочек (VIIIa.Лк.5/5) (табл. XXXIV, 3—7), черепковый бронзовый наконечник копья (табл. LXI, 12), обломок наконечника.

23. А-III. Камера диаметром 2,1 м. Штольня заложена камнями. Погребение взрослого (мужчины) и комплекс погребального инвентаря разрушены. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Кс.4/4), чаша (IIIa.Лк.1/2), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.4/4) и обломок того же, два горшочка (VIIIa.Лк.5◇/5 и VIIIa.Лк.5/5), ваза (IXa.Лк.2/2) (табл. XXXIV, 8—13).

24. Д-XI. Овальная камера, 2×1 м. Штольня заложена кирпичами. Погребение нарушено, сохранился скелет ниже поясницы: женщина 35—45 лет на левом боку, головой на З, лицом ко входу, на С. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5) (табл. XXXV, 1).

25. А-IV (табл. V, 1, 3, 7—13). Могила разрушена. Колодец заложен камнями. Погребение разрушено. По сочлененным костям ног можно восстановить, что женщина 25—35 лет лежала на левом боку, головой на З. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIb.Лк.3/3), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.4х/4), чайник (Va.Лк.5/5),

кувшин (VIIa.Лк.5/5), горшочек (VIIIa.Лк.5 ◇/5), бронзовая серьга-кольцо.

26. А-IV (табл. VII, 4—6, 10, 12, 13, 15—18). Овальная камера, 2.1×1.1 м. Штольня заложена камнями. Погребение разрушено, на месте — правая нога от колена со стопой: взрослая женщина на правом боку, головой на С, лицом ко входу, на 3, с грудным или неродившимся ребенком. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.2/3), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2х/1), кувшин (VIIб.Лк.3+/3), два горшочка (VIIIa.Лк.5/3 и VIIIa.Лк.5/5) — все сосуды в головах; пряслице, ковровый нож, три альчика, кости барана.

27. А-IV. Овальная камера, 2×1.7 м. Штольня заложена камнями. Погребение взрослого на левом боку разрушено, на месте — таз и левая нога. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: чаша (IIIa.Кс.2х/2) (табл. XXXV, 2).

28. А-II. Могила разрушена. Погребение женщины 40—50 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), сферический сосуд с двумя ручками (X.Лк.5/5) (табл. XXXV, 3, 4), два спиральных кольца для волос.

29. И-I. Могила разрушена. Погребение мужчины 40—50 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: обломок чаши (III?.Лк.?) и вазы (IXв.Кс.?).

30. И-I (табл. VI, 2—6, 8, 9). Овальная камера, 1.6×1.4 м. Штольня заложена камнями. Кости скелета отсутствуют — кенотаф. Комплекс погребального инвентаря сохранился; он расположен так, как будто погребенный лежал на левом боку лицом ко входу. Находки: хумча (Ia.Лк.3/3), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.2х/2), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2х/2), чайник (Va.Лк.1х/1), кувшин (VIIб.Лк.5/5), альчик.

31. И-III. Могила разрушена. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), чаша (IIIв.Лк.5/5), сосуд с трубчатым носиком (VIб.Лк.5/3), кувшин (VIIб.Лк.3/3) (табл. XXXV, 5—8).

32. И-IV (табл. VI, 1, 7, 10, 11). Овальная камера, 2×2.6 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение сохранилось: мужчина 50—60 лет на левом боку, головой на Ю, лицом на 3, ко входу. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки в головах: хумча (Ia.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5), горшочек (VIII.Лк.5 ◇/5), кости барана.

33. К-V. Могила разрушена. Погребение взрослого (женщины) уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: чаша (IIIб.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5), кувшин (VIIб.Кс.2х/2) (табл. XXXV, 9—11), пряслице (табл. LXII, 1), бронзовый стержень (табл. LXIV, 31), два спиральных кольца для волос (табл. LXIV, 1).

34—35. И-III. Могила разрушена. Ямы двух погребений, мужского и женского, слились; оба погребения уничтожены. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), ваза (IXa.Лк.2/2) (табл. XXXV, 12, 13), пряслице, бронзо-

вый стержень, два бронзовых спиральных кольца для волос (табл. LXIV, 2, 3), две каменные бусины.

36. Л-III. Могила разрушена. Погребение и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: чаша (IIIб.Лк.5/5), обломки горшочка.

37. А-VI (табл. V, 2, 4—6). Овальная камера, 1×0.55 м. Вход (колодец?) заложен камнями. Погребение нарушено: ребенок (мальчик) 1.5 лет на левом боку. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: хумча (Iг_д.Лк.5/5), чаша (IIIб_д.Лк.5х/5), горшочек (VIIа_д.Лк.2/2).

38. А-VI. Могила разрушена. Погребение и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: конический сосуд со сливом (IVа.Кс.3+/3), кувшин (VIIб.Лк.5/5), сероглиняная ваза на гофрированной ножке эпохи развитой бронзы (табл. XXXV, 14—16).

39. А-VI. Погребение скифского времени.

40. А-VI (табл. VII, 1—3, 7—9, 11, 14). Овальная камера, 1.65×1.1 м. Вход (колодец?) заложен камнями. Погребение сохранилось: ребенок 5—6 лет на левом боку, головой на С, спиной ко входу, руки перед лицом, ноги согнуты в коленях. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: в головах — чаша (IIIг_д.Кс.4/4), два горшочка (VIIа_д.Лк.5/5), сферический сосуд с двумя ручками (Х_д.Лк.5/5); в ногах — импортный кувшин (VIIг.Кс.6/3); два бронзовых колечка.

41. Л-III. Могила разрушена. Погребение уничтожено. Находок нет.

42. А-VI (табл. XIII, 1, 4—6). Овальная камера, 2.4×1.4 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение потревожено, на месте — весь скелет ниже пояса: взрослая женщина на левом боку, головой на С, лицом ко входу, на В. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: в ногах — хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5); в головах — чаша (IIIа.Лк.2/2); две каменные бусины, панцирь черепахи.

43. А-VI. Погребение античного времени.

44. А-V. Могила разрушена. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки (вся керамика в обломках): хумча (Iа.Лк.5/5), хумча-горшок (Iв.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIа.Кс.2+/2), два горшочка (VIIа.Лк.5/5), сосуд с трубчатым носиком (?) (табл. XXXVI, 1—8), бронзовое колечко.

45. Б-VII. Овальная камера, 1.9×1.4 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение сохранилось: взрослая женщина на правом боку, головой на В, лицом ко входу, на С; сосуды для воды в головах. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.3/3), чаша (IIIа.Кс.4/4), конический сосуд со сливом (IIIа.Кс.4/4), кувшин (VIIа.Кс.4/4), горшочек с носиком рас-трубом (VIг.Лк.4◇/4) (табл. XXXVI, 9—14), пряслице (табл. LXII, 2), девять различных бусин из стекла.

46. Б-VI. Могила разрушена. Погребение ребенка уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: сосуд с трубчатым носиком (VIв.Кс.2/2), горшочек (VIIIб_д.Лк.4+/4), сферический сосуд с двумя ручками (Х_д.Лк.2/2) (табл. XXXVI, 15—17).

47. Б-V. Овальная камера, 1.6×1.1 м. Штольня заложена камнями. Погребение разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен.

Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Кс.3/3) (табл. XXXVI, 18, 19), горшочек (VIIIб?.Лк.5◇/5).

48. А-V. Овальная камера, 1,9×1,1 м. Штольня заложена камнями. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2/2) (табл. XXXVII, 1, 2), бронзовое кольцо, каменная бусина.

49. А-V (табл. VIII, 1, 3—10, 15, 17—19, 21, 23, 24, 26, 27). Овальная камера, 1,8×1,2 м. Штольня заложена кирпичами. Погребение сохранилось: женщина на правом боку, головой на С, лицом на З, ко входу, руки перед лицом, ноги согнуты в коленях. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: в ногах — хумча (Ia.Лк.2/2), кувшинчик высотой 9 см (VIIa.Лк.5/5), кости барана; в головах — чаша (IIIa.Кс.2х/2), кувшин (VIIa.Лк.5/5), два горшочка (VIIIб.Лк.5◇/5 и VIIIб.Лк.5/5); пряслице, две иглы, шесть спиральных колец для волос, две серьги из двух колец, колечко, пластинчатая диадема, семь каменных бусин, пять альчиков.

50. А-V. Могила разрушена. Задела катакомбу 49. Погребение разрушено, на месте — правая нога от колена со стойкой: женщина на правом боку, головой на С, лицом ко входу, на З. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: две чаши (IIIб.Кс.2/2 и IIIд.Кс.4/4) (табл. XXXVII, 3, 4), два ковровых ножа (табл. LXIV, 33), фаянсовая обойма (табл. LXIII, 6).

51. Б-VI. Камера диаметром 1,8 м. Штольня заложена кирпичами. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: две хумчи (Ia.Лк.3/3 и Ib.Лк.5/5), кувшин (VIIa.Лк.5/5) (табл. XXXVII, 5—7).

52. Б-VII (табл. I, 4; II, 10—13). Овальная камера, 1,65×1,3 м. Штольня заложена камнями. Погребение сохранилось: женщина 15 (?) лет на левом боку, головой на ЮЗ, лицом ко входу, на СЗ; все сосуды в ногах. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: горшок импортный вместо хумчи (Ib.Кс.6/3), горшочек с открытым носиком (II.Лк.3/3), чаша (IIIб.Лк.5/5), горшочек (VIIIa.Лк.1х◇/2), кости барана, альчик.

53. К-IV (табл. VIII, 2, 11—14, 16, 20, 22, 25; XIX, 8—11). Могила разрушена. Колодец заложен кирпичами. Погребение мужчины 25—35 лет и комплекс погребального инвентаря разрушены. Находки: хумча (Iб.Кс.2/2), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Кс.2/2), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.2х/2), сосуд с трубчатым носиком (VIб.Лк.5/5), сосуд со сферическим туловом и двумя ручками (X.Лк.2/2), ваза на закрытом поддоне-резервуаре (XIIIб.Кс.2/2), стержень-пило, бронзовая бляшка, 21 бронзовая и две каменные бусины.

54. К-IV. Овальная камера, 1,9×1,1 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение нарушено, на месте — позвоночник, таз и берцовые кости: взрослый мужчина на левом боку, головой на З, лицом ко входу, на С; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), два горшочка с открытым носиком (II.Лк.5/5 и II.Лк.5◇/5) (табл. XXXVII, 8—10).

55. К-IV. Могила разрушена. Погребение взрослого и комплекс по-

гребального инвентаря уничтожены. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.1/1) (табл. XXXVII, 11).

56. К-IV. Могила разрушена. Погребение и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Ia.Лк.3/3), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.2х/2) (табл. XXXVIII, 1, 2), бронзовый стержень.

57. А-V (табл. IX, 1—5, 11—16). Овальная камера, 1,8×1 м. Колодец заложен камнями. Погребение нарушено: взрослая женщина на правом боку, головой на С, лицом ко входу, на З; сосуды для воды в головах. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.3/3), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5), кувшин (VIIa.Лк.5/5), горшочек (VIIIa.Лк.3◇/3), бутыл с внутренней трубкой (XIIIa.Кс.5/?), пряслице, две фаянсовые обоймы, каменная бусина, бронзовое колечко.

58. Б-VI. Могила разрушена. Погребение ребенка 7—8 лет и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: горшочек (VIIIa.Лк.5/5), вместо чаши нижняя часть кувшина (VIIб.Кс.2/2), две каменные бусины.

59. И-V. Могила разрушена. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого (мужчины) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), обломки каменного наверхия (табл. LXII, 21), бронзовая пластинка.

60. К-V. Штольня заложена камнями. Пустая могильная камера, 2,2×1,1 м.

61. Л-III. Погребение античного времени.

62. И-IV. То же.

63. В-VI. Овальная камера, 2×1,4 м. Штольня заложена камнями и кирпичами. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: нижняя часть импортного кувшина и какого-то сосуда, верх горшочка (табл. XXXVII, 12—14), бронзовое колечко.

64. А-IV. Овальная камера, 2,2×1,9 м. Колодец заложен камнями. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), чаша (IIIa.Кс.2/2), горшочек (VIIIa.Лк.5/5) (табл. XXXVIII, 3—5).

65. В-VII. Могила разрушена. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: чаша (IIIб.Кк.1х/1), кувшин (VIIa.Лк.5/5), обломок чайника (табл. XXXVIII, 6—8), обломок фаянсовой обоймы (табл. LXIII, 5).

66. Д-XI. Могила разрушена. Погребение взрослого (женщины) уничтожено. Находок нет.

67. Д-XI. Овальная камера, 1,8×1,5 м. Штольня заложена кирпичами. Погребение ребенка (?) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: чаша (IIIг.Кс.2х/2) (табл. XXXVIII, 9), пять альчиков.

68. Е-XIV. Могила разрушена. Погребение мужчины 20—25 лет уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIa.Лк.2/3), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2/2), чайник (Va.Лк.2х/2), кувшин (VIIa.Лк.3/3) (табл. XXXIX, 1—6).

69. Е-XIV (табл. I, 5; II, 14, 15). Овальная камера, 1,8×1,1 м. Колодец заложен камнями. Погребение сохранилось: женщина на левом боку,

головой на С, спиной ко входу; сосуды для воды в головах. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5).

70. Д-XV (табл. X, 4, 5, 11—15). Овальная камера, 1,8×1,2 м. Колодец заложен камнями. Погребение разрушено, на месте — ноги от таза до ступней: взрослая женщина на правом боку, головой на С, лицом ко входу, на З; все сосуды в ногах. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: чаша (IIIб.Лк.2/3), конический сосуд со сливом высотой 13 см (IVa.Лк.5/5), такой же высотой 8 см (IVa.Лк.5/5), кувшин (VIIa.Лк.5/5), горшочек (VIIIa.Лк.5/5), ваза (IXa.Кс.3/3), пряслице (табл. LXIII, 3), кости барана.

71. Е-XIV. Овальная камера, 1,4×1 м. Штольня заложена камнями. Погребение и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: кувшин (VIIa.Лк.5/5), обломок венчика чаши или вазы (табл. XXXVIII, 12, 13).

72. Е-XIV. Овальная камера, 1,5×1,2 м. Штольня заложена камнями. Погребение уничтожено. Находок нет.

73. Д-XV. Могила разрушена. Погребение возмужалого мужчины и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), чаша (фрагменты), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.2/2) (табл. XXXIX, 7, 8).

74. Д-IV. Могила разрушена. Колодец заложен кирпичами. Погребение мужчины (?) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.?), горшочек (VIIIв.Лк.5/5) (табл. XXXVIII, 14, 15), бронзовое колечко.

75. Д-XV (табл. XI, 1, 3—9, 12—15). Овальная камера, 1,7×1,4 м. Штольня заложена камнями. Погребение нарушено, на месте — кости скелета от поясницы до стоп: женщина 35—40 лет на правом боку, головой на ЮЗ, спиной ко входу; сосуды для воды в головах. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), две чаши (IIIa.Лк.1х/2 и IIIд.Кс.2/2), пряслице, бронзовые спицы, три ковровых ножа и стержень, раковина, пять альчи́ков.

76. Д-XV. Могила разрушена. Колодец заложен камнями. Погребение ребенка (девочки) 5—6 лет и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: чаша (III.Кс.6/?), горшочек (VIIIв.Лк.1◇/2) (табл. XXXVIII, 10, 11), бронзовые бляшка (табл. LXIV, 22) и колечко, альчик.

77. Е-XIV. Овальная камера, 1,8×1,3 м. Колодец заложен камнями. Погребение разрушено, на месте — ноги от таза до стоп: женщина 18—20 лет на правом боку, головой на В, лицом ко входу, на С. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: два горшочка с открытым носиком (II.Кс.2х/2 и II.Лк.5/5) (табл. XXXIX, 9, 10), фрагмент конического сосуда со сливом (IVa.Кс.2х/2), пряслице, бронзовое колечко (?), пять альчи́ков.

78. Е-XIV. Камера диаметром 1,8 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: альчик.

79. Е-ХІV. Овальная камера, 1,8×1,3 м. Погребение нарушено, на месте — кости ног: взрослый мужчина на правом боку, головой на В, лицом ко входу. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5) (табл. XXXVIII, 16), кувшин (VIIb?.Кс.3/3), три альчика.

80. Е-ХІІІ. Овальная камера, 1,7×1,2 м. Штольня заложена камнями. Погребение разрушено, на месте — кости стоп: женщина 25—30 лет на правом боку, головой на В, лицом на С. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: чаша (IIIб.Лк.2х/2), дно кувшина (табл. XXXIX, 11, 12), четыре альчика.

81. Е-ХІІІ. Могила разрушена. Погребение ребенка 7—8 лет и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: чаша (IIa.Лк.5/5), горшочек (VIIIб.Лс.5/3) (табл. XL, 1, 2).

82. Д-ХІІІ. Овальная камера, 2,2×1,4 м. Колодец заложен камнями. Погребение взрослого (мужчины) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Ia.Лк.3/3), обломки чаши (табл. XL, 3, 4), три каменные бусины, альчик.

83. Д-ХІІІ. Овальная камера, 2,5×1,9 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение мужчины уничтожено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Iб.Кс.2/2), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.2/2), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.2х/2), сосуд с трубчатым носиком (VIb.Кс.4/4), кувшин (VIb?.Кс.4/4), горшочек (VIIa.Лк.5/5) (табл. XL, 5—9), два альчика.

84. Д-ХІV (табл. XII, 6, 7, 11—14; XIII, 2, 3, 7). Овальная камера, 1,8×1,4 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение потревожено (череп отброшен за спину): подросток (мужчина) 12—14 лет на левом боку, головой на В, лицом ко входу, на С; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIa.Кс.2х/2), конический сосуд со сливом высотой 17,5 см (IVa.Лк.5х/5), горшочек (VIIIa.Лк.5◇/5), сферический сосуд с двумя ручками (X.Лк.5/5), каменное навершие, две каменные бусины, панцирь черепахи.

85. Д-ХІІІ. Овальная камера, 2,3×2 м. Колодец заложен камнями. Погребение мужчины 30—35 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.2х/2), конический сосуд со сливом (IVб.Лк.3/3) (табл. XL, 10, 11), черешковый наконечник стрелы (табл. LXI, 2), бронзовое шило с костяной ручкой (табл. LXIII, 7), два альчика.

86. Д-ХІІІ. Овальная камера, 2,1×1,6 м. Погребение подростка уничтожено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (III?.Лк.?), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.3/3), кувшин (VIIa.Лк.3/3) (табл. XL, 12, 13), альчик.

87. Д-ХІV (табл. XIV, 1, 9—14; XV, 1—10). Овальная камера, 2,8×1,8 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение сохранилось: мужчина 30—35 лет на левом боку, головой на З, лицом на С, ко входу; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: хумча (Ia.Кс.2/2), горшочек с открытым носиком (II.Кс.2/2), две чаши (IIIa.Кс.2х/2 и IIIб.Кк.3/3), конический сосуд со сливом

(IVa.Кс.1х/2), чайник (Vб.Кс.2х/2), два сосуда с трубчатым носиком (VIa.Лк.2х/2 и VIв.Кс.2/2), кувшин (VIIв.Кс.2х/2), горшочек (VIIIa.Лк.5/5), каменное навершие, бронзовые пластинчатый наруч и две трехбусинные серьги, пять каменных бусин.

88. Д-ХII. Могила разрушена. Погребение взрослого (мужчины) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Iр.Кс.2/2), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5), горшочек (VIIIa.Лк.5/5) (табл. XL, 14, 15).

89. Е-ХII (табл. XVI, 1—10). Овальная камера, 2,1×1,4 м. Колодец заложен камнями. Кости скелета отсутствуют, вещи лежат на месте — кенотаф потревожен. Сосуды и вещи расположены так, как будто погребенный лежал на левом боку, головой на З, лицом ко входу, на С; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), две чаши (IIIр.Кс.2/2 и IIIa.Лк.4/4), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.3/3), чайник (Vв.Кс.2/2), сосуд с трубчатым носиком (VIб.Лк.4х/4), бронзовые пластинчатая диадема и нож, каменная бусина, четыре альчика.

90. Е-ХII. Овальная камера, 1,4×1,1 м. Штольня заложена камнями. Погребение ребенка 4—5 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: чаша (IIIб.Лк.2х/2), горшочек (VIIIa.Лк.5◇/5) (табл. XLI, 1, 2).

91. Е-ХIII. Овальная камера, 1,9×1,4 м. Штольня заложена камнями. Погребение взрослого (мужчины) уничтожено. Находок нет.

92. Е-ХIII. Овальная камера, 1,2×1 м. Штольня заложена камнями. Погребение ребенка 2—2,5 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: чаша (IIIб.Лк.2/2), горшочек (VIIIa.Лк.5/5) (табл. XLI, 3, 4).

93. Е-ХIII. Овальная камера, 1,9×1,5 м. Штольня заложена кирпичами (?). Погребение женщины 30—35 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: три каменные бусины.

94. Е-ХIII. Овальная камера, 1,8×1,1 м. Штольня заложена кирпичами. Погребение женщины 30—35 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: обломок горшочка с открытым носиком (II.Кс.3/3).

95. Е-ХII. Овальная камера, 1,5×1,3 м. Штольня заложена камнями. Погребение разрушено, на месте — ноги от таза до стоп: взрослый мужчина на левом боку, головой на З, лицом на С, ко входу. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.2х/2), кувшин (VIIб.Кс.2/2).

96. Е-ХII. Овальная камера, 2×1,2 м. Штольня заложена камнями. Погребение ребенка 4—5 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: кувшин (VIIб.Кс.3+3/3), горшочек (VIIIa.Лк.4/4) (табл. XLI, 5).

97. Е-ХII (табл. IX, 6—10). Овальная камера, 1,9×1,5 м. Штольня заложена камнями. Погребение потревожено: женщина 25—30 лет на правом боку, головой на СВ, лицом ко входу, на СЗ; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча

(Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), пряслице, бронзовое кольцо-серга, панцирь черепахи, четыре альчика.

98. Е-ХII. Могила разрушена. Штольня заложена камнями и кирпичами. Погребение ребенка и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2/2), горшочек (VIII? Лк.5/3) (табл. XLI, 6, 7), бронзовое колечко.

99. Е-ХII. Камера диаметром 0.9 м. Штольня заложена камнями. Погребение шестимесячного ребенка (девочки) сохранилось: на правом боку, головой на В, лицом ко входу, на С. Погребального инвентаря нет.

100. Е-ХII (табл. XVII, 1—9). Овальная камера, 1.6×1.2 м. Штольня заложена кирпичами и камнями. Костей погребенного нет, инвентарь сохранился — кенотаф. Сосуды и вещи расположены так, как будто погребенный лежал на левом боку, головой на СВ, лицом ко входу. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIв.Лк.5х/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2х/2), чайник (Vб.Кс.2/2), кувшин (VIIa.Лк.5х/5), каменное навершие, бронзовый наконечник (нож), три альчика.

101. Д-ХI. Овальная камера, 1.8×1.1 м. Штольня заложена кирпичами (?). Погребение взрослого (мужчины) разрушено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), чаша (IIIд.Кс.2/2), сосуд с трубчатым носиком (VIв.Кс.2/2), кувшин (VIIб.Кс.2/2) (табл. XLI, 8—10), обломок венчика чайника, бронзовый плоский клинок ножа (табл. LXI, 6) и бляха (табл. LXIV, 34), два альчика.

102. Е-ХI. Овальная камера, 1.6×1.5 м. Штольня заложена камнями. Погребение взрослого (мужчины) разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: хумча (Iв.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.2х/2) (табл. XLI, 11, 12).

103. Е-ХII. Овальная камера, 1.8×1.3 м. Штольня заложена кирпичами (?). Погребение мальчика 8—9 лет на левом боку разрушено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Iв.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2/2), два кувшина (VII.Лк.5/5 и VIIa.Лк.1/1) (табл. XLI, 13—15), две бронзовые бляшки (табл. LXIV, 20, 21), каменная бусина.

104. Е-ХI. Овальная камера, 1.6×1.1 м. Штольня заложена камнями. Погребение женщины старческого возраста разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: пряслице.

105. Е-ХII (табл. X, 1—3, 6—10). Овальная камера, 2.1×1.2 м. Штольня заложена кирпичами. Погребение разрушено, на месте — кисти рук: женщина 25—30 лет на правом боку, лицом ко входу; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.2/2), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2/2), кувшин (VIIa.Лк.5/5), пряслице, бронзовое колечко, пять альчиков.

106. Е-ХII. Овальная камера, 2.1×1.5 м. Штольня заложена кирпичами. Погребение мужчины 25—30 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: конический сосуд со сливом (IVa.Лс.4х/4) (табл. XLI, 16).

107. В-XI. Могила разрушена. Колодец заложен камнями. Погребение зрелого мужчины разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек (VIIIa.Лк.5/5) (табл. XLII, 1, 2).

108. А-V (табл. XIV, 2—8; XV, 11—13). Овальная камера, 2,1×1,8 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение нарушено, на месте — таз и ноги: мужчина 50—60 лет на левом боку, головой на В, лицом на С, ко входу. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки все в ногах: две хумчи (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), каменное навершие, два черешковых наконечника стрел, два — дротиков.

109. А-VI. Могила разрушена. Погребение уничтожено. В одной яме оказались два погребения, инвентарь перепутан. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: хумча (Ia.Лк.3/3), горшочек с открытым носиком (II.Лк.3/3), чаша (IIIб.Лк.2/2), два конических сосуда со сливом (IVa.Лк.5/5 и IVa.Кс.4/4), чайник (Vb.Кс.2/2), кувшин (VIIa.Лк.5/5), горшочек (VIII?Лк.2/2), обломки неопределенного сосуда (табл. XLII, 3—10), обломок бронзовой пластинчатой диадемы (табл. LXIV, 15).

110. В-VI (табл. XVIII, 1, 7—9, 11; XIX, 3—5). Могила разрушена. Колодец заложен кирпичами. Погребение сохранилось, но череп откатился в сторону: женщина 45—60 лет на левом боку, головой на З, лицом ко входу, на С. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.1/2) — все сосуда в ногах; пряслице на бронзовом стержне (веретено), две пары спиц, бусина — все вещи перед лицом.

111. В-VI (табл. XX, 1—14). Овальная камера, 2,1×1,4 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение потревожено (череп отброшен, кости грудного пояса перемешаны): взрослый мужчина на левом боку, головой на З, лицом ко входу, на С. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.2/2), две чаши (IIIa.Кс.2х/2 и IIIa.Лк.1х/3), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.4/4), чайник (Va.Лк.2/2), сосуд с трубчатым носиком (VIб.Кс.2/2), кувшин (VIIб.Кс.3/3), горшочек (VIIIб.Лк.5◇/5), ваза (IXa.Лк.5х/5), бронзовое кольцо, обломок бронзовой диадемы, костяная ромбическая пуговица с отверстием, два альчика, кости барана.

112. А-VI (табл. XXI, 4, 5, 7, 10—12). Могила разрушена. Колодец заложен кирпичами. Погребение разрушено, на месте — часть таза и ноги: взрослая женщина на правом боку, головой на В, лицом на С, ко входу; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), чаша (IIIв.Лк.5/5), два горшочка (VIIIa.Лк.5/5), пряслице, керамический кружок, кости барана.

113. В-VII. Могила разрушена. Погребение ребенка 1,5—2 лет уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: чаша (IIIб.Лк.2х/3), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2х/2), горшочек (IIIa.Лк.5/5) (табл. XLI, 17—19), керамический, квадратный в сечении флакон с бронзовым стержнем (табл. LXIII, 8), три альчика.

114. Б-VII (табл. XXII, 5, 6; 12—14). Овальная камера, 2,4×1,4 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение потревожено (разбросаны кости груди и плеч): взрослая женщина на левом боку, головой на ЮЗ, лицом ко входу, на СЗ; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.2/2), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5х/5), пряслице, алычк.

115. Б-VII (табл. XXIII, 1—10; XXIV, 1—11). Овальная камера, 2,6×1,8 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение сохранилось: взрослый мужчина на левом боку, головой на З, лицом на С, ко входу; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Кс.2/2), чаша (IIIб.Лк.2/2), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2/2), чайник (Vб.Кс.2/2), сосуд с трубчатым носиком (VIв.Кс.2/2), кувшин (VIIб.Кс.2/2), горшочек (VIIIб.Лк.5/5), сферический сосуд с двумя ручками (X.Лк.5/5), ваза (IXa.Лк.2/2), поддон от какого-то сосуда, бронзовые черешковый наконечник стрелы, наконечник копья, короткий нож, диадема, наруч на левой руке, бляшка, каменное навершие, стеклянные пронизки, кости барана.

116. Б-VII (табл. XXV, 1—23). Овальная камера, 2,5×1,8 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение сохранилось: женщина 50—60 (?) лет на левом боку, головой на З, лицом ко входу, на С; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: хумча (Id.Кс.6/6), два конических сосуда со сливом (IVa.Кс.2х/2 и IVa.Лк.2/5), два горшочка (VIIa.Лк.1/5 и VIIa.Лк.5/5), пряслице, бронзовые два стержня, два коловых ножа и четыре спиральных кольца для волос, браслет на правой руке, два серебряных кольца, золотые кольцо и бусина, семь каменных бусин, кости барана. Над могилой найден импортный кувшин (VIIa.Кс.6/6).

117. Б-VII. Камера диаметром 1,45 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение разрушено, на месте — ноги: ребенок (мальчик) 4—5 лет на левом боку, головой на З, лицом ко входу, на С. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: чаша (IIIв.Лк.5/5), кувшин (VIIб.Кс.2х/2), сферический сосуд с двумя ручками (X.Лк.2/2) (табл. XLII, 11—13), две каменные бусины, 14 алычков.

118. Б-VII. Могила разрушена. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: обломки горшочка с открытым носиком (II.Лк.5/5), каменная бусина.

119. Б-VIII. Овальная камера, 2,5×1,8 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого (мужчины) уничтожено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.4/4), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2/2), кувшин (VIIб.Кс.2/2), ваза (IXa.Лк.4/4) (табл. XLIII, 1—4), дно какого-то сосуда (чаши?), каменные навершия — белое (табл. LXII, 20) и черное (табл. LXII, 19), черешковый бронзовый наконечник копья (табл. LXI, 13).

120. Б-VI. Могила разрушена (уничтожена мог. 52). Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.4/4), серогли-

няные чашечка раструбом и конический сосудик эпохи развитой бронзы (табл. XLIII, 6—8), альчик.

121. В-VI. Могила разрушена. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: чаша (IIIб.Лк.1х/2) (табл. XLIII, 9), обломки бронзовой пластинчатой диадемы.

122. В-VII. Овальная камера, 2,5×1,7 м. Колодец заложен камнями. Погребение взрослого уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: конический сосуд со сливом (IVа.Кс.1/4), два горшочка (VIIа.Лк.5/5 и VIIб.Лк.5/5), ваза (IXб.Лк.2х/5), бронзовая бусина и две каменные, четыре альчика, обломки бронзовой диадемы (?).

123. В-VII. Овальная камера, 1,6×1,1 м. Штольня заложена камнями. Погребение ребенка 1,5—2,5 лет и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: обломки дна горшочка.

124. Г-X. Овальная камера, 2,2×1,3 м. Колодец (?) заложен камнями. Погребение взрослого разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: обломки чаши в выбросе, нос от чайника из мог. 130, два бронзовых колечка (табл. LXIV, 8, 9), стеклянная бусина, два альчика, панцирь черепахи.

125. Г-X (табл. XXVI, 1—12, 14, 15, 17, 18, 21, 22, 25, 26). Овальная камера, 1,7×1,3 м. Колодец (?) заложен кирпичами. Погребение сохранилось, но кости груди и поясницы перемешаны: взрослая женщина на правом боку, головой на В, лицом ко входу, на С. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIа.Кс.3/3), кувшин (VIIб.Кс.3/3), пряслице, пара бронзовых спиц, две бронзовые иглы и пять спиральных колец для волос, два серебряных кольца, две каменные бусины, два альчика, панцирь черепахи.

126. Г-XI. Овальная камера, 2,4×1,7 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: конический сосуд со сливом (IVа.Кс.4/4), чайник (Vг.Лк.2◇/2), сосуд с трубчатым носиком (VIб.Лк.2х/2), кувшин (VIIб.Кс.2/4) (табл. XLIII, 10—13), два альчика.

127. Г-XI. Овальная камера, 1,7×1,2 м. Погребение ребенка и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: сферический сосуд с двумя ручками (X.Лк.5/5).

128. Г-X. Овальная камера, 1,4×0,9 м. Штольня (?) заложена кирпичами. Погребение ребенка и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: горшочек (VIIа.Лк.5/5), сферический сосуд с двумя ручками (X.Лк.5/5) (табл. XLIV, 1, 2).

129. Г-X. Овальная камера, 2,6×1,8 м. Штольня заложена камнями. Погребение взрослого (женщины) разрушено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIа.Кс.3х/3), чайник (Va.Кс.3/3) (табл. XLIV, 3—6), два пряслица (табл. LXII, 11, 12), обломок бронзовой пластины, золотое колечко, две бронзовые бусины, два панциря черепахи, три альчика.

130. Г-X (табл. XII, 1—5, 8—10; XIII, 8, 9). Овальная камера, 2,3×1,4 м. Штольня заложена камнями. Погребение разрушено: женщина 30—35 (?) лет на правом боку, лицом ко входу. Комплекс погребаль-

ного инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5), чайник (Vb.Кс.2х/2), кувшин (VIIб.Лк.5/5), горшочек (VIIв.Кс.2/2), пряслице, пара бронзовых спиц, обломок бронзовой бляшки, каменная бусина, два альчика.

131. Г-Х (табл. XXII, 1—4, 7—11). Овальная камера, 2×1.4 м. Погребение нарушено, на месте — тазовые кости и ноги: женщина около 30 лет на правом боку, головой на СВ, лицом ко входу, на СЗ; все сосуды в головах. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.4х/4), горшочек (VIIIa.Лк.5/5), ваза (IXa.Лк.1/3), пряслице, фаянсовый штамп, каменная бусина, панцирь черепахи, альчик.

132. Д-Х. Овальная камера, 1.7×1.3 м. Погребение женщины разрушено полностью. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2х/2), горшочек (VIIIa.Лк.5/5) (табл. XLIV, 7—9), пряслице, каменная бусина, бронзовая бусина, два альчика.

133. Д-Х. Овальная камера, 1.8×1.2 м. Штольня заложена камнями. Погребение мужчины 20—30 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лс.2х/2), чаша (IIIa.Кс.2/2) (табл. XLIV, 10, 11), бронзовый кинжал (табл. LXI, 15).

134. Д-ХII. Могила разрушена. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: обломки чайника (Vб.Лс.3/3) (табл. XLIV, 12).

135. Д-ХII. Овальная камера, 2.4×1.7 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого (мужчины?) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: фрагмент сосуда с трубчатым носиком раструбом (VIг.Лк.5/5), фрагмент горшочка (VIII?Лк.5◇/5) (табл. XLIV, 13, 14), золотое кольцо (табл. LXIV, 17), каменная бусина, альчик.

136. Д-ХI. Овальная камера, 3.1×2.2 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5) (табл. XLIV, 15), чаша (IIIa.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.2х/2).

137. Г-ХI. Овальная камера, 2.2×1.3 м. Колодец заложен камнями. Погребение взрослого (женщины) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Ia.Лк.?), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.+), пряслице, обломки бронзовой орнаментированной пластины, два альчика, панцирь черепахи.

138. Г-ХI. Погребальный комплекс уничтожен. Находок нет.

139. В-ХI. Могила разрушена. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого (мужчины?) уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Кс.2/2), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.2/2), сосуд с трубчатым носиком (VIд.Кс.2/2), ваза (IXa.Лк.2/2), обломки бронзовой пластинки, пастовая бусина.

140. В-ХІ (табл. XVIII, 3—6, 10, 12—15; XIX, 1, 2). Овальная камера, 2,1×1,4 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение нарушено, на месте — части позвоночника, таз и ноги: женщина 35—45 лет на правом боку, головой на В, лицом на С, ко входу; посуда для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVа.Лк.1/2), нижняя половина кувшина (VIIб.Кс.4/4), которая использовалась как чаша, три бронзовых спиральных кольца для волос, две пары спиц и флакон.

141. В-ХІ. Овальная камера, 2,3×1,5 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого (женщины) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVа.Кс.4/4) (табл. XLV, 1, 2), серебряное колечко, 46 пастовых бусин, алычк.

142. Г-ХІ. Овальная камера 2,1×1,3 м. Колодец заложен камнями. Погребение ребенка 5—6 лет разрушено, на месте — ноги: ребенок (мальчик) на левом боку, головой на В, лицом ко входу, на С. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: чаша (IIIб.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVа.Лк.5/5), горшочек (VIIIа.Лк.5/5) (табл. XLIV, 16—18), каменная бусина, два алычка.

143. В-Х. Овальная камера, 2,6×1,8 м. Колодец заложен камнями. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (I.Кк.3/3), чаша (IIIб.Кс.2/2), кубок (XI.Кс.2/2) (табл. XLV, 3, 4), пять каменных бусин, два алычка.

144. Г-ХІ (табл. XXVII, 1—15). Овальная камера, 2,5×1,4 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение потревожено, на месте — таз и ноги: женщина 30—35 лет на правом боку, головой на В, лицом ко входу, на С; сосуды для воды в ногах. Перед ней скелет грудного ребенка на левом боку, головой на В, спиной ко входу. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: хумча (Iе.Кс.3/3), горшочек с открытым носиком (II.Кс.2/2), две чаши (IIIа.Кс.4х/4 и IIIб.Лк.5/5), два конических сосуда со сливом (IVа.Кс.2/2 и IVб.Кс.2/4), кувшин (VIIб.Кс.3/3), горшочек (VIIIа.Лк.5/5), два пряслица, бронзовые спиральное кольцо для волос и два браслета, 14 бронзовых и 13 каменных бусин, пять алычков.

145. Е-ХV. Могила разрушена. Погребение взрослого (мужчины) уничтожено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVа.Лк.5/5), чайник (Vб.Лк.5/5) (табл. XLV, 5—8), черешковый бронзовый наконечник стрелы (табл. LXI, 4), обломки свинцовых пластин, два алычка.

146. Е-ХV (табл. XXVIII, 1—7, 16—20). Овальная камера, 1,5×1 м. Штольня заложена камнями. Погребение сохранилось: женщина 55—65 лет на правом боку, головой на СВ, лицом на СЗ, ко входу. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки в головах — хумча (Iа.Лк.5/5); в ногах — горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIв.Лк.3/3), кувшин (VIIа.Лк.5/5), горшочек (VIIIа.Лк.3◇/3); бронзовые пара спиц и четыре колечка-серьги.

147. Е-ХV (табл. XXI, 1—3, 6, 8, 9). Овальная камера, 1,6×0,9 м. Штольня заложена камнями. Погребение сохранилось: женщина 30—

35 лет на правом боку, головой на СВ, лицом ко входу, на СЗ; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.5/5), два бронзовых колечка-серьги.

148. Е-XV. Овальная камера, 2×1.3 м. Штольня заложена кирпичами и камнями. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2/2) (табл. XLV, 9), каменная бусина, альчики.

149. Е-XV. Могила разрушена. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5) (табл. XLI, 10), две бронзовые бусины.

150. Д-XIV. Овальная камера, 1.7×1.2 м. Штольня заложена камнями. Погребение женщины 20—23 лет уничтожено, ребенка 2—3 лет — нарушено. Детский скелет на левом боку, лицом ко входу. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: донная часть импортной хумчи (Ie.Кс.6/3), альчик.

151. Е-XIV. Овальная камера, 2.1×1.5 м. Штольня заложена камнями. Погребение взрослого (женщины) и ребенка 2 лет уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: два горшочка с открытым носиком (II.Кс.2/2 и II.Лк.5/5), еще один такой же горшочек снаружи — у камней заклада входа (II.Лк.5/5), чаша (IIIa.Лк.2/4), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5), чайник (Vb.Кс.2/2), кувшин (VIIб.Кс.2/2) (табл. XLV, 11—16), обломки бронзовых пластинок, пять альчиков.

152. Е-XV (табл. XXVIII, 8—15). Овальная камера, 2.1×1.4 м. Штольня не сохранилась. Погребение нарушено, на месте — череп и таз с ногами: женщина 45—50 лет на правом боку, головой на В, лицом ко входу, на С; все сосуды в головах. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.3/3), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.2/2), горшочек (VIIб.Лк.5/5), бронзовые спиральное кольцо для волос и бусины, панцирь черепахи, альчик, кости барабана.

153. Е-XV. Могила разрушена. Погребение мужчины (?) 20—23 лет и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: два альчика.

154. Д-XI. Овальная камера, 2.3×1.4 м. Колодец (?) заложен кирпичами. Погребение мужчины 40—45 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: белое каменное навершие (табл. LXII, 15), два бронзовых стержня со шляпками (табл. LXIV, 24, 25).

155. Д-XI (табл. XXIX, 1, 3—5, 8—11). Прямоугольная камера, 1.5×0.9 м. Штольня заложена кирпичами. Погребение разрушено, на месте — таз и кости ног. Мужчина (?) 30—40 лет на правом боку, головой на В, лицом ко входу, на С. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.2х/2), чайник (Vb.Кс.2/2), два сосуда с трубчатыми носиками (VIб.Лк.5/5), кувшин (VIIб.Лс.2/2), ваза (IXa.Кс.2/2).

156. В-IX. Могила разрушена. Колодец заложен кирпичами. Погребение ребенка 1.5—2 лет и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: горшочек (VIIIa.Лк.5/5) (табл. XLVI, 1), два альчика.

157. В-VIII. Овальная камера, $1,8 \times 1,2$ м. Колодец заложен кирпичами. Погребение женщины 35—40 лет и ребенка 5 лет, а также комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: чаша (IIIб.Лк.2/2) (табл. XLVI, 2).

158. В-VIII. Овальная камера, $2,4 \times 1,6$ м. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого (мужчины) уничтожено (лежал на левом боку лицом ко входу); сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), сосуд с трубчатым носиком (VIд.Кс.2/2) (табл. XLVI, 3—5), бронзовые втульчатый наконечник стрелы (табл. LXIV, 1) и две бляхи (табл. LXIV, 35, 36).

159. В-VIII. Могила разрушена. Штольня заложена камнями. Погребение взрослого (женщины) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: конический сосуд со сливом (IVа.Лк.5/5), две иглы (табл. LXIV, 26, 27), спиральное кольцо для волос (табл. LXIV, 4).

160. В-VIII. Могила разрушена. Погребение ребенка и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: два сферических сосуда с двумя ручками (X.Кс.2/2 и X.Лк.5/5) (табл. XLVI, 6, 7).

161. В-VIII (табл. XXVI, 13, 16, 19, 20, 23, 24). Овальная камера, $1,2 \times 0,7$ м. Штольня заложена камнями. Погребение сохранилось. Ребенок (девочка) 2,5—3 лет на правом боку, головой на В, лицом на С, ко входу; все сосуды в головах. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: конический сосуд со сливом (IVа.Лк.3/3), кувшин (VIIа.Лк.5/5), нижняя часть которого использовалась вместо чаши, горшочек (VIIIб.Лк.5/5), сферический сосуд с двумя ручками (X.Лк.5/5), бронзовое колечко.

162. В-VIII (табл. XI, 2, 10, 11). Овальная камера, $0,7 \times 0,6$ м. Штольня заложена камнями. Погребение ребенка 1,5—2 лет потревожено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: сосуд с трубчатым носиком (VIб.Лк.4/4), сферический сосуд с двумя ручками (X.Лк.2/2).

163. В-VI. Овальная камера, $2,6 \times 1,6$ м. Штольня заложена кирпичами. Погребение мужчины 30—40 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5) (табл. XLVI, 8), чаша (III?Кс.2х/2), бусина.

164. В-VIII. Могила разрушена. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: чаша (IIIа.Лк.5/5), чайник (Va.Лк.5/5), еще один чайник над могилой (IVа.Кс.2/2) (табл. XLVI, 9, 10), бронзовое спиральное кольцо для волос.

165. Г-VIII. Овальная камера, $0,9 \times 0,5$ м. Штольня заложена камнями. Погребение ребенка 2—2,5 лет сохранилось. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: 79 пастовых бусин, альчик, керамики нет.

166. Г-IX (табл. XXIX, 2, 6, 7). Овальная камера, $1,4 \times 0,9$ м. Штольня заложена камнями и кирпичами. Погребение ребенка 5—6 лет разрушено, на месте — таз и ноги: девочка (?) на правом боку, головой на В, лицом на С, ко входу. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: чаша (IIв.Лк.5/5), горшочек (VIIIб.Лк.3/3), две каменные бусины, три альчика.

167. Г-VIII. Овальная камера, $2,2 \times 1,7$ м. Штольня заложена камнями. Погребение женщины 25—30 лет и младенца, а также комплекс погребального инвентаря разрушены. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Кс.3/3), три горшочка (VIIIб.Лк.5 $\diamond$ 5, VIIв.Лк.3 $\diamond$ 3 и VIIIв?Лк.2/2), сферический сосуд с двумя ручками (Х.Лк.5/5) (табл. XLVI, 11—14), пряслице, бронзовый стержень, глиняный флакон (табл. LXIII, 9), панцирь черепахи, пять альчигов.

168. В-VIII. Овальная камера, $1,7 \times 1,3$ м. Штольня заложена кирпичами. Погребение подростка 13—15 лет разрушено, на месте — руки от локтей до кистей: мальчик на левом боку, лицом ко входу. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5) (табл. XLVI, 15), конический сосуд со сливом (IVа.Лк.5/5), бронзовый наруч на левой руке (табл. LXIII, 11), четыре альчика.

169. Г-X. Овальная камера, $0,8 \times 0,5$ м. Колодец заложен кирпичами. Погребение ребенка 1—1,5 лет сохранилось. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: два бронзовых колечка, каменная бусина, глиняный флакон (табл. LXIII, 10), керамики нет.

170. В-VIII (табл. XXX, 1—10). Овальная камера, $2,6 \times 1,4$ м. Колодец заложен кирпичами. Погребение потревожено, на месте — позвоночник, таз и ноги: женщина 20—25 лет на правом боку, головой на В, лицом на С, ко входу; все сосуды в головах. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), хумча-горшок (Iв.Кс.2/2), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIа.Кс.2/2), конический сосуд со сливом (IVа.Лк.1х/4), два пряслица, пять бронзовых и четыре каменные бусины, два панциря черепахи, три альчика.

171. В-IX. Овальная камера, 2×1 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого (женщины) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: чаша (IIIа.Кс.3+3), конический сосуд со сливом (IVа.Лк.5/5), два кувшина (VIIб.Кс.3/3 и VIIв.Лс.2/2), сферический сосуд с двумя ручками (Х.Лк.1/2) (табл. XLVII, 1—5), пряслице, две каменные бусины.

172. А-II. Овальная камера, $2 \times 1,5$ м. Колодец (?) заложен камнями. Погребение разрушено, на месте — таз и ноги: женщина 30—35 лет на правом боку, головой на З, лицом ко входу, на Ю; хумча в ногах. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVа.Лс.4/4) (табл. XLVI, 16, 17).

173. А-II (табл. XVIII, 2; XIX, 6, 7). Овальная камера, $0,5 \times 1$ м. Штольня заложена кирпичами. Погребение сохранилось: ребенок (мальчик) 2—3 лет на левом боку, головой на ЮЗ, ногами к закладу. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: кувшин (VII.Кс.3+3), горшочек (VIIIа.Лк.5/5).

174. М-III. Овальная камера, $1,4—1,6$ м. Штольня заложена камнями и кирпичами. Погребение взрослого (женщины) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: чаша (IIIб.Лк.2/2), конический сосуд со сливом (IVа.Кс.2/2), горшочек (VIII?Лк.4/4), два пряслица.

175. М-III. Овальная камера, $2,2 \times 1,4$ м. Штольня заложена камнями. Погребение взрослого (женщины?) и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком

(II.Лк.5/5), две чаши (IIIб.Лк.1/1 и IIIб.Кс.2/2), чайник (Va.Лк.5/5) (табл. XLVII, 6—8).

176. Л-III. Овальная камера, 2×1.5 м. Штольня заложена камнями. Погребение (мужчины) 21—23 лет разрушено. Комплекс погребального инвентаря потревожен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.2х/5), горшочек (VIIa.Лк.5/5) (табл. XLVII, 9—11), каменное навершие (табл. LXII, 18), бронзовое спиральное кольцо для волос, ромбическая костяная пластинка с отверстием (табл. LXIII, 4).

177. Л-III. Овальная камера, 1.6×1.3 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение подростка 11—13 лет и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Ia.Лк.3/3), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5) (табл. XLVIII, 1—3), бронзовое колечко, альчик.

178. Л-III. Овальная камера, 2.3×1.6 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение разрушено, на месте — левая рука, таз: женщина 30—35 лет на левом боку, головой на ЮЗ, лицом ко входу, на СЗ. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Кс.2х/2), конический сосуд со сливом (IVб.Кс.3/3), чайник (Vг.Лк.5/5), кувшин (VIIб.Кс.2/2), горшочек (VIIIв.Лк.5/5) (табл. XLVIII, 4—9), бронзовые нож (табл. LXI, 14), браслет (табл. LXIII, 12) и бусина, четыре каменные бусины, панцирь черепахи, четыре альчика.

179. К-IV. Могила разрушена. Погребение женщины 30—35(?) лет и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Iв.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.3/3), чаша (III?.Лк.5/5) (табл. XLVIII, 10—12), три альчика.

180. К-IV. Овальная камера, 2.9×1.6 м. Колодец заложен кирпичами. Погребение мужчины 25—30 лет уничтожено. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: хумча (Iб.Кс.2/2), горшочек с открытым носиком (II.Кс.2/2), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.2/2), чайник (Vг.Лк.5х/5), кувшин (VIIб.Кс.2/2) (табл. XLIX, 1—4), бронзовые два наконечника стрел (табл. LXI, 7, 9) и нож (табл. LXI, 14).

181. К-III/IV. Погребение женщины античного времени.

МОГИЛЬНИК СУМБАР II

1. Погребение женщины античного (?) времени.

2. Овальная камера, 1.6×1.15 м. Штольня заложена камнями. Погребение уцелело: подросток (мужчина) на левом боку, головой на З, лицом на С, ко входу. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.3/3), чаша (IIIб.Лк.5/5), кувшин (VIIa.Кс.2/2), бронзовое колечко-серьга (табл. L, 3; LI, 1—4).

3. Овальная камера, 1.75×1.5 м. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Iд.Кс.2/2), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5) (табл. XLIX, 5, 6), две бронзовые и три каменные бусины.

4. Овальная камера, 1.7×1.4 м. Колодец заложен камнями. Погребение сохранилось: взрослая женщина на правом боку, головой на В,

лицом ко входу, на С; все сосуды в головах. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: хумча (Iв.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.2/2), конический сосуд со сливом (IVа.Лк.2х/2), пряслице, пара бронзовых игл, три спиральных кольца для волос, три бронзовых колечка, три фаянсовые бляшки, панцирь черепахи, пять альчи́ков (табл. L, 2, 12—23; LI, 5—8).

5. Могила и погребение разрушены, на месте — ноги: взрослый на левом боку, лицом ко входу. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: обломок чаши.

6. Овальная камера, 1,6×1,4 м. Колодец заложен камнями. Погребение сохранилось: зрелая женщина на правом боку, головой на В, лицом ко входу, на С; сосуды для воды в головах. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.2/2), конический сосуд со сливом (IVа.Кк.5/5), чайник (Vб.Кс.2/2), горшочек (VIIа.Лк.5/5), пряслице, две бронзовые булавки и одна бляшка, две фаянсовые пронизки, 10 бусин, панцирь черепахи, пять альчи́ков (табл. L, 1, 4—11; LI, 9—14).

7. Могила разрушена. Колодец заложен камнями. Погребение ребенка уничтожено поздней могилой. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: горшочек (VIIIр.Лк.5/5), сферический сосуд с двумя ручками (X.Лк.3/3), несколько бусин.

МОГИЛЬНИК ПАРХАЙ I

1. Могила разрушена. Колодец заложен камнями. Погребение ребенка уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: сосуд с трубчатым носиком (VIб.Лк.5/5), кувшин, нижняя часть которого использовалась вместо чаши (VIIа.Лк.5/5), горшок (VIIв.Лк.2/2) (табл. LVIII, 1—3).

2. Могила разрушена. Колодец заложен камнями. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: чаша (IIIа.Кс.2/2), конический сосуд со сливом (IVа.Кс.2х/2), чайник (Vв.Кс.2/2) (табл. LVIII, 4, 5).

3. Могила разрушена. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: хумча (Iа.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVа.Лк.3/3), горшочек с одной ручкой (VIIIа.Лк.5◇/5) (табл. LIX, 1, 2), костяная ромбическая пластинка с отверстием (табл. LXIII, 3).

4. Могила позднего времени.

5. Могила разрушена. Погребение сохранилось: ребенок (девочка) 5—7 лет на правом боку, головой на С, лицом на З. Находок нет.

6. Круглая камера диаметром 2,1 м. Погребение разрушено, на месте — таз и ноги: взрослый мужчина на левом боку, головой на Ю, лицом на З. Комплекс погребального инвентаря нарушен. Находки: две хумчи (Iа.Лк.5/3 и Iа.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Кс.2х/2), два конических сосуда со сливом (IVа.Лк.5/5 и IVа.Кс.2/2), чайник (Vб.Кс.2/2), кувшин (VIIа.Кс.3/3) (табл. LVIII, 6—12), бронзовые черешковый наконечник дротика (табл. LXI, 11), плоский наконечник — нож (табл. LXI, 10), бусина, обломок круглой бляхи, каменное навершие (табл. LXII, 16), альчик.

7. Овальная камера, $2,25 \times 1,25$ м. Колодец заложен кирпичами. Погребение взрослой женщины уничтожено. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIa.Кс.2/2), чайник (Va.Лк.2/2), кувшин (VIIa.Лк.5/5), горшочек (VIIIa.Лк.5/5) (табл. LIX, 3—8), пряслице, трехбусинная бронзовая серьга (табл. LXIV, 32), два бронзовых колечка, каменная бусина, два альчика.

8. Могила позднего времени.

9. То же.

10. Могила разрушена. Погребение взрослого и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: горшочек (VIIIa?Кс.4x/4), чаша (III?Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5), кувшин (VII?Лс.3/3) (табл. LIX, 9—12).

11. Овальная камера, $2,3 \times 1,25$ м. Штольня заложена кирпичами. Погребение сохранилось: женщина 15—18 лет на правом боку, головой на ССВ, лицом ко входу, на ЗСЗ; все сосуды в головах. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIa.Кс.2/2), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5), чайник (Va.Кс.2x/2), кувшин (VIIa.Лк.5/5), горшочек (VIIIa.Лк.5/5), пряслице, бронзовые стержень, три ковровых ножа, три бляхи, семь спиральных колец для волос, два кольца-серьги, 26 бусин, фаянсовые обойма, штамп, 60 пастовых бусин, четыре альчика, кости барана (табл. LII, 1—18, LIV, 1—7).

12. Могила позднего времени.

13. Овальная камера, $1,95 \times 1,35$ м. Колодец заложен камнями и кирпичами. Погребение сохранилось: женщина 50—55 лет на правом боку, головой на ССЗ, лицом ко входу, на ЗЮЗ; все сосуды в головах. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIb.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5x/5), пряслице, две пары бронзовых спиц и две трехбусинные серьги, панцирь черепахи, пять альчиков (табл. LV, 1, 3—6; LVI, 1—4).

14. Овальная камера, $2,05 \times 1,25$ м. Колодец (?) заложен кирпичами. Погребение сохранилось, но средняя часть скелета потревожена норой: женщина 40 лет на правом боку, головой на С, лицом ко входу, на З; сосуды для воды в ногах. Перед грудью и животом лежит скелет семи-месячного младенца на спине. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIb.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.3+x/3), чайник (Va.Лк.5/5), кувшин (VIIa.Лк.5/5), бронзовые два ножа, три спиральных кольца для волос, две булавки с навершиями, браслет, 40 бусин, две бляхи, костяная поделка с насечками (табл. LIII, 1—11; LIV, 8—13).

15. Могила разрушена. Колодец заложен камнями. Погребение уничтожено мог. 20. Комплекс погребального инвентаря разрушен. Находки: два кувшина (VIIa.Лк.5/5 и VIIa.Лк.5/5), горшочек (VIIIa.Лк.5/5) (табл. LX, 1—3), лазуритовая пронизка.

16. Могила позднего времени.

17. Овальная камера, $1,5 \times 0,8$ м. Колодец (?) заложен кирпичами.

Погребение (кенотаф) сохранилось. Комплекс погребального инвентаря уцелел. Он расположен так, как будто погребенный (мужчина) лежал на левом боку, головой вправо от входа; сосуды для воды в головах. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.5х/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5), чайник (Vб.Лк.5/5), два кувшина (VIIa.Лк.5/5 и VIIa.Лк.5/5), бронзовые треугольный и овальный наконечники, колечко, три альчика (табл. LV, 2, 7—9, 11—15; LVI, 5, 6).

18. Могила позднего времени.

19. Овальная камера, 2×1.5 м. Колодец (?) заложен кирпичами. Погребение (кенотаф) нарушено. Комплекс погребального инвентаря нарушен; он расположен так, как будто погребенный (мужчина) лежал на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от него; сосуды для воды в ногах. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Кс.2/2), чаша (IIIб.Кс.2/2), два конических сосуда со сливом (IVa.Лк.5/5 и IVa.Кс.4х/4), кувшин (VIIб.Кс.2/2) (табл. LX, 4—9), бронзовые черешковый наконечник стрелы (табл. LXI, 3), наконечник дротика (табл. LXI, 5) и колечко, две каменные бусины, три альчика.

20. Могила позднего времени.

21. Овальная камера, 1.25×0.85 м. Штольня заложена кирпичами. Погребение уничтожено. Находок нет.

22. Овальная камера, 1.6×1.05 м. Штольня заложена кирпичами. Погребение и комплекс погребального инвентаря уничтожены. Находки: конический сосуд со сливом (IVa.Лк.5/5), чайник (Vб.Лк.2/2), кувшин (VIIa.Лк.5/5).

23. Могила позднего времени.

24. Овальная камера, 1.85×1.25 м. Колодец (?) заложен кирпичами. Погребение (кенотаф?) нарушено. Комплекс погребального инвентаря сохранился; он расположен так, как будто погребенный (мужчина) лежал на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от него; сосуды для воды в головах. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Кс.2/2), чаша (IIIa.Кс.2х/2), конический сосуд со сливом (IVa.Кс.5х/5), чайник (Vб.Лк.5/5), два кувшина, закрытых черепками (VIIa.Лк.5/5 и VIIa.Лк.3+3), сферический сосуд с двумя ручками (X.Кс.3/3), каменные пест и терочник, два альчика (табл. LIII, 12—14; LVI, 7—14).

25. Овальная камера, 1.85×1.25 м. Штольня заложена кирпичами. Погребение прорезано норой: мужчина 20—25 лет на левом боку, головой на ЮЮЗ, лицом ко входу, на ЗСЗ; все сосуды в головах. Комплекс погребального инвентаря сохранился. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5), чаша (IIIб.Лк.5/5), конический сосуд со сливом (IVa.Лк.3+х/5), бронзовые наконечник дротика, три кольца, восемь каменных бусин, две пронизки, три альчика (табл. LVII, 1—11).

26. Могила позднего времени.

27. Могила разрушена. Погребение разрушено, на месте — обе ноги: взрослый на правом боку; сосуды для воды в ногах. Комплекс погребального инвентаря уничтожен. Находки: хумча (Ia.Лк.5/5), горшочек с открытым носиком (II.Лк.5/5) (табл. LX, 10—12).

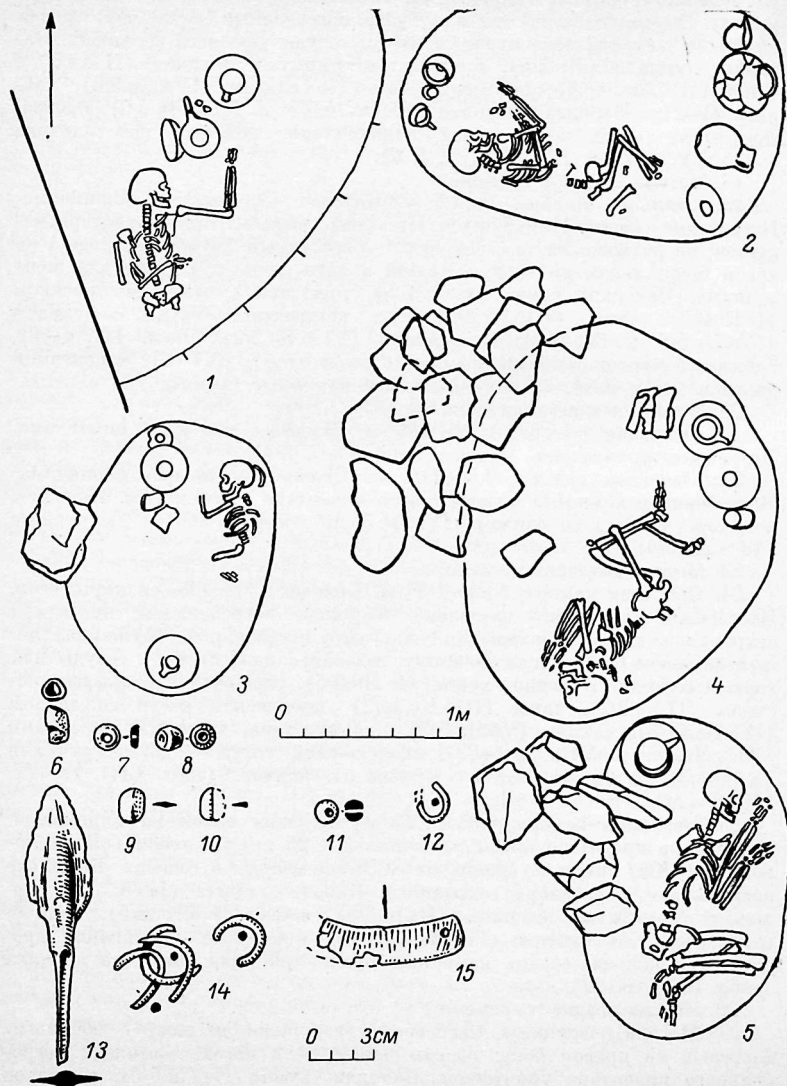

Табл. I. Могильник Сумбар I.

1, 6—11 — мог. 11; 2, 12—14 — мог. 14; 3, 15 — мог. 12; 4 — мог. 52; 5 — мог. 69.

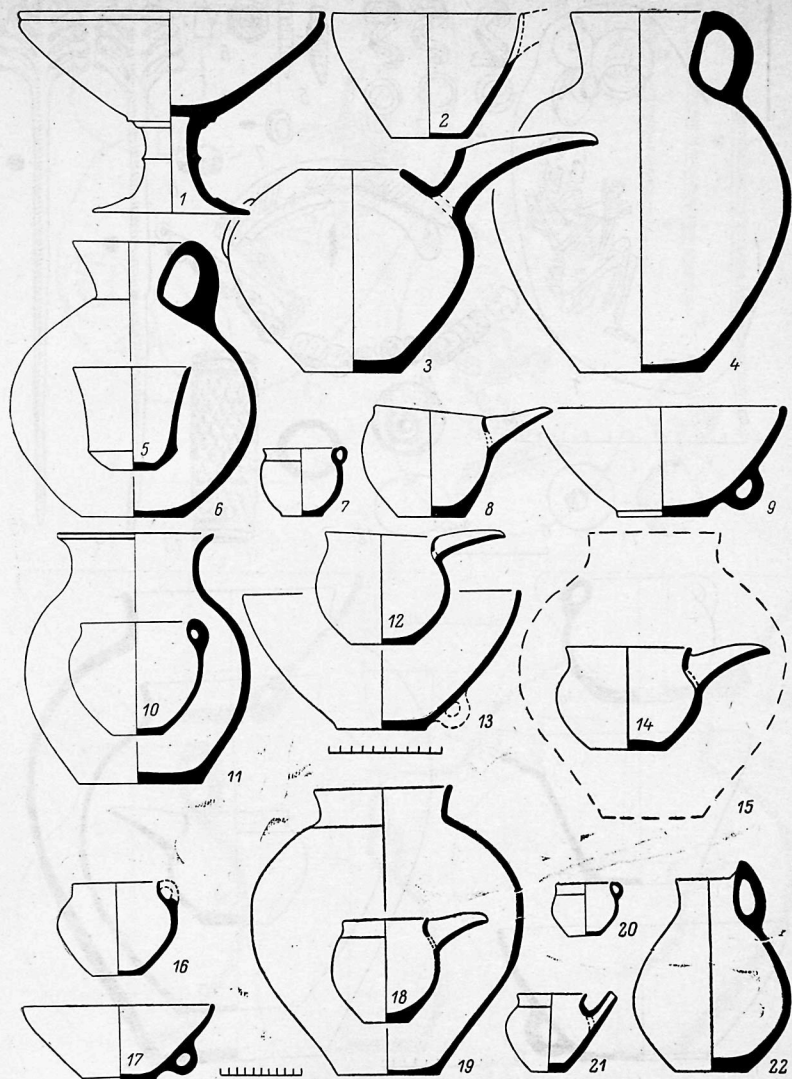

Табл. II. Могильник Сумбар I. Керамика.

1—4 — мог. 11; 5—9 — мог. 12; 10—13 — мог. 52; 14, 15 — мог. 69; 16—22 — мог. 14.

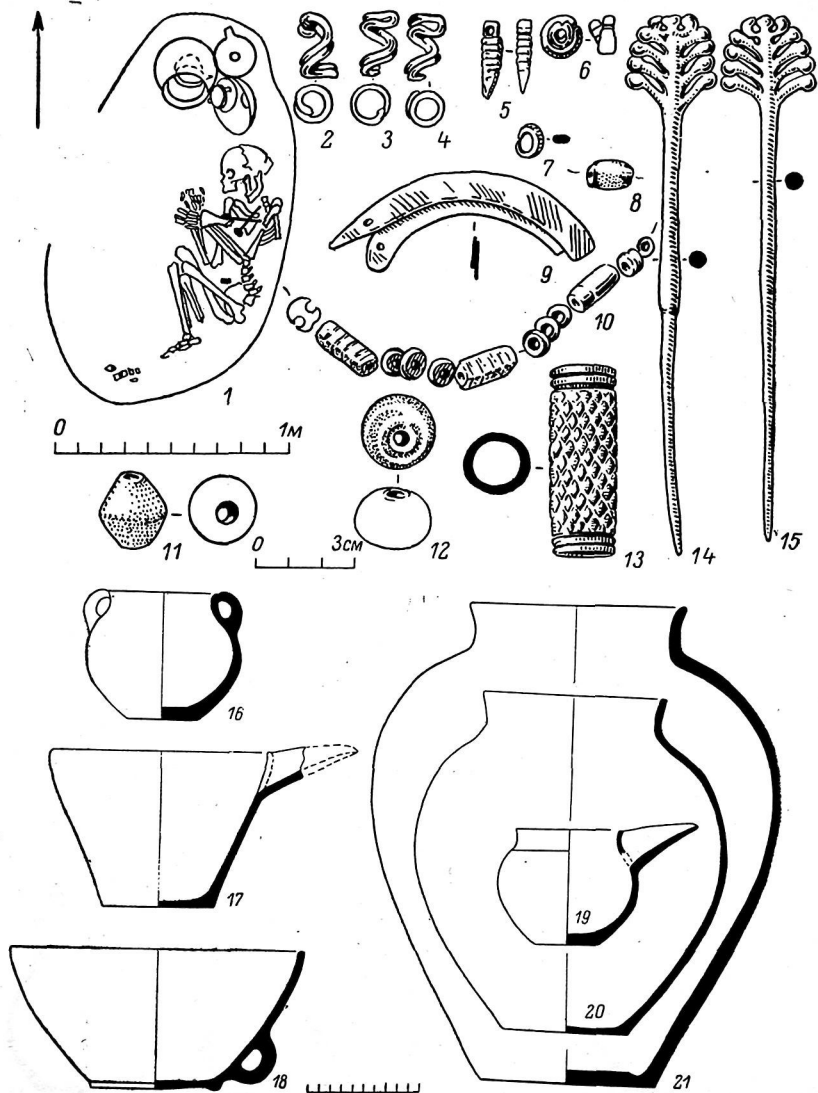

Табл. III. Могильник Сумбар I.

1—20 — мог. 16; 21 — мог. 49.

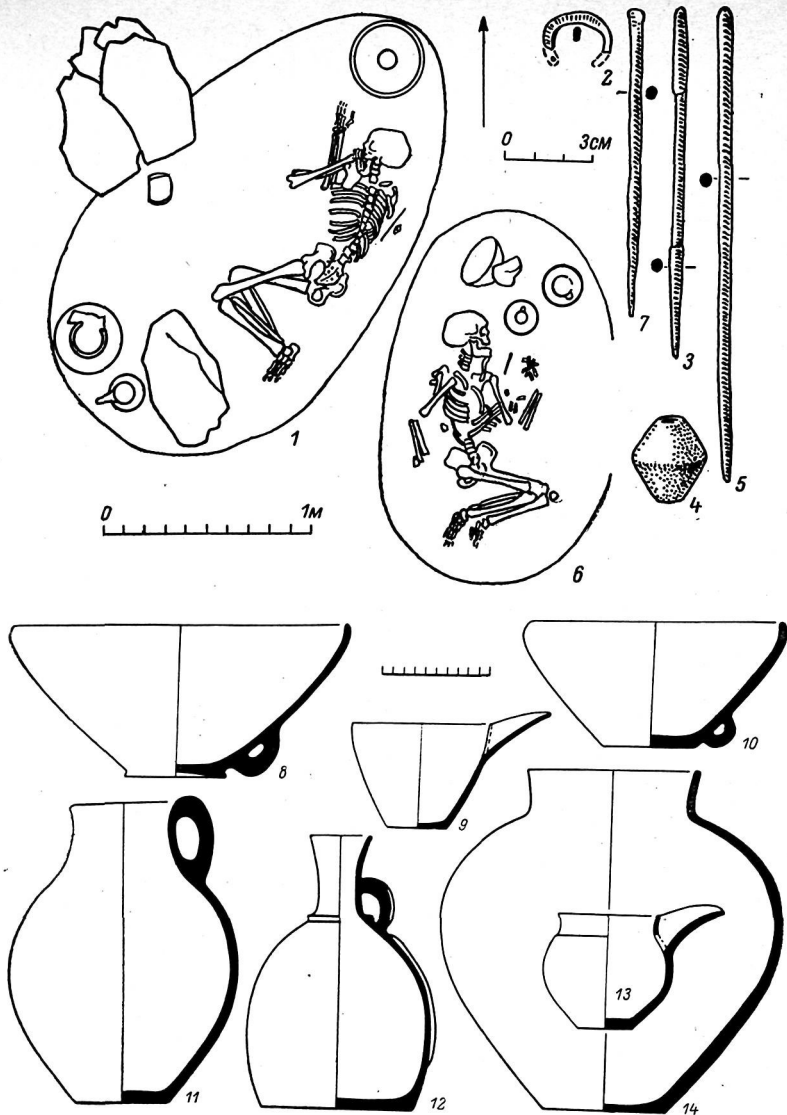

Табл. IV. Могильник Сумбар I.

1—5, 8, 13, 14 — мог. 20; 6, 7, 9—12 — мог. 19.

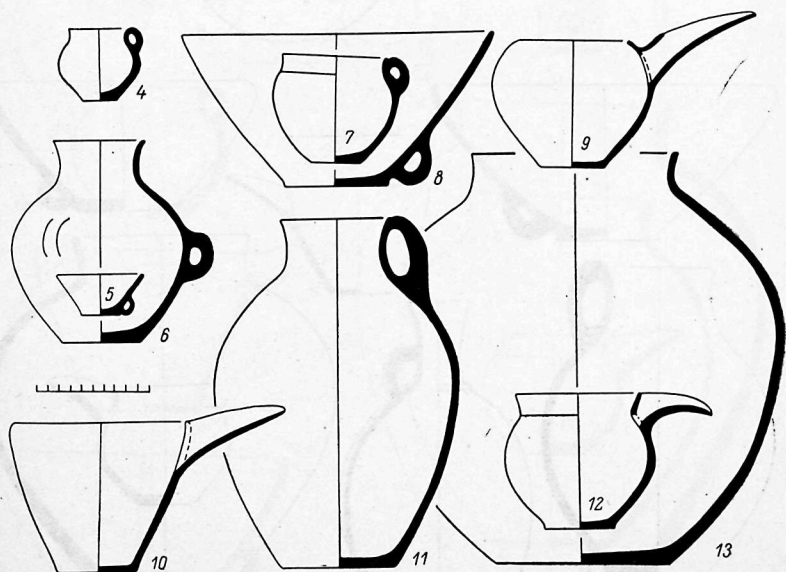
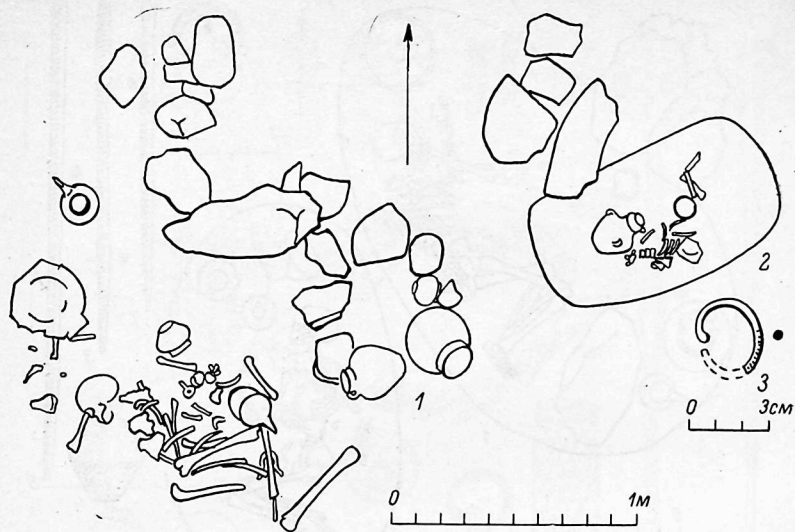

Табл. V. Могильник Сумбар I.

1, 3, 7—13 — мог. 25; 2, 4—6 — мог. 37.

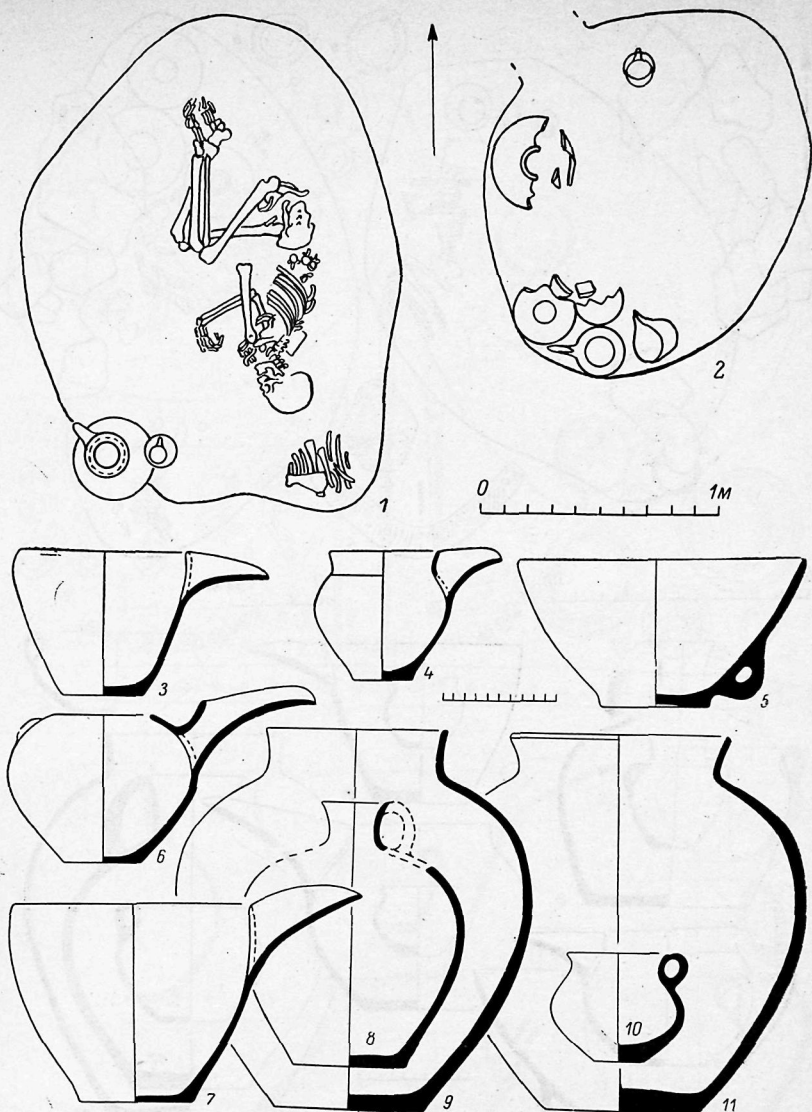

Табл. VI. Могильник Сумбар I.

1, 7, 10, 11 — мог. 32; 2—6, 8, 9 — мог. 30.

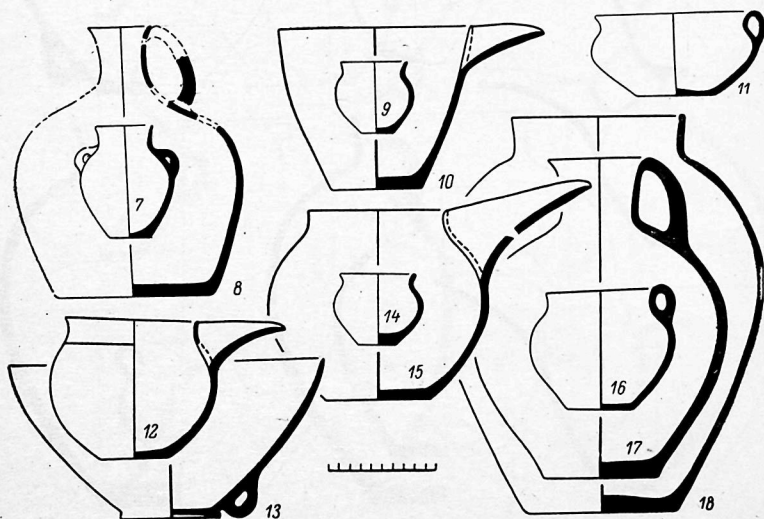
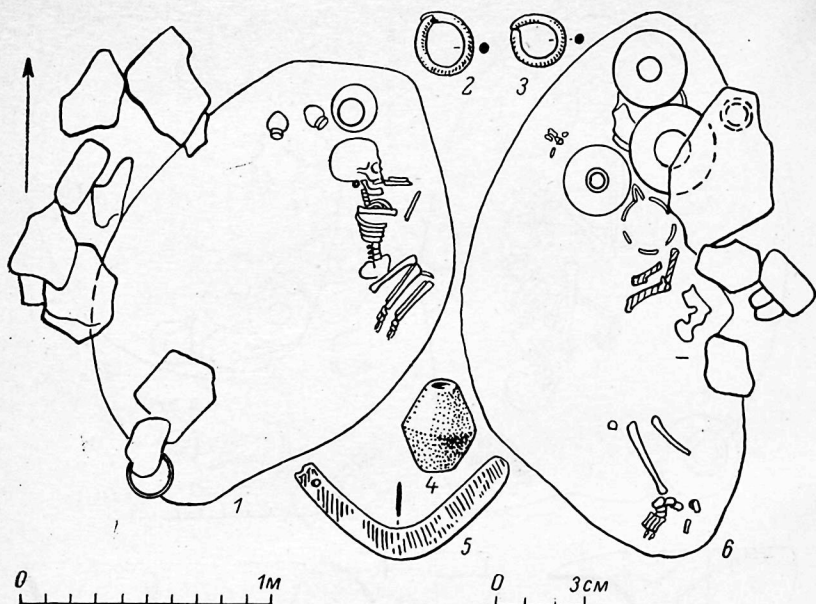

Табл. VII. Могильник Сумбар I.

1—3, 7—9, 11, 14 — мог. 40; 4—6, 10, 12, 13, 15—18 — мог. 26.

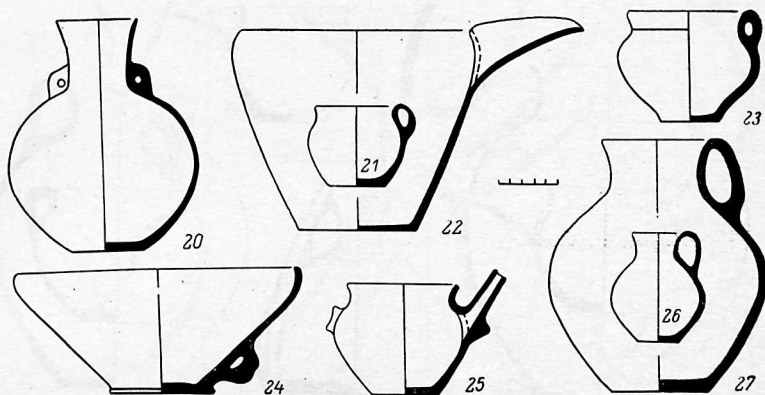
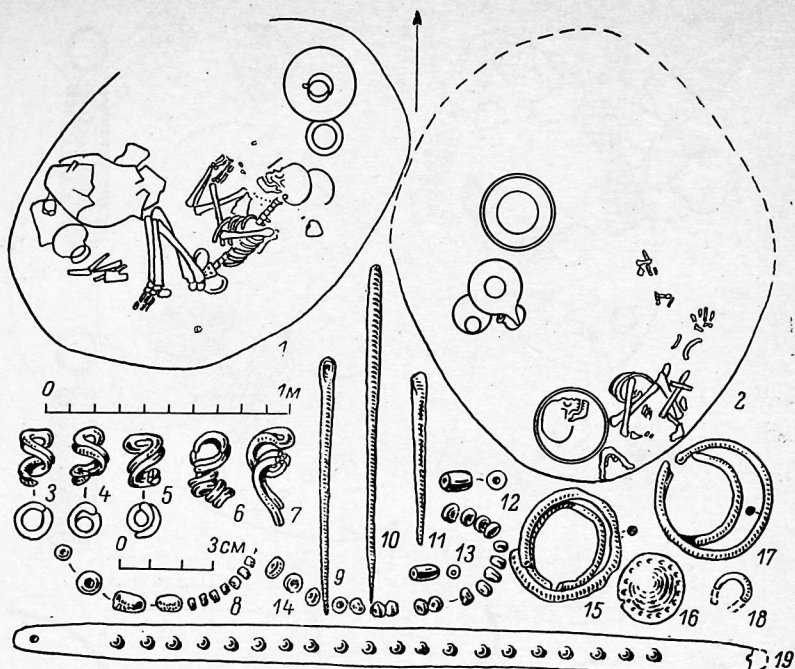

Табл. VIII. Могильник Сумбар I.

1, 3—10, 15, 17—19, 21, 23, 24, 26, 27 — мог. 49; 2, 11—14, 16, 20, 22, 25 — мог. 53.

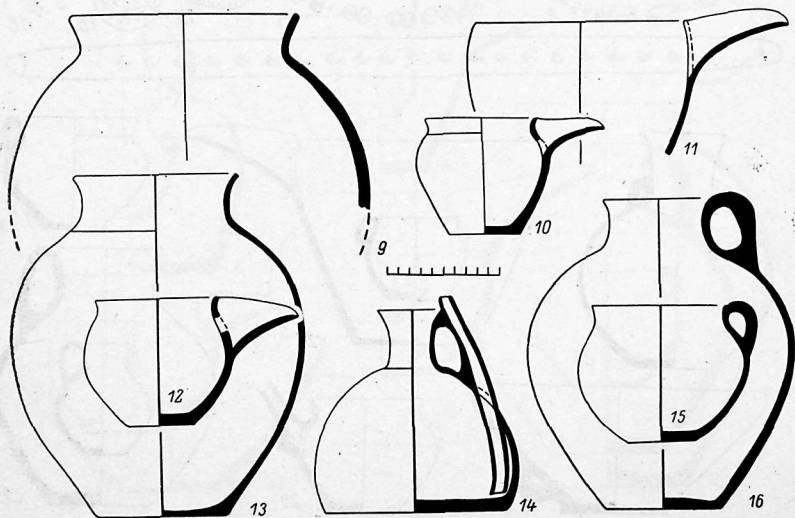
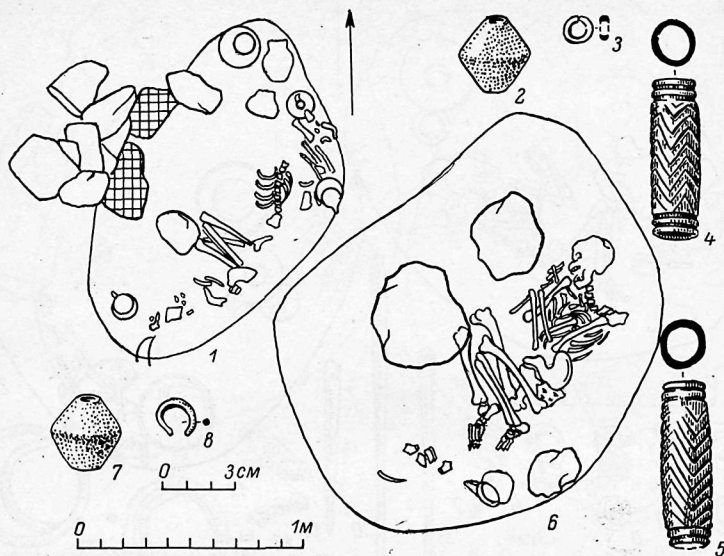

Табл. IX. Могильник Сумбар I.

1—5, 11—16 — мог. 57; 6—10 — мог. 97.

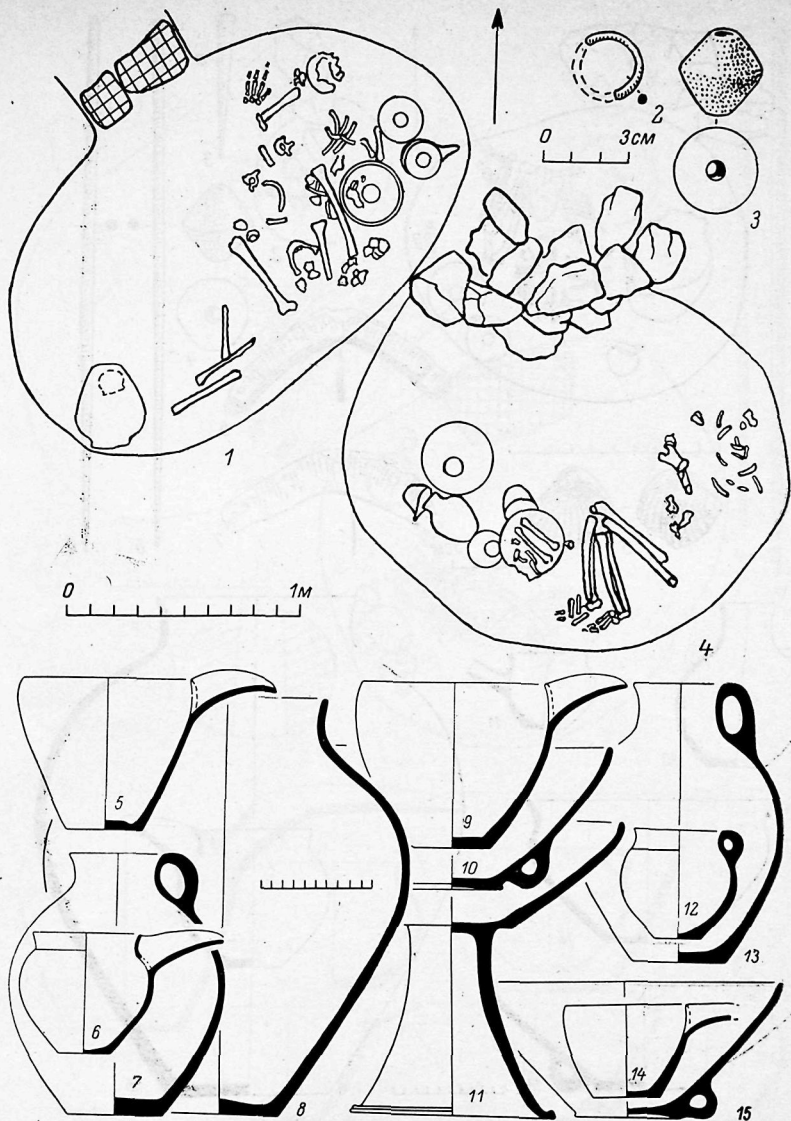

Табл. X. Могильник Сумбар I.

1—3, 6—10 — мог. 105; 4, 5, 11—15 — мог. 70.

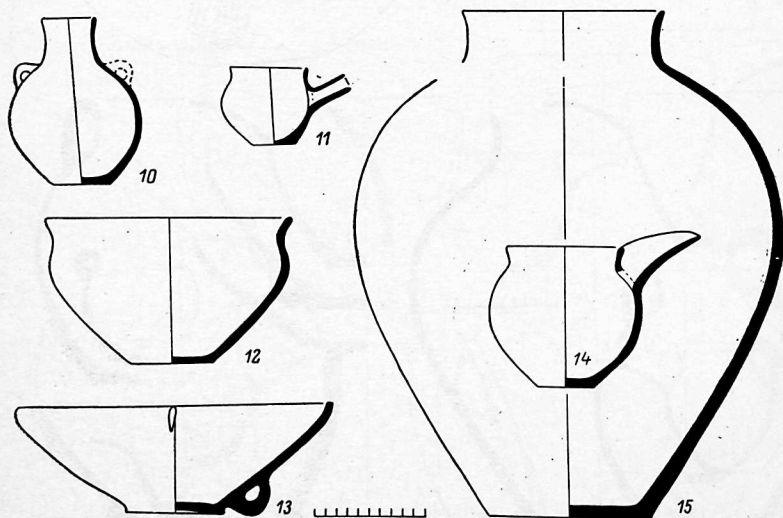
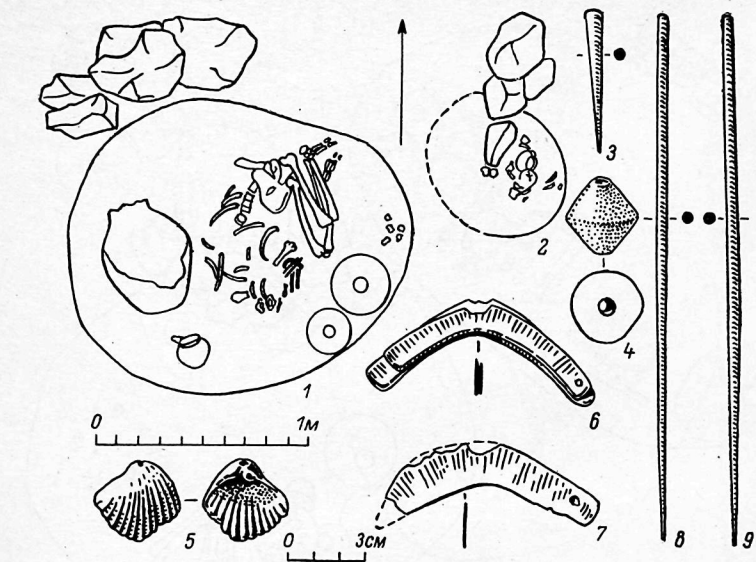

Табл. XI. Могильник Сумбар I.

1, 3—9, 12—15 — мог. 75; 2, 10, 11 — мог. 162.

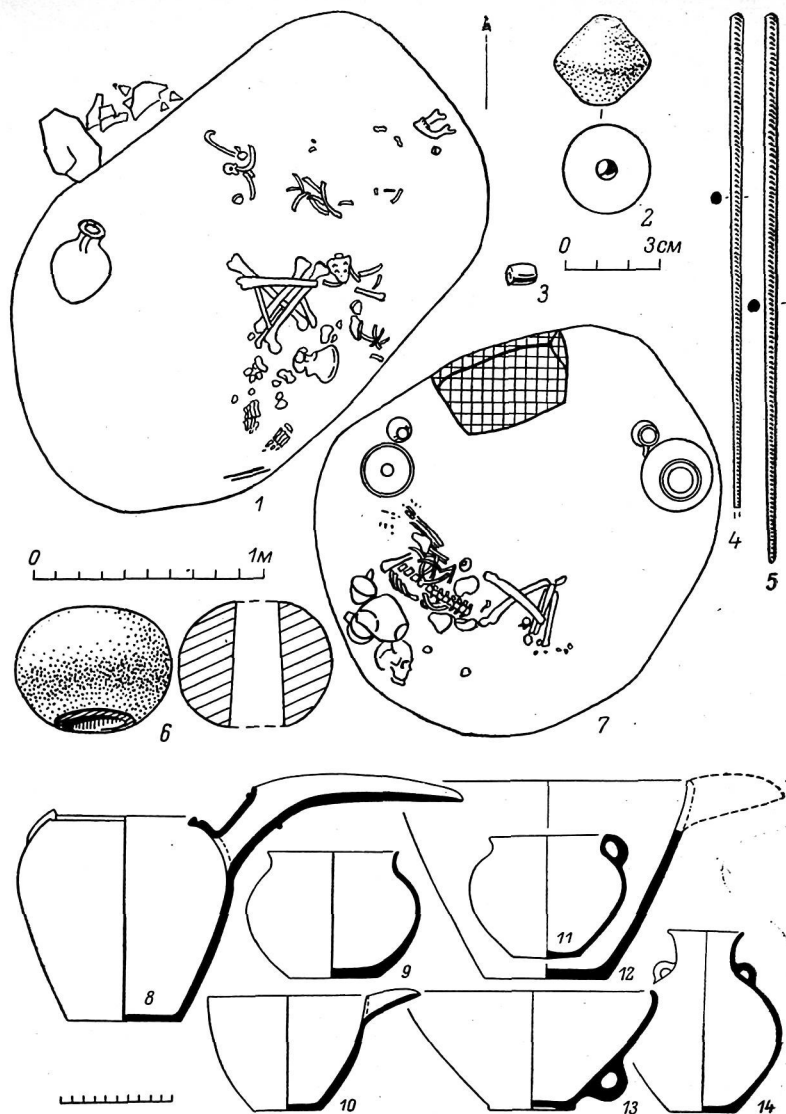

Табл. XII. Могильник Сумбар I.

1—5, 8—10 — мог. 130; 6, 7, 11—14 — мог. 84.

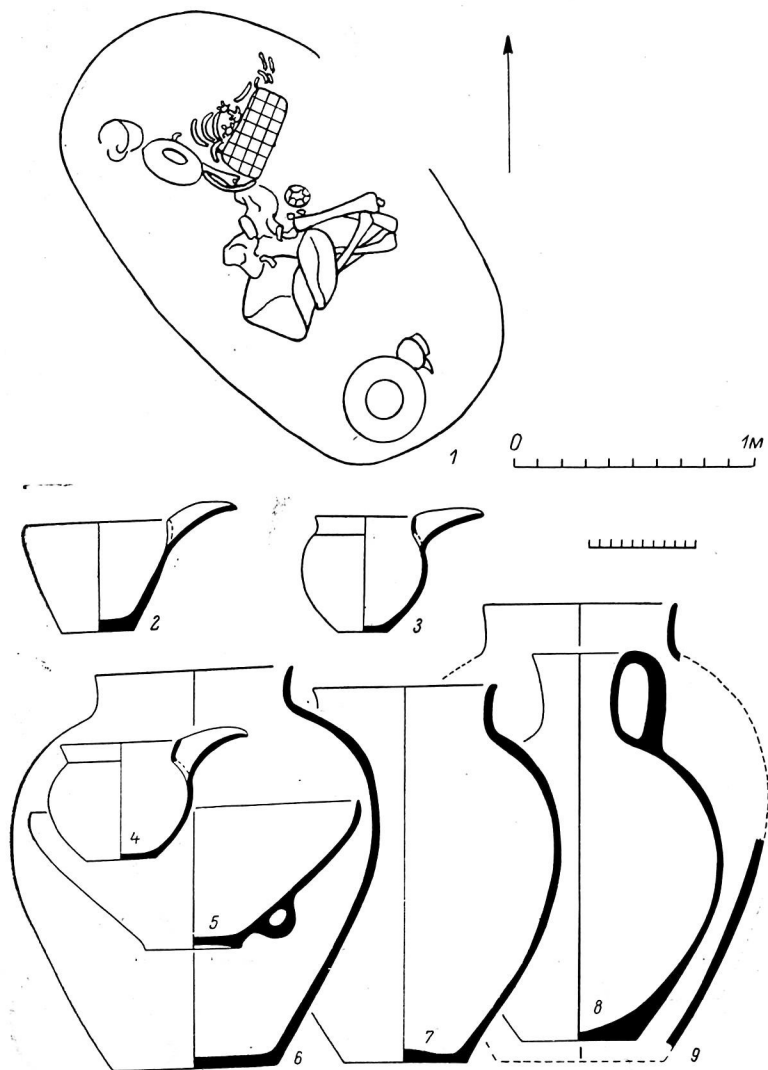

Табл. XIII. Могильник Сумбар I.

1, 4—6 — мог. 42; 2, 3, 7 — мог. 84; 8, 9 — мог. 130.

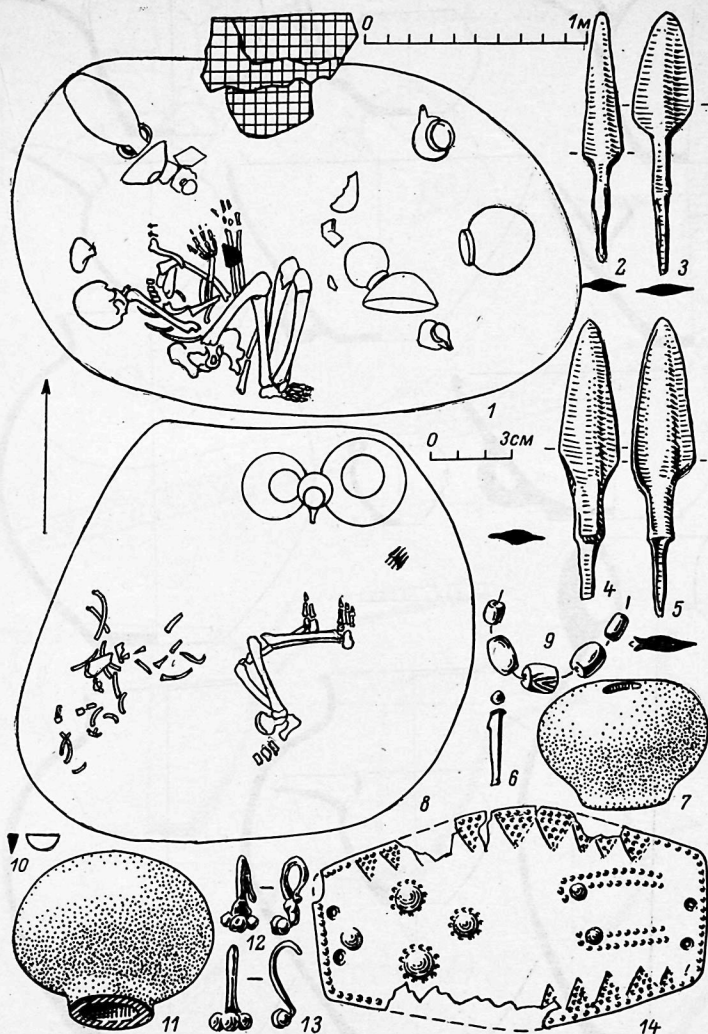

Табл. XIV. Могильник Сумбар I.

1, 9—14 — мог. 87; 2—8 — мог. 108.

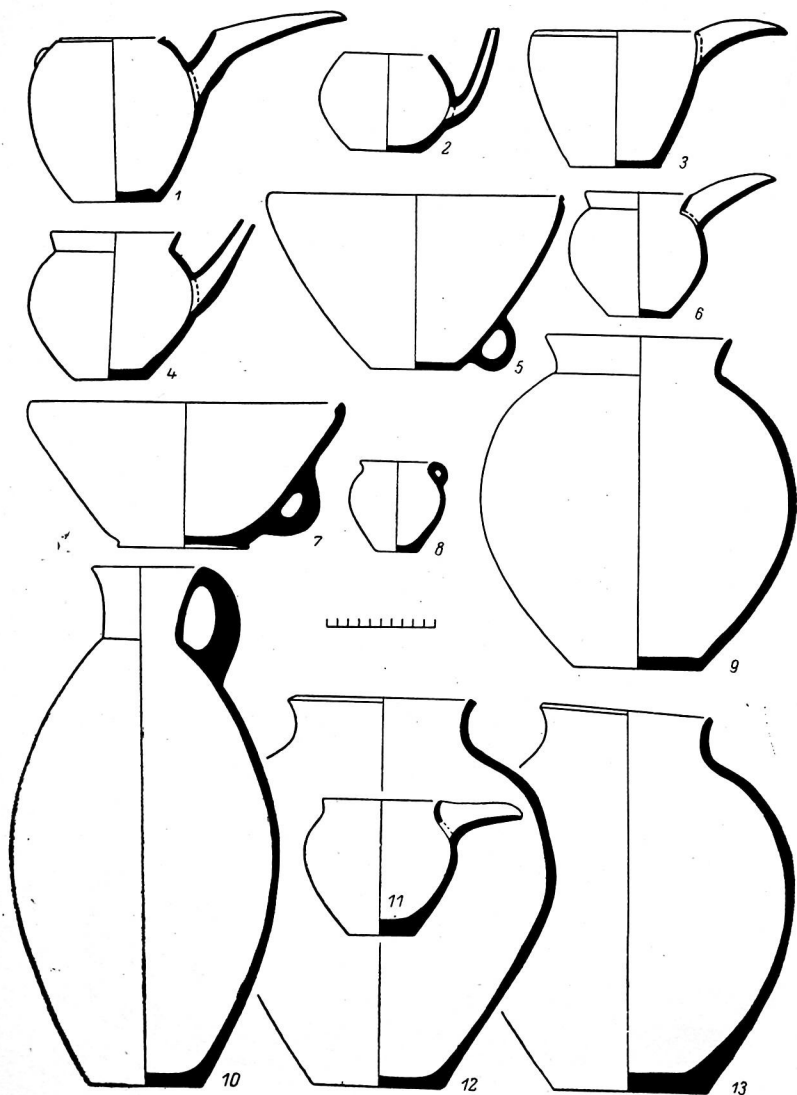

Табл. XV. Могильник Сумбар I. Керамика.

1—10 — мог. 87; 11—13 — мог. 108.

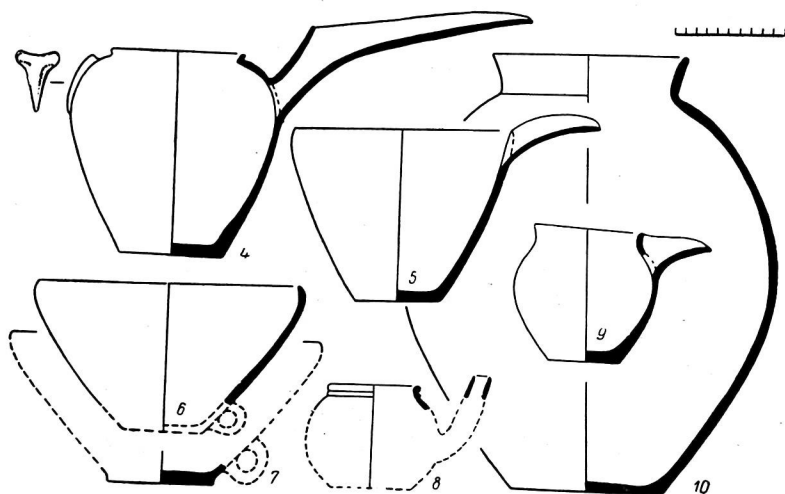
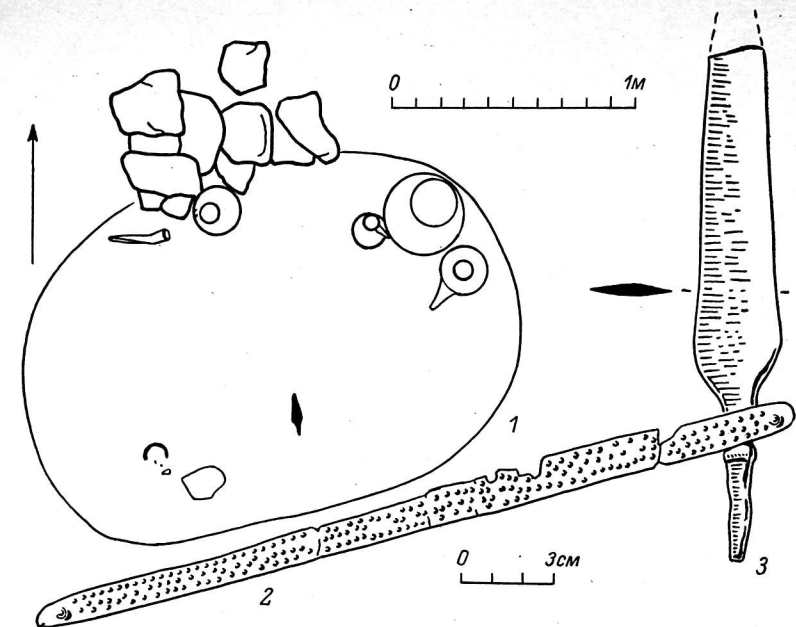

Табл. XVI. Могильник Сумбар I.

1—10 — мог. 89.

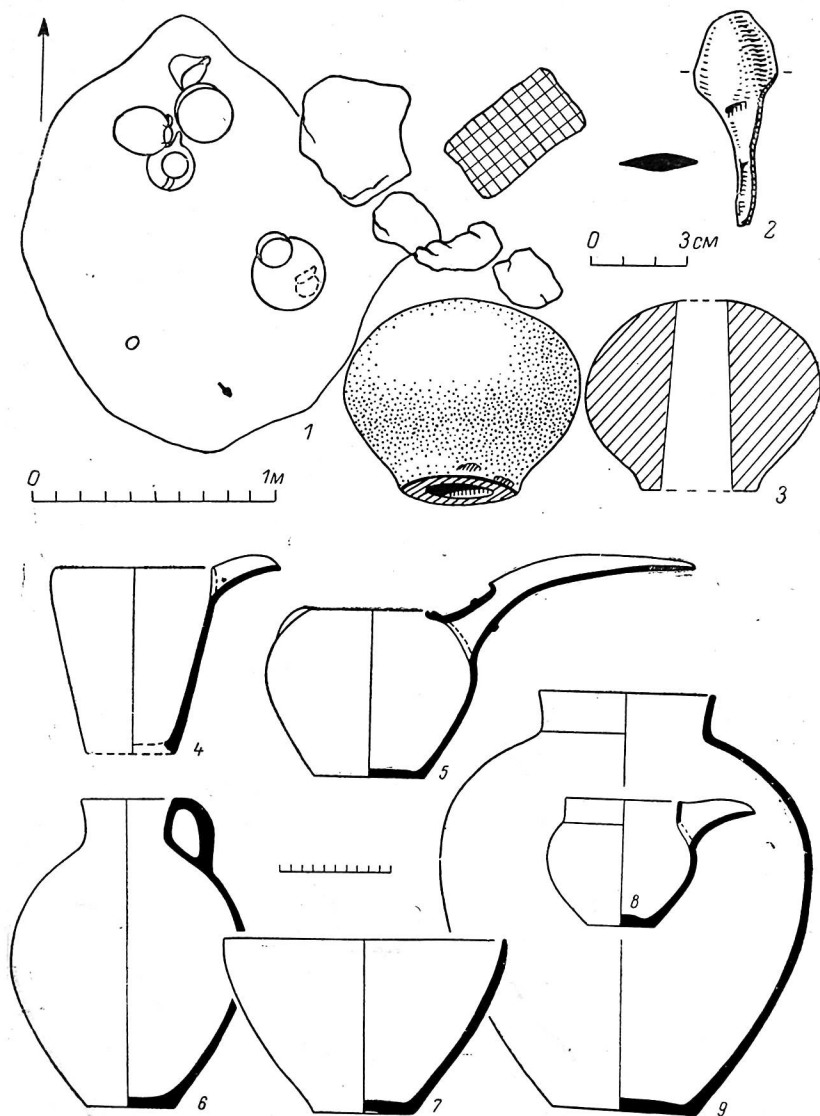

Табл. XVII. Могильник Сумбар I.

1-9 — мог. 100.

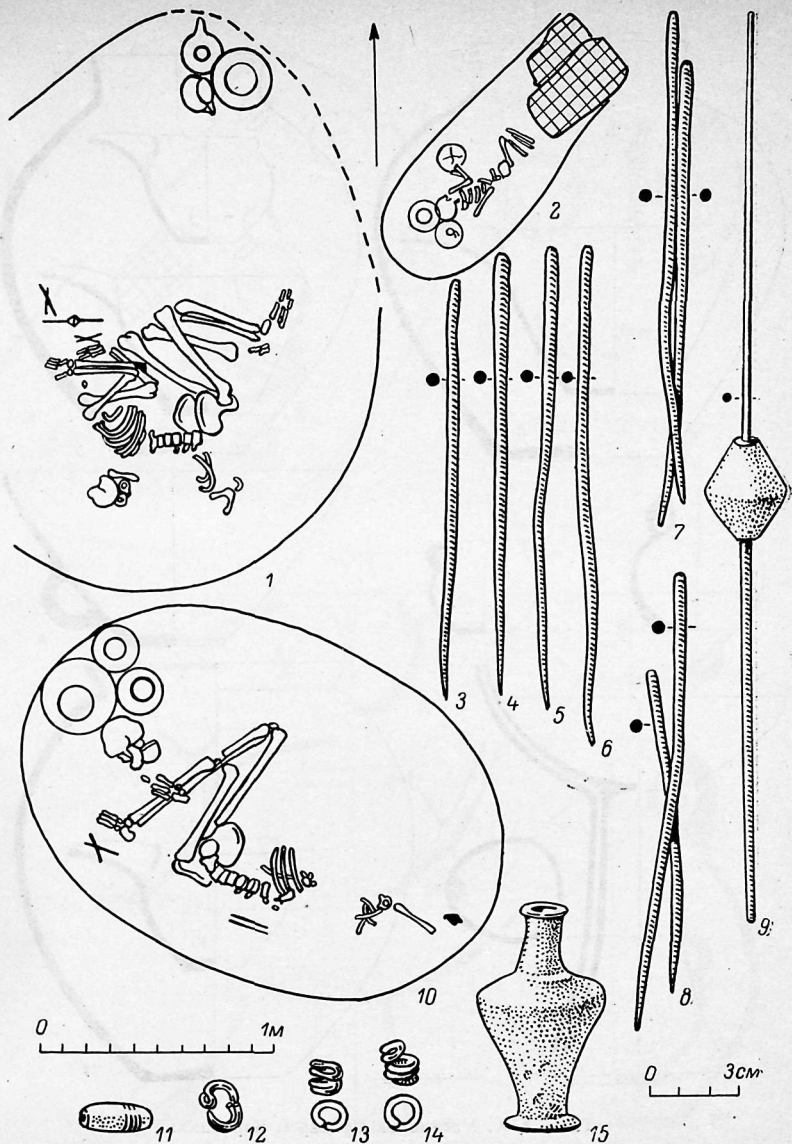

Табл. XVIII. Могильник Сумбар I.

1, 7-9, 11 — мог. 110; 2 — мог. 173; 3-6, 10, 12-15 — мог. 140.

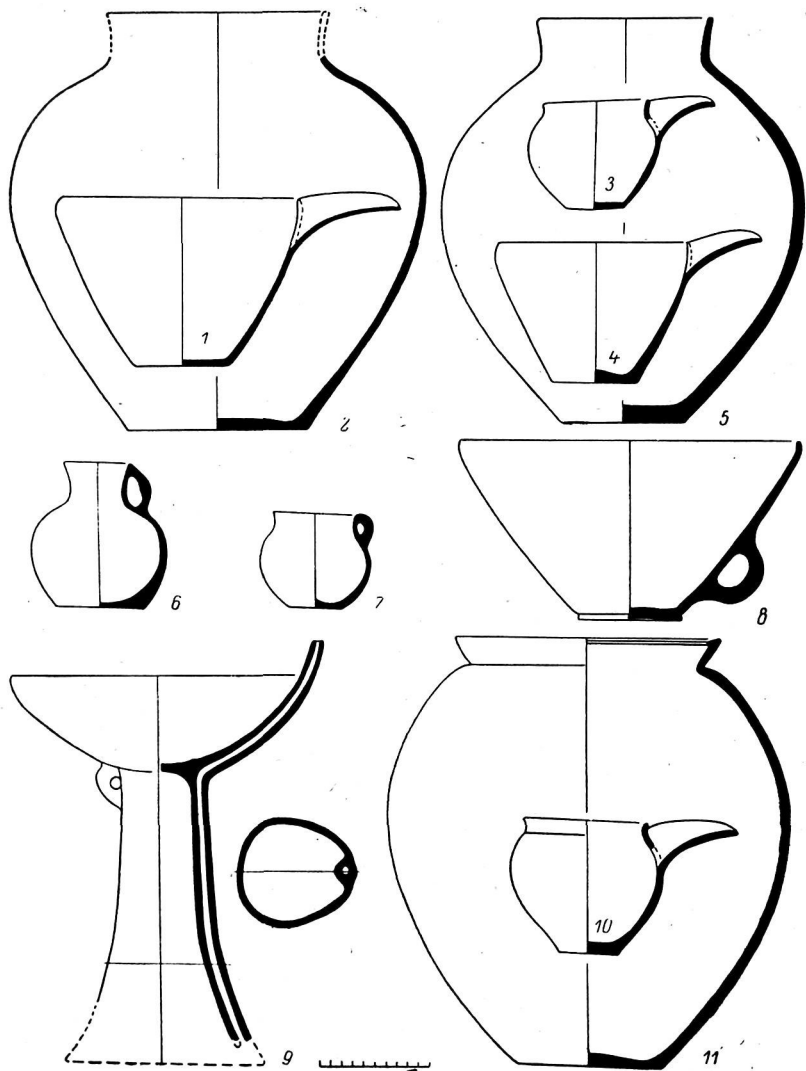

Табл. XIX. Могильник Сумбар I. Керамика.

1, 2 — мог. 140; 3—5 — мог. 110; 6, 7 — мог. 178; 8—11 — мог. 53.

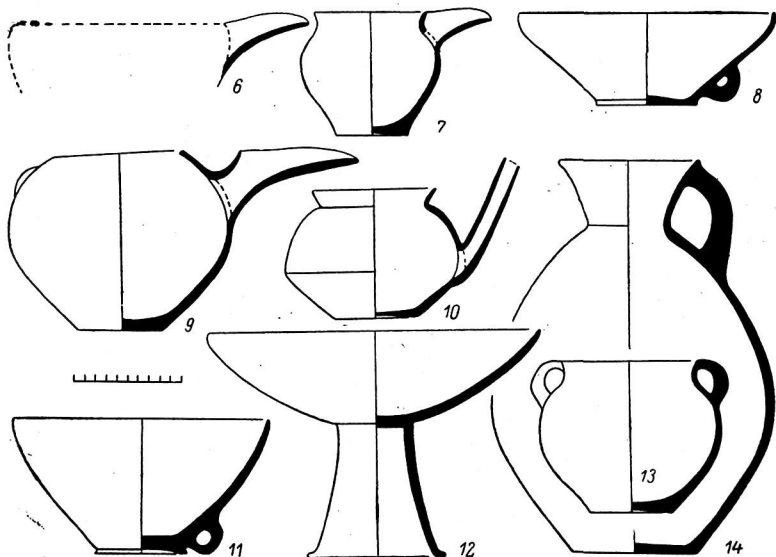
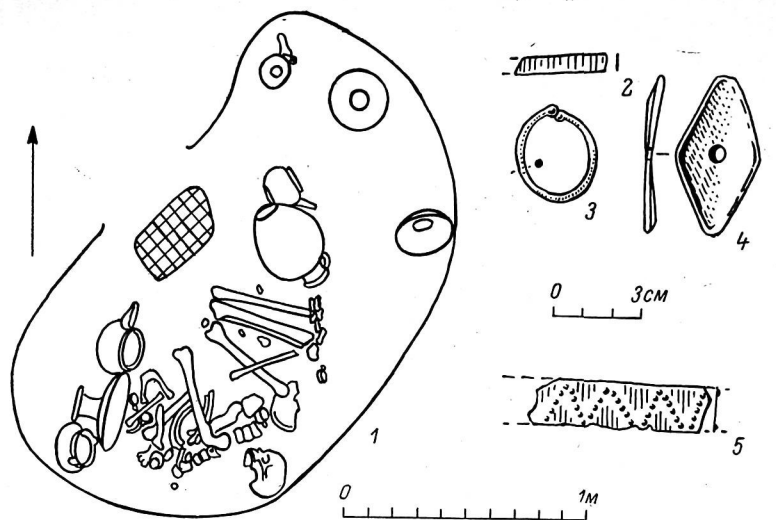

Табл. XX. Могильник Сумбар I.

1—14 — мог. 111.

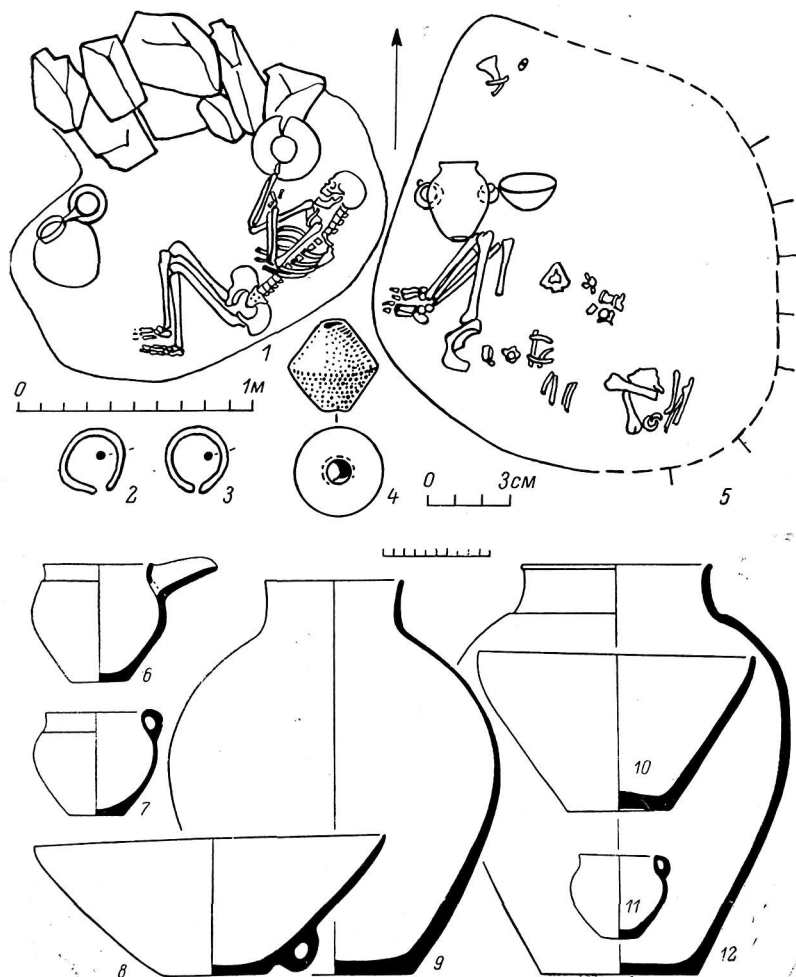

Табл. XXI. Могильник Сумбар I.

1—3, 6, 8, 9 — мог. 147; 4, 5, 7, 10—12 — мог. 112.

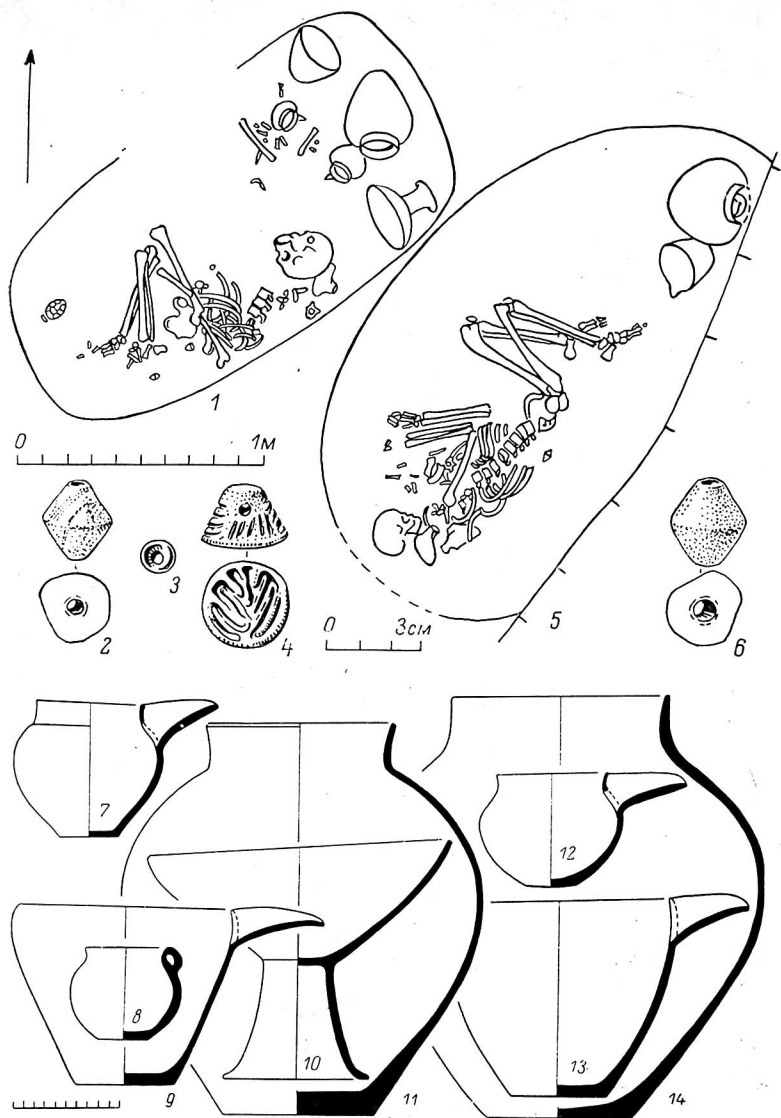

Табл. XXII. Могильник Сумбар I.

1—4, 7—11 — мог. 131; 5, 6, 12—14 — мог. 114.

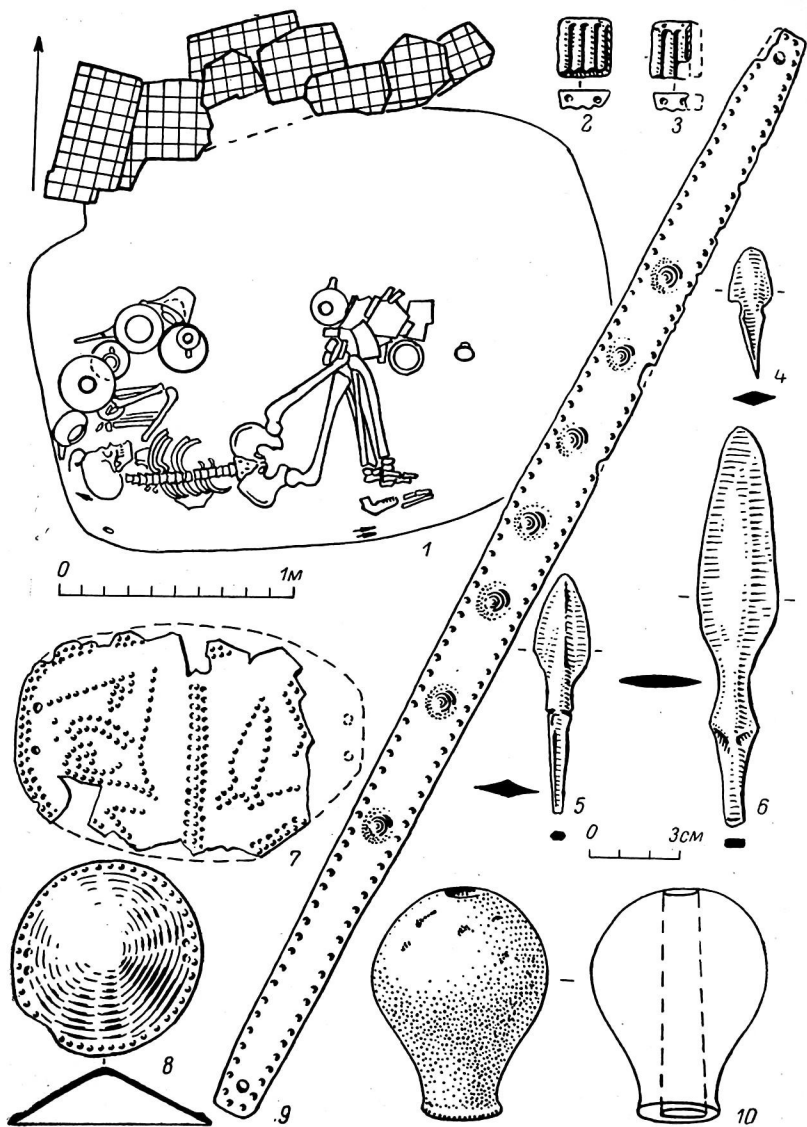

Табл. XXIII. Могильник Сумбар I.

1—10 — мог. 115.

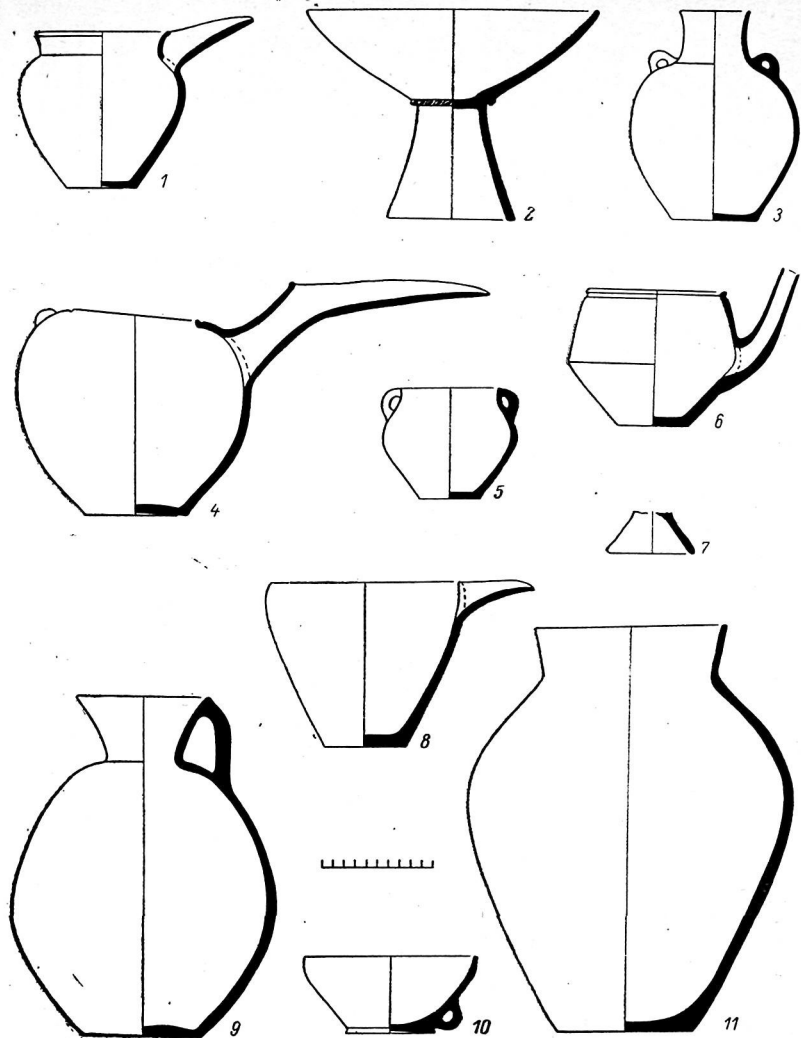
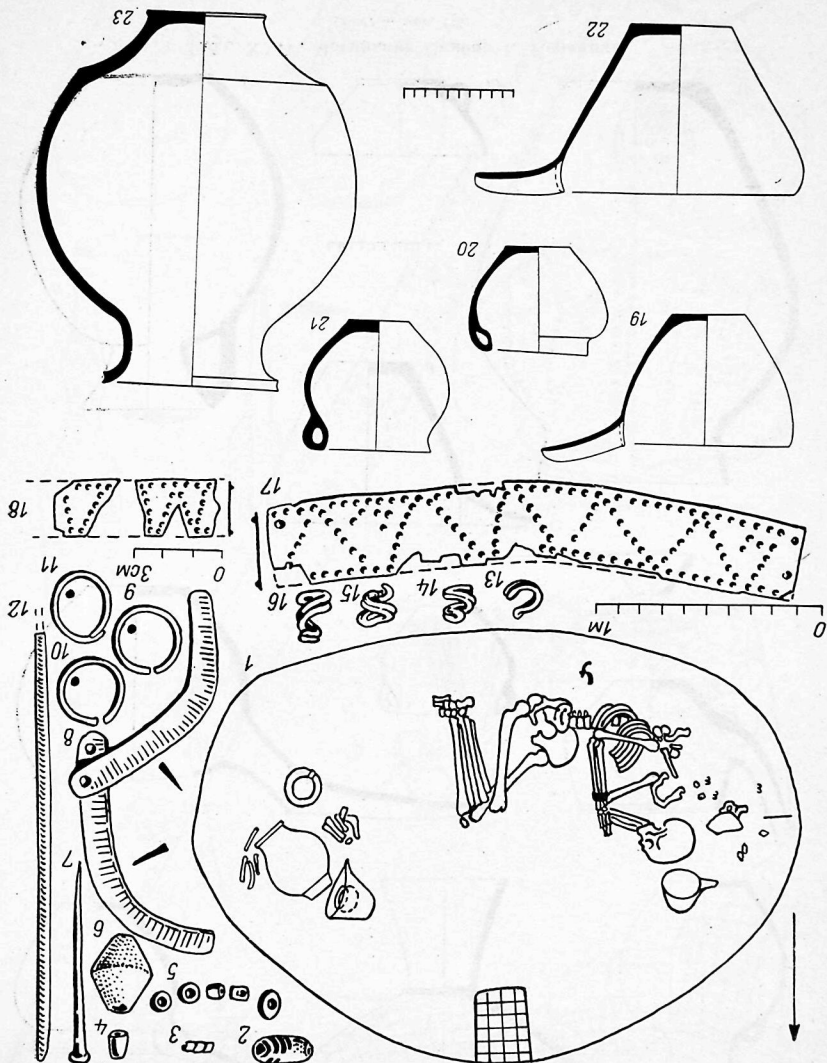

Табл. XXIV. Могильник Сумбар I. Керамика.

1—11 — мог. 115.

Табл. XXV. Могильник Сымбар I.
1—23 — мор. 116.

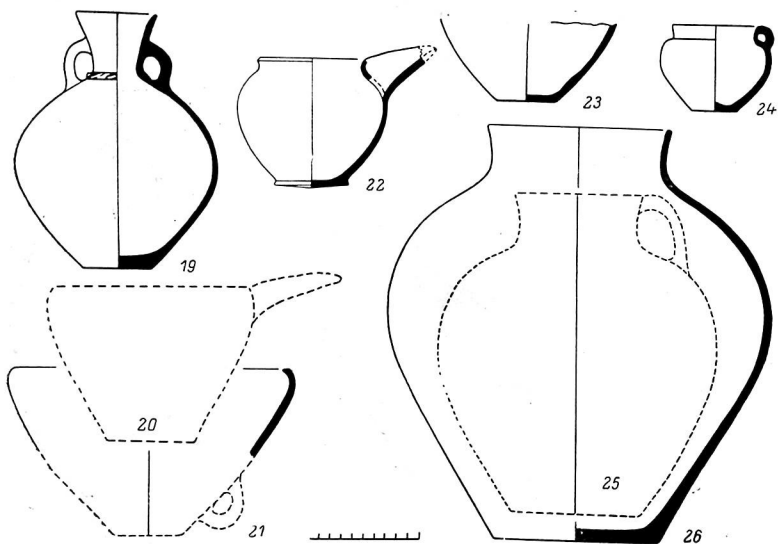
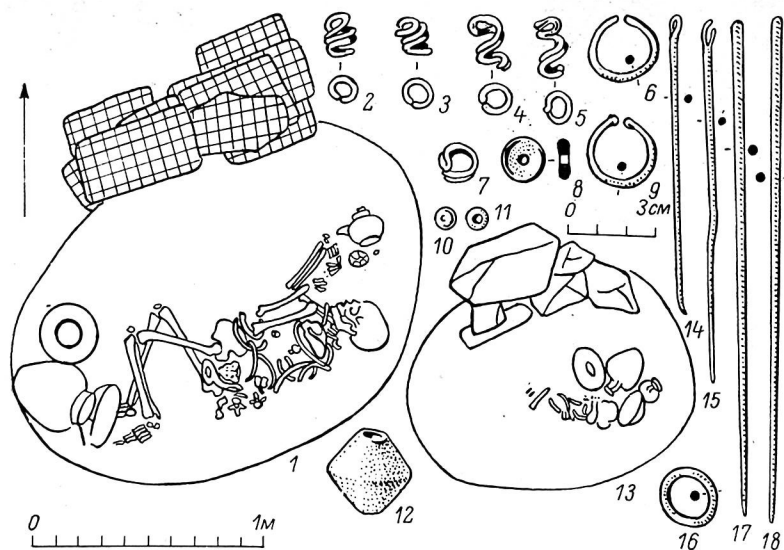

Табл. XXVI. Могильник Сумбар I.

1—12, 14, 15, 17, 18, 21, 22, 25, 26 — мог. 125; 13, 16, 19, 20, 23, 24 — мог. 161.

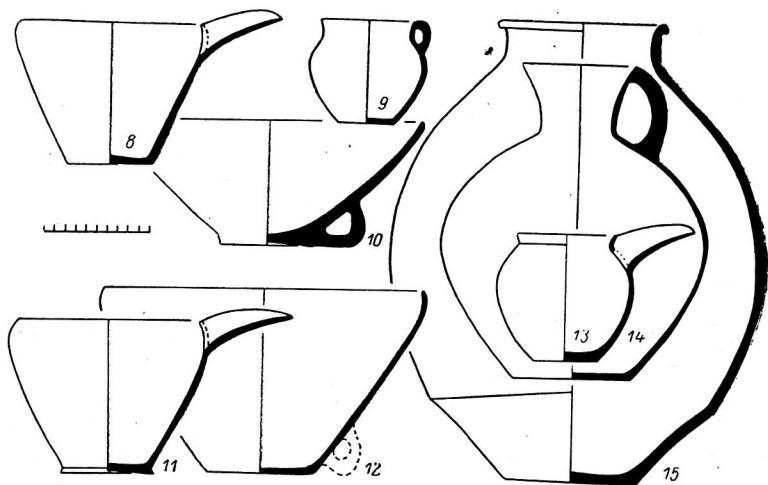
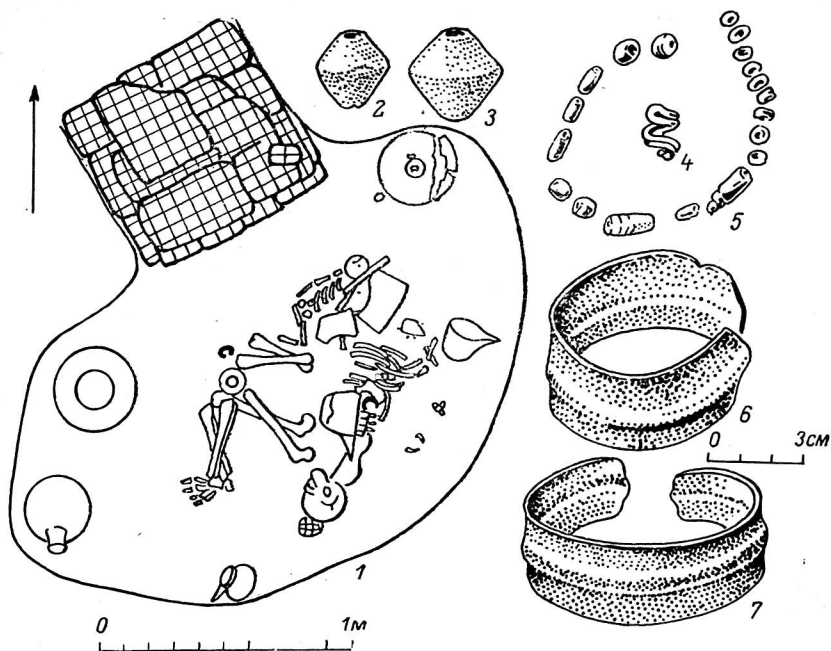

Табл. XXVII. Могильник Сумбар I.

1—15 — мог. 144.

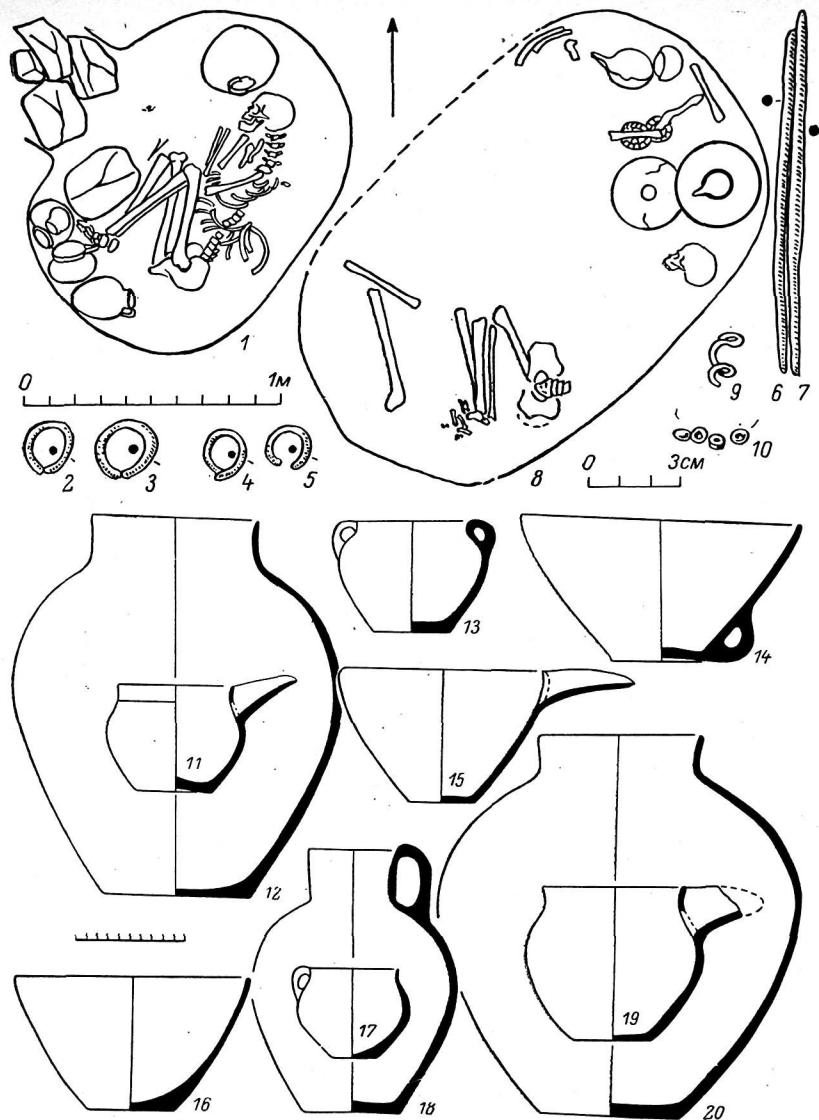

Табл. XXVIII. Могильник Сумбар I.

1—7, 16—20 — мог. 146; 8—15 — мог. 152.

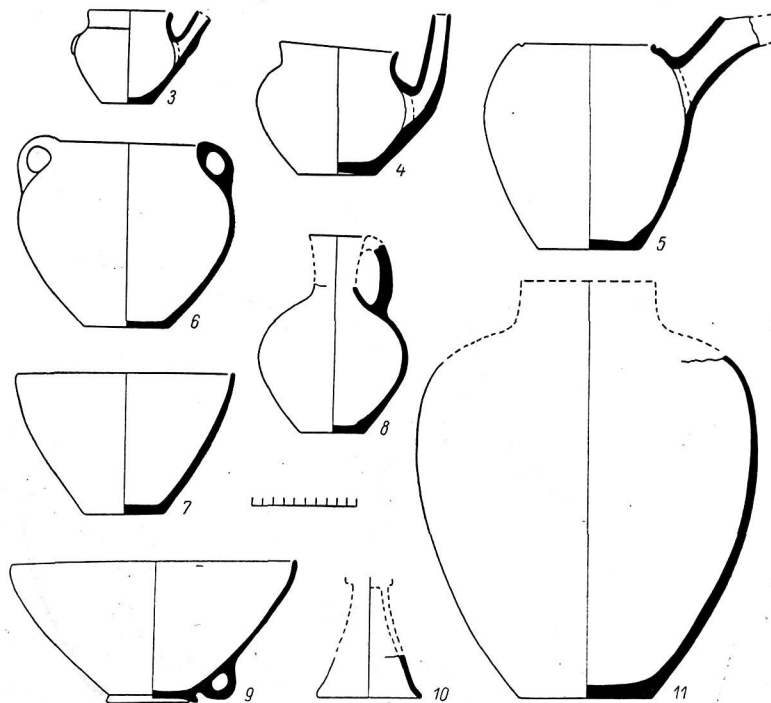
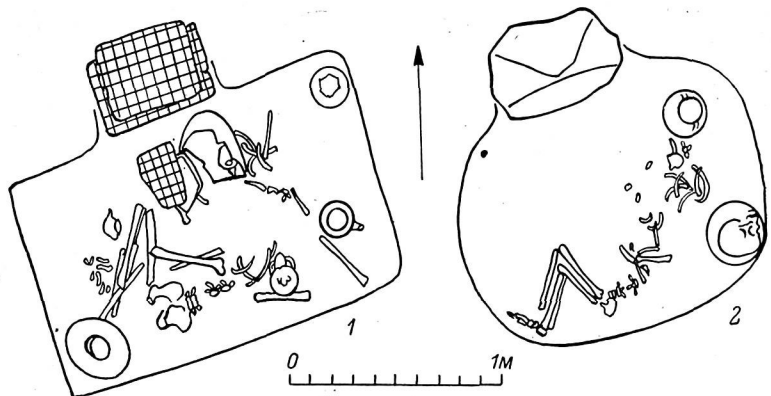

Табл. XXIX. Могильник Сумбар I.
1, 3—5, 8—11 — мог. 155; 2, 6, 7 — мог. 166.

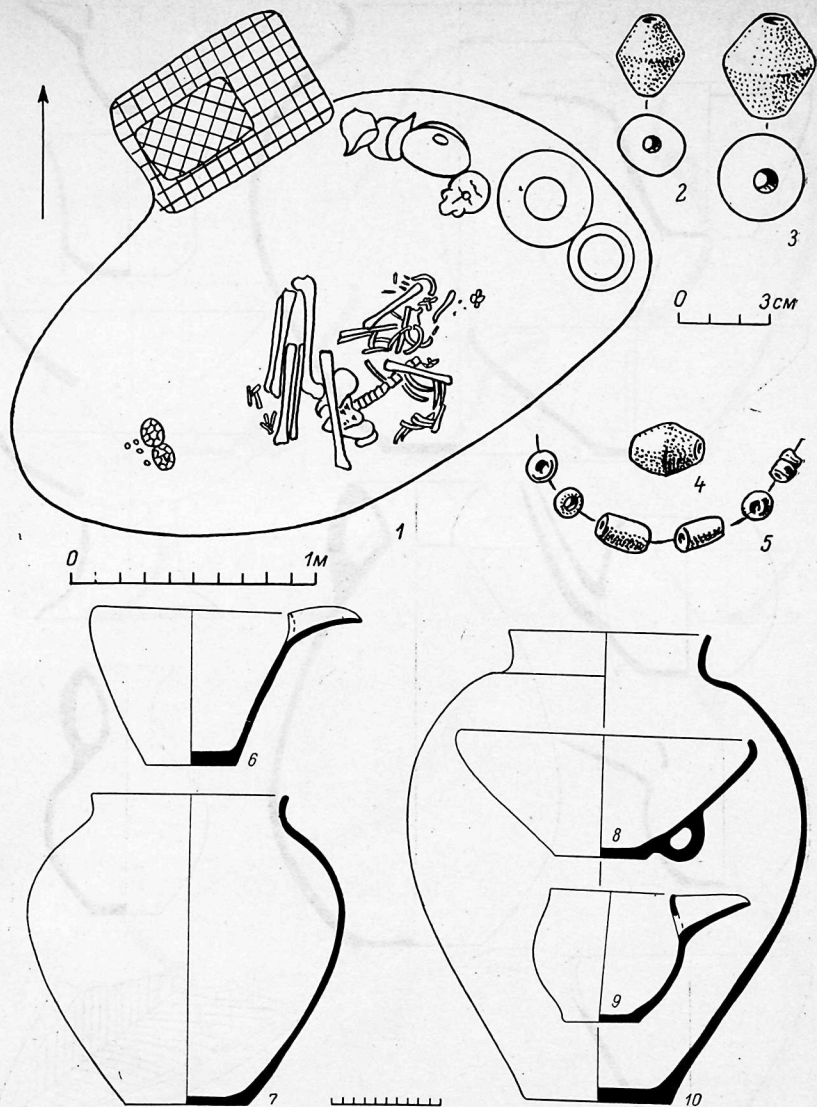

Табл. XXX. Могильник Сумбар I.

1—10 — мог., 170.

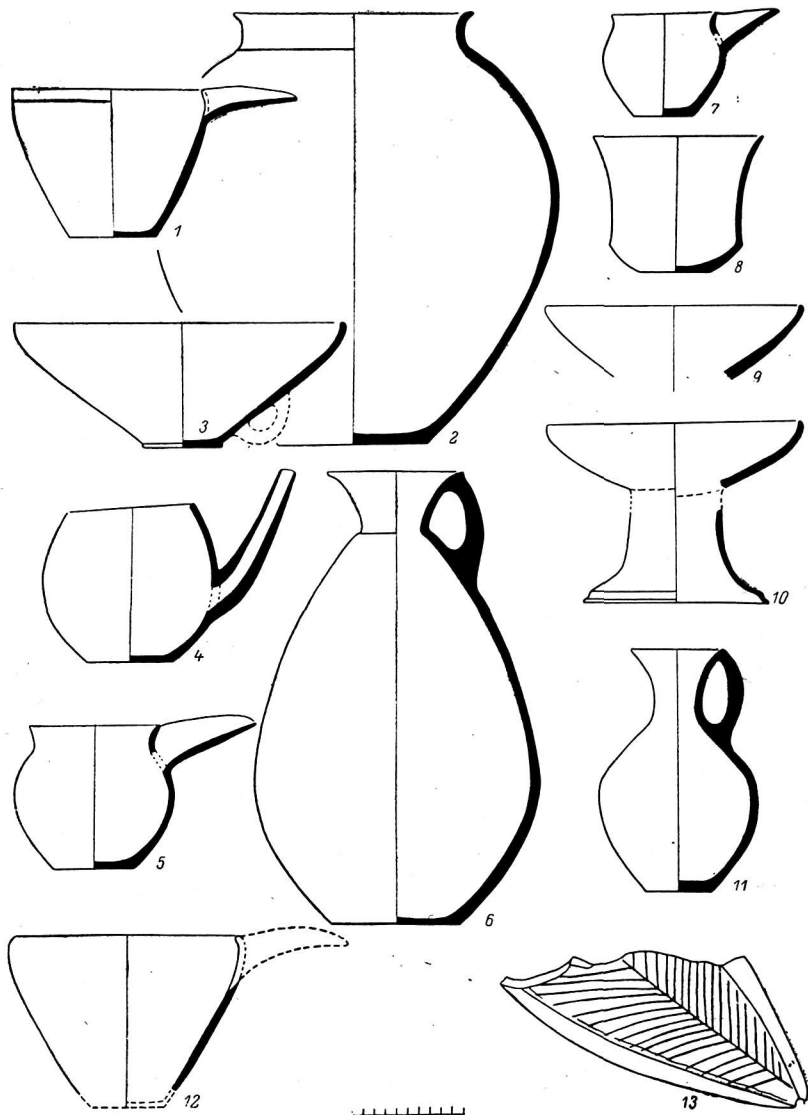

Табл. XXXI. Могильник Сумбар I. Керамика.

1—3 — мог. 1; 4—6 — мог. 2; 7, 8 — мог. 5; 9—13 — мог. 4.

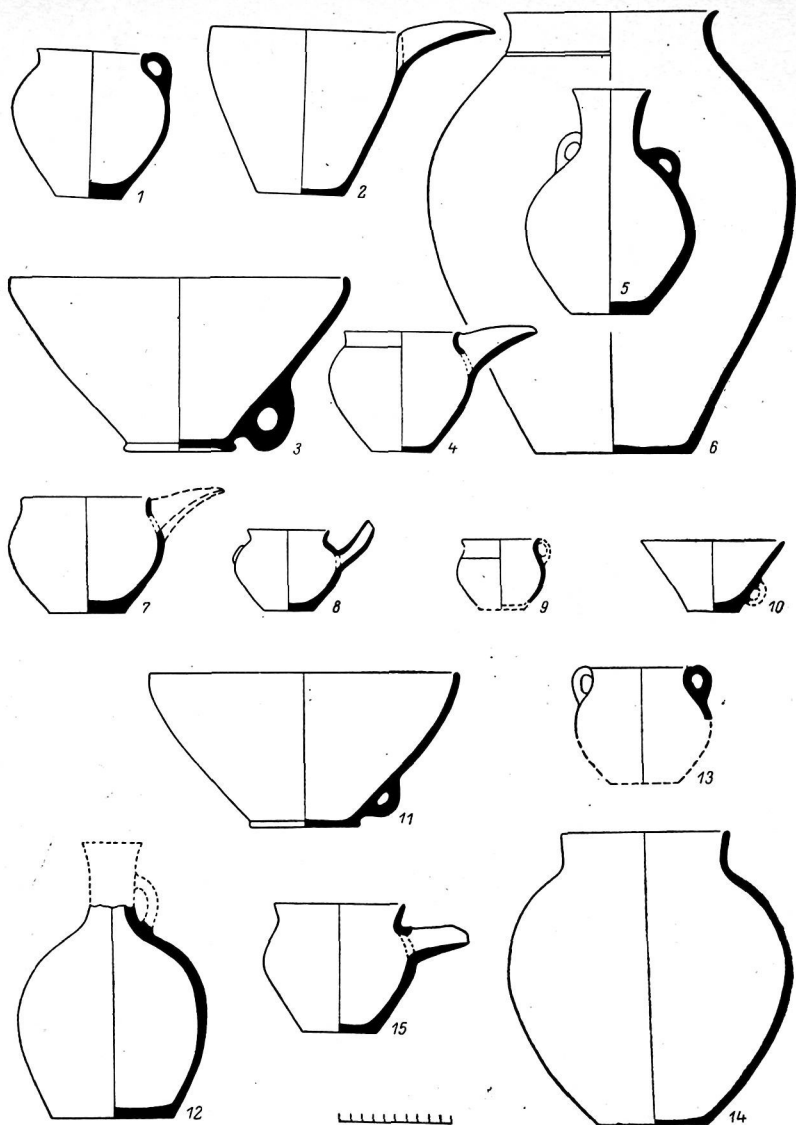

Табл. XXXII. Могильник Сумбар I. Керамика.

1—6 — мог. 6; 7—12 — мог. 7; 13, 14 — мог. 8; 15 — мог. 9,

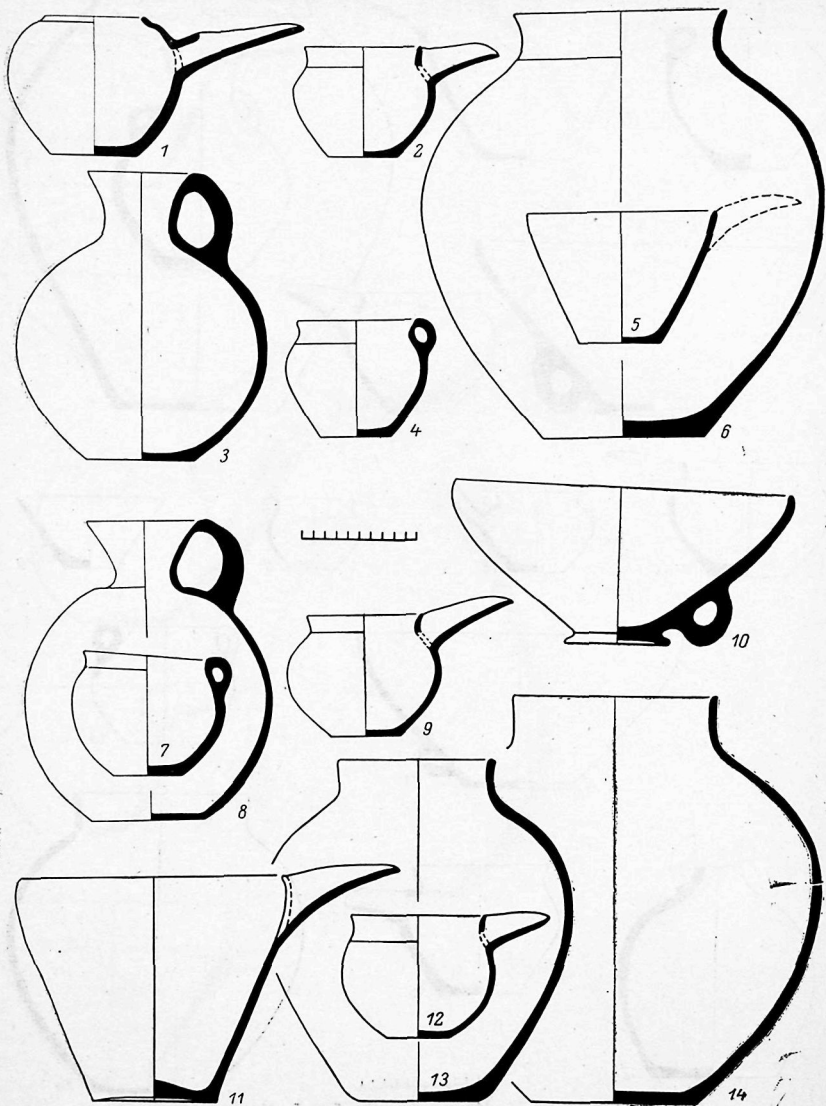

Табл. XXXIII. Могильник Сумбар I. Керамика.

1—6 — мог. 10; 7—9 — мог. 13; 10—14 — мог. 17.

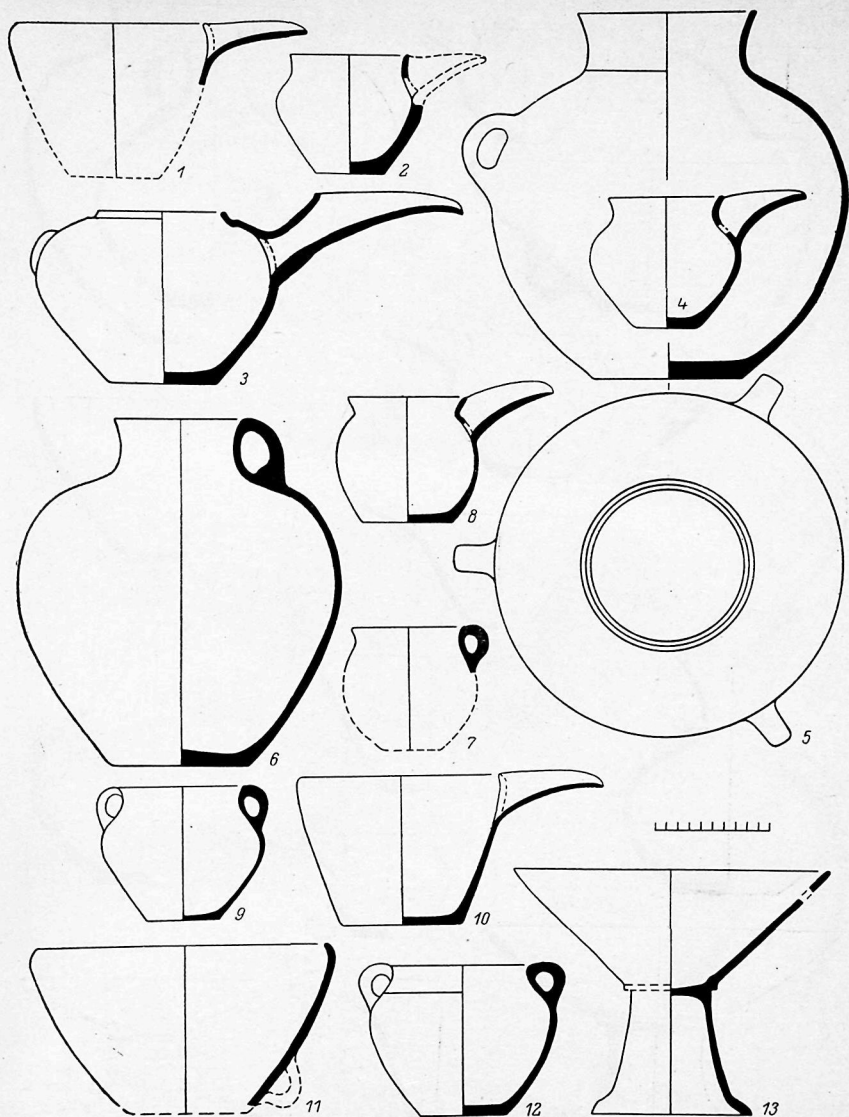

Табл. XXXIV. Могильник Сумбар I. Керамика.

1, 2 — мог. 18; 3—7 — мог. 22; 8—13 — мог. 23.

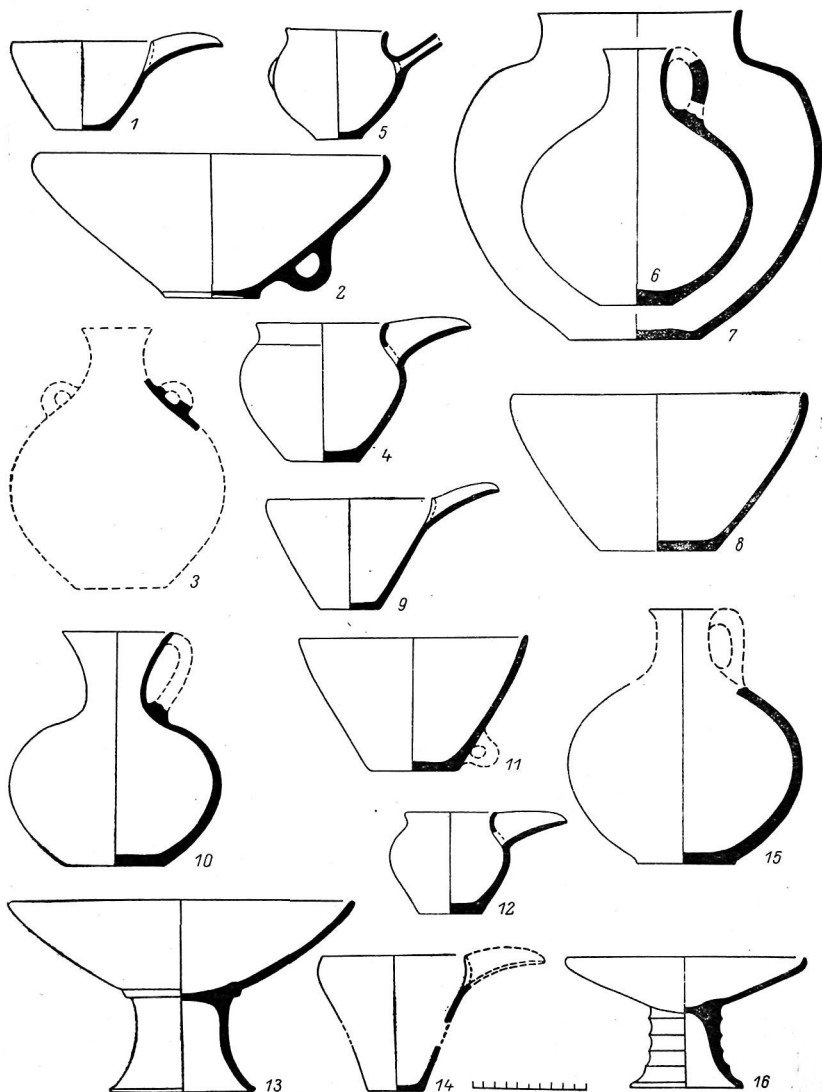

Табл. XXXV. Могильник Сумбар I. Керамика.

1 — мог. 24; 2 — мог. 27; 3, 4 — мог. 28; 5—8 — мог. 31; 9—11 — мог. 33; 12, 13 — мог. 34/35;
14—16 — мог. 38.

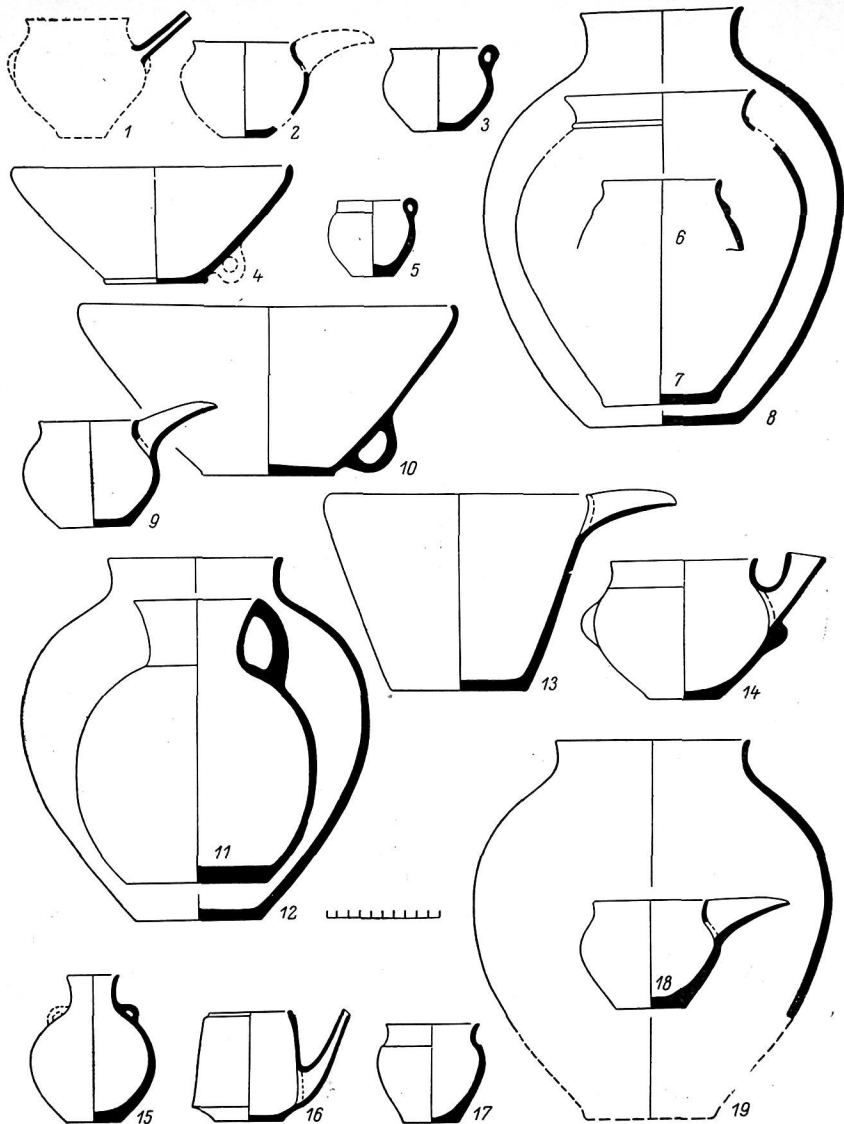

Табл. XXXVI. Могильник Сумбар I. Керамика.

1—8 — мог. 44; 9—14 — мог. 45; 15—17 — мог. 46; 18, 19 — мог. 47.

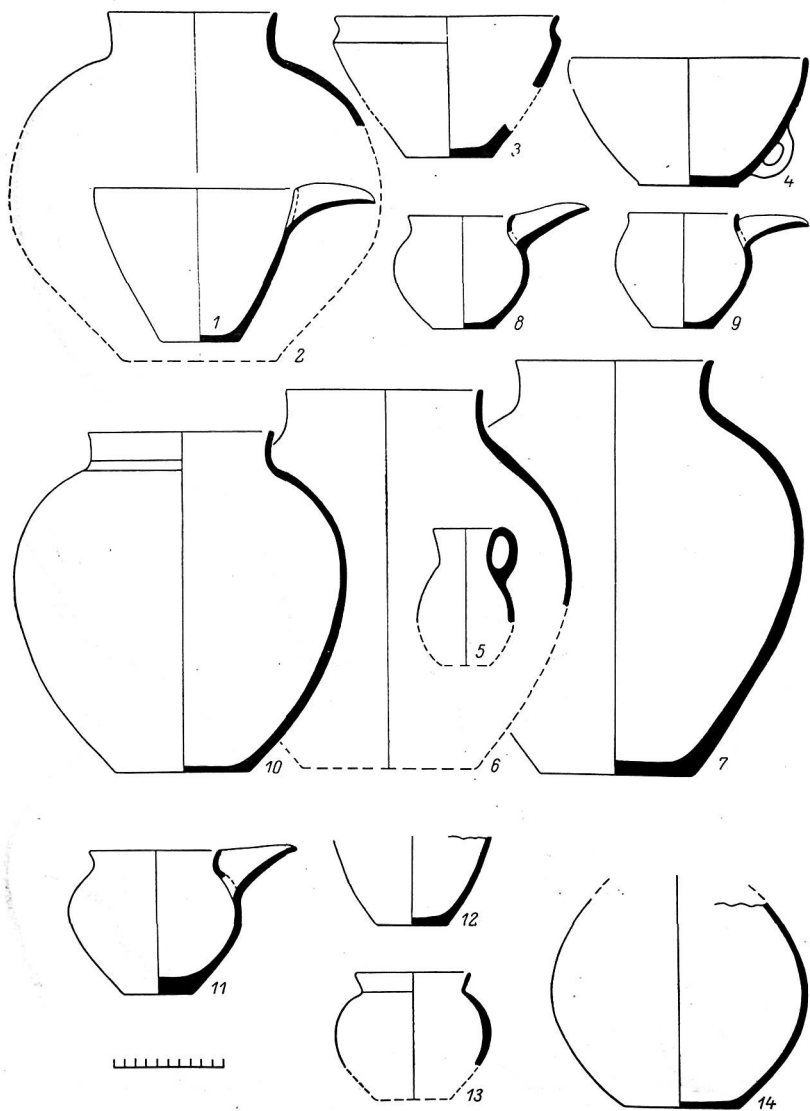

Табл. XXXVII. Могильник Сумбур I. Керамика.

1, 2 — мог. 48; 3, 4 — мог. 50; 5—7 — мог. 51; 8—10 — мог. 54; 11 — мог. 55; 12—14 — мог. 63.

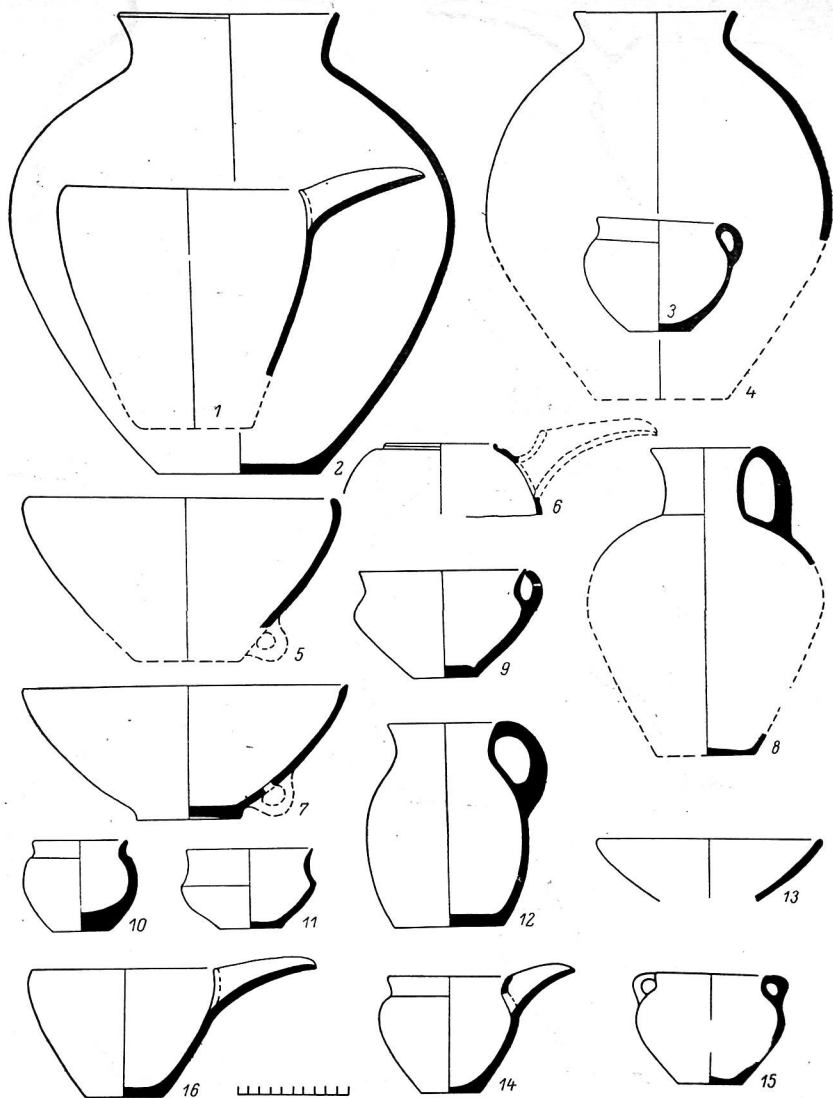

Табл. XXXVIII. Могильник Сумбар I. Керамика.

1, 2 — мог. 56; 3—5 — мог. 64; 6—8 — мог. 65; 9 — мог. 67; 10, 11 — мог. 76; 12, 13 — мог. 71;
14, 15 — мог. 74; 16 — мог. 79.

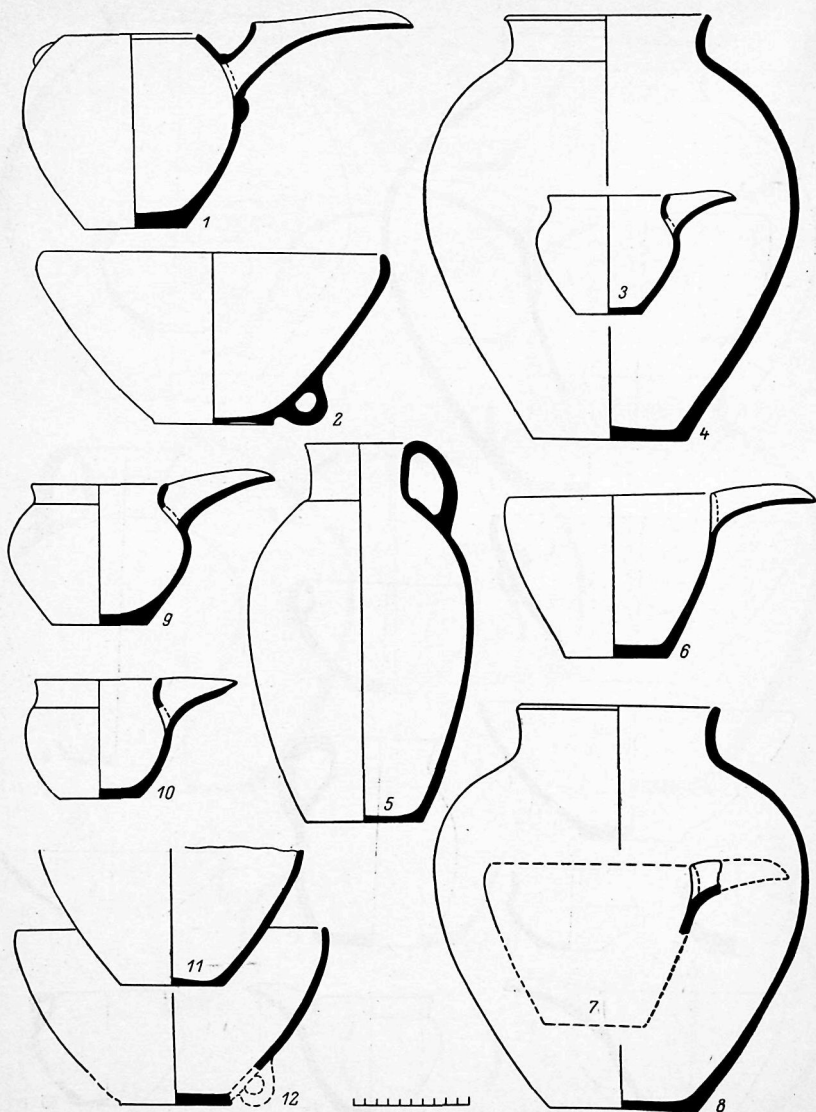

Табл. XXXIX. Могильник Сумбар I. Керамика.

1—6 — мог. 68; 7, 8 — мог. 73; 9, 10 — мог. 77; 11, 12 — мог. 80

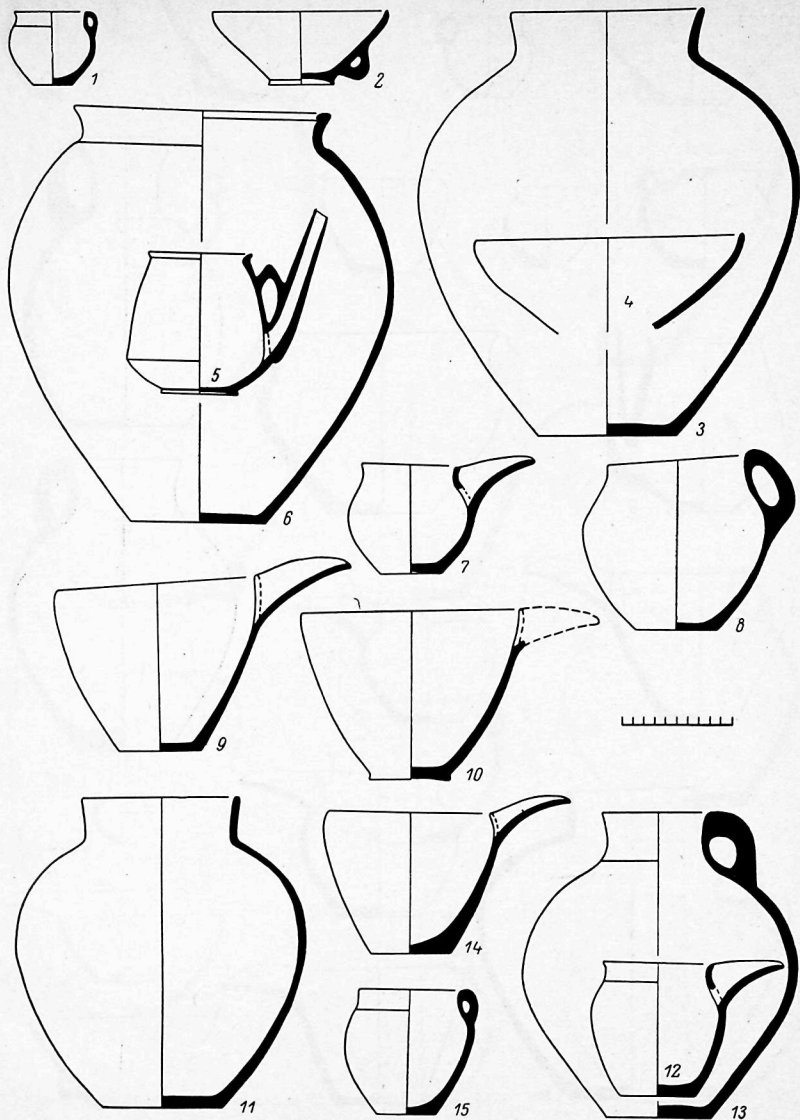

Табл. XL. Могильник Сумбар I. Керамика.

1, 2 — мог. 81; 3, 4 — мог. 82; 5—9 — мог. 83; 10, 11 — мог. 85; 12, 13 — мог. 86; 14, 15 — мог. 88.

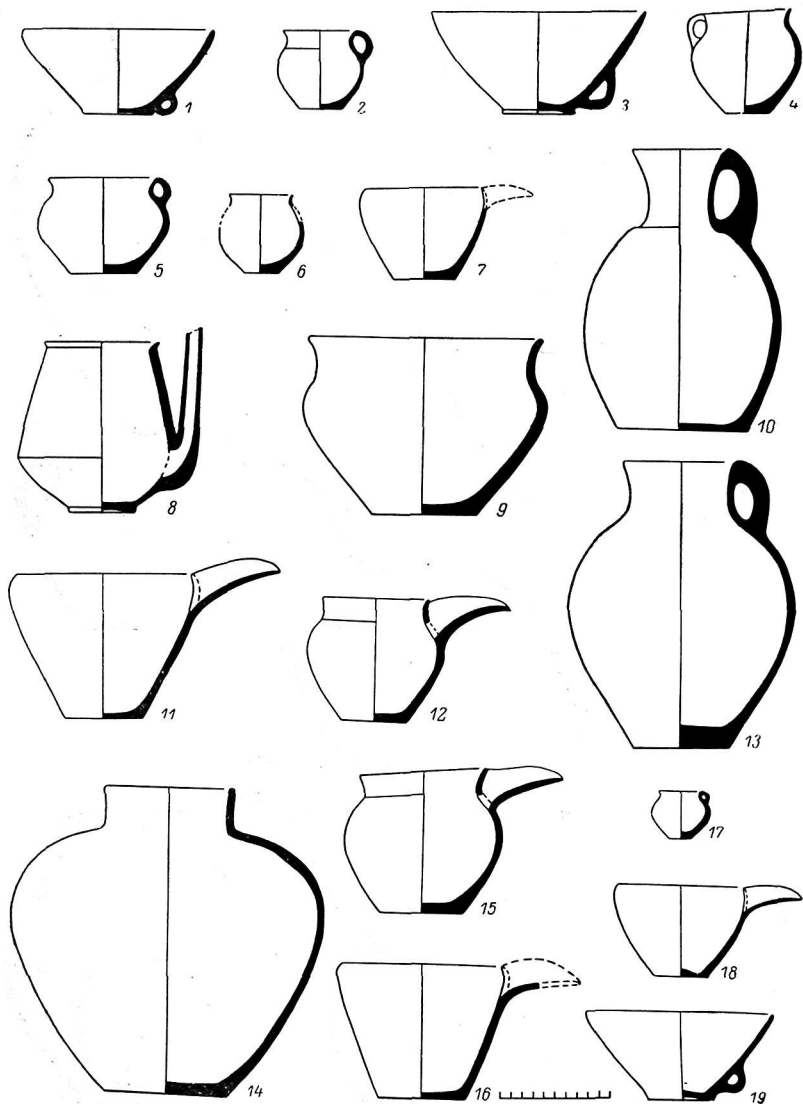

Табл. ХLI. Могильник Сумбар I. Керамика.

1, 2 — мог. 90; 3, 4 — мог. 92; 5 — мог. 96; 6, 7 — мог. 98; 8—10 — мог. 101; 11, 12 — мог. 102; 13—15 — мог. 103; 16 — мог. 106; 17—19 — мог. 113.

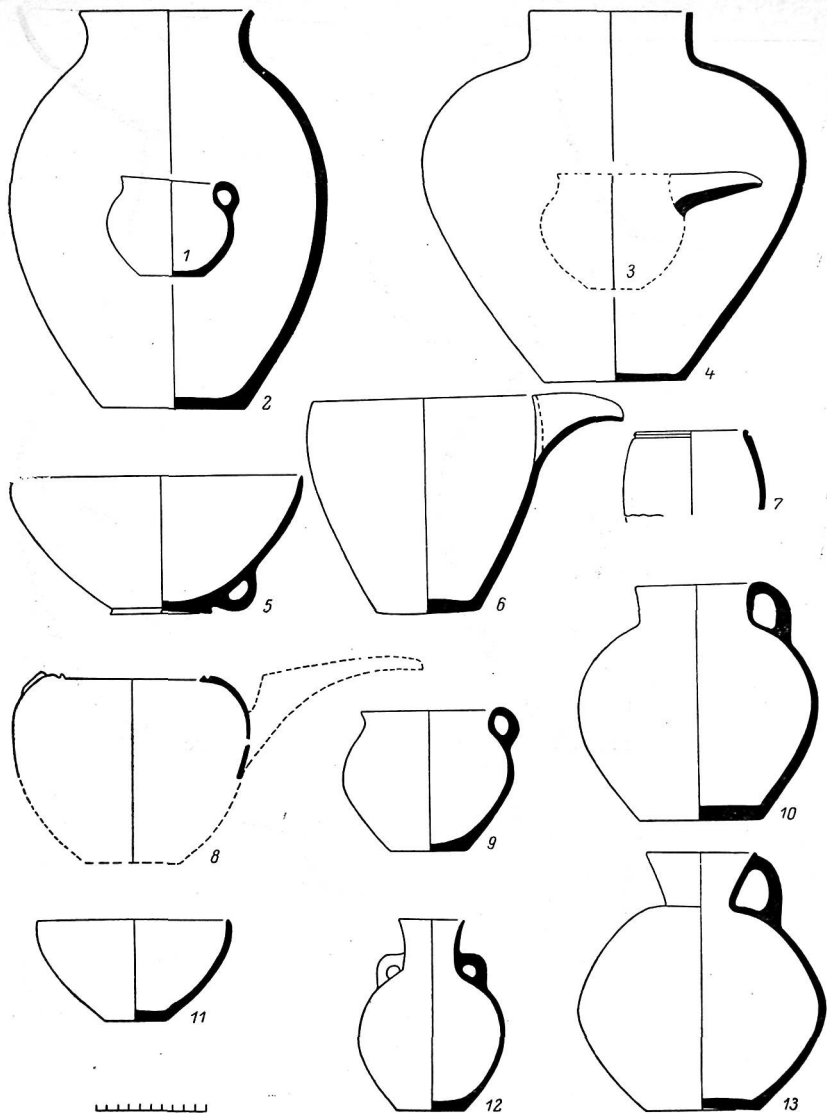

Табл. XLII. Могильник Сумбар I. Керамика.
 1, 2 — мог. 107; 3—10 — мог. 109; 11—13 — мог. 117.

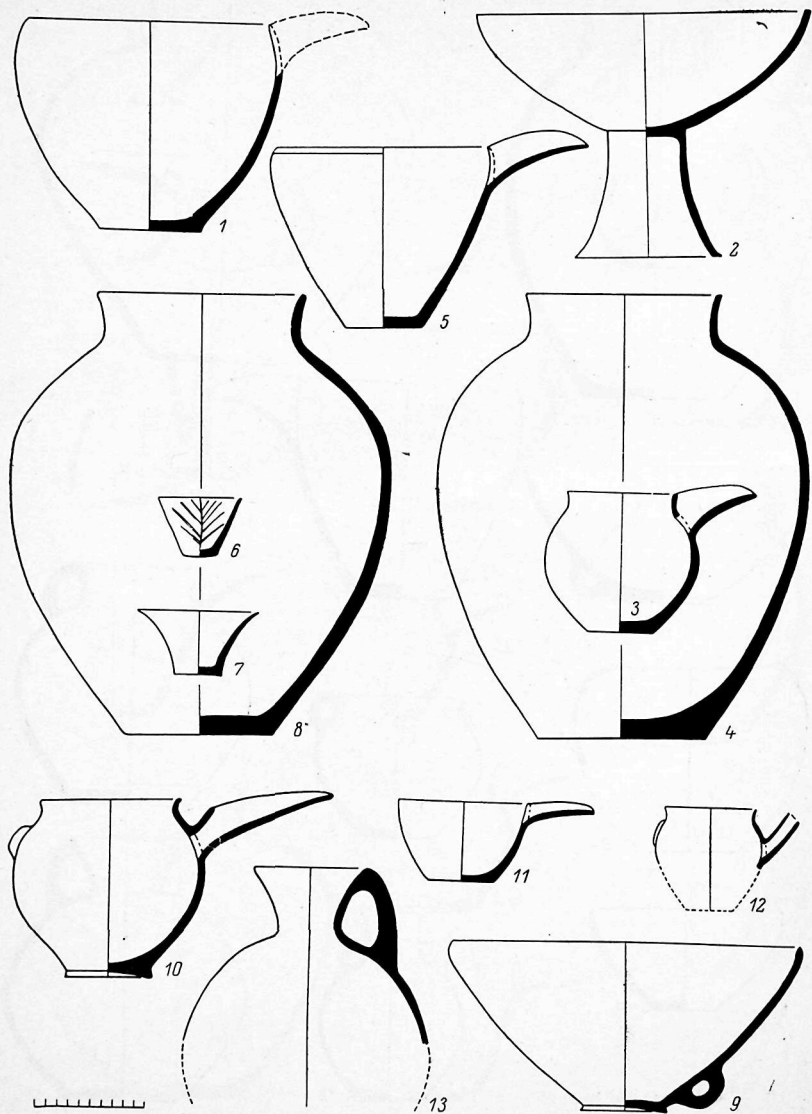

Табл. XLIII. Могильник Сумбар I. Керамика.

1—4 — мог. 119; 5—8 — мог. 120; 9 — мог. 121; 10—13 — мог. 126.

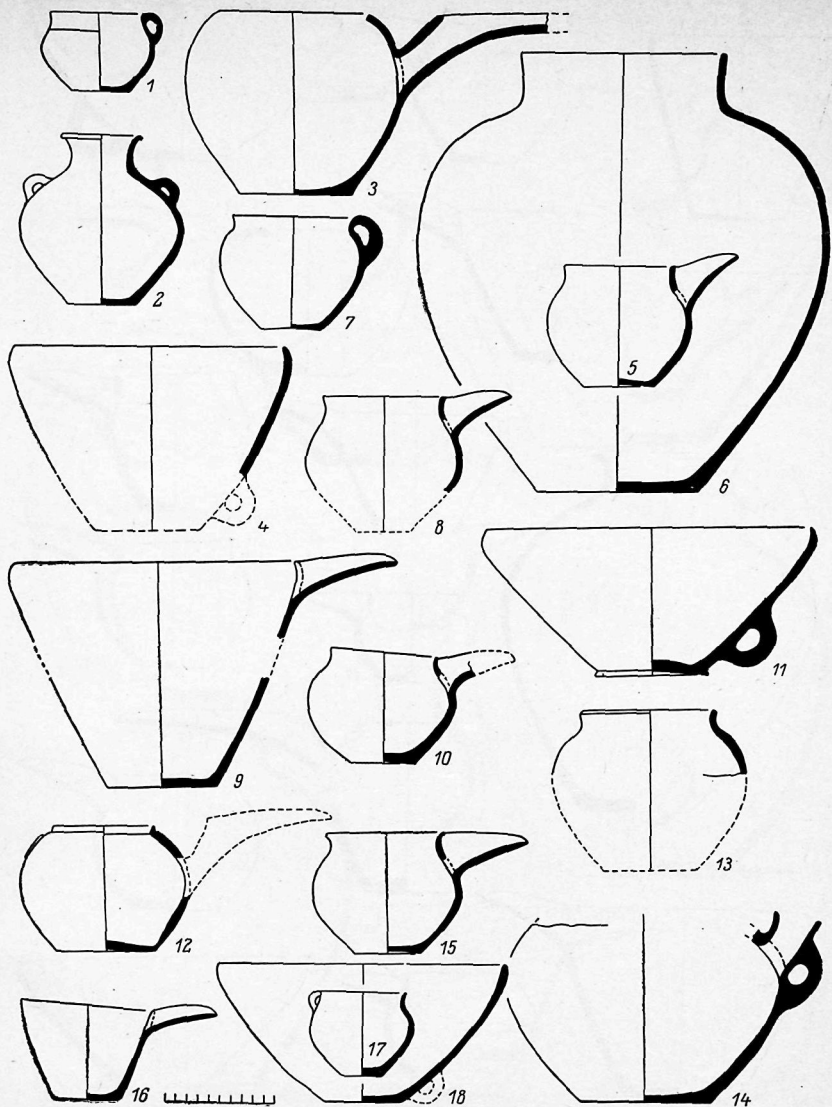

Табл. XLIV. Могильник Сумбар I. Керамика.

1, 2 — мог. 128; 3—6 — мог. 129; 7—9 — мог. 132; 10, 11 — мог. 133; 12 — мог. 134; 13, 14 — мог. 135; 15 — мог. 136; 16—18 — мог. 142.

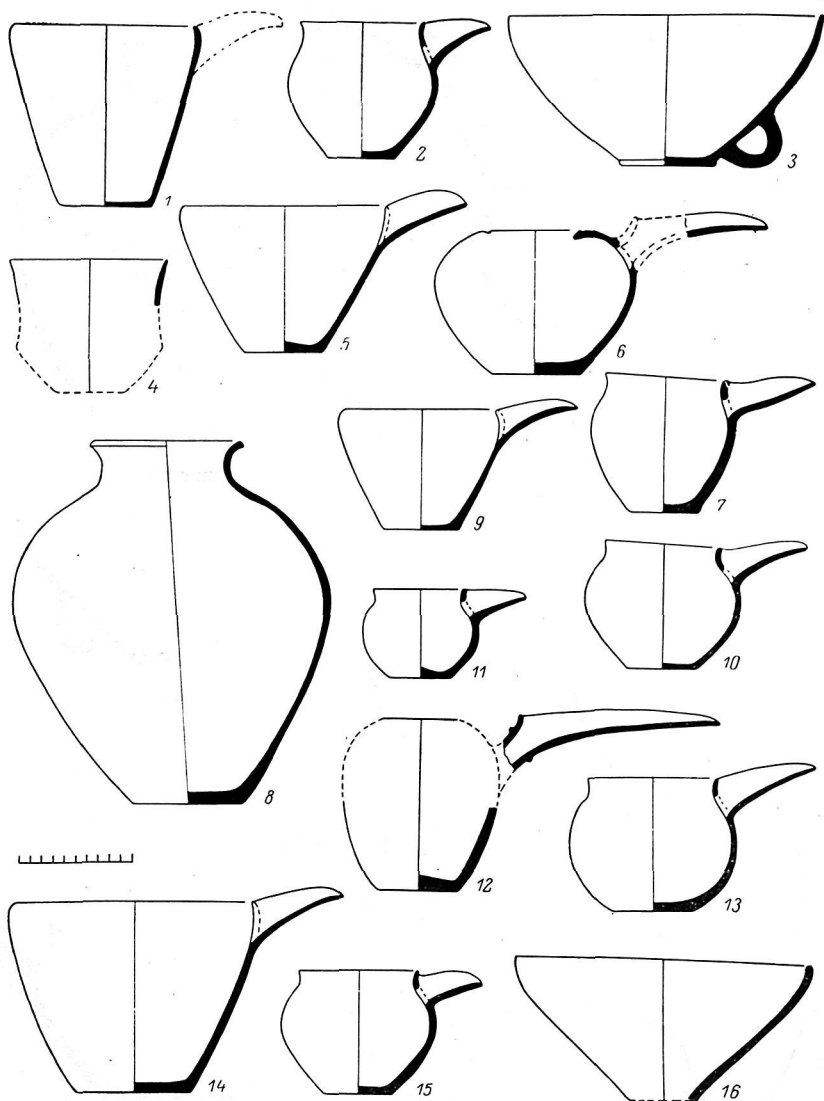

Табл. XLV. Могильник Сумбар I. Керамика.

1, 2 — мог. 141; 3, 4 — мог. 143; 5—8 — мог. 145; 9 — мог. 148; 10 — мог. 149; 11—16 — мог. 151.

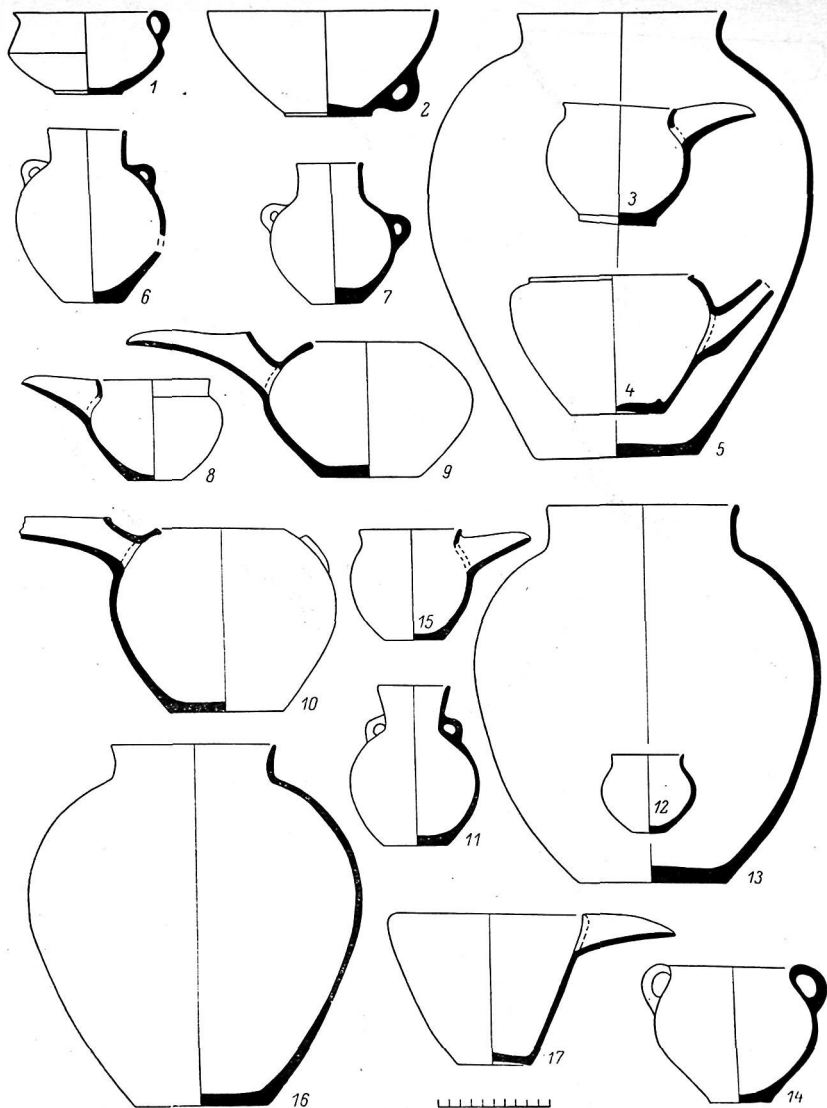

Табл. XLVI. Могильник Сумбар I. Керамика.

1 — мог. 156; 2 — мог. 157; 3—5 — мог. 158; 6, 7 — мог. 160; 8 — мог. 163; 9, 10 — мог. 164; 11—14 — мог. 167; 15 — мог. 168; 16, 17 — мог. 172.

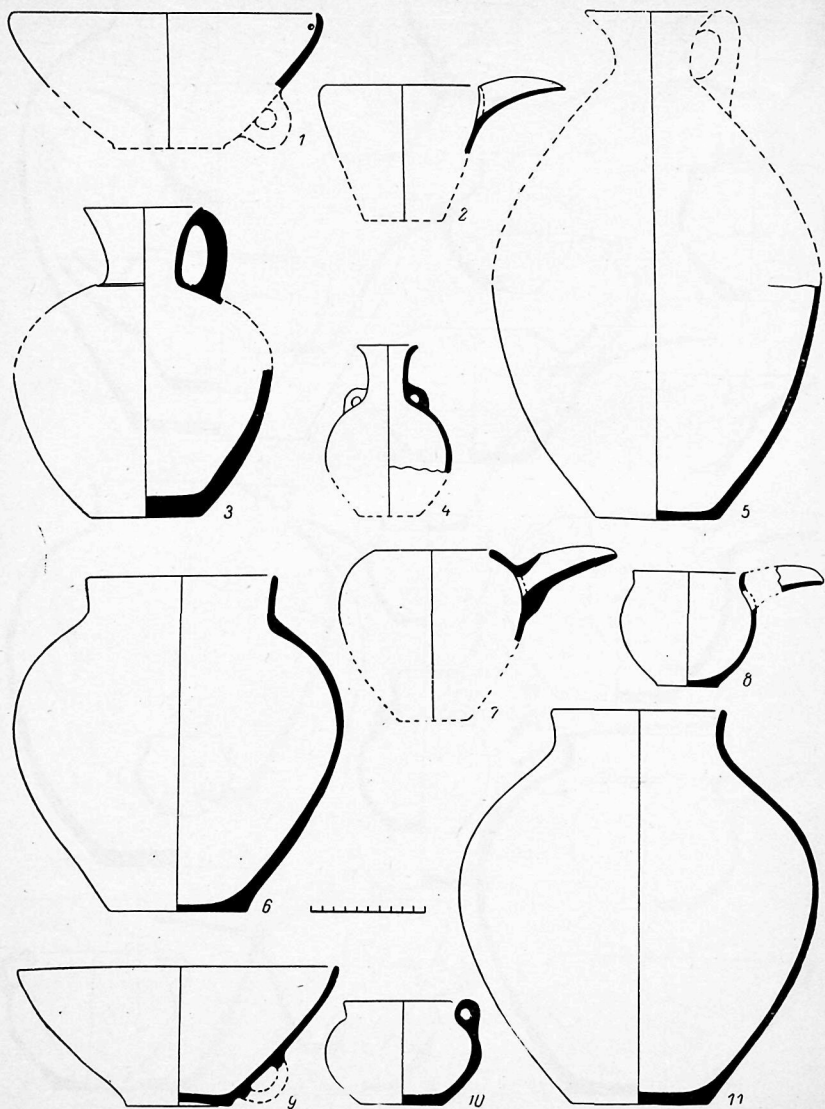

Табл. XLVII. Могильник Сумбар I. Керамика.

1—5 — мог. 171; 6—8 — мог. 175; 9—11 — мог. 176.

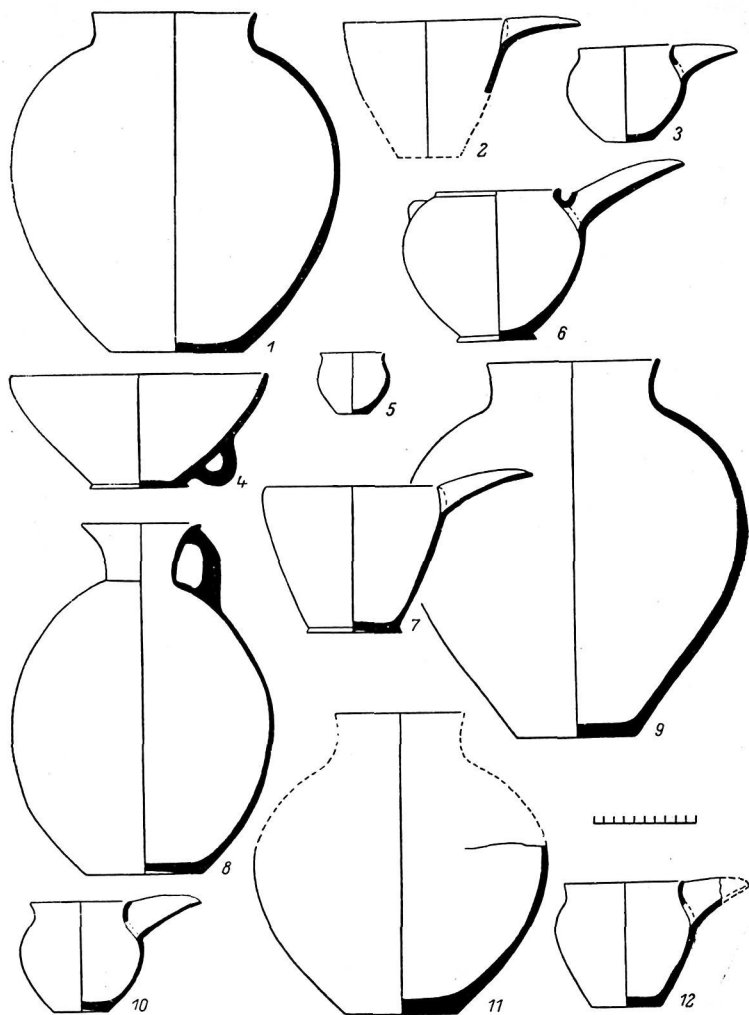

Табл. XLVIII. Могильник Сумбар I. Керамика.

1—3 — мог. 177; 4—9 — мог. 178; 10—12 — мог. 179.

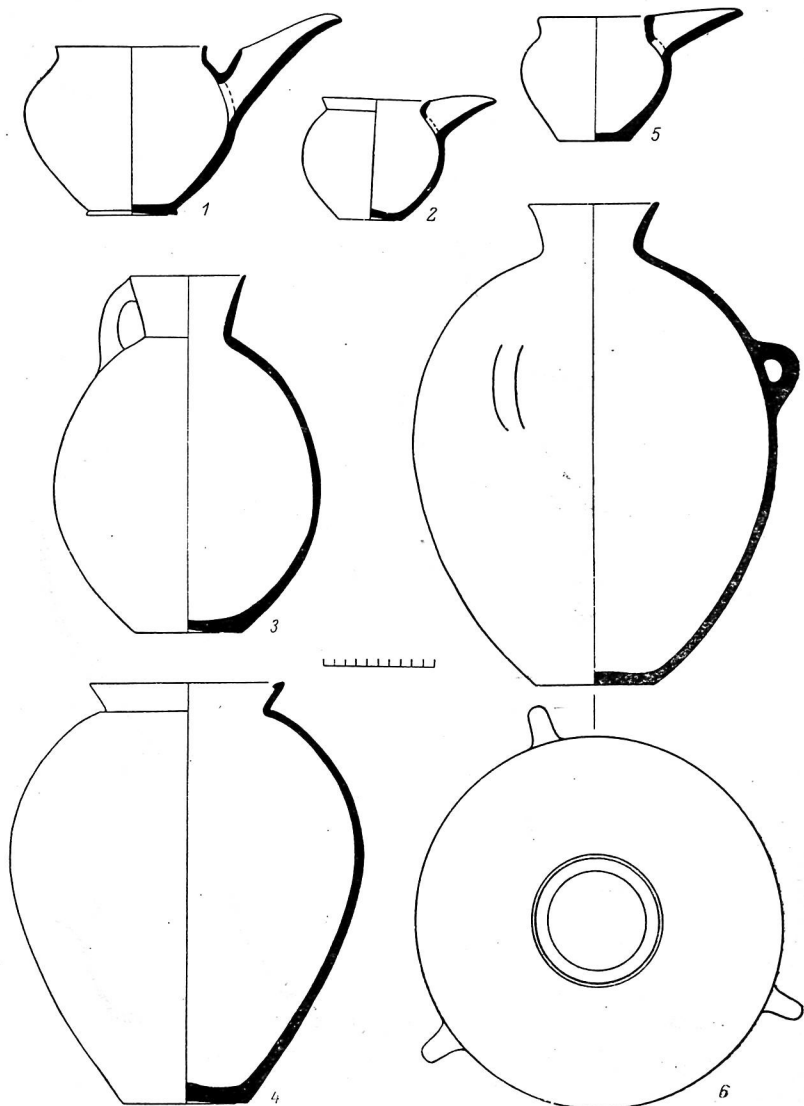

Табл. XLIX. Могильники Сумбар I и II. Керамика.

1—4 — С-I-180; 5, 6 — С-II-3.

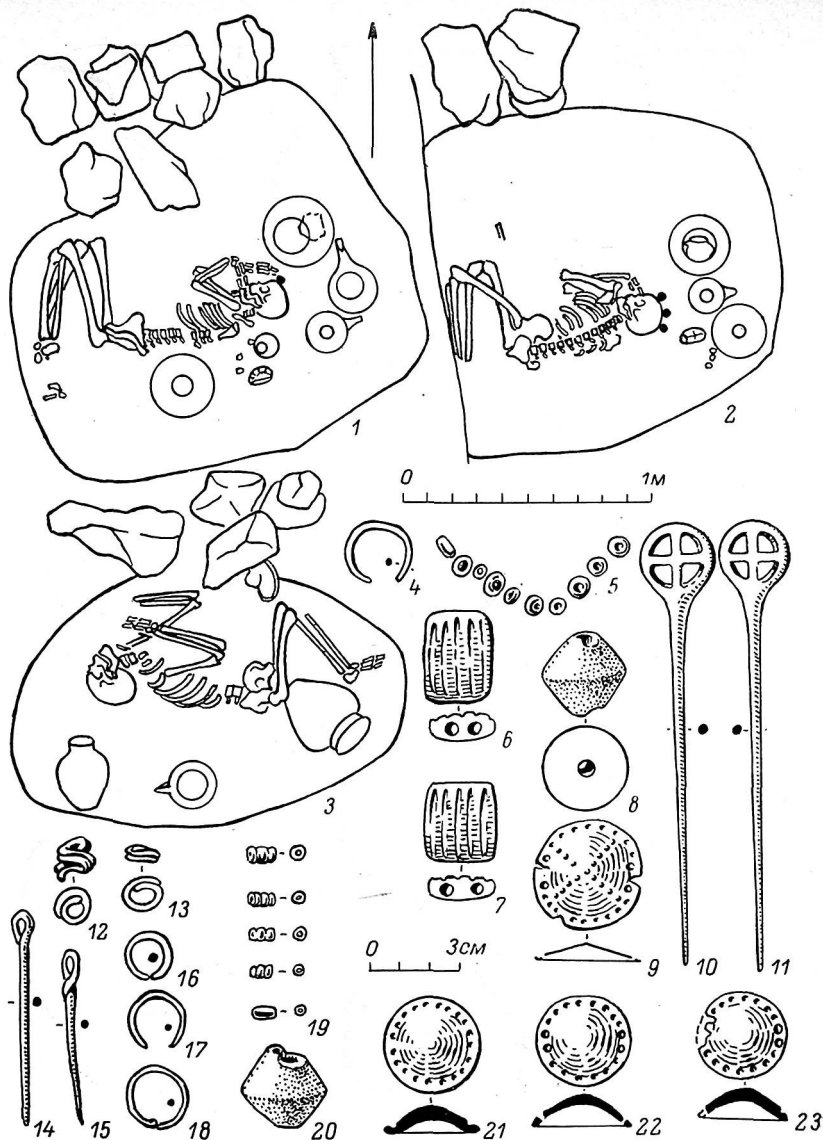

Табл. Л. Могильник Сумбар II.

1, 4-11 — мог. 6; 2, 12-23 — мог. 4; 3 — мог. 2.

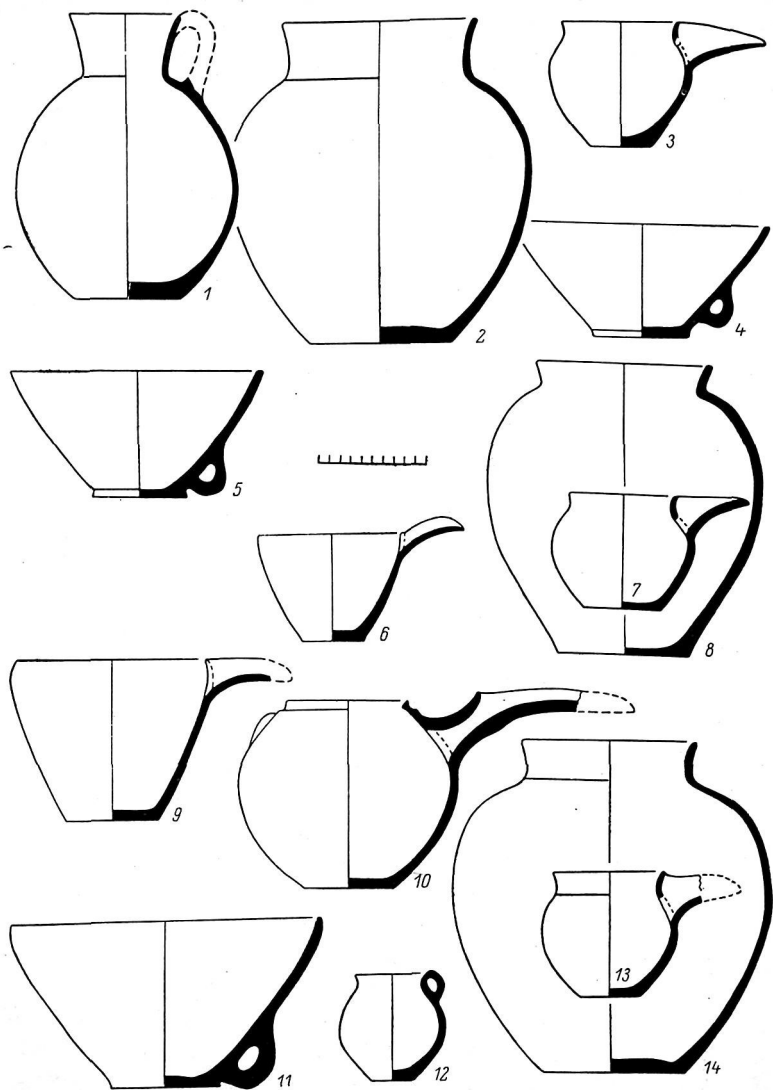

Табл. LI. Могильник Сумбар II. Керамика.

1—4 — мог. 2; 5—8 — мог. 4; 9—14 — мог. 6.

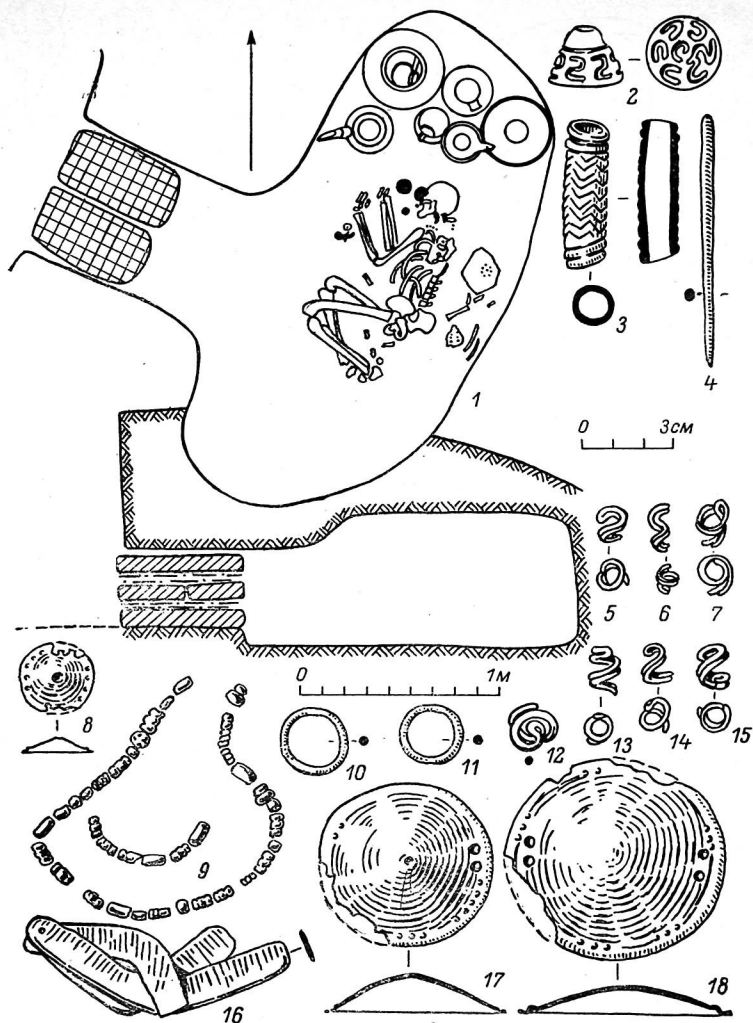

Табл. LII. Могильник Пархай I.

1—18 — мог. 11.

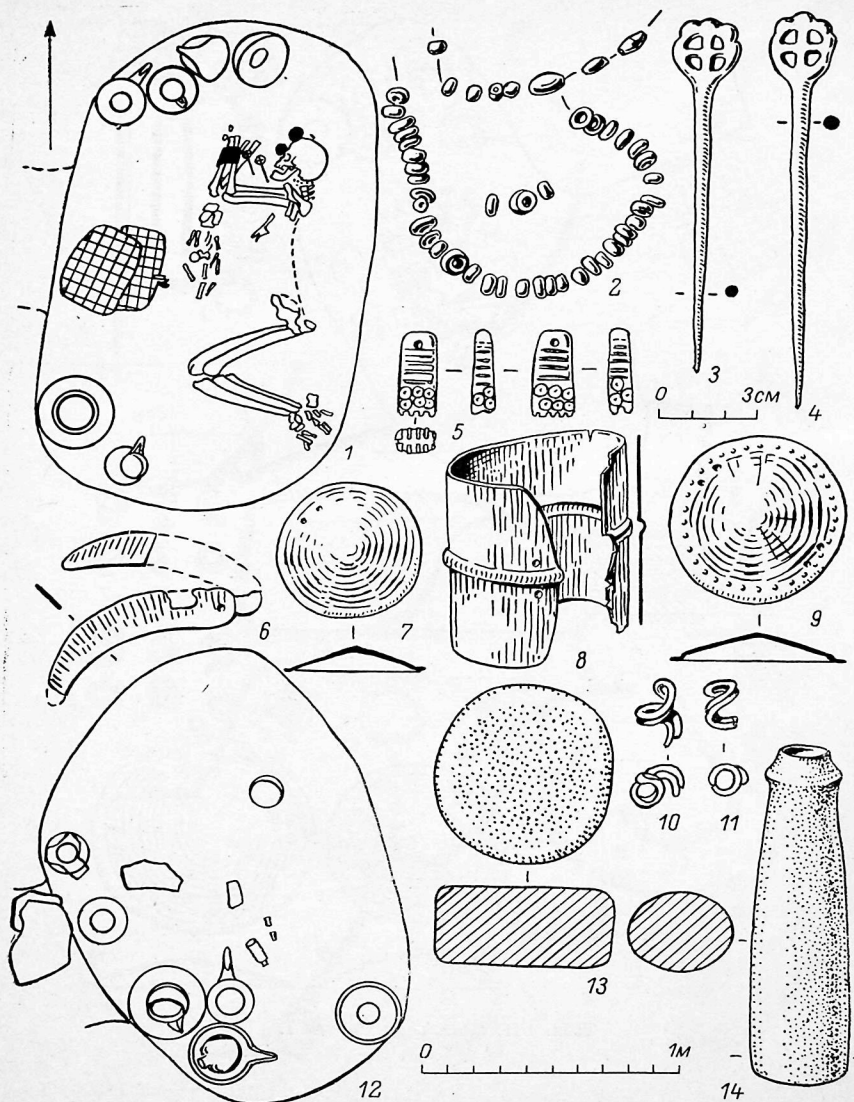

Табл. LIII. Могильник Пархай I.

1—11 — мог. 14; 12—14 — мог. 24.

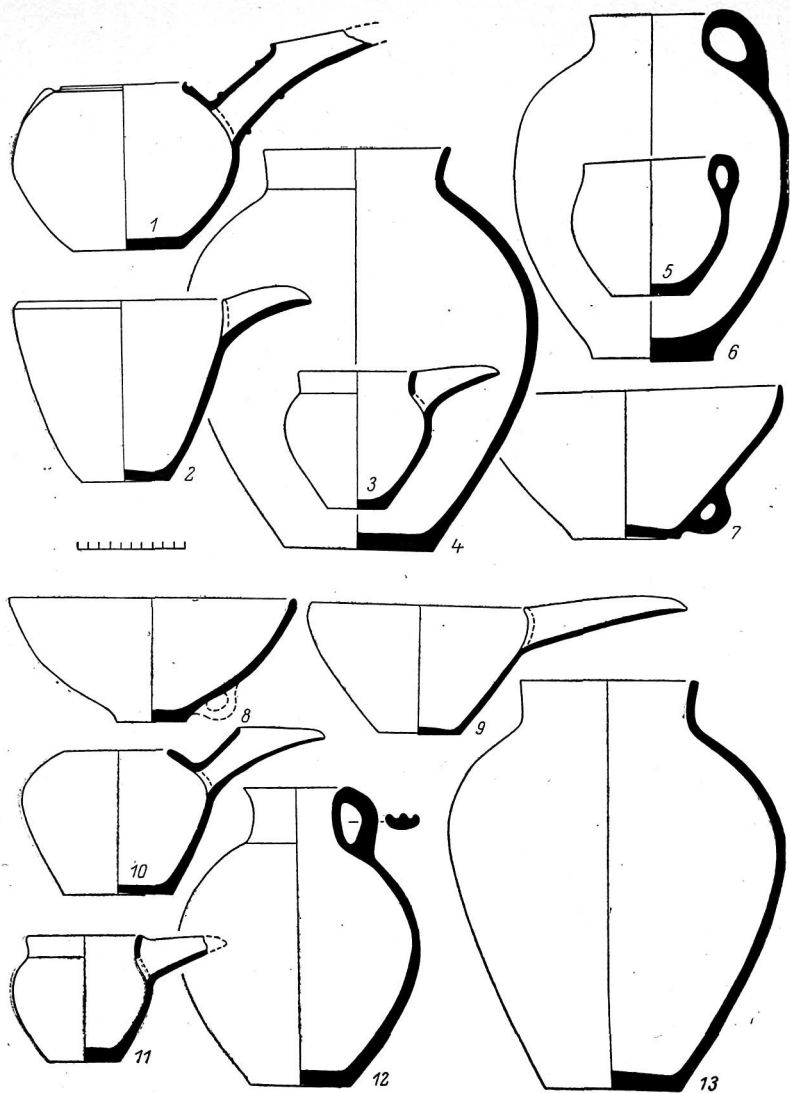

Табл. LIV. Могильник Пархай I. Керамика.

1—7 — мог. 11; 8—13 — мог. 14.

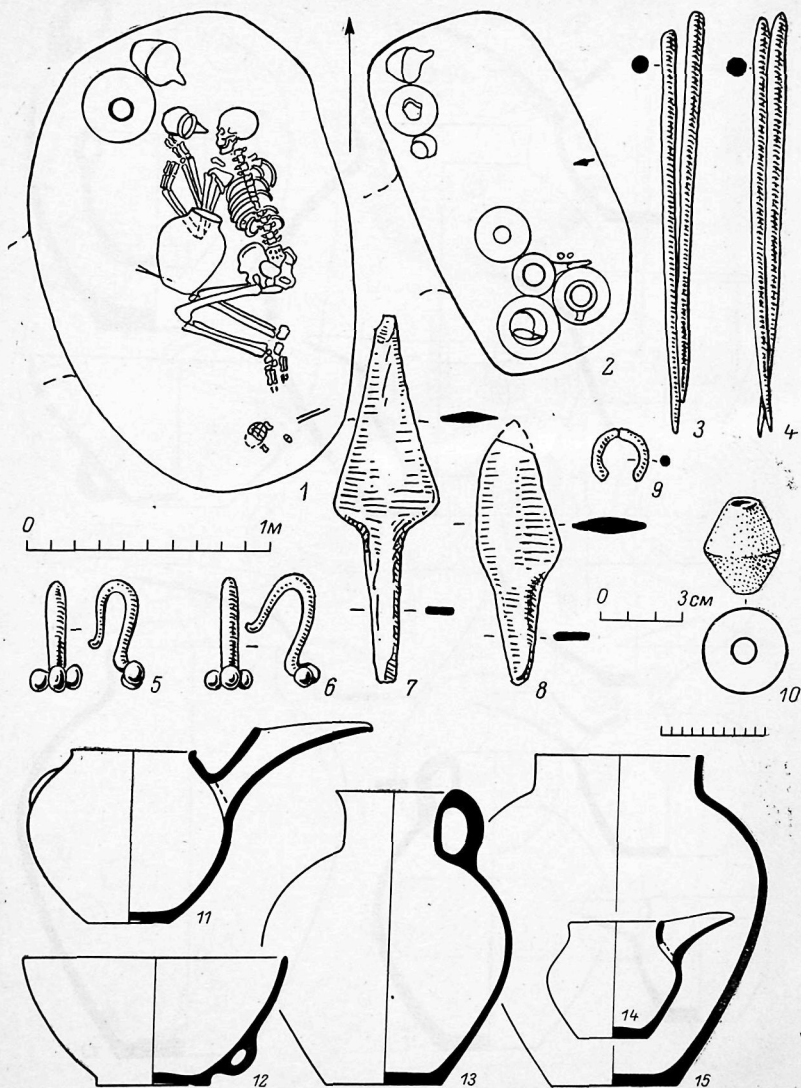

Табл. LV. Могильник Пархай I.

1, 3-6, 10 - мог. 13; 2, 7-9, 11-15 - мог. 17.

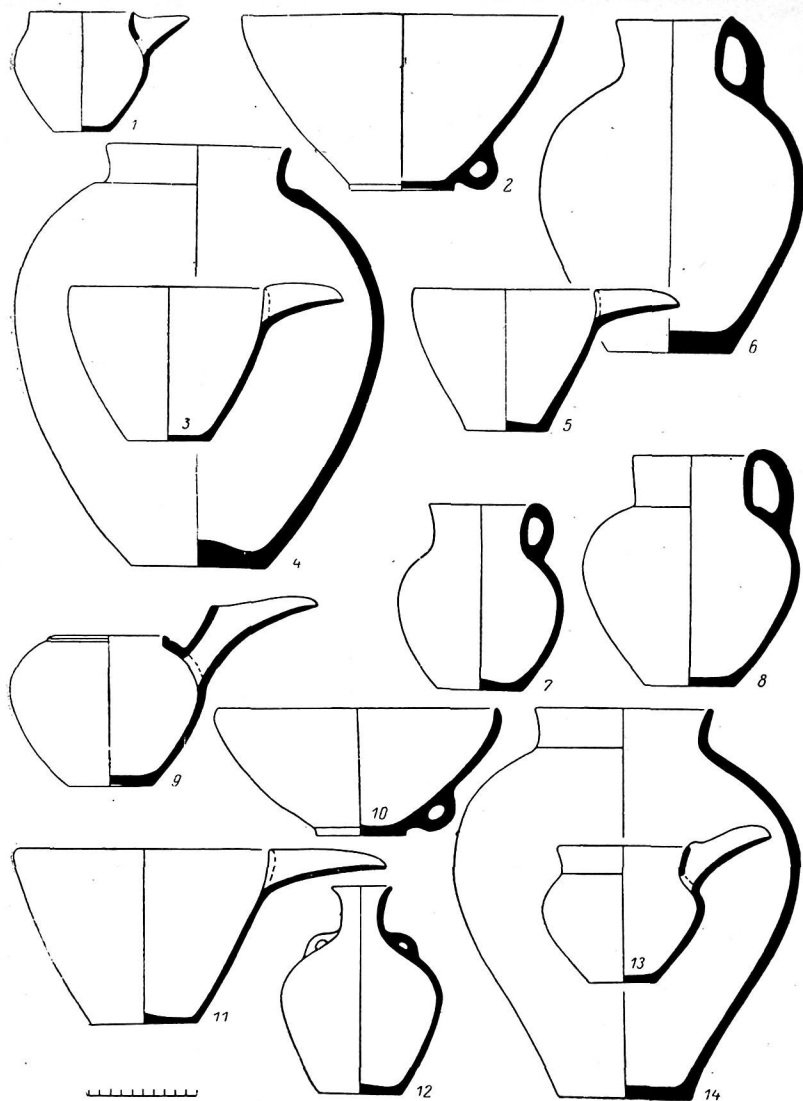

Табл. LVI. Могильник Пархай I. Керамика.

1—4 — мог. 13; 5, 6 — мог. 17; 7—14 — мог. 24.

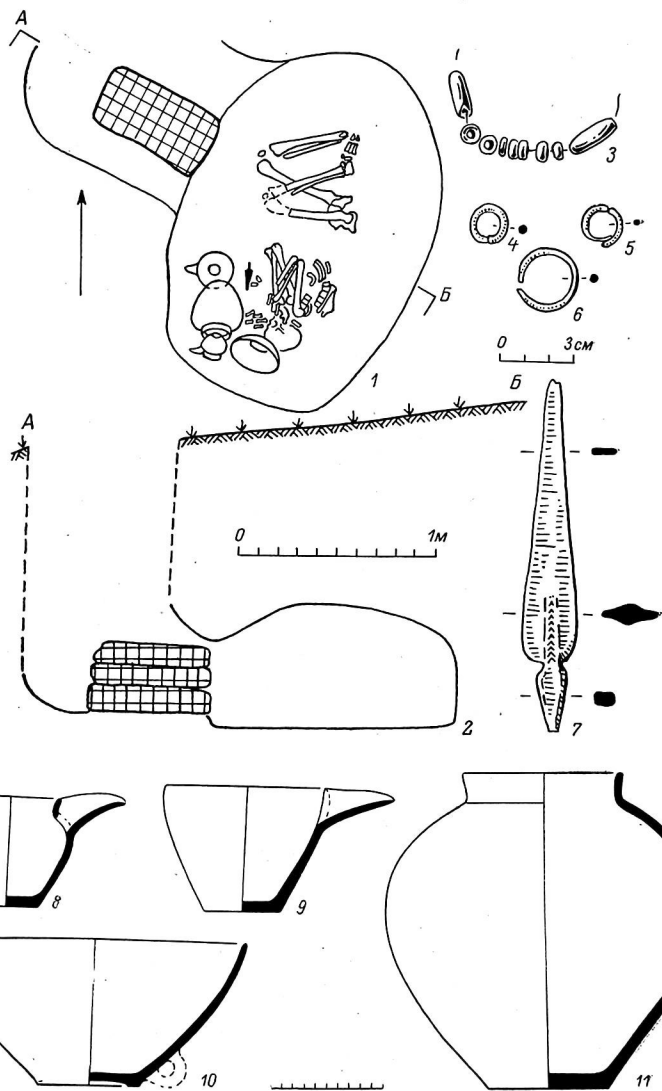

Табл. LVII. Могильник Пархай I.

1—11 — мог. 25.

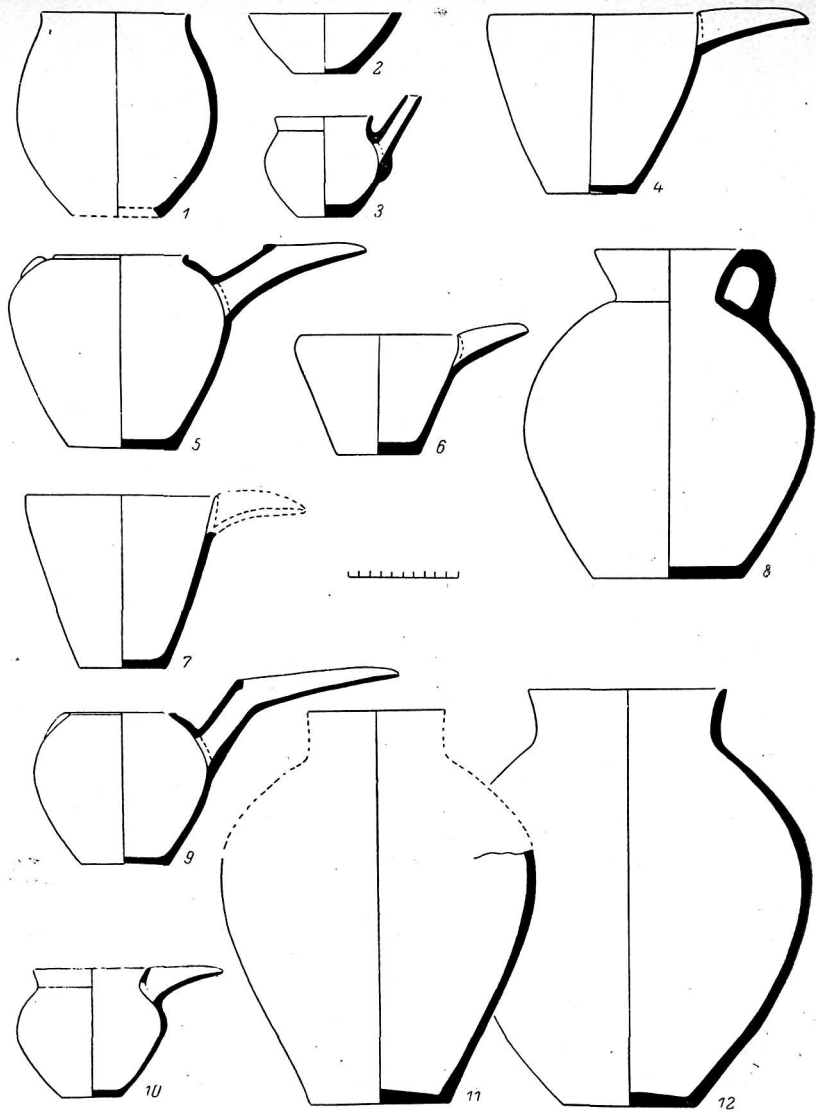

Табл. LVIII. Могильник Пархай I. Керамика.

1—3 — мог. 1; 4, 5 — мог. 2; 6—12 — мог. 6.

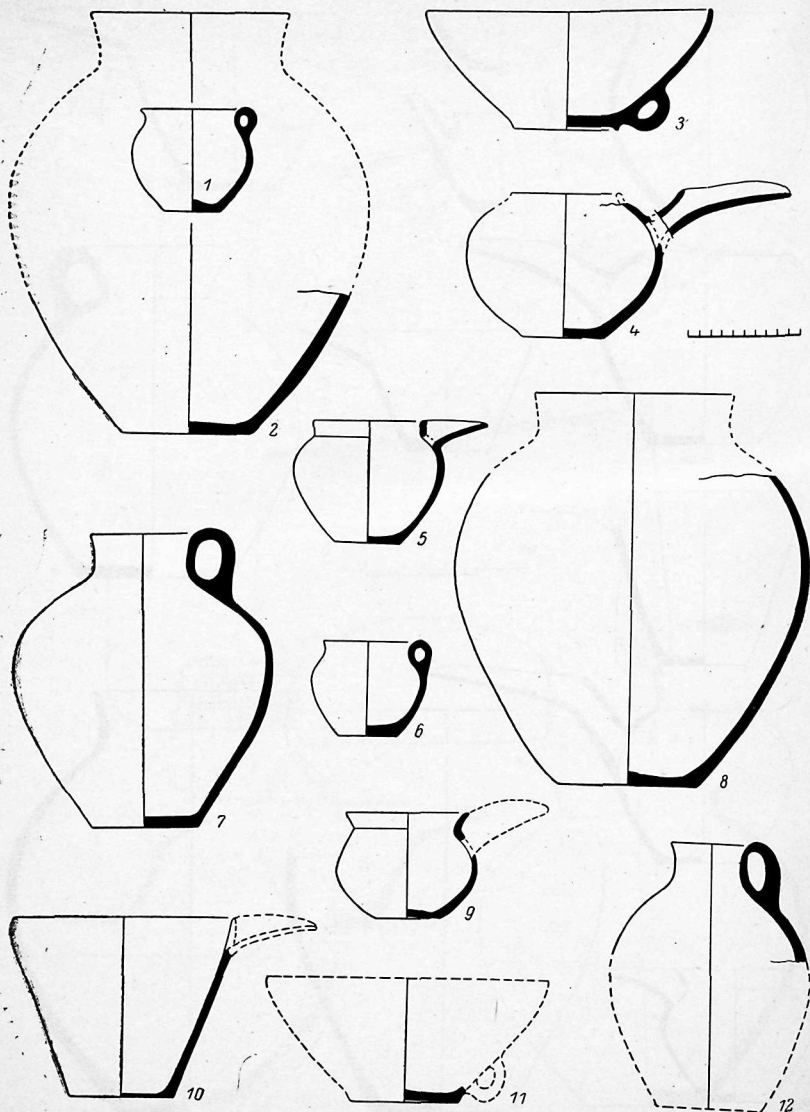

Табл. LIX. Могильник Пархай I. Керамика.

1, 2 — мог. 3; 3—8 — мог. 7; 9—12 — мог. 10.

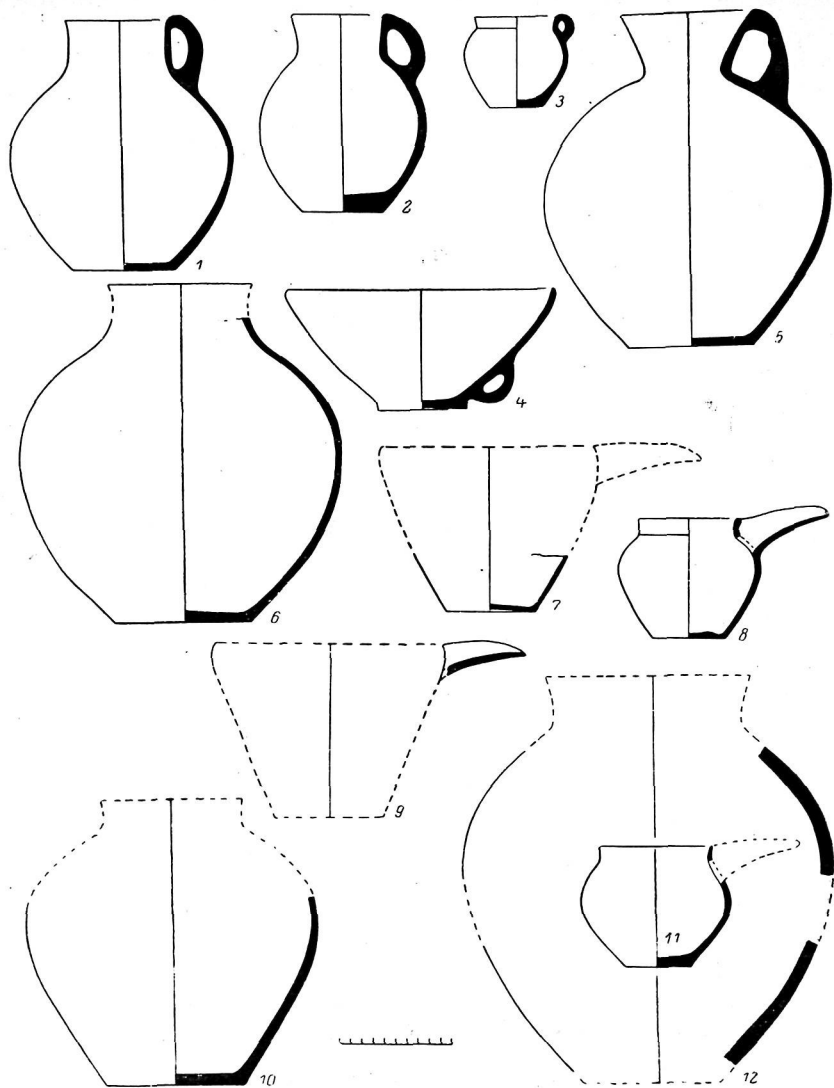

Табл. LX. Могильник Пархай I. Керамика.
1—3 — мог. 15; 4—9 — мог. 19; 10—12 — мог. 27.

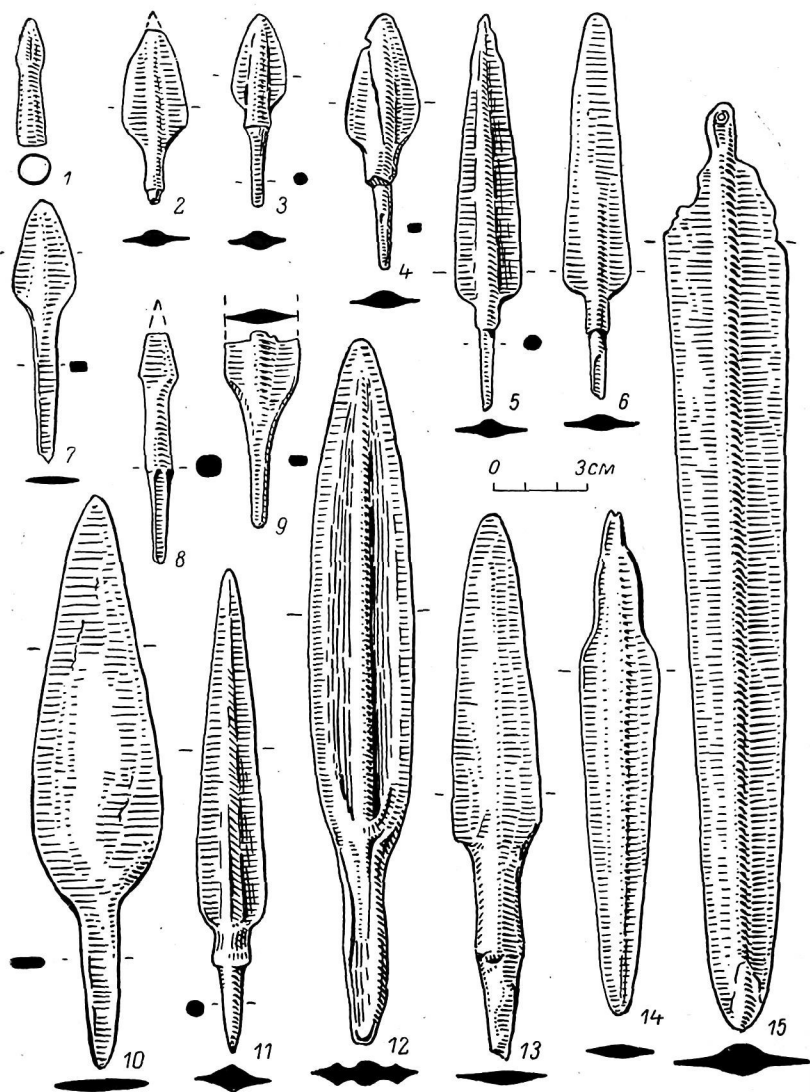

Табл. LXI. Бронзовые предметы.

1 — С-I-158; 2 — С-I-85; 3, 5 — П-I-19; 4 — С-I-145; 6 — С-I-101; 7, 9 — С-I-180; 8 — С-I-1; 10, 11 — П-I-6; 12 — С-I-22; 13 — С-I-119; 14 — С-I-178; 15 — С-I-133.

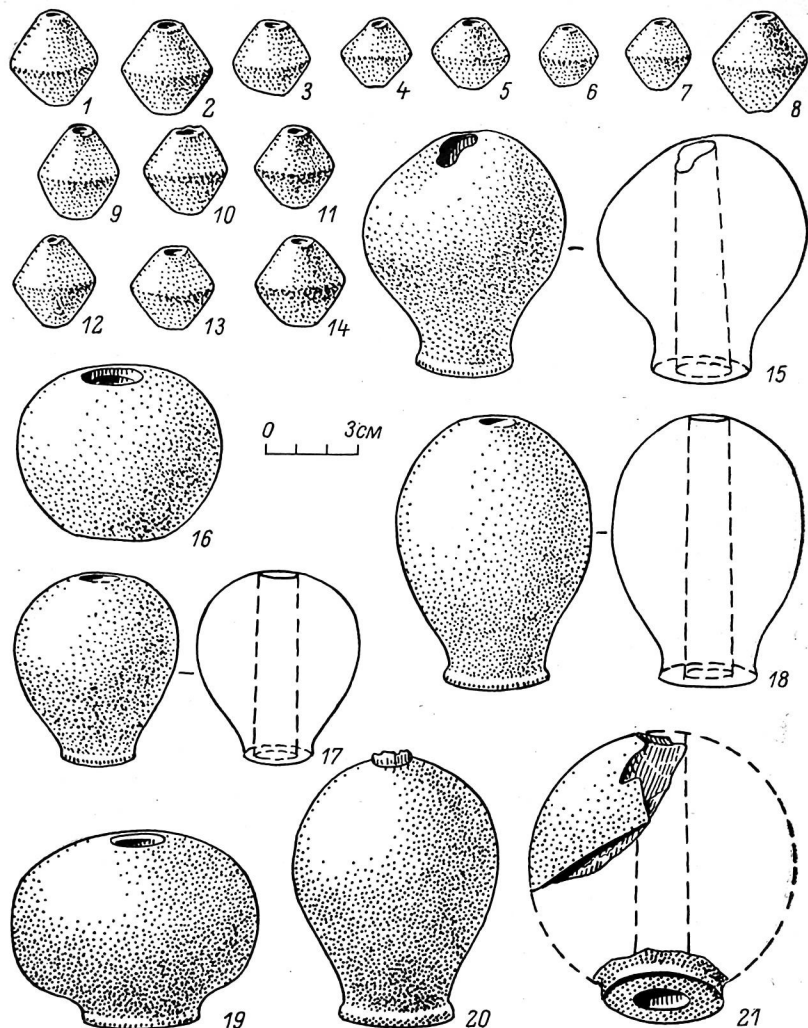

Табл. LXII. Изделия из камня.

1 — C-I-33; 2 — C-I-45; 3 — C-I-70; 4 — C-I-97; 5 — C-I-104; 6 — C-I-77; 7 — C-I-105; 8 — C-I-112;
 9 — C-I-114; 10 — П-I-7; 11, 12 — C-I-129; 13 — C-I-132; 14 — C-I-137; 15 — C-I-154; 16 — П-I-8;
 17 — случайная находка; 18 — C-I-176; 19, 20 — C-I-119; 21 — C-I-59.

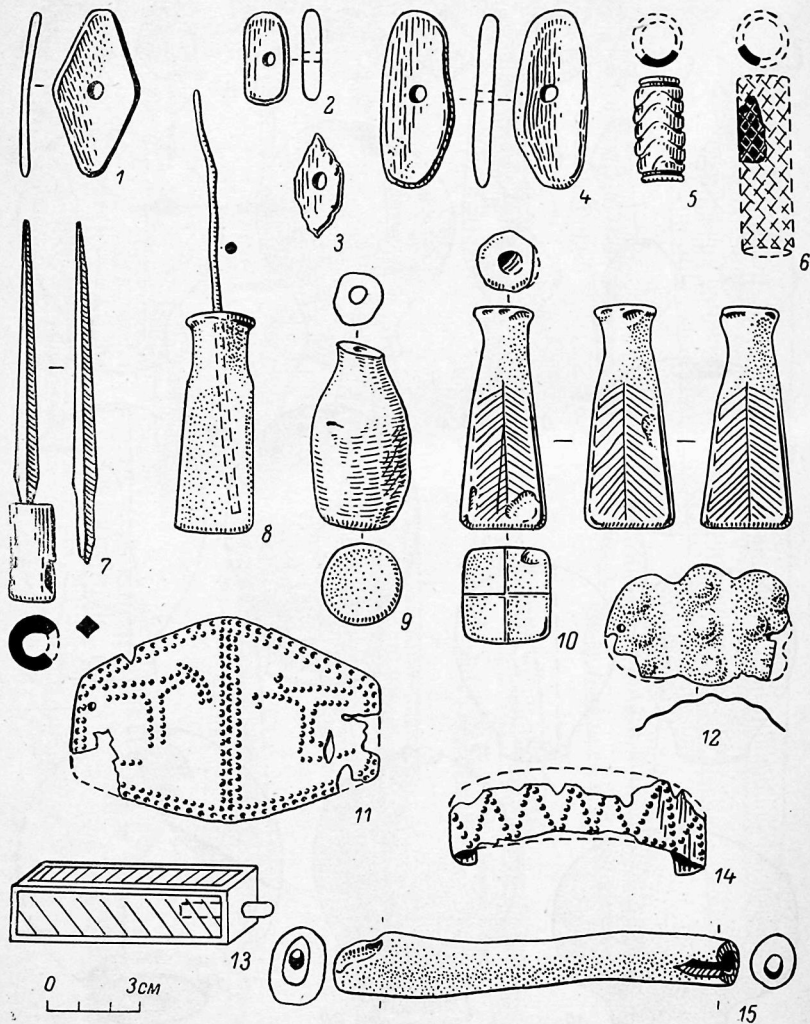

Табл. LXIII. Изделия из разных материалов.

1 — C-I-111; 2 — C-I-180; 3 — П-I-3; 4 — C-I-176; 5 — C-I-65; 6 — C-I-50; 7 — C-I-85; 8 — C-I-113;
9 — C-I-167; 10 — C-I-169; 11 — C-I-168; 12 — C-I-178; 13 — C-I-10 (реконструкция); 14 — случайная находка; 15 — C-I-7.

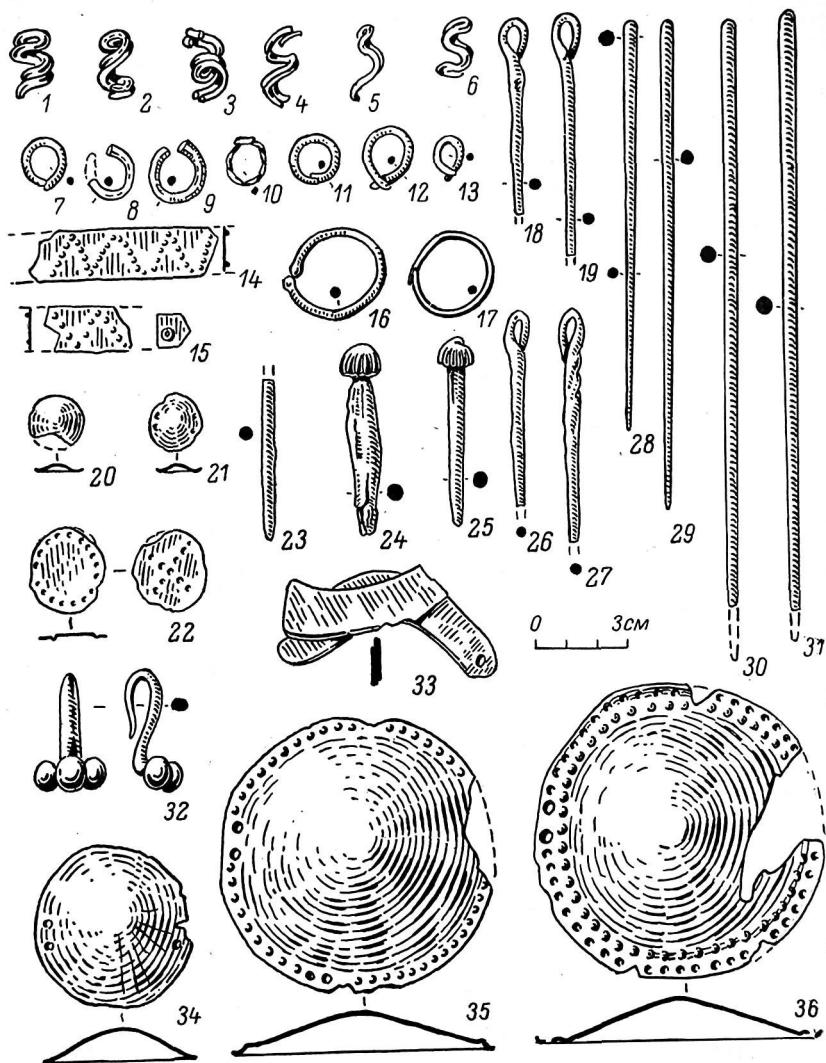

Табл. LXIV. Металлические изделия.

1, 31 — C-I-33; 2, 3 — C-I-34; 4, 26, 27 — C-I-159; 5 — C-I-176; 6 — C-I-13; 7 — C-I-99; 8, 9 — C-I-124; 10 — C-I-126; 11, 12 — C-I-169; 13 — II-I-19; 14, 16 — C-I-111; 15 — C-I-109; 17 — C-I-135; 18, 19 — C-I-6; 20, 21 — C-I-103; 22 — C-I-76; 23 — вне могил; 24, 25 — C-I-154; 28 — C-I-56; 29 — C-I-167; 30 — C-I-35; 32 — II-I-7; 33 — C-I-50; 34 — C-I-101; 35, 36 — C-I-158.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В. А. Галибин

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАХОДОК ИЗ СУМБАРСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

ПОЛНЫЙ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ФАЯНСА, СТЕКЛА И ПРИРОДНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Все находки подвергались полному количественному спектральному анализу на основные элементы и элементы-примеси по методу трех эталонов. Испарение проб (навеска 10 мг) производилось в дуге переменного тока (220 В, 18 А, полный дожиг). Фотографирование спектров проб и эталонов осуществлялось на спектрографе ИСП-22 (щель 0.003 мм) с трехлинзовой системой освещения на фотопластинках СП-1. На каждую фотопластинку наносилось по 6—10 эталонов и 38—40 спектров проб. Аналитические графики строились для каждой пластинки в координатах $\Delta S - \lg C$. Почернение аналитических линий измерялось на микрофотометре МФ-2. Содержание главных компонентов в предметах из золота и серебра определялось методом взаимного стандарта. Относительная ошибка анализа по воспроизводимости (коэффициент вариации) составляет 15—20%.

Предметы из фаянса

Древний фаянс представляет собой толченый кварц или кварцевый песок, который после добавки раствора соды или соли (10%) и прокаливания спекается в достаточно крепкий материал; в Египте фаянс еще покрывали слоем глазури [Лукас, 1958, с. 254—256].

Всего проанализировано 30 предметов из фаянса: рукояти ковровых ножей, пронизки, бляшки, штампы, бусины. Все крупные предметы были

Таблица 1

Результаты полного количественного спектрального анализа (%)

Шифр лаборатории	SiO ₂	Na ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	TiO ₂	CuO	PbO	Sn	Mn
Предметы из фаянса											
133-13	90	0.13	0.5	3.4	0.8	1.6	0.034	5.0	—	—	0.03
133-14	90	0.32	0.5	1.6	0.5	0.9	0.022	5.0	—	—	—
133-15	90	0.55	2.8	2.6	0.6	1.8	0.038	3.3	—	0.01	—
133-16	90	0.09	0.17	0.6	0.39	0.4	0.016	5.0	—	—	—
133-17	90	0.2	1.9	0.9	0.55	0.6	0.013	0.55	—	—	0.03
133-19	95	0.09	0.22	0.6	0.45	0.5	—	3.6	—	—	—
133-20	95	0.09	0.25	1.2	0.6	0.6	0.014	1.3	—	—	—
133-25	90	0.28	2.6	1.5	0.65	1.2	0.016	7.0	—	—	—
133-26	90	0.19	0.65	2.0	0.65	0.9	0.021	4.5	—	—	—
133-27	90	0.32	1.2	1.9	0.9	1.3	0.015	6.0	—	—	—
133-28	90	0.26	1.1	3.2	0.6	1.5	0.025	4.5	—	—	—
133-29	90	0.42	0.85	3.5	0.8	1.4	0.018	5.9	0.0032	0.007	0.02
133-30	95	0.07	0.7	1.4	0.6	0.9	0.025	2.8	0.004	0.018	—
133-31	90	0.08	0.24	1.5	0.48	0.63	0.013	5.8	—	—	—
133-48	90	0.35	0.9	1.1	1.8	1.8	0.04	8.0	—	0.1	—
133-49	90	0.55	0.9	1.0	1.5	1.7	0.052	6.5	—	0.008	—
133-50	90	0.25	1.0	1.2	0.9	1.3	0.016	6.5	—	0.08	—
134-14	95	0.09	0.2	0.6	0.55	0.27	0.013	2.6	—	0.035	—
134-15	95	0.2	0.7	4.5	0.9	0.95	0.027	2.2	—	—	0.025
134-16	90	0.2	0.45	2.6	1.0	1.0	0.029	2.5	0.002	0.005	—
134-17	90	0.39	1.7	5.4	0.55	0.7	0.014	3.7	—	—	—
134-18	90	0.25	0.5	2.4	1.1	0.9	0.052	5.0	—	0.042	—
134-19	85	0.45	1.2	6.5	1.1	1.8	0.13	4.4	—	0.045	—
134-22	95	0.08	0.75	0.65	0.75	0.6	0.022	1.0	—	0.0055	—
134-26	90	0.16	1.1	0.9	1.1	1.2	0.05	7.0	—	0.02	—
134-27	90	0.12	1.3	2.5	0.75	0.8	0.026	5.0	—	0.0045	—
134-28	95	0.15	0.5	0.5	0.8	0.65	0.03	0.9	—	0.0055	—
134-29	95	0.23	1.8	0.9	0.8	1.0	0.02	0.3	—	0.009	—
134-31	85	0.9	2.9	2.6	1.8	4.5	0.18	8.5	0.0055	0.35	—
134-45	90	0.07	1.5	2.5	1.2	1.0	0.28	1.3	—	—	—

Примечание. К₂O не обнаружено (чувствительность анализа 1.0%).

взяты на анализ, а из бусин брали только образцы типо-размеров из каждой нитки (табл. 1). Если исключить из состава обнаруженную в предметах медь (до 6—8%), попавшую туда уже после захоронения от близлежащих бронзовых предметов, то средний состав всех изделий из фаянса будет таким: SiO₂ — 90—98%; Al₂O₃ — 0.3—2.0; Fe₂O₃ — 0.5—2.0; CaO — 0.3—3.0; MgO — 1.0—5.0; Na₂O — 0.1—1.0%. Следует отметить, что состав всех типов предметов практически одинаков. Вероятно, первоначально содержание натрия в фаянсовых предметах было большим (2—5%), но в процессе патиныции значительная часть его утрачена или замещена кальцием либо магнием, что не привело к существенному изменению прочности предметов.

В отличие от египетских предметов из древнего фаянса, которые покрывались глазурью, исследованные нами вещи, по-видимому, ее не имели, ибо ни на одной из них не обнаружено ни малейших следов та-

кого покрытия, хотя в сущности тонкий слой глазури в процессе патинизации мог полностью исчезнуть. На подобную возможность указывают Дж. Стоун и Л. Томас, предполагая, что «имеет место разрушение глазури в результате корродирующего воздействия почвы, кварцевая же сердцевина остается невредимой» [Stone, Tomas, 1956, p. 38].

Предметы из стекла

Все стеклянные предметы подверглись патинизации, причем многие из них, особенно небольшие (бусины и пр.), патинизировались полностью, а остальные — на глубину 1—3 мм. У тех предметов, у которых сохранилась стеклянная сердцевина, анализировались стекло и патина на нем, хотя в табл. 2 приводится только результат анализа стеклянной части. В случае полной патинизации стекла дается анализ патины. Исследование результатов анализа пар стекло—патина показывает, что в процессе патинизации щелочного стекла происходит почти полная потеря натрия и калия, уходит значительная часть кальция, некоторая

Таблица 2
Результаты полного количественного спектрального анализа (%)

Шифр лабораторий	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	Mn ₂ O ₃	TiO ₂	CuO	PbO	Sn	Sb
Предметы из стекла												
133-21	>10	2.5	9.0	3.0	0.32	0.85	0.012	0.023	1.0	—	—	—
133-23	>10	—	13.0	4.0	0.9	2.2	0.025	0.05	2.0	0.0035	—	—
133-32	>10	4.2	16.0	3.2	0.9	2.3	0.06	0.027	2.5	—	—	—
133-34	>10	3.2	15.0	5.5	0.6	3.2	0.032	0.038	1.8	—	—	0.65
133-37	1.1	—	1.2	20.0	2.7	4.0	0.28	0.06	5.0	—	0.007	—
133-38	1.5	—	2.8	18.0	1.8	4.5	0.07	0.04	4.6	0.0055	0.005	—
133-39	1.2	—	1.5	25.0	1.8	5.0	0.28	0.06	0.42	—	—	—
133-41	>20	4.7	17.0	5.5	0.85	2.8	0.05	0.05	3.3	—	—	0.045
133-44	0.75	—	0.5	25.0	2.0	4.0	0.06	0.06	5.0	—	—	—
133-45	0.5	—	0.3	27.0	2.9	4.0	0.1	0.1	5.5	—	0.006	—
133-46	>10	4.5	12.0	8.0	1.1	3.2	0.045	0.045	2.5	—	—	—
134-13	1.6	—	0.9	15.0	0.7	1.4	0.046	0.045	2.4	0.0035	0.0055	—
134-21	0.9	—	0.4	>20	1.4	1.3	0.044	0.04	2.5	0.0035	0.013	—
134-23	1.8	—	1.3	12.0	2.0	4.5	0.15	0.13	2.2	—	—	0.5
134-30	1.2	—	3.0	>20	2.4	2.8	0.055	0.13	6.0	0.004	0.009	3.5
134-48	0.06	—	0.27	4.0	0.28	0.13	—	—	0.6	—	—	—
Предметы из природных материалов												
133-43	0.31	—	25.0	2.0	0.9	2.0	0.023	0.04	0.6	—	0.006	—
133-36	0.7	—	4.5	20.0	1.1	2.4	0.1	0.04	0.25	—	0.042	0.9
134-25	—	—	90	—	0.16	0.22	—	—	0.004	—	—	—
134-46	1.8	—	25.0	2.7	6.0	15.0	0.09	2.0	0.025	—	0.25	—
134-47	—	—	—	—	60	0.35	—	—	0.006	—	—	—

Примечание. В образце 133-43 содержится 11% SiO₂, остальное — органика (смола). В других пробах содержание SiO₂ не определялось и его можно высчитать по разности.

часть алюминия. С другой стороны, в патине накапливаются магний и отчасти железо, вероятно, из грунтовых растворов. Во всех предметах с сохранившейся серединой цвет стекла бирюзовый (1—3.3% Cu). При патилизации, по-видимому, содержание меди в стекле и патине не меняется, поэтому по содержанию меди в патине предметов, полностью патилизированных, можно предположить, что они все были окрашены в бирюзовый цвет.

Тип стекла можно определить как Si—Na(K)—Ca(Mg)—(Al). Состав шихты по приготвлению песка: песок—сода—известняк. Высокое содержание Na_2O (15—25%) и малое K_2O (5%) говорит в пользу использования золы растений с преобладанием натрия, что характерно для стекла, сваренного по восточному рецепту.

Предметы из природных материалов

Кроме предметов из стекла анализировались и предметы из природных материалов (табл. 2): одна черная бусина из смолы в смеси с толченым известняком или гипсом; белая бусина из прокаленного стеатита (другое название — тальк, мыльный камень); обломок крупной бусины из белого мрамора; несколько бусин из слабообожженной глины серого цвета; две бусины из пирита (FeS_2).

АНАЛИЗ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МЕТАЛЛА

Все предметы из благородного и цветного металлов были подвергнуты количественному спектральному анализу (табл. 3, 4).

Во многих случаях предметы из бронзы были покрыты толстым слоем патины, а иногда весь металл превращен в окисел. В этих случаях ана-

Таблица 3

Результаты количественного спектрального анализа предметов из золота и серебра (%)

Шифр лабораторий	Предмет	Ag	Au	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Bi	Ni	Co	Fe
127-21	Кольцо	47	20	32	—	—	0.05	0.02	0.055	0.008	—	—
127-22	»	33	19	47	—	—	0.05	0.018	0.04	0.003	—	—
127-23	»	71	9	18	—	1.5	0.07	0.012	0.11	0.003	—	0.07
127-24	»	76	5.5	15.5	0.11	3.0	0.04	0.011	0.13	—	—	—
127-27	»	30	67	2.8	—	—	0.12	—	0.05	—	—	—
127-28	»	36	61	3.6	—	—	0.12	—	0.04	—	—	—
127-29	»	19	74	6.8	—	0.013	0.06	—	0.032	0.002	—	—
127-30	»	15	46	39	0.15	0.075	0.14	—	0.048	0.002	—	0.07
145-41	Серьга	68	2.2	27	0.1	2.4	0.9	0.09	0.22	0.013	—	0.02
145-44	»	78	4.5	15	0.35	0.8	0.9	0.009	0.24	0.008	—	0.02
146-46	Височное кольцо	95	—	0.8	1.9	0.018	1.8	0.14	—	0.025	—	—

Примечание. Содержания главных компонентов — серебра, золота и меди — определялись методом взаимного стандарта.

Таблица 4

Результаты количественного спектрального анализа предметов из бронзы и меди (%)

Шифр лабора- тории	Памят- ник	Моги- ла	Предмет	As	Sn	Pb	Bi	Sb	Ag	Fe	Ni	Co
143-43	С-I	85	Наконечник стрелы	0.43	0.3	0.06	—	—	0.0018	0.24	0.004	—
143-44	»	1	То же	4.0	4.5	0.11	—	0.016	0.0003	0.8	0.006	—
143-46	»	11	»	1.7	7.5	0.4	0.035	0.12	0.5	0.03	0.06	0.007
146-11	»	108	»	1.9	3.8	5.0	—	0.28	0.003	0.7	0.02	—
146-12	»	108	»	1.4	0.045	0.04	—	0.019	0.009	1.2	0.007	—
146-13	»	108	»	0.4	0.012	0.14	—	—	0.04	0.55	0.007	—
146-14	»	108	»	0.65	0.05	0.21	—	—	0.0009	0.35	0.014	—
146-18	»	115	»	0.6	1.8	0.2	0.004	0.017	0.0017	0.06	0.006	—
146-34	»	145	»	0.28	0.6	0.06	—	—	0.04	0.18	0.025	—
146-35	»	158	»	0.8	8	0.07	0.005	0.075	0.005	0.08	0.055	0.009
146-36	»	180	»	2.5	0.18	0.05	—	0.13	0.2	0.18	0.025	—
146-41	»	180	»	1.0	0.017	0.08	—	0.016	0.0013	0.75	0.011	—
145-20	П-I	19	»	0.9	0.003	0.055	0.006	—	0.1	0.4	0.004	—
145-21	»	6	»	0.75	2.9	1.2	0.04	0.14	0.3	0.02	0.03	—
145-22	»	17	»	0.65	0.006	0.02	0.01	0.014	0.001	0.07	0.005	—
145-23	»	17	»	0.85	0.1	0.016	—	1.5	0.0018	0.13	0.005	—
145-25	»	19	»	1.1	3.5	1.4	0.025	0.03	0.007	0.1	0.025	—
145-24	»	25	Наконечник дротика	0.25	0.016	0.012	—	—	0.007	0.35	0.018	—
145-27	»	6	То же	0.5	0.003	—	—	—	0.0005	0.75	0.007	—
146-49	П-II	20	Наконечник копья	0.39	13	0.08	0.04	0.018	0.004	0.06	0.01	0.011
143-47	С-I	22	То же	0.65	0.005	—	—	—	0.008	0.32	0.008	—
143-48	»	22	»	0.33	2.8	0.22	0.013	0.12	0.008	0.03	0.025	—
146-16	»	115	»	1.1	25	0.8	0.03	0.028	0.13	0.05	0.04	—
146-20	»	119	»	0.6	14	0.8	0.01	0.02	0.0008	0.1	0.4	0.06
146-17	»	133	Кинжал	1.9	0.01	0.03	—	0.013	0.0025	0.32	0.012	—
143-41	»	101	Нож	1.7	0.004	0.02	—	—	0.008	0.9	0.007	—
143-45	»	89	»	0.26	1.8	0.04	—	0.01	0.025	0.04	0.005	—
146-31	»	178	»	0.33	4	0.18	0.009	0.11	0.0009	0.22	0.022	—
143-36	»	100	Нож-резак (?)	0.55	2.4	0.11	—	0.1	0.0009	0.1	0.045	—
146-19	»	115	То же	2.0	0.35	0.09	—	—	0.0075	0.35	0.015	—
143-49	»	130	Спица	1.8	6	0.28	0.006	0.034	0.03	0.07	0.05	0.006
143-50	»	140	»	0.8	5.5	0.27	0.005	0.045	0.002	0.4	0.03	0.008

Таблица 4 (продолжение)

Шифр лабора- тории	Памят- ник	Могил- ла	Предмет	As	Sn	Pb	Bi	Sb	Ag	Fe	Ni	Co
144-11	С-I	140	Спица	2.2	6	0.01	0.005	0.05	0.009	0.3	0.12	0.007
144-12	»	139	»	0.65	6.5	0.01	0.004	0.035	0.006	0.24	0.055	0.005
144-13	»	125	»	6.2	0.07	0.02	—	0.023	0.05	0.42	0.04	—
144-15	»	125	»	1.2	0.65	0.01	0.011	0.02	0.05	0.6	0.045	—
144-20	»	125	»	6.4	0.02	0.02	—	0.022	0.015	0.65	0.045	—
144-17	»	140	»	1.9	4	0.02	0.005	0.13	0.05	0.04	0.13	0.006
147-19	»	140	»	5.0	0.75	0.01	—	0.029	0.05	0.6	0.065	—
144-22	»	75	»	3.5	18	2.0	0.024	0.32	0.05	0.06	0.5	0.035
147-16	»	110	»	0.9	0.9	0.06	—	0.019	0.0005	0.36	0.005	—
147-17	»	110	»	0.9	1.3	0.1	—	0.023	0.016	0.48	0.012	—
142-43	П-I	13а	»	6.5	0.004	0.025	—	0.033	0.02	2.5	0.033	0.007
142-45	»	136	»	1.5	2.4	0.1	0.008	0.035	0.01	0.14	0.032	—
144-28	С-I	110	Игла	2.6	9	0.7	—	0.24	0.05	1.1	0.09	0.007
146-32	»	159	»	1.5	20	0.48	0.018	0.032	0.2	0.06	0.035	—
146-28	»	159	»	1.4	17	0.4	0.022	0.035	0.05	0.1	0.03	—
147-15	»	125	»	0.7	0.017	0.03	—	—	0.0025	0.36	0.003	—
146-39	»	146	Спица	0.4	1.3	0.28	0.006	0.05	0.0055	0.13	0.016	—
146-40	»	146	»	0.6	1.4	0.18	0.006	0.065	0.0055	0.05	0.025	—
147-28	»	16	Ковровый нож	1.5	4.5	0.12	0.01	0.22	0.1	0.23	0.03	—
147-39	»	16	То же	1.5	0.08	0.55	0.017	0.065	0.08	0.04	0.016	—
147-35	»	26	»	1.6	0.9	0.1	0.005	0.024	0.0002	0.06	0.009	—
147-44	»	50	»	0.26	0.5	0.05	—	—	0.002	0.13	0.004	—
147-45	»	50	»	0.8	1.9	0.07	0.006	0.017	0.006	0.07	0.009	—
147-36	»	75	»	3.3	0.009	0.03	—	0.017	0.025	0.12	0.01	—
147-40	»	75	»	0.85	1.8	0.05	0.008	0.02	0.0004	0.05	0.01	—
147-41	»	75	»	0.42	0.18	0.02	—	0.015	0.007	0.05	0.018	—
147-42	»	116	»	0.6	2.8	0.06	—	0.035	0.04	0.12	0.018	0.011
147-43	»	116	»	0.8	2.4	0.04	—	0.03	0.005	0.1	0.01	—
143-26	П-I	14	»	0.22	0.03	0.36	0.008	0.014	0.006	0.05	0.045	—
143-28	»	11	»	2.2	0.55	0.85	0.013	0.013	0.007	0.35	0.018	—
143-23	С-I	110	Стержень от веретена	1.3	2.3	0.07	0.004	0.038	0.04	—	0.06	0.007
143-24	»	110	То же	0.55	3.0	0.24	0.008	0.09	0.05	0.03	0.075	—
144-24	»	110	»	1.4	0.007	—	—	—	0.05	0.16	0.007	—

Таблица 4 (продолжение)

Шифр лабора- тории	Памят- ник	Моги- ла	Предмет	As	Sn	Pb	Bi	Sb	Ag	Fe	Ni	Co
145-33	С-I	49	Диадема	1.8	20	0.35	0.014	0.045	0.0018	0.17	0.05	0.011
146-38	»	168	Наручная пластина	0.48	3.2	0.08	0.005	0.035	0.0008	0.14	0.03	0.01
145-35	»	10	Височное кольцо	0.9	13	0.75	0.03	0.055	0.0025	0.03	0.03	0.005
145-38	»	16	То же	5.0	1.4	0.03	—	0.02	0.04	0.45	0.15	0.005
145-40	»	28	»	—	18	0.02	0.01	—	0.004	—	—	—
145-37	»	33	»	—	15	0.01	0.009	0.014	0.04	0.16	0.003	—
145-34	»	49	»	1.6	15	0.24	0.01	0.034	0.0007	0.2	0.035	0.008
145-36	»	49	»	0.14	11	0.08	0.014	—	0.03	0.35	0.003	—
145-42	»	49	»	1.3	15	0.6	0.021	0.25	0.2	0.02	0.045	0.006
147-20	»	116	»	0.7	5.5	0.06	0.007	0.018	0.004	0.3	0.005	—
147-21	»	116	»	0.2	14	0.07	0.013	0.12	0.0014	0.22	0.2	0.02
147-29	»	116	»	0.46	0.03	0.05	—	0.018	0.005	0.7	0.004	—
147-30	»	116	»	0.25	13	0.08	0.011	0.12	0.003	0.33	0.15	0.018
147-23	»	125	»	2.3	8	0.08	0.01	0.022	0.015	0.28	0.01	—
147-24	»	125	»	1.4	5.5	0.3	0.008	0.025	0.035	0.36	0.007	—
147-25	»	125	»	0.8	0.03	0.05	—	0.019	0.002	0.75	0.006	—
147-26	»	125	»	3.2	0.014	0.02	—	0.02	0.009	0.5	0.013	—
147-19	»	140	»	1.1	4	0.22	0.005	0.024	0.025	0.41	0.005	—
147-22	»	140	»	1.0	0.014	0.03	—	—	0.005	0.35	0.004	—
146-43	»	164	»	1.0	14	0.85	0.014	0.75	0.007	0.06	0.15	0.01
146-45	»	167	»	0.4	5	0.1	—	0.055	0.0025	0.07	0.003	—
146-44	»	Вне	»	0.55	1.2	0.08	—	0.02	0.02	0.26	0.008	—
		МОГИ- ЛЫ										
142-50	П-I	11	»	—	23	0.4	0.012	0.016	0.04	0.07	0.003	—
145-32	»	11	»	—	13	0.5	0.011	0.013	0.15	0.45	0.003	—
147-47	С-I	111	Кольцо-серьга	0.65	18	0.15	0.01	0.16	0.0035	0.13	0.16	0.021
147-48	»	124	То же	0.35	21	3.6	0.006	0.028	0.06	0.03	0.013	—
147-49	»	124	»	0.65	12	10	—	0.02	0.013	0.16	0.012	—
146-26	»	146	»	0.38	23	0.48	0.03	0.03	0.003	0.4	0.11	0.025
146-27	»	146	»	0.6	9	0.75	0.014	0.025	0.0005	0.6	0.01	—
146-33	»	147	»	1.0	5	0.04	0.006	—	0.006	0.04	0.008	—
145-30	П-I	11	»	0.48	0.008	0.08	—	0.018	0.6	0.16	0.023	—
143-31	»	25	»	—	0.002	0.5	—	—	0.02	—	0.004	—

Таблица 4 (продолжение)

Шифр лабора- тории	Памят- ник	Моги- ла	Предмет	As	Sn	Pb	Bi	Sb	Ag	Fe	Ni	Co
147-46	С-I	115	Браслет	1.0	9	1.1	0.026	0.22	0.025	0.55	0.028	—
147-12	»	116	»	0.7	7.5	0.13	0.01	0.16	0.005	0.25	0.15	0.015
146-24	»	144	»	0.5	11	0.06	0.006	0.015	0.0003	0.06	0.02	—
146-25	»	144	»	0.15	10	0.06	0.01	0.025	0.0045	0.09	0.009	—
146-47	»	176	Браслет пластинчатый	0.14	7.5	0.06	0.007	0.08	0.03	0.13	0.04	—
147-11	П-I	14	Браслет широкий	1.5	1.0	0.04	0.005	—	0.0014	0.09	0.007	—
142-17	С-I	4	Булавка	0.85	6	3.0	0.018	0.16	0.007	0.05	0.04	0.007
142-15	»	6	»	0.75	14	0.45	0.02	0.035	0.011	0.055	0.021	0.01
142-21	»	6	»	0.48	6	0.26	0.006	0.013	0.009	0.09	0.01	—
142-35	»	6	»	2.5	14	0.2	0.014	0.21	0.07	0.06	0.08	0.012
142-36	»	6	»	2.5	16	0.13	0.009	0.2	0.05	0.06	0.08	0.014
142-18	»	10	»	2.5	12	0.19	0.008	0.09	0.13	0.05	0.09	0.01
142-34	»	16	»	1.4	6.4	0.16	0.035	0.055	0.5	—	0.05	0.01
142-38	»	16	»	2.5	15	0.28	0.07	0.1	0.1	0.14	0.065	0.011
142-23	»	20	»	0.45	15	0.5	0.008	0.018	0.0003	0.06	0.009	—
142-28	»	20	»	1.0	7	0.09	0.008	0.03	0.002	0.13	0.015	—
142-27	»	33	»	1.9	8.5	0.12	0.007	0.055	0.03	0.14	0.05	0.01
142-29	»	34	»	1.5	8.3	0.13	0.013	0.06	0.03	0.06	0.055	0.01
142-20	»	34/35	»	0.8	6.5	0.22	0.014	0.029	0.007	0.12	0.04	0.008
142-13	»	49	»	0.48	1.8	0.13	—	0.026	0.0015	0.7	0.011	—
142-25	»	49	»	0.8	1.1	0.65	0.003	0.013	0.006	0.06	0.005	—
142-16	»	53	»	0.75	—	0.015	—	—	0.0013	0.26	0.004	—
142-22	»	75	»	1.1	16	0.65	0.007	0.13	0.022	0.06	0.1	0.018
142-11	»	85	»	0.33	10	0.19	0.009	0.055	0.2	0.18	0.013	0.01
142-12	»	?	»	0.14	1.3	1.0	—	—	0.006	0.05	0.014	—
142-14	»	»	»	0.29	1.7	0.08	—	0.016	0.0004	0.17	0.01	—
146-29	»	154	Булавка с рифленой головкой	0.4	0.1	0.02	—	—	0.003	1.1	0.013	—
146-42	»	154	То же	0.42	0.065	—	—	—	0.004	0.27	0.009	—
142-33	С-II	4	Булавка	0.9	3.0	4.0	0.018	0.075	0.1	0.13	0.028	—
142-31	»	6	»	1.3	7.5	0.28	0.01	0.016	0.01	0.38	0.014	—
142-32	»	6	»	0.65	1.3	0.08	—	—	0.003	0.75	0.006	—
143-33	П-I	14	»	0.5	2.8	0.4	0.02	0.09	0.03	0.23	0.01	—

Таблица 4 (продолжение)

Шифр лабора- тории	Памят- ник	Могил- ла	Предмет	As	Sn	Pb	Bi	Sb	Ag	Fe	Ni	Co
143-34	П-I	14	Булавка длинная	0.42	3.6	0.5	0.018	0.022	0.015	0.6	0.009	—
145-48	С-I	76	Бляха нашивная	0.12	8	1.5	0.014	0.11	0.0055	0.38	0.1	0.015
145-47	»	101	То же	2.8	5	0.2	0.008	0.013	0.002	0.17	0.005	—
146-24	»	115	»	1.1	12	0.48	0.022	0.12	0.006	0.07	0.025	—
146-30	»	158	»	0.14	2.1	0.02	—	0.021	0.0003	0.09	0.005	—
145-43	С-II	6	»	0.45	13	0.26	0.035	0.028	0.009	0.08	0.004	—
142-49	П-I	6	»	2.0	9	0.45	0.012	0.04	0.04	0.27	0.05	0.01
145-17	»	11	»	1.6	3.5	0.09	0.005	0.03	0.0025	0.05	0.045	0.007
145-19	»	11	Бляшка	0.75	9	0.06	0.008	0.013	0.025	0.06	0.005	—
145-29	»	11	»	0.49	12	0.11	0.011	0.2	0.0018	0.6	0.04	0.006
143-30	»	14	»	0.5	2.2	0.28	0.008	0.025	0.0015	0.55	0.007	0.009
143-29	»	14	Бляха	1.8	6.3	0.17	0.012	0.015	0.02	0.18	0.01	—
145-28	»	7	Серьги трехбусинные	0.28	13	0.025	0.006	0.55	0.005	0.17	0.05	0.005
142-47	»	13а	То же	0.22	3.8	10	0.007	0.02	0.002	0.45	0.006	—
142-48	»	13б	»	0.18	13	10	0.014	0.45	0.009	0.35	0.025	—
147-32	С-I	53	Бусина	2.6	25	0.8	0.45	7.0	0.3	0.07	0.016	0.014
147-33	»	53	»	3.4	25	1.0	0.55	6.5	0.3	0.1	0.02	0.018
142-41	»	144	»	0.42	9.5	0.07	0.005	0.055	0.03	0.12	0.045	0.01
147-14	»	140	Флакон	1.5	0.09	7	0.045	0.017	0.03	0.6	0.025	—
143-37	»	14	Пластинка нагубная	1.1	2.8	0.13	0.004	0.023	0.002	0.18	—	—
143-38	»	59	То же (обломок)	2.0	4	0.13	0.003	0.026	0.0025	0.04	0.021	—
146-15	»	108	Клин от булавы	0.6	4	0.05	0.006	0.032	0.0015	0.22	0.007	—
146-22	»	115	Стрелка (?)	0.63	0.016	0.02	—	—	0.05	0.09	—	—
147-18	»	16	Пронизка	1.9	25	0.45	0.4	2.3	0.25	0.3	0.022	—
143-39	»	4	Неопределенный предмет	0.25	9	0.04	0.013	0.022	0.006	0.33	0.006	—
143-40	»	33	То же	1.7	2.8	0.1	0.003	0.045	0.0025	0.04	0.032	—
145-49	»	48	»	0.1	14	0.03	0.013	0.026	0.0022	0.27	0.15	0.009
145-51	»	49	»	0.6	1.8	0.02	0.005	—	0.0055	0.1	0.003	—
145-50	»	97	»	2.3	16	0.8	0.023	0.07	0.05	0.06	0.1	0.004
144-26	»	110	»	1.3	9	0.22	—	0.3	0.05	1.1	1.0	0.25
146-48	П-I	?	»	—	23	0.8	0.02	0.018	0.4	0.08	0.003	—

Примечание. Во всех образцах основу сплава составляет медь.

Таблица 5

Распределение бронзовых предметов по типам сплава

Категория предметов	Чистая медь (Sn < 0.7%)	Бронза	
		Sn ≤ 5%	Sn > 5%
Оружие	14	5	6
Орудия			
ножи	7	8	8
спицы, иглы	8	9	—
Итого . . .	29 (44%)	22 (34%)	14 (22%)
Украшения			
височные кольца	4	3	15
серьги, бусы	2	—	13
булавки	3	7	17
бляхи, браслеты	—	5	14
Итого . . .	9 (11%)	15 (18%)	59 (71%)
Другие предметы	1 (8%)	5 (42%)	6 (50%)
Всего . . .	39 (24%)	42 (26%)	79 (50%)

низировался окисел меди красного цвета — Cu_2O (куприт). Как показали специальные исследования, проделанные в лаборатории ЛОИА, состав куприта практически мало отличается от состава меди, из которой он образовался. Поэтому в тех случаях, когда нельзя было отобрать на анализ пробу из металла, анализировалась проба из куприта с пересчетом на чистый металл. Последующая стадия перехода куприта в гидроокисные и карбонатные соединения зеленого цвета, такие как малахит, лазурит и др., сопровождается существенным изменением состава с потерей многих элементов-примесей. Следовательно, анализ окислов зеленого цвета может дать только качественные результаты, отчего мы его не используем.

Изучение состава проанализированных образцов показывает, что основным легирующим компонентом медных сплавов является олово. Нами была сделана попытка обнаружить связь между содержанием олова в сплаве и назначением предмета. В металле были выделены два типа сплава: чистая медь с содержанием олова меньше 0.7% и два вида оловянных бронз (в одном — больше 5% олова в сплаве, в другом — меньше). Все предметы были разделены на три категории. В табл. 5 приводятся результаты классификации предметов по категориям и типам сплавов. Из нее видно, что в первой категории (орудия, оружие) преобладают предметы из меди и с малым содержанием олова — всего 78%. Во вторую категорию (украшения), наоборот, попали предметы с высо-

ким содержанием олова — 71%. Это объясняется, очевидно, тем, что высокооловянистые сплавы выглядят более декоративно, особенно в полированном виде, меньше окисляются. При изготовлении орудий и оружия большее значение имеет ковкость металла с низким содержанием легирующего компонента.

В девяти предметах обнаружено высокое содержание свинца. Его добавка не придает каких-то особых свойств сплаву по сравнению с оловом. По-видимому, в эпоху бронзы при изготовлении бронзовых сплавов часто путали олово и свинец в виде чистых металлов, отчего иногда вместо олова и вместе с ним в медь добавляли свинец.

Сложнее выяснить причину появления в меди относительно высоких содержаний мышьяка. Известно, что медным рудам сопутствуют медно-мышьяковистые минералы типа блеклых руд. При выплавке меди мышьяк попадает в металл. Поэтому мы не выделяем отдельного типа мышьяковистых бронз, ибо в эпоху оловянной бронзы мышьяк как легирующий компонент теряет свою роль.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П.* К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства. — В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1976, с. 40—46.
- Аскарлов А.* Сапаллитеп. Ташкент, 1973. 171 с.
- Аскарлов А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. 230 с.
- Аскарлов А.* К передатировке культуры Заманбаба. — В кн.: Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981, с. 99—110.
- Атагарриев Е., Лисицына Г. Н.* Работы над составлением археологической карты Мешед-Мисрианской равнины—Чатского массива. — КД, 1970, вып. 3, с. 166—183.
- Атагарриев Е., Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Работы на Мешед-Мисрианской равнине в 1971 г. — КД, 1977, вып. 5, с. 92—110.
- Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976. 250 с.
- Вулли Л.* Ур халдеев. М., 1961. 254 с.
- Ганялин А. Ф.* Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. — ИАН ТССР, 1953, № 5, с. 14—19.
- Ганялин А. Ф.* Теккем-Тепе (раскопки 1952—1953 гг.). — ТИИАЭ АН ТССР, 1956а, вып. 2, с. 67—86.
- Ганялин А. Ф.* Погребения эпохи бронзы у селения Янги-Кала. — ТЮТАКЭ, 1956б, т. 7, с. 374—384.
- Горбунова Н. Г.* Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом. — АСГЭ, 1971, вып. 13, с. 73—93.
- Грач А. Д.* Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя. — В кн.: Социальная история народов Азии. М., 1975, с. 158—182.
- Грязнов М. П.* Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. — КСИИМК, 1953, вып. 50, с. 137—148.
- Гулямов Я. Г.* Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. — ТИИА АН УзССР, 1956, вып. 8, с. 142—161.
- Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966. 265 с.
- (Долуханов П. М.) Dolukhanov P. M.* Paleogeography and prehistoric settlements in Caucasus and in Central Asia during the pleistocene and holocene. — Ann. dell'Inst. Orient. di Napoli, 1980, vol. 40, p. 49—87.
- Дудин С. М.* Ковровые изделия Средней Азии. — Сб. МАЭ, 1928, т. 7, с. 71—166.
- Дьяконов И. М.* Введение. — В кн.: Мифологии Древнего мира. М., 1977, с. 5—54.
- Иванов В. В.* Об одном типе архаических знаков искусства и пиктографии. — В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 105—147.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. 343 с.
- Итига М. А.* Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. — МХЭ, 1961, вып. 5, с. 3—96.

- Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977. 237 с.
- Кесъ А. С., Лисицына Г. Н. Древние оросительные сооружения Юго-Западной Туркмении (по материалам работ 1969—1971 гг.). — СА, 1975, № 1, с. 118—135.
- Кесъ А. С., Костюченко В. П., Лисицына Г. Н. История заселения и древнее орошение Юго-Западной Туркмении. М., 1980. 125 с.
- Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977. 86 с. (САИ; В2-5).
- Комаровская Ф. Г., Панарин С. А. Химический состав металлических изделий из памятников архаического Дахистана. — КД, 1970, вып. 3, с. 195—204.
- Костюченко В. П., Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Бенгувацкий оазис поселений времени архаического Дахистана. — КД, 1972, вып. 4, с. 56—65.
- Кузьмина Е. Е. Могильник Заман-Баба. — СЭ, 1958, № 2, с. 24—33.
- Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М., 1966. 150 с. (САИ; В4-9).
- Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасаба. М., 1977. 142 с.
- Леонова Н. В., Смирнов Ю. А. Погребение как объект формального анализа. — КСИА, 1976, вып. 148, с. 16—23.
- Лисицына Г. Н. О работах в Юго-Западной Туркмении. — УСА, 1972, вып. 1, с. 55—56.
- Лисицына Г. Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978. 236 с.
- Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Тильки-Тепе и некоторые вопросы палеогеографии Юго-Западной Туркмении. — КСИА, 1972, вып. 132, с. 3—11.
- Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958. 745 с.
- Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968. 182 с. (МИА; № 145).
- Марущенко А. А. Археологические открытия последних лет в Туркменистане. — Изв. ТГНИИ, 1935, № 1, с. 14—17.
- Марущенко А. А. Анау. Историческая справка. — В кн.: Архитектурные памятники Туркменистана. М.; Ашхабад, 1939, вып. 1, с. 101—103.
- Марущенко А. А. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. — ТИИАЭ АН ТССР, 1959, вып. 5, с. 110—122.
- Масимов И. С. Новый оазис бронзы в низовьях р. Мургаб. — АО 1975 г., 1976, с. 550.
- Массон В. М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. — ТЮТАКЭ, 1956а, т. 7, с. 385—457.
- Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. — ТЮТАКЭ, 1956б, т. 7, с. 291—373.
- Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959. 211 с. (МИА; № 73).
- Массон В. М. Кара-Депе у Артыка. — ТЮТАКЭ, 1961, т. 10, с. 319—463.
- Массон В. М. На пороге раннеклассового общества. Оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н. э. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966, с. 179—192.
- Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3, с. 165—190.
- Массон В. М. Раскопки на Алтын-Депе в 1969 г. Ашхабад, 1970. 42 с. (МЮТАКЭ; Вып. 3).
- Массон В. М. Раскопки погребального комплекса на Алтын-Депе. — СА, 1974, № 4, с. 3—22.
- Массон В. М. Алтын-Депе. Л., 1981. 175 с. (ТЮТАКЭ; Т. 18).
- Массон М. Е. Силуэты Сумбарского района. — Туркменоведение, 1931, № 3—4, с. 53—56.
- Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ. — ТЮТАКЭ, 1955, т. 5, с. 197—219.
- Махова Е. И., Черкасова Н. В. Орнаментированные изделия из войлока. — В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М., 1968, с. 13—30. (ТКАЭЭ; Т. 5).
- Медведская И. Н. Могильник Кайтарие — новый памятник раннежелезного века Ирана. — СА, 1977а, № 1, с. 169—175.

- Медведская И. Н. Об «иранской» принадлежности серой керамики раннежелезного века Ирана. — ВДИ, 1977, № 2, с. 93—105.
- Медведская И. Н. История одной керамической формы. — В кн.: Культура Востока. Л., 1978а, с. 54—66.
- Медведская И. Н. Иран последней четверти II тыс. до н. э. по археологическим материалам. К ранней истории иранских племен: Автореф. канд. дис. Л., 1978б. 18 с.
- Международный симпозиум по проблемам археологии Ирана и Средней Азии. — СА, 1977, № 3, с. 322—325.
- Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии. Ташкент, 1970. 255 с.
- Никольский Н. М. Культура Древней Вавилонии. Минск, 1959. 182 с.
- Обельченко О. В. Лявандакский могильник. — ИМКУ, 1961, вып. 2, с. 97—176.
- Овезов Д. М. Туркмены мурчали. — ТЮТАКЭ, 1959, т. 9, с. 135—282.
- Овезов Д. М. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад, 1976. 230 с.
- Пиотровский Б. Б., Флиттнер Н. Д. История техники древнего Двуречья. — В кн.: Очерки по истории техники Древнего Востока. М.; Л., 1940, с. 3—128.
- Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977. 182 с.
- Поляков С. П. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М., 1973. 197 с.
- Поляков С. П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980. 167 с.
- Прищепенко Л. В., Шапошникова О. С. Новые материалы для изучения керамики арханчского Дахистана. — КД, 1970, вып. 3, с. 184—194.
- Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967. 326 с.
- Пьянкова Л. Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка. — СА, 1974, № 3, с. 165—180.
- Пьянкова Л. Т. Керамика из могильника Тигровая Балка. — МКТ, 1978, вып. 3, с. 29—67.
- Раппопорт Ю. А. Из истории религии Древнего Хорезма. М., 1971. 125 с. (ТХАЭЭ; Т. 6).
- Салтовская Е. Д. О резных костяных предметах первых веков нашей эры из Ашта (Древняя Фергана). — ИАН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук, 1968, № 2, с. 107—113.
- Сарианиди В. И. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. — СА, 1959, № 2, с. 235—238.
- Сарианиди В. И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке. — КСИА, 1968, вып. 114, с. 3—9.
- Сарианиди В. И. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана. — СА, 1970, № 4, с. 19—32.
- Сарианиди В. И. Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. М., 1972а. 95 с. (МАКСА; Вып. 1).
- Сарианиди В. И. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен. — УСА, 1972б, вып. 1, с. 22—26.
- Сарианиди В. И. Вактрия в эпоху бронзы. — СА, 1974, № 4, с. 49—71.
- Сарианиди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса. — В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976а, вып. 1, с. 21—86.
- Сарианиди В. И. Южный Туркменистан в эпоху бронзы. — В кн.: Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976б, с. 82—111.
- Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977а. 168 с.
- Сарианиди В. И. Открытие страны Маргуш. — ПТ, 1977б, № 2, с. 13—17.
- Сарианиди В. И. К вопросу о культуре Заман-Баба. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 23—28.
- Сарианиди В. И. Культовый сосуд из Маргианы. — СА, 1980, № 2, с. 167—179.
- Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. 336 с.
- Соколов С. Н. Религиозная система зороастризма. — ИТН, 1963, т. 1, с. 177—186.
- Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. М.; Л., 1962. 93 с. (МИА; № 120).
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л., 1966. 300 с.
- Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976. 103 с.

- Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977. 238 с.
- Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964. 298 с.
- Тревер К. В. Гопат-шах — царь-пастух. — ТОВЭ, 1940, т. 2, с. 71—86.
- Трофимова Т. А. Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. — МХЭ, 1961, вып. 5, с. 97—146.
- Фрай Р. Н. Наследие Ирана. М., 1972. 388 с.
- Хинц В. Государство Элам. М., 1977. 92 с.
- Хлопин И. Н. Верхний слой поселения Кара-Депе. — КСИИМК, 1959, вып. 76, с. 42—49.
- Хлопин И. Н. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. Л., 1963, ч. 1. 53 с. (САИ; БЗ-8).
- Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Л., 1964. 170 с.
- Хлопин И. Н. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Л., 1969а, ч. 3. 80 с. (САИ; БЗ-8).
- Хлопин И. Н. Разведка памятников эпохи бронзы в долине Сумбара. — АО 1968 г., 1969б, с. 431—432.
- Хлопин И. Н. Этногеография державы Ахеменидов по Геродоту. — В кн.: Страны и народы Востока. М., 1969в, вып. 8, с. 278—291.
- Хлопин И. Н. Раскопки Пархай-Тепе. — АО 1969 г., 1970, с. 420—421.
- (Хлопин И. Н.) *Khlopin I. N.* Zur Lösung des Rätsels des Akes-Flusses (Her., III, 117). — OLP, 1971, N 2, p. 137—152.
- Хлопин И. Н. Раскопки в долине Сумбара. Тез. докл. на пленуме Ин-та археол. АН СССР. Ташкент, 1973а, с. 232—234.
- Хлопин И. Н. Древности долины Сумбара. — ПТ, 1973б, № 1, с. 10—17.
- (Хлопин И. Н.) *Chlopin I. N.* Denkmäler der Bronzezeit im Tal des Flusses Sumbar. — IA, 1973в, vol. 10, p. 80—93.
- (Хлопин И. Н.) *Khlopin I. N.* Ancient farmers in the Tedžen Delta. — East and West, 1974, vol. 24, N 1—2, p. 51—87.
- Хлопин И. Н. Раскопки Сумбарских могильников. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975а, ч. 1, с. 113—114.
- Хлопин И. Н. Поселение эпохи бронзы Пархай-Тепе. — КСИА, 1975б, вып. 142, с. 116—121.
- Хлопин И. Н. Погребения скифского времени в долине Сумбара. — УСА, 1975з, вып. 3, с. 51—53.
- Хлопин И. Н. Сумбарские могильники — ключ для синхронизации памятников эпохи бронзы юга Средней Азии и Ирана. — In: Le plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. Paris, 1977а, p. 143—154.
- (Хлопин И. Н.) *Chlopin I. N.* Kollektivgräber des 3./2. Jahrtausends v. u. Z. in Süd-turkmenien. — EAZ, 1977б, Bd 18, S. 385—398.
- (Хлопин И. Н.) *Khlopin I. N.* Die Reiseroute Isidors von Charax und die Oberen Satrapien Parthiens. — IA, 1977в, vol. 12, p. 117—165.
- Хлопин И. Н. О так называемых печатях (индикатор собственности или штамп?). — В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, вып. 2, с. 33—38.
- Хлопин И. Н. Из работ на Сумбарском могильнике. — УСА, 1979а, вып. 4, с. 83—84.
- Хлопин И. Н. К истокам туркменского ковроделия. — ПТ, 1979б, № 1, с. 7—9.
- Хлопин И. Н. Античные погребения на среднем течении Сумбара. — ИАН ТССР. Сер. обществ. наук, 1979в, № 3, с. 75—82.
- Хлопин И. Н. Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы. — КСИА, 1980а, вып. 161, с. 31—36.
- Хлопин И. Н. Раскопки в долине Сумбара. — АО 1979 г., 1980б, с. 467.
- Хлопин И. Н. Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии. — В кн.: Древний Восток и мировая культура. М., 1981а, с. 26—30.
- Хлопин И. Н. Происхождение и развитие катакомбных захоронений в Юго-Западной Туркмении. — В кн.: Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981б, с. 84—87.
- Хлопин И. Н. Исследования Каракалинского могильника. — АО 1980 г., 1981в, с. 469.
- (Хлопин И. Н.) *Khlopin I. N.* The Early Bronze Age Cemetery of Parkhai II: The first two seasons of Excavations, 1977—1978. — In: The Bronze Age Civilisation of Central Asia. New York, 1981г, p. 3—34.
- Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Работы Сумбарского отряда. — АО 1974 г., 1975, с. 531—532.

- Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. К происхождению комплекса Яз-Тепе I Южного Туркменистана. — СА, 1976а, № 4, с. 200—203.
- Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Раскопки Сумбарского отряда. — АО 1975 г., 1976б, с. 554—555.
- Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Могильник Сумбар I (предварительное сообщение). — ИАН ТССР. Сер. обществ. наук, 1976в, № 2, с. 83—86.
- Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Раскопки могильника Сумбар I в 1972—1973 гг. — КСИА, 1976г, вып. 147, с. 14—20.
- Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Раскопки Сумбарского могильника. — АО 1976 г., 1977, с. 555.
- Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Раскопки в долине Сумбара. — АО 1977 г., 1978, с. 550—551.
- Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Могильник Пархай II в долине Сумбара. — ИАН ТССР. Сер. обществ. наук, 1979, № 5, с. 75—81.
- Хлопин И. Н., Хлопина Л. И., Курочкин Г. Н. Раскопки в долине Сумбара. — АО 1978 г., 1979, с. 570.
- Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Могильник эпохи ранней бронзы Пархай II. — СА, 1980, № 1, с. 251—258.
- Хлопина Л. И. Новый тип посуды эпохи бронзы. — СА, 1971, № 4, с. 212—214.
- (Хлопина Л. И.) *Khlopina L. I. Southern Turkmenia in the Bronze Age. — East and West*, 1972, vol. 22, N 3—4, p. 199—214.
- (Хлопина Л. И.) *Khlopina L. I. Die Chronologie der Späten Bronzezeit in Südturkmenien. — IA*, 1977, vol. 12, p. 1—19.
- Хлопина Л. И. Намазга-Тепе и эпоха бронзы Южной Туркмении: Автореф. канд. дис. JL, 1978. 19 с.
- Чайлд В. Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952. 467 с.
- Чайлд В. Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956. 421 с.
- Шапошникова Л. В. Тайна племени Голубых гор. М., 1969. 317 с.
- Щетенко А. Я. Раскопки Намазга-Депе и Теккем-Депе. — АО 1970 г., 1971, с. 430—431.
- Щетенко А. Я. Раскопки «Вышки» Намазга-Тепе. — УСА, 1972, вып. 1, с. 52—53.
- Щетенко А. Я. Раскопки Теккем-Тепе. — АО 1972 г., 1973, с. 485.
- Arne T. J. Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm, 1945. 367 p.
- Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen. Übersetzt von F. Wolff. Strassburg, 1910. 460 S.
- Bovington C. H., Dyson R. H., Mahdavi A., Masoumi E. The radiocarbon evidence for the terminal date of the Hissar III C culture. — Iran, 1974, vol. 12, p. 195—199.
- Casal J.-M. Fouilles de Mundigak. Paris, 1961. 260 p., 185 pl. (MDAFA; T. 17).
- Contentau G., Ghirshman R. Fouilles du Tépé Giyan près de Nehavend 1931 et 1932. Paris, 1935. 144 p.
- Deshayes J. Rapport préliminaire sur les deux premières campagnes de fouille à Tureng Tépé. — Syria, 1963, t. 40, p. 85—99.
- Deshayes J. Rapport préliminaire sur les troisième et quatrième campagnes de fouille à Tureng Tépé. — IA, 1965, vol. 5, p. 83—92.
- Deshayes J. Rapport préliminaire sur la sixième campagne de fouille à Tureng Tépé. — IA, 1966, vol. 6, p. 1—5.
- Deshayes J. Tureng Tépé et la période Hissar III C. — Ugaritica, 1969a, vol. 6, p. 139—163.
- Deshayes J. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tépé, Iran. — Archaeology, 1969b, vol. 22, N 1, p. 10—17.
- Deshayes J. Rapport préliminaire sur les septième et huitième campagnes de fouille à Tureng Tépé (1967 et 1969). — Bull. of the Asie Inst. of Pahlavi Univ., 1973, p. 81—97.
- Deshayes J. La dixième campagne de fouille à Torang Tappeh (1973). — Proc. 2-nd ann. Symp. on Archaeol. Res. in Iran, 1973, 1974a, p. 128—138.
- Deshayes J. La XI-e campagne de fouille à Tureng Tépé (17 juillet—7 septembre 1975). — Paléorient, 1974b, vol. 2, fasc. 2, p. 491—494.
- Ghirshman R. Fouilles de Sialk, près de Kashan. Paris, 1939, vol. 2. 521 p., 61 pl.
- Ghirshman R. Tchoga-Zanbil (Dur-Untash). Paris, 1966, vol. 1. 136 p. (MDAI; T. 39).

- Ghirshman R.* L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens. Leiden, 1977. 88 p.
- Häusler A.* Die Bestattungssitten des Früh- und Mittelneolithikums und ihre Interpretation. — In: *Evolution und Revolution im Alten Orient und in Europa*. Berlin, 1971, S. 101—119.
- Justi F.* Der Bundehesch. Zum ersten Male herausgegeben... Leipzig, 1868. 47 S.
- Majumdar A. C.* Explorations at Sind. — *MASI*, 1934, N 48, p. 1—172.
- McCown D. E.* The Comparative Stratigraphy of Eearly Iran. Chicago, 1942. 65 p. (SAOC; N 23).
- Morgan J. de.* Mission scientifique en Perse. Paris, 1896. 302 p.
- Rostovtzeff M. I.* The Sumerian Treasure of Astrabad. — *J. of Egyptian Archaeol.*, 1919, vol. 6, pt 1, p. 3—27.
- Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937. 478 p., 79 pl.
- Stone J. F. S., Tomas L. C.* The use and distribution of Faience in Ancient East and Prehistoric Europa. — *Proc. Prehist. Soc.*, 1956, t. 22, p. 37—84.
- Tosi M.* Ceramica Iranica dell'età del ferro. Roma, 1970. 32 p.
- Vanden Berghe L.* La Nécropole de Khürvin. Istanbul, 1964. 79 p.
- Vanden Berghe L.* Recherches archéologiques dans le Luristan. — *IA*, 1973, vol. 10, p. 1—79.
- Vanden Berghe L.* Luristan. Vorgeschichtliche Bronzekunst aus Iran. Katalog der Ausstellung. München, 1981. 113 S.
- Wooley L.* The Rayal Cemetery. — In: *Ur Excavations*. New York, 1934, vol. 1—2. 604 p.
- Wulsin F.* Excavations at Tureng Tepe. — *Bull. of the Amer. Inst. for Persian Art and Archaeol., Suppl.*, 1932, vol. 2, N 1 bis, p. 1—12.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. М.
АРТ	— Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИ	— Вопросы истории. М.
ИАН ТССР	— Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
ИАН ТаджССР	— Известия Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИТН	— История таджикского народа. М.
КД	— Каракумские древности. Ашхабад.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры (впоследствии КСИА). М.
МАКСА	— Материалы к археологической карте Северного Афганистана. М.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
МКТ	— Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции. М.
МЮТАКЭ	— Материалы Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
ПТ	— Памятники Туркменистана. Ашхабад.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М., Л.
СЭ	— Советская этнография. М.
ТГНИИ	— Туркменский государственный научно-исследовательский институт. Ашхабад.
ТИИА АН УзССР	— Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Ташкент.
ТИИАЭ АН ТССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
ТКАЭЭ	— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР. М.
ТОВЭ	— Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ	— Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ЕАЗ	— Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. Berlin.
IA	— Iranica Antiqua. Leiden.
МАСI	— Memoires of the Archaeological Survey of India. Calcutta.
MDAFA	— Memoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. Paris.
MDAI	— Memoires de la délégation archéologique en Iran. Paris.
OLP	— Orientalia Lovaniensia Periodica. Louven.
SAOC	— Studies in the Ancient Oriental Civilisations. Chicago.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Могильники среднего течения Сумбара	7
Керамика и ее классификация	9
Оружие, инструменты и предметы престижности	20
Украшения	25
Органические остатки	28
Глава II. Хронология и культурная принадлежность	30
Сравнительная характеристика и анализ керамики	32
Керамика долины Сумбара и северной подгорной равнины Копетдага	32
Керамика долины Сумбара и Мешед-Мисрианской равнины	33
Керамика долины Сумбара и памятников Ирана	38
Керамика долины Сумбара и юго-восточных областей Средней Азии	43
Сравнительная характеристика вещей	46
Предметы вооружения	46
Инструменты	48
Предметы престижности	50
Украшения	53
Глава III. Происхождение сумбарской культуры	59
Глава IV. Системный анализ погребальных комплексов	71
Глава V. Занятия населения	92
Глава VI. Взаимоотношения населения	104
Глава VII. Обряд погребения и вопросы идеологии	113
Катакомба и древние верования	118
Вода в погребальном обряде	120
К истокам иранской мифологии	123
Заключение	130
Приложение 1. Материалы раскопок катакомбных могильников эпохи поздней бронзы в долине Сумбара	134
Могильник Сумбар I	137
Могильник Сумбар II	156
Могильник Пархай I	157
Таблицы I—LXIV	160
Приложение 2. В. А. Галибин. Спектральный анализ находок из Сумбарских могильников	224
Литература	235
Список сокращений	241

Игорь Николаевич Хлопин
ЮГО-ЗАПАДНАЯ ТУРКМЕНИЯ
В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

По материалам Сумбарских могильников

*Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор издательства В. Т. Бочев
Художник Г. В. Смирнов
Технический редактор Н. А. Кругликова
Корректоры Т. А. Румянцева и С. И. Семиглазова

ИБ № 20697

Сдано в набор 18.11.82. Подписано к печати
22.03.83. М-31944. Формат 70×90 1/16. Бумага № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Печ. л. 15 1/4 + 2 вкл. (1 1/4 печ. л.)=19.30 усл. печ. л.
Усл. кр.-отт. 19.30. Уч.-изд. л. 19.17. Тираж 1700.
Изд. № 8335. Тип. зак. № 1960. Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
109034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»**

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

117192 Москва, В-192, Мичуринский пр., 12.
Магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197345 Ленинград, П-345, Петрозаводская ул., 7.
Магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»,
или в ближайший магазин «Академкнига»,
имеющий отдел «Книга — почтой»:

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
- 320005 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
- 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
- 252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
- 277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
- 660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
- 443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
- 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
- 199034 Ленинград, 9 линия, 16;
- 220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
- 103009 Москва, ул. Горького, 8;
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
- 142292 Пушкино Московской обл., МР «В», 1;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
- 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
- 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

